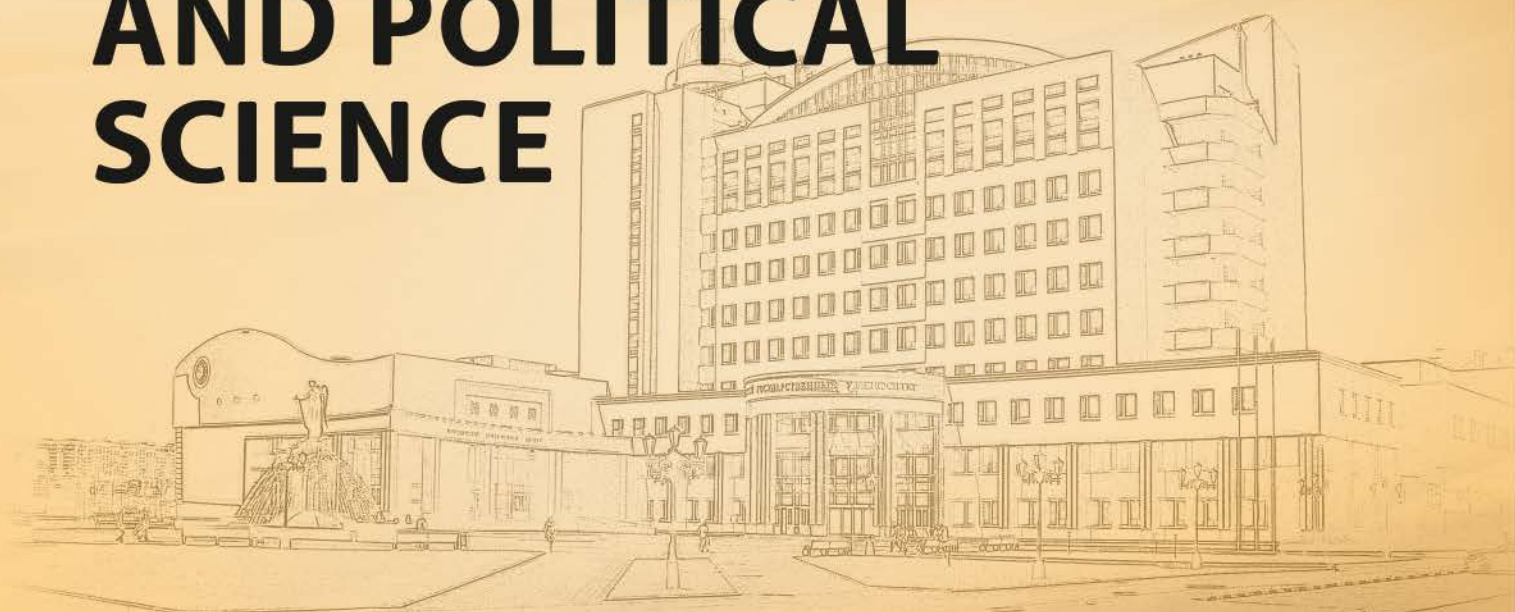

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

Том 48, № 2

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2021. Том 48, № 2

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Х.Р. Туманс, доктор истории, ассоциированный профессор кафедры археологии и истории Латвийского национального университета (Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: oponrienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 21,7. Дата выхода 30.06.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 263 **Кармазина О.В.**
О значении термина *οἱ Καρπανάοι* в трудах древнегреческих писателей
- 272 **Сухова Ж.М., Ващева И.Ю.**
Специфика городской жизни провинции Палестина в эпоху Поздней античности
- 284 **Стржалковская А.Д., Фуникова С.В.**
Оригенисты и оригенизм IV–VI вв. в истории и историографии
- 290 **Анохина Е.В., Семичева Е.А.**
Женское влияние в позднеантичном обществе по данным Аммиана Марцеллина
- 299 **Суслов Ф.А.**
Изучение личности Гипатии в зарубежной историографии
- 318 **Иваницкая Я.Ю., Немыкина Е.В., Бузанаков Ю.В.**
Арабское завоевание Антиохии и завершение позднеантичной истории города
- 328 **Никулина С.С.**
Образы визионеров и видений в «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного
- 338 **Иванов Г.Н.**
Политическое положение польского, украинского и русинского народов в конце XIX – начале XX вв.
- 349 **Шумаков А.А.**
Жизнь и эволюция идейно-политических воззрений Генри Макнила Тернера
- 359 **Гофман А.В.**
Борьба палестинцев за независимость в 1960–1980-е гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 367 **Пенской В.В.**
«Идеальный шторм»: социально-экологический кризис в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. – взгляд через призму «экологической истории»
- 383 **Губаева С.Р.**
Дворянство и духовенство в системе вертикальной социальной мобильности конца XVII – второй половины XIX века: к вопросу о причинах, побудивших «благородных» перейти в священнослужители
- 394 **Попов Е.В.**
Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов
- 405 **Громова В.В.**
Особенности формирования земельного рынка в губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов в 1860–1890-е годы
- 415 **Масленникова В.А.**
«Волнуемая стыдом и страхом»: инфантицид в Таврической губернии в русле истории повседневности Таврической губернии середины XIX – начала XX вв.
- 424 **Пахомов А.В.**
«Земельный вопрос» в Кубанской области и материальное положение казачества в конце XIX в.
- 435 **Николаева Е.В.**
«Вынужденная миграция» граждан государств-противников на начальном этапе Первой мировой войны и ее отражение на страницах российской периодической печати
- 445 **Прокофьева Е.Ю.**
Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых КМА в ЦЧО в 1930-е годы: проблемы и трудности развития. Часть 3
- 457 **Мельникова Н.В.**
Источники и приемы кадрового комплектования советского атомного проекта

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 467 **Аванесов А.Ю., Травин Р.А.**
К вопросу о подходах к анализу и типологизации российских региональных аналитических структур (на примере ЦФО)
- 477 **Вафин М.О.**
Внешняя политика Российской Федерации начала XXI вв. в контексте теории «Вызова и ответа» А.Дж. Тойнби
- 486 **Швырков А.И.**
Интеллектуалы и власть: еще один взгляд, или Аналитики и политики

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2021. Volume 48, No. 2

Previously, the journal was published under the title «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 21,7. Date of publishing: 30.06.2021. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 263 **Karmazina O.V.**
About the meaning of the term *οἱ Καμπανόι* in the ancient Greek sources
- 272 **Sukhova Zh.M., Vashcheva I.Yu.**
Specificity of urban life in the province of Palestine in the era of Late Antiquity
- 284 **Strzhalkovskaya A.D., Funikova S.V.**
Origenists and origenism in 4th – 6th cent. A. D. in history and historiography
- 290 **Anokhina E.V., Semicheva E.A.**
Female influence in Late Antique society according to Ammianus Marcellinus
- 299 **Suslov F.A.**
The study of the personality of Hypatia in foreign historiography
- 318 **Ivanitskaya Ya.Yu., Nemykina E.V., Buzanakov Y.V.**
Arabic conquest of Antioch and the end of the late ancient history of the city
- 328 **Nikulina S.S.**
Images of visionaries and visions in «*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*» by Bede the Venerable
- 338 **Ivanov G.N.**
Political status of the Polish, Ukrainian and Rusin people in the end of the XIX – beginning of the XX centuries
- 349 **Shumakov A.A.**
The life and evolution of the ideological and political views of Henry Macneal Turner
- 359 **Gofman A.V.**
Palestinian struggle for independence in 1960–1980

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 367 **Penskoy V.V.**
«Ideal storm»: social and ecological crisis in the Russian state in the 2nd half of 60s – early 70s XVI century – a look through the prism of «environmental history»
- 383 **Gubaeva S.R.**
The nobility and clergy in the system of vertical social mobility of the late XVII – second half of the XIX century: to the question of the reasons that prompted the «noble» to go to the clergy
- 394 **Popov E.V.**
Characteristics of the resettlement policy in the Russian Empire in the 60–80s of the XIX century in the context of the discourse of imperial experts
- 405 **Gromova V.V.**
Formation features of the land market in the Central Industrial Region and the central Chernozem Region from the 1860's to the 1890's.
- 415 **Maslennikova V.A.**
«Agitated by shame and fear»: infanticide in the Tauride province in the course of the history of everyday life in the Tauride province of the mid-XIX – early XX centuries
- 424 **Pakhomov A.V.**
«The land issue» in the Kuban region and the financial situation of the Cossacks at the end of the XIX century
- 435 **Nikolaeva E.V.**
«Forced Migration» of Citizens of Opposing States at the Initial Stage of the First World War and its Reflection on the Pages of the Russian Periodicals
- 445 **Prokofieva E.Yu.**
Mining operations industry of KMA on the territory of Central Black Earth Region in 1930-s: problems and difficulties of development. Part 3
- 457 **Melnikova N.V.**
Recruitment sources and techniques of the Soviet atomic project

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 467 **Avanesov A.Yu., Travin R.A.**
On the issue of approaches to the analysis and typology of Russian regional analytical structures (on the example of the Central Federal District)
- 477 **Vafin M.O.**
Foreign policy of the Russian Federation beginning XXI century in the context of the theory of «Challenge-and-Response» by A.J. Toynbee
- 486 **Shvyrkov A.I.**
Intellectuals and Power: Another Look or Analysts and Politicians

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 937.04

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-263-271

О значении термина *οἱ Καμπανοί* в трудах древнегреческих писателей

Кармазина О.В.

Воронежский государственный педагогический университет,
394004, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина 86
E-mail: olga.karmazina@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования – определить значение термина *οἱ Καμπανοί* в письменной традиции – трудах древнегреческих писателей. Автор приходит к выводу о том, что в данных произведениях мы встречаем три основных толкования термина «кампанцы». Согласно первому, это этнос, отличный от греков и самнитов, проживающий не только на равнине, но и на побережье Кампании. Второе значение термина: кампанцы – это жители города Капуи. Третье значение термина (кампанцы – все жители области Кампания) появляется в сочинениях греческих авторов уже в I в., что было связано с административной реформой Августа. В рассмотренных источниках мы не встречаем употребления термина *οἱ Καμπανοί* в значении «жители городов Кампанской лиги».

Ключевые слова: кампанцы, самниты, Капуя, оски.

Для цитирования: Кармазина О.В. 2021. О значении термина *οἱ Καμπανοί* в трудах древнегреческих писателей. Via in tempore. История. Политология, 48 (2): 263–271. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-263-271.

About the meaning of the term *οἱ Καμπανοί* in the ancient Greek sources

Olga V. Karmazina

Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh, 394004, Russia
E-mail: olga.karmazina@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine the meaning of the term *οἱ Καμπανοί* in Greek writers' works. We meet this term in Pseudo-Skilacus, Polybius, Diodorus of Siculus, Dionysius of Halicarnassus, Strabo, Pausanias, Dionysius Periegetus. The author comes to conclusion that there are three interpretations of the term «campanians» in these works. According to the first one, this is an ethnic group different from the Greeks and Samnites, living not only on the plain, but also on the coast of Campania. The second meaning of the term: campanians are residents of the city of Capua. The third meaning of the term – campanians – all inhabitants of the Campania region – appeared in Greek authors' writings in the first century and was associated with Augustus' administrative reform. In the sources reviewed, we do not find the use of the term «*οἱ Καμπανοί*» in the meaning of «residents of the cities of the Campanian League». The article also discusses the historiography of the issue.

Key words: the Campanians, the Samnites, Capua, the Osci.

For citation: Karmazina O.V. 2021. About the meaning of the term *οἱ Καμπανοί* in the ancient Greek sources. Via in tempore. History and political science, 48 (2): 263–271 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-263-271.

Введение

«(Им)... выпало на долю благодаря плодородию их страны в равной мере испытать счастье и бедствия», – так пишет о кампанцах в своем знаменитом труде Страбон (V.4.13). Это утверждение вполне справедливо, ведь область Кампания в древности не раз подвергалась экспансии со стороны различных соседних племен, так как она обеспечивала тех, кто владел ею, и богатыми урожаями, и контролем за основными торговыми путями на суше и на море. Однако и сами кампанцы нередко выступали в качестве захватчиков или пополняли ряды наемников, которые зачастую играли важную роль в ключевые для Римского государства поворотные моменты. Самый яркий и известный каждому пример – захват кампанскими наемниками мамертинцами города Мессаны на Сицилии в 288 г. до н. э., что привело к началу Ганнибаловой войны.

Термин «кампанцы» (*οἱ Καμπανοί*, *Campani*) достаточно часто встречается в трудах древнегреческих и римских писателей. В современной научной литературе его, как правило, используют в значении «жители области Кампания». Однако нужно признать, что термин «кампанцы» до сих пор не получил однозначного толкования в трудах историков.

Результаты и их обсуждение

Обратимся к историографии вопроса. В своем фундаментальном труде по истории Рима Т. Моммзен [Mommsen, 1850, S. 143] писал, что термин «кампанцы» впервые появляется в источниках в начале IV в. до н. э. Далее он поясняет: в середине V в. до н. э. упадок этрусского могущества открыл самнитам доступ на запад, в результате чего в Кампании произошло смешение их с местными племенами. Кампанские самниты под влиянием эллинской культуры очень рано стали противопоставлять себя соотечественникам, жившим в горах. Из этого можно сделать вывод, что, с точки зрения Моммзена, кампанцы – это самниты, «в незначительных размерах» смешанные с местным населением и подвергшиеся влиянию греческой культуры.

К точке зрения Т. Моммзена была близка позиция К. Белоха. В своей монографии «Кампания» [Beloch, 1964, S. 10] он отмечал, что древнее население рассматриваемой им области – аврунки, говорившие на оскском языке, были родственны самнитам, поэтому с приходом последних на Кампанскую равнину господство этрусов в этой области быстро пало, а победители и побежденные слились в один народ. Жители равнины стали, в противоположность горным самнитам, называть себя кампанцами. Их достоянием оказалась вся территория южнее реки Волтурн и получила от них новое название – Кампания. Таким образом, согласно К. Белоху, кампанцы – это население, возникшее в результате смешения аврунков, этрусов и самнитов.

Соглашаясь с мнением К. Белоха, Х. Хюльсен в статье «Кампания» [Hülßen, 1899, S. 1436], помещенной в словаре Паули, со своей стороны добавляет, что кампанский народ был объединен в Кампанский союз, а сам термин кампанцы происходит от названия города Капуя и лишь позднее был распространен на всех жителей равнины.

Ж. Эргон в книге «Исследования по истории, религии и цивилизации доримской Капуи» [Heurgon, 1942, p. 90] отмечал, что падение этрусских городов Кампании было результатом длительного периода войн и переговоров. В 437 г. до н. э. трибы самнитов преобразуются в кампанский народ (*populus Campanus*), который получает свое название от Кампанской равнины, но город Капуя еще какое-то время остается этрусским анклавом среди кампанцев. Ж. Эргон отмечает, что кампанцы не использовали имя самнитов после своего размещения на равнине, но не объясняет, почему.

Во 2-й пол. XX в. итальянские историки предложили иное толкование термина «кампанцы». Дж. П. Каррателли в труде «Italia, omnium terrarum alumna» [Carratelli, 1990, p. 43] высказал мнение о том, что кампанцы – это итальянское население, принадлежащее к группе осков. Прото-оски жили на территории современной Кампании уже в первых веках I тысячелетия до н. э. В VII в. до н. э. они были частично завоеваны, частично потеснены

греками, но в середине V в. до н. э. они вновь отвоевали различные греческие и этрусские города. От греков и этрусков оски приняли форму полиса, рано отличаясь от самнитов, родственного им народа. Термин *Campanus* в древности использовался и в узком значении как этнический компонент Капуи, и в более широком значении – как «жители городов Кампанской лиги», население которых также было в большей степени оскским, но не самнитским. Только в период империи термин «кампанцы» стал распространяться на всех жителей области Кампания.

Д. Монако [Monaco, 2002, p. 79] выразил мнение о том, что народ кампанцев – это оскское население, с которым самниты с далеких времен разделяли землю и традиции. В результате завоевания самнитами Кампании этнос этрусков был изгнан, и автохтонное население получило преимущество, город Капуя стал столицей кампанцев.

Л. Черкиаи в статье «Кампанцы: археологическая перспектива» [Cerchiai, 2014, p. 352] приходит к выводу, что кампанцы – это этническая идентичность, возникшая в результате столкновений и взаимодействия культур в период завоевания Италии. Он считает, что под кампанцами нужно понимать местное население равнины Вольтурно, которое пыталось обособиться путем политического акта (захвата власти в Капуе), но при этом миролюбиво относилось как к греческим и этрусским полисам, так и к самнитам.

Таким образом, в XIX – 1-й пол. XX вв. кампанцы отождествлялись учеными с самнитами, пришедшими в V в. до н. э. на Кампанскую равнину, в незначительной степени смешанными с жившими там ранее осками (аврунками) и этрусками. Со 2-й пол. XX в. вплоть до сегодняшнего дня в научной литературе господствует тенденция противопоставления кампанцев и горных самнитов; под кампанцами понимаются теперь оски, жившие издревле на территории равнины Волтурно и приобретшие политическую идентичность в результате борьбы различных этносов: этрусков, греков и самнитов за господство в Кампании. При этом некоторые ученые (Х. Хюльсен, Дж. П. Каррателли, Л. Черкиаи) так или иначе связывали кампанцев с городом Капуя.

Необходимо отметить, что приведенные выводы в большей степени отражают некие гипотетические построения, основанные на собственных представлениях исследователей о процессе этногенеза в Кампании. Ни один из упомянутых авторов не ставил перед собой задачу выяснить, какой смысл сами античные писатели вкладывали в понятие «кампанцы». Исключение составляет Д. Мусти. Он указывает [Musti, 1992, p. 31] на разность понимания термина «кампанцы», исходя из греческого или римского источника. С его точки зрения, греческая историография показывала складывание общности «кампанцев» как постепенный эндогенный процесс, протекавший в последней четверти V в. до н. э. Латинские авторы, напротив, очень рационально и упрощенно структурировали эти события как результат войн и политического господства одного полиса над другим.

Описанная выше историографическая дискуссия послужила причиной обращения к заявленной теме. Цель данного исследования – определить значение термина *οἱ Καμπανοί* в трудах греческих писателей.

Данный термин мы встречаем у Псевдо-Скилака (11), Полибия (I. 7–8; I. 9. 8; VII), Диодора Сицилийского (XII. 31; XX. 1. 2; XX. 4; XXVI. 17. 1), Дионисия Галикарнасского (XX. 4. 8; XXI. 3), Страбона (V. 4. 1; V. 4. 7; V. 4. 8; V. 4. 9; VI. 1–2), Павсания (Эллада В. 6. 3), Дионисия Перизгета (360). Однако нужно отметить, что он не всегда несет в контексте источника какую-либо смысловую нагрузку, поэтому я вынуждена остановиться лишь на тех отрывках, которые позволяют решить поставленную задачу, а именно на пассажах из Псевдо-Скилака, Диодора Сицилийского и Страбона. В данной статье не рассматриваются эпиграфические и нумизматические источники, а также фрагменты, касающиеся кампанских наемников на Сицилии, поскольку этот вопрос требует отдельного исследования.

При анализе греческих источников необходимо помнить о том, что в описании италийских дел эллины акцентировали внимание, прежде всего, на судьбе своих соотечественников в Великой Греции, которые, находясь в варварском окружении, с тревогой

следили за борьбой и ареалом продвижения различных племен Италии, особенно вблизи апойкий. Греческие писатели нередко выражают озабоченность «варваризацией», под которой они подразумевали влияние этрусков, самнитов и других племен Италии и которая, как они считали, грозила их соотечественникам утратой языка и своей культуры.

Первое по времени упоминание о кампанцах мы находим у Псевдо-Скилака, автора «Перипла обитаемого моря». Это сочинение – многогранная компиляция, объединяющая сведения, полученные из обширного списка писателей VI–IV вв. до н. э. от Гекатея Милетского до Феопомпа и Эвдокса [Manzo, 2002, p. 271]. Долгое время исследователи считали, что автор рассматриваемого перипла – греческий мореплаватель VI в. до н. э. Скилак Кариандский. В конце XIX в. была высказана точка зрения, согласно которой это произведение было составлено намного позже: не ранее 30-х гг. IV в. до н. э., как считал Г. Унгер [Unger, 1874, S. 30]. А. Манцо [Manzo, 2002, p. 276] предполагает еще более узкие временные рамки создания этого текста – в промежутке между 382–336 гг. до н. э. Ф.В. Шелов-Коведяев [Шелов-Коведяев, 1988, с. 255] также отмечает, что области латинов и луканов в этом источнике представлены в границах после 393 г. до н. э. Из текста видно, что перипл составлен в Афинах, но предположить имя автора невозможно. К. Мюлленгоф выдвинул гипотезу о том, что им является единственный известный афинский географ – Филей [Müllenhoff, 1892, S. 32]. Несмотря на всю значимость этого первого по времени сохранившегося перипла Средиземного моря, нужно принять во внимание, что он включает сведения, не всегда заслуживающие доверия.

Как и другие периплы, сочинение Псевдо-Скилака содержит не только описание берегов, но также сведения о проживающих на побережье народах с указанием границ их поселения. Среди племен Италии, которые обозначаются термином *ἔθνος*, Скилак выделяет лигийцев, тирренов, латинов, вольсков, кампанцев, самнитов, левканов, япигов, омбриков и кельтов. В этом перипле, как отмечает А. Манцо [Manzo, 2002, p. 272], имя кампанцев уже используется как географический указатель, а не только как этническое или политическое объединение. Кампанцы (*Καμπανοί*) живут, как пишет автор, на достаточно протяженном участке побережья между вольсками и самнитами (9–11). Под самнитами, которые жили южнее кампанцев, Псевдо-Скилак, вероятно, подразумевает пиценов – *Πευκετιεῖς*, их автор перипла упоминает среди «языков и наречий» самнитов в последующем пассаже (15).

Так как кампанцы в перипле обозначены как народ, проживающий на побережье, мы также можем предположить, что он был составлен после 420 г. до н. э., т. к., по сообщению Тита Ливия, в этом году прибрежный город Кумы был захвачен кампанцами (Liv. 4. 44. 11). Противоречие заключается в том, что Кумы, Неаполь и Питекусы Скилак тем не менее называет эллинскими полисами – *πόλεις Ἑλληνίδες*. Прибегает ли он в данном случае к другому, более раннему источнику¹ или, что более вероятно, для Скилака Кумы – греческий город, так как он был основан греками, независимо от его дальнейшей судьбы? Сложно дать однозначный ответ на этот вопрос. Однако для нас он имеет принципиальное значение, так как призван прояснить, когда термин «кампанцы» впервые появляется в источниках: в середине V в. до н. э. или в 30-х годах IV в. до н. э. Я склонна остановиться на более поздней дате.

Второй автор, в сочинениях которого также встречается термин «кампанцы», – Диодор Сицилийский (90–30 гг. до н. э.). Для написания своего фундаментального труда Диодор собрал сведения многих авторов. Одной из его главных целей было не только изложить события всемирной истории, но синхронизировать их. В.М. Строгецкий замечает [Строгецкий, 1986, с. 70], что «хотя приемы критики Диодора примитивны, и он в ней далеко уступает Фукидиду и Полибию, тем не менее его рассуждения свидетельствуют о том, что Диодор был достаточно хорошо знаком с существующей литературой, подходил к ней целенаправленно и, отметив некоторые присущие ей недостатки, во всяком случае пытался избе-

¹ Например, к труду Антиоха Сиракузского «История Сицилии», написанному около 424 г. до н. э. [Müllenhoff, 1892, s. 32].

жать их при составлении своей «Исторической библиотеки» и удовлетворить запросы читателя». О тех источниках, которые Диодор использовал по римской истории, сам он пишет следующее: «Будучи родом из Агирия на Сицилии и приобретя благодаря частому общению на острове с римлянами хорошее знание их языка, мы досконально изучили всю историю их владычества на основании их летописей, хранимых уже долгие годы» (I, 4). Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Диодор располагал достаточно полными сведениями о римской истории, в том числе об истории области Кампания.

В одном из пассажей «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского мы встречаем выражение *τὸ ἔθνος τῶν Καμπανῶν* (XII. 31):

*«ἐπὶ ἄρχοντος δ' Ἀθήνησι Θεοδώρου Ρωμαῖοι μὲν κατέστησαν ὑπάτους
Μάρκον Γενύκιον καὶ Ἀγρίππαν Κοῦρτιον Χίλωνα. ἐπὶ δὲ τούτων κατὰ μὲντήν
Ἰταλίαν τὸ ἔθνος τῶν Καμπανῶν συνέστη, καὶ ταύτης ἔτυχε τῆς
προσηγορίας ἀπὸ τῆς ἀρετῆς τοῦ πλησίον κειμένου πεδίου»*

«Когда Феодор был архонтом в Афинах, а римляне выбрали консулами Марка Генуция и Агриппу Курция Хилона. В Италии в этом году был образован народ кампанцев, получивший такое название из-за превосходства находящейся соседней равнины».

Во-первых, Диодор вновь обозначает кампанцев как *ἔθνος*. Говоря об образовании этого народа, Диодор употребляет глагол *συνίστημι*, который, кроме значения «образовываться», можно перевести как «ставить вместе, соединяться». Приставка *συν-*, обозначает совместность действия. Вероятно, таким образом автор хотел подчеркнуть, что народ кампанцев сложился из нескольких компонентов.

Никаких пояснений Диодор не дает, но само упоминание о создании кампанского народа указывает на то, что это событие для греков Италии имело большое значение. Как предполагает Ж. Эргон, речь идет скорее о политическом, а не об этническом объединении [Neurgon, 1942, p. 90], ведь Диодор упоминает конкретную дату: 438 г. до н. э., если брать во внимание архонтство Феодора, или 445 г. до н. э. – если это год консульства Марка Генуция и Агриппы Курция Хилона. Такое расхождение в датировке вызвано, возможно, тем, что Диодор здесь для синхронизации событий использует два источника: один – греческий, другой – римский, либо он пользуется разными хронологическими таблицами. Как отмечает в своей диссертации М.П. Трофимов [Трофимов, 2009, с. 16]: «Чтобы синхронизировать события, происходившие в разных странах, историку приходилось сводить вместе данные, основанные на различных календарных системах и традициях историописания... Неудивительно, что в его труде встречаются хронологические ошибки». Сам Диодор отмечает, что даты отдельных событий и их описание разбросаны по многим сочинениям различных авторов, вследствие чего у него возникали трудности их усвоения и запоминания (I. 3. 4).

С этим отрывком из сочинения Диодора в историографии принято связывать сообщение Тита Ливия, отнесенное к 423 г. до н. э. (IV. 37. 1–2). Римский историк пишет, что в этот год «по преданию произошло событие чужеземное, но все же достойное упоминания – самниты захватили этрусский город Вольтурн, нынешнюю Капую... (*Vulturnum, Etruscorum urbem, quae nunc Capua est, ab Samnitibus captam...*) Захватили, но еще прежде, когда этрусски были обессилены в результате войны (*autem prius bello fatigatis Etruscis*), они (самниты – *O.K.*) получили права гражданства и землю *in societatem urbis agrorumque accepti*». Далее Тит Ливий сообщает, что новые жители Капуи (*novi coloni*) как-то в праздник напали ночью на старых жителей (*incolas veteres*), которых сморило сном после пиршеств, и перебили их.

Некоторые историки [Beloch, 1964, S. 10] непосредственно трактуют захват самнитами власти в Капуе как создание кампанского народа. Другие, в частности М. Миноя, предполагают, что под упоминаемым Диодором фактом «создания кампанского народа» следует понимать предоставление самнитам (оскам), проживавшим в Капуе, права гражданства, что произошло ранее, когда этрусски были обессилены войной [Minoja, 1995, p. 46]. Вероятно, под этим военным столкновением следует понимать поражение этрусков,

нанесенное греками в 508 г. до н. э. при Аресии, либо в 474 г. до н. э. в заливе у Кум. Мусти [Musti, 1992, p. 99] видит в отрывке Диодора намек на возникновение отдельного этноса. Д'Агостино [d'Agostino, 1992, p. 73] считает, что здесь речь идет о создании так называемой Кампанской лиги.

Иное толкование термина «кампанцы» мы видим в отрывке из труда Диодора (XXVI. 17. 1), посвященном осаде римскими войсками Капуи в 211 г. до н. э. Здесь под кампанцами понимаются жители данного города: «Когда римский сенат узнал, что Капуя полностью окружена двойной стеной, они не упорствовали в политике непримиримой вражды, даже когда захват города выглядел неизбежным. Наоборот, под влиянием родственных связей они постановили, что всем кампанцам (τῶν Καμπανῶν), перешедшим на другую сторону до указанной даты, будет гарантирована неприкосновенность. Кампанцы (οἱ Καμπανοί), однако, отклонили великодушные предложения сената и, обманываясь относительно помощи от Ганнибала, раскаялись только тогда, когда от раскаяния уже не было никакой пользы».

Еще один важный для решения поставленной нами проблемы автор – Страбон (I в.). Мы знаем, что в Риме географ жил подолгу и мог пользоваться там знаменитой Палатинской библиотекой [Стратановский, 1991, с. 780]. В «Географии» Страбоном широко использованы различные материалы: источниками V и VI книг, посвященных Италии, являются Полибий, неизвестный Хорограф и Артемидор. Исторические отрывки даны по анналистам (Фабия и Ацилию, за которыми скрывается иногда Тимей), Тимею и Посидонию [Алч, 1957, p. 245]. Сведения, данные Страбоном о Южной Италии и Сицилии, принадлежат Антиоху из Сиракуз, Полибию и Эфору [Sinko, 1959, S. 126].

В тексте «Географии» Страбона мы вновь находим термин *οἱ Καμπανοί*. Но прежде чем рассмотреть отрывки, в которых он встречается, хотелось бы обратить внимание читателей на странный факт. В пятой книге Страбон дает краткий рассказ о племенах, которые издревле населяли Кампанию. «По словам Антиоха, некогда в этой области жили опики, которых также называют авсонами. Полибий же, напротив, дает понять, что считает их разными племенами... Другие же утверждают, что хотя в этой стране прежде жили опики и авсоны, но впоследствии ею завладели сидицины (одно из оскских племен), а сидицинов изгнали кумейцы, последних, в свою очередь, изгнали тирренцы... Им пришлось уступить и эту страну самнитам, которых оттуда вытеснили римляне» (V. 4. 3). Как мы видим, в перечне племен, населявших Кампанию, Страбоном не упомянуты кампанцы. Можем ли мы в связи с этим предположить, что географ вкладывал в данное понятие иной смысл?

Термин *οἱ Καμπανοί* впервые встречается в тексте «Географии» Страбона в связи с городом Кумы. Страбон отмечает, что этот город основали греки – выходцы из Халкиды, но: «Впоследствии же получившие власть кампанцы (*οἱ Καμπανοί κύριοι*) нередко вообще оскорбляли его жителей и более того – даже жили с женами горожан. Тем не менее там до сих пор еще сохранилось много следов греческой культуры и обычаев» (V. 4. 4.). Здесь мы видим противопоставление кампанцев и греков. Они отличаются друг от друга по культуре и обычаям.

Далее, рассказывая о Неаполе, Страбон сообщает (V. 4. 7), что «неаполитанцы приняли в качестве сограждан (*ἐδέξαντο συνοίκους*) некоторых кампанцев (*Καμπανῶν τινάς*) и были вынуждены обращаться со своими злейшими врагами (*τοῖς ἐχθίστοις*) как с наилучшими друзьями, потому что друзей они обратили во врагов. На это указывают имена их демархов, ибо сначала это имена греческие, а впоследствии – греческие вперемежку с кампанскими (*τοῖς Ἑλληνικοῖς ἀναμίξ τὰ Καμπανικά*)». В этом отрывке вновь греки и кампанцы представлены как два разных этноса, отличающиеся по языку (именам) и враждебные друг другу.

Также у Страбона есть четкое противопоставление кампанцев и самнитов (V. 4. 1): «Мы прошли всю страну между Тирренским морем и Апеннинскими горами, которые склоняются к Адриатическому морю до самнитов и кампанцев (*μέχρι Σαννιτῶν καὶ Καμπανῶν*)». Таким образом, для Страбона все же кампанцы – некое этническое образование (он не применяет к ним термина *ἔθνος*), чуждое как грекам, так и самнитам.

Однако в пятой книге «Географии» мы встречаемся и с другим пониманием рассматриваемого термина. В частности, автор неоднократно употребляет выражение «города кампанцев» – *πόλεις τῶν Καμπανῶν*. Он перечисляет практически все населенные пункты побережья Кампании и, суммируя все вышесказанное, приводит фразу: «таковы прибрежные города кампанцев (*αἱ μὲν οὖν παράλιοι πόλεις τῶν Καμπανῶν*)» (V. 4. 9). Среди них перечисляются и основанная греками Дикеархия, и римская колония 194 г. до н. э. Вольтурн, т. е. те города, которые возникли в период, когда Кампания уже была римской, поэтому их никак нельзя связать с этносом кампанцев. Далее Страбон отмечает, что «кроме названных городов, есть еще следующие кампанские города (*Καμπαναὶ πόλεις*)» (V. 4. 11): Капуя, Теан Сидицинский, Казилин, Калес, Суессула, Ателла, Нола, Нуцерия, Ахерры, Абелла и другие поселения.

Такой характер изложения материала не оставляет сомнения в том, что в данном случае под кампанцами Страбон понимает всех жителей области Кампания. Особо как город кампанцев отмечен Суррент – *τὸ Συρρεντὸν τῶν Καμπανῶν* (V. 4. 8), однако это уточнение нужно автору лишь для того, чтобы обозначить южную границу области Кампания, поскольку далее он уже говорит о пиценах.

Следовательно, в труде Страбона появляется новое значение термина *οἱ Καμπανοὶ* – «все жители области Кампания», независимо от их этнической принадлежности. Такое изменение в значении термина могло быть связано с административной реформой Италии, проведенной Августом в 7 г., современником которой был Страбон². Кампания, согласно Плинию Старшему (РМ. III. 46), вошла в состав первого округа, который назывался «Лаций и Кампания».

Наконец, в тексте Страбона мы встречаем третье значение термина «кампанцы». Так же, как и Диодор, Страбон употребляет этот термин для обозначения жителей одного города – Капуи (V. 4. 13). Такой вывод можно сделать на основании отрывка, в котором упоминается известный факт сдачи города карфагенским войскам: «Кампанцам (*καμπανοῖς*) выпало на долю, благодаря плодородию их страны, в равной мере испытать счастье и бедствия... Когда они сдались Ганнибалу и приняли его войско на зимние квартиры, то настолько изнежили карфагенских воинов сладострастными удовольствиями, что Ганнибал заявил, что хотя он и победил, но подвергается опасности попасть в руки врагов...» (Liv. XXIII. 45. 4). Далее отмечается, что римляне образумили (*ἐσωφρόνισαν*) их и разделили землю последних (*ὑστάτα δὲ καὶ κατεκληρούχησαν τὴν γῆν*) (Liv. XXVI. 16. 7–10). При этом стоит обратить внимание на то, что не все города Кампанской лиги так встретили Ганнибала. Например, Казилин организовал оборону и не сдался противнику (Liv. XXIII. 17. 10).

Далее, говоря о южной Италии, Страбон отмечает, что теперь «все части страны, за исключением Тарента, Регия и Неаполя, приняли совершенно варварский облик; одни области заняли левканцы и бреттии, другие – кампанцы, но этим словом (я называю) истинных римлян, ведь они (кампанцы) стали римлянами» – «*ἅπαντα καὶ τὰ μὲν Λευκανοὺς καὶ Βρεττίους κατέχειν τὰ δὲ Καμπανούς, καὶ τούτους λόγῳ, τὸ δ' ἀληθὲς Ῥωμαίους: καὶ γὰρ αὐτοὶ Ῥωμαῖοι γεγόνασιν*» (VI. 1. 2).

Заключение

Таким образом, на основе вышесказанного мы можем утверждать, что термин «кампанцы» появляется в греческих источниках во 2-й пол. V–IV вв. до н. э. В трудах греческих писателей мы встречаем три толкования термина «кампанцы». У большинства рассмотренных авторов под термином «кампанцы» подразумевается этнос (*ἔθνος*), отличный от греков как народ варварский и враждебный, говорящий на другом языке, но также обособленный от самнитов. Это этнический конгломерат, проживающий не только на равнине, но и на побережье Кампании, сложившийся, как мы можем предположить, из не-

² Страбон умер в 24 г., свой труд он закончил около 7 г. до н. э. (RE, Strabon 90).

скольких этнических компонентов в ходе важных политических событий 40–30 гг. V в. до н. э., которые, возможно, были связаны с Капуей. На это указывает в том числе и второе значение термина *οἱ Καμπανοί* в греческих источниках: кампанцы = жители Капуи. Третье значение термина (кампанцы – все жители области Кампания) появляется в сочинениях греческих авторов уже в I в. н. э., что было связано с административной реформой Августа. Наконец, в рассмотренных источниках мы не встречаем употребления термина «*οἱ Καμπανοί*» в значении «жители городов Кампанской лиги», следовательно, мы должны отказаться от такого толкования данного термина.

Список литературы

1. Стратановский Г.А. 1994. Страбон и его «География». В кн.: Страбон. География в 17 книгах. М., Ладомир: 775–790.
2. Строецкий В.М. 1986. Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского. Вестник древней истории, 2: 65–82.
3. Трофимов М.П. 2009. Историческая концепция Диодора Сицилийского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 22.
4. Шелов-Коведяев Ф.В. 1988. Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Вестник древней истории, 1: 253–266.
5. Aly W. 1957. Strabon von Amaseia. In: Strabonis Geographica. Vol. 4. Bonn, Rudolph Habelt: 244–256.
6. Beloch K.J. 1964. Campanien: Geschichte und Topographie des antiken Neapel und seiner Umgebung. Roma, L'Erma" di Bretschneider: 181.
7. Carratelli G.P. 1990. Italia, omnium terrarum alumna. Milano, Garzanti – Schewiller: 102.
8. Castaldo F. 2006. *Le necropoli dell'agro campano tra VI e V sec. a.C.* [Tesi di dottorato]. Available at: https://www.academia.edu/26971112/Le_necropoli_dellagro_campano_tra_VI_e_V_sec_a_C (accessed 12 February 2020).
9. Cerchiai L. 2014. Campani: prospettiva archeologica. In: Aberson M. Entre archéologie et histoire: dialogues sur divers peuples de l'Italie ancienne. E pluribus unum? L'Italie, de la diversité préromaine à l'unité augustéenne. Vol. I. Berne, Peter Lang: 299–307.
10. d'Agostino B. 1992. Greci, Campani, Sanniti. In: La Campania fra il VI e il III secolo A. C., Atti del XIV conv. di St. Et. e It. (Benevento 1981). Benevento, Galatina: 73–83.
11. Heurgon J. 1942. Recherches sue l'histoire, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines a la deuxieme guerre punique. Paris, E. de Boccard: 483.
12. Hülsen Ch. 1899. Capua. In: Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. B. III. Stuttgart, JB Metzlersche Buchhandlung: 1436.
13. Manzo A. 2002. I Sanniti nel Periplo di Scilace. In: Annuario ASMV (Associazione Storica del Medio Volturno): 271–276.
14. Minoja M. 1995. Capua in eta` sannitica. In: Il Museo Archeologico dell'Antica Capua. Napoli, Electa Napoli: 46–48.
15. Mommsen T. 1887. Römisches Staatsrecht. Bd. 3. Leipzig, Verlag von S. Hirzel: 529.
16. Monaco D. 2002. Storia dei Sanniti e del Sannio. Available at: <http://www.sanniti.info/smstudi.html> (accessed 14 January 2020).
17. Musti D. 1992. Per una valutazione delle fonti classiche sulla storia della Campania tra il VI e il III sec. a.C. In: La Campania fra il VI e il III secolo A. C., Atti del XIV conv. di St. Et. e It. (Benevento 1981). Benevento, Galatina: 31–48.
18. Müllenhoff K. 1892. Skylax. In: Deutsche Altertumskunde. Bd. 3 Berlin, Weidmannsche Buchhandlung: 32.
19. Sinko Th. 1959. Literatura grecka. T. II. Warszawa, PWN: 406.
20. Unger G. 1874. Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax. In: Philologus. Bd. 33. Goettingen, Verlag der Dietebichsghem Buchhandlung: 28–40.

References

1. Stratanovskiy G.A. 1994. Strabon i ego «Geografija» [Strabo and his «Geography»]. In: Strabon. Geografiya v 17 knigach [Strabo. Geography in 17 books]. Moscow, Ladomir: 775–790 (in Russian).

2. Strogetskiy V.M. 1986. Vvedenie k «Istoricheskoy biblioteke» Diodora Sicilijskogo [Introduction to the «Historical library» of Diodorus Siculus]. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of ancient history], 2: 65–82 (in Russian).
3. Trofimov M.P. 2009. Istoricheskaja koncepcija Diodora Sicilijskogo [Historical concept of Diodorus Siculus]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Avtoreferat of dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of historical Sciences]. Saratov, 22 (in Russian).
4. Shelov-Kovedyaev Ph. 1988. Skilak Kariandskij. Peripl obitaemogo morja [Skilak of Kariand. Periple of the inhabited sea]. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of ancient history], 1: 253–266 (in Russian).
5. Aly W. 1957. Strabon von Amaseia. In: Strabonis Geographica. Vol. 4. Bonn, Rudolph Habelt: 244–256.
6. Beloch K.J. 1964. Campanien: Geschichte und Topographie des antiken Neapel und seiner Umgebung. Roma, L'Erma" di Bretschneider: 181.
7. Carratelli G.P. 1990. Italia, omnium terrarum alumna. Milano, Garzanti-Schewiller: 102.
8. Castaldo F. 2006. Le necropoli dell'agro campano tra VI e V sec. a.C. [Tesi di dottorato]. Available at: https://www.academia.edu/26971112/Le_necropoli_dellagro_campano_tra_VI_e_V_sec_a_C (accessed 12 February 2020).
9. Cerchiai L. 2014. Campani: prospettiva archeologica. In: Aberson M. Entre archéologie et histoire: dialogues sur divers peuples de l'Italie ancienne. E pluribus unum? L'Italie, de la diversité préromaine à l'unité augustéenne. Vol. I. Berne, Peter Lang: 299–307.
10. d'Agostino B. 1992. Greci, Campani, Sanniti. In: La Campania fra il VI e il III secolo A. C., Atti del XIV conv. di St. Et. e It. (Benevento 1981). Benevento, Galatina: 73–83.
11. Heurgon J. 1942. Recherches sue l'histoir, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines a la deuxieme guerre punique. Paris, E. de Boccard: 483.
12. Hülsen Ch. 1899. Capua. In: Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. B. III. Stuttgart, JB Metzlersche Buchhandlung: 1436.
13. Manzo A. 2002. I Sanniti nel Periplo di Scilace. In: Annuario ASMV (Associazione Storica del Medio Volturno): 271–276.
14. Minoja M. 1995. Capua in eta` sannitica. In: Il Museo Archeologico dell'Antica Capua. Napoli, Electa Napoli: 46–48.
15. Mommsen T. 1887. Römisches Staatsrecht. Bd. 3. Leipzig, Verlag von S. Hirzel: 529.
16. Monaco D. 2002. Storia dei Sanniti e del Sannio. Available at: <http://www.sanniti.info/smstudi.html> (accessed 14 January 2020).
17. Musti D. 1992. Per una valutazione delle fonti classiche sulla storia della Campania tra il VI e il III sec. a.C. In: La Campania fra il VI e il III secolo A. C., Atti del XIV conv. di St. Et. e It. (Benevento 1981). Benevento, Galatina: 31–48.
18. Müllenhoff K. 1892. Skylax. In: Deutsche Altertumskunde. Bd. 3 Berlin, Weidmannsche Buchhandlung: 32.
19. Sinko Th. 1959. Literatura grecka. T. II. Warszawa, PWN: 406.
20. Unger G. 1874. Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax. In: Philologus. Bd. 33. Goettingen, Verlag der Dietebichsghem Buchhandlung: 28–40.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кармазина Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Karmazina, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

УДК 94(569.4)"70/638"
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-272-283

Специфика городской жизни провинции Палестина в эпоху Поздней античности

Сухова Ж.М., Ващева И.Ю.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является изучение одного из ключевых аспектов актуальной темы в историографии – особенностей городской жизни в позднеантичный период. В качестве географических рамок была выбрана территория весьма значимой для империи провинции Палестина. Изложение материала построено при помощи нарративного, сравнительно-исторического, историко-генетического, синхронного и диахронного методов. Результатом исследования стало выявление таких особенностей жизни городов региона, как полиэтничность, поликонфессиональность, многоязычие, активная торговля, определённый уровень образованности жителей городов, сохранение некоторых античных традиций и сосуществование их с христианским образом жизни. Автор показывает, что в это время жизнь в городах была активной и лишь для конца эпохи свойственно некоторое «замирание» ритма городской жизни. С узко исторической точки зрения результаты могут дать существенное понимание самой позднеантичной эпохи, с прикладной – помочь взглянуть на современную ситуацию в Палестине под другим углом.

Ключевые слова: Поздняя античность, провинция Палестина, город, полиэтничность, поликонфессиональность, многоязычие, торговля, образование, античные традиции.

Для цитирования: Сухова Ж.М., Ващева И.Ю. 2021. Специфика городской жизни провинции Палестина в эпоху Поздней античности. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 272–283. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-272-283.

Specificity of urban life in the province of Palestine in the era of Late Antiquity

Zhanna M. Sukhova, Irina Yu. Vashcheva

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research University,
23 Gagarin Avenue, Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the features of urban life in the late antique period. It is one of the key aspects of a topical theme in historical literature nowadays. The territory of the province of Palestine as important for the empire was chosen as a geographical framework. The presentation of the material is built using narrative, comparative-historical, historical-genetic, synchronous and diachronic methods. The result of the study was the identification of such features of urban life as polyethnicity, polyconfessionalism, multilingualism, active trade, a certain level of education of city residents, the preservation of some ancient traditions and their coexistence with the Christian manner of life. It is concluded that at this time the life in the cities was active and the «fading» of the rhythm of urban life was characteristic only at the end of the period. From an academic point of view, the results can provide a significant understanding of the late antiquity, from an applied point of view, it can help to look at the modern situation in Palestine from a different angle.

Key words: Late antiquity, the province of Palestine, city, polyethnicity, polyconfessionalism, multilingualism, trade, education, ancient traditions.

For citation: Sukhova Zh.M., Vashcheva I.Yu. 2021. Specificity of urban life in the province of Palestine in the era of Late Antiquity. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 272–283 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-272-283.

Введение

История поздней античности в различных её проявлениях на сегодняшний день является одной из самых актуальных и обсуждаемых в мировой историографии. Примечательно то, что исследователи определяют этот период по-разному: в зависимости от своей профессиональной специализации часть из них называют его «периодом поздней Римской империи», другие включают его в «раннее средневековье», третьи называют «ранневизантийским» или «протовизантийским» периодом [Лопатина, 2017]. Только в последние десятилетия среди работ специалистов наметилась и постепенно утверждается тенденция рассматривать данный период как самостоятельную «эпоху поздней античности» (Late Antiquity) [Ващева, 2009, с. 220], в целом заключая его в отрезок конца III – начала VII вв.

Выделение этого времени в особый период связано с рядом факторов. Традиционная историография рисует нам картину угасания и погружения в кризис всего того, что было достигнуто, завоевано, придумано, сотворено античностью; параллельно шли нашествия различных варварских племён с Севера и Востока, оставляющие после себя лишь шлейф разрушений, за чем непременно следовали «тёмные» века и средневековье. Ранее такое представление о завершении античного периода казалось логичным и понятным, а не вписывающиеся в него нарративные данные и артефакты интерпретировались как издержки «переходного периода» [Ващева, 2017, с. 5].

Результаты и их обсуждение

Начиная с 60-70-х гг. прошлого столетия в исторической литературе стали появляться работы исследователей, которые предложили новый взгляд на события данного времени [Ващева, 2009, с. 221] и которые акцентировали внимание на достаточную обеспеченность эпохи источниками – практически неосвоенными и почти не введёнными в научный оборот [Болгов, 2009, с. 4], которые уже никак нельзя было интерпретировать в качестве «издержек «переходного периода».

Одним из ключевых вопросов, ответ на который может дать существенное понимание позднеантичной эпохи, указать на её важную черту, является вопрос о жизни городов. Судьбы города на Западе и Востоке Римской империи различны. Примечательно то, что в то время как города на Западе хирели, утрачивали свое значение и исчезали с лица земли, в восточной части империи сохранилось большое число городов, которые не только играли значительную роль в социально-экономической и политической жизни империи, но и являлись центрами ремесла и торговли [Курбатов, 1962]. В особенности это касается городов ближневосточных провинций, расположенных на перекрёстке торговых, культурных путей. Накопленный исследовательский и собранный источниковый материал, а также особое значение Палестины для империи – это христианский, паломнический, образовательный центр, расположенный на торговых путях из Азии в Европу и Африку – позволяет обратить внимание и предпринять попытку изучения особенностей городской жизни именно этого региона [Sivan, 2008].

Специфика развития исторической области Палестина зависела и зависит от основ, заложенных в древности, события и процессы позднеантичного периода, происходившие на её территории, естественным образом сказались на её дальнейшей жизни. Разработка темы статьи предоставляет возможность взглянуть на современные актуальные проблемы региона с иных позиций (например, на вопрос о статусе святынь для различных религий и

их течений на территории Палестины и конкретно города Иерусалима как Священного города, в целом на проблему отношений между различными этно-конфессиональными группами Палестины). Кроме того, в отечественном научном поле заявленная тема никогда не была предметом специального исследования.

Одним из первых отечественных учёных, который затронул проблему жизни городов Ранней Византии, был Г.Л. Курбатов в монографии «Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке)». Несмотря на то, что он занимался изучением сирийского города, рассматривая проблему его функционирования через призму марксизма-ленинизма, он указал на невозможность изучения средневекового города (в данном случае это Антиохия) «... без более глубокого исследования внутреннего развития византийского города IV–VI вв...» [Курбатов, 1962].

Выявляя особенности городской жизни Палестины, мы в первую очередь попытаемся охарактеризовать её проявления в наиболее крупных центрах – Кесарии, Газе, Иерусалиме. Названия именно этих городов часто встречаются в нарративных источниках и при описании древними историками ключевых событий эпохи, например в «Церковной истории» Феодорита Кирского (ок. 390–457 гг.) [Тимофеев, 1993], в одноимённом труде Эрмия Созомена (ок. 400–450 гг.) [Созомен, 1851]. Кроме этого, были использованы другие источники местного происхождения, из которых мы почерпнули сведения о паломничестве и монашеской жизни и о том, как уживались классическая и формирующаяся христианская культуры в пределах городской черты, такие как жития [Помяловский, 1885; Помяловский, 1898] и поучения [Кирилл Иерусалимский, 2010].

Более скромной характеристикой удалось наделить города размером поменьше, такие как Тавааф, Анфедон, Рафия, Вефилия, Аскалон, Иоппия [Болгов, 2014, с. 40] (прибрежные города, расположенные в южной части Палестины), города близ современного Тель-Авива, например, Аполлония (Сузуса) и Ямния (он же Явне; оба – прибрежные города центральной части провинции) [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2011; Cotton, Di Segni, Eck et al., 2014], Севастия (северная часть провинции) [Болгова, Болгов, 2018].

Нарративные сведения о религиозной и этноязыковой ситуации дополняют эпиграфические памятники, собранные в первых трёх частях *Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palestinae* [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2011; Cotton, Di Segni, Eck et al., 2012; Cotton, Di Segni, Eck et al., 2014].

Как уже было сказано, в распоряжении исследователей имеется достаточно источников, чтобы охарактеризовать крупные города провинции. С начала V в. в силу разукрупнения в регионе было создано три провинции, метрополиями которых стали Кесария, Скифополь и Газа. Иерусалим же становится центром патриархии – одной из четырех на Востоке империи.

Городом, который в силу обилия источников уже на протяжении нескольких десятилетий получает преимущественное внимание и зарубежных, и российских учёных, является Газа. Затрагивая вопросы образования, религии и культуры этого палестинского города, мы учитывали разработки Г. Дауни [Downey, 1963], Я. Чехановец [Чехановец, 2006; Tchekhanovets, 2018], А.М. Болговой [Болгова, 2011], Я.В. Манохина [Манохин, 2018], А.В. Курбанова [Курбанов, 2018], а также ознакомились с работой М. Мейера [Meyer, 1907].

Существенных результатов достигли отечественные исследователи, изучающие столицу провинции Кесарию Палестинскую. При разработке темы мы учитывали результаты работ Л. Левина [Levine, 1975], И.Ю. Ващевой [Ващева, 2005], Н.Н. Болгова [Болгов, Агаркова, 2013], а также ознакомились с выпускной квалификационной работой О.В. Бузанаковой [Бузанакова, 2017], в которой молодой учёный предприняла попытку дать комплексную характеристику города, и другие работы, затрагивающие частные проблемы городской жизни в рамках эпохи [Беневич, 2015].

Кроме того, мы учитывали результаты работы видного британского учёного А.Х.М. Джонса о развитии городов Востока со времён Александра Македонского до времени правления Юстиниана, у которого мы главным образом почерпнули сведения об экономическом состоянии городов империи в целом и о классическом образе жизни в них [Jones, 1940].

Опираясь на опыт исследователей, а также на источники, которые редко использовались нашими предшественниками (в основном это касается памятников эпиграфики), составим представление о том, как протекала жизнь в позднеантичных палестинских городах и попытаемся определить её характерные черты: показать «настроение», ритм городов, понять, чем жили люди в городах, кто в них проживал и на каком языке говорил, во что верили, каков был уровень их образованности, городская культура.

Изложение материала построено с помощью следующих методов:

- 1) нарративный метод, позволяющий описывать исторические факты, а затем их интерпретировать;
- 2) сравнительно-исторический метод, позволяющий, например, сравнивать данные о городах между собой и выявлять общее и специфичное;
- 3) историко-генетический метод позволяет исследовать происхождение и развитие того или иного рассматриваемого аспекта городской жизни, например, этноконфессиональных отношений;
- 4) синхронный и диахронный методы.

В первую очередь при знакомстве с нарративным и эпиграфическим материалом отмечаются упоминания о различных народах Палестины, а также языковое многообразие региона. Учитывая его историю, можно констатировать проживание здесь как минимум нескольких народов, таких как евреи, самаритяне, сирийцы, греки, римляне. Когда же христианство в империи было разрешено для свободного исповедания, Палестина постепенно начала приобретать статус Святой земли, и в качестве паломников провинцию стали посещать представители других народов и этносов, а некоторые оставались жить в городах, например, служа Господу в монастырях. Например, Иероним Стридонский (ок. 347–420 гг.) в «Письмах к Марцелле от имени Павлы и Евстохии» (Hieron. Ep. 44) [Иероним, 1884] отмечает, что для всех христиан – от британцев и галлов до армян, персов, народов Индии и Эфиопии – палестинский город Иерусалим является центром преклонения перед святынями, и все они в качестве паломников «...стекаются к этим местам... Сколько разностей народных, столько же почти и поющих хором» (Hieron. Ep. 44). Другой древний автор Кирилл Скифопольский (ок. 524–558 гг.) вторит Иерониму [Помяловский, 1898].

Памятники эпиграфики, составленные на различных языках – от классических до разнообразных восточных [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2011; Cotton, Di Segni, Eck et al., 2012; Cotton, Di Segni, Eck et al., 2014], – подтверждают слова древних писателей. Так, в черте позднеантичного культурного слоя Иерусалима встречаются свидетельства на латыни, греческом, еврейском, армянском, арамейском [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2012, p. 115–116, 120–121, 123–124, 129–130, 130–133, 155–157, 245–246, 249]. Причём, например, армяне и греки, судя по местонахождению граффити, в течение V – 1-й пол. VII вв. могли проживать в монастырях вместе, каких-либо этнических различий по памятникам материальной культуры не наблюдается, а богослужение до рубежа V–VI вв. проводилось на греческом языке; только позднее в практику входит служба на армянском, и вместе с этим фиксируется тенденция к постепенному обособлению армян от греческой массы христиан [Сухова, 2020, с. 41–42]. Кроме того, отметим, что практически на протяжении всего позднеантичного периода армяне и греки проживали под духовным авторитетом Иерусалимского Патриарха. Решения Халкидонского собора (451 г.), очевидно, не сразу сказались на жизни христиан города Иерусалима, но с конца VI и к середине VII вв. вызрела и приобрела четкие контуры потребность и появилась возможность поставить над всеми

армянами Иерусалима собственного архиепископа и организовать свою общину [Сухова, 2020, с. 38–43].

Относительно Газы Я.В. Манохин заключает, что на территории города фиксируется присутствие почти всех этносов империи и даже соседних государств: самыми многочисленными народами были греки, сирийцы, арабы-набатеи, египтяне (большинство которых были христианами) и евреи [Манохин, 2018, с. 203].

В других, меньших по размеру городах, по памятникам эпиграфики наблюдается схожая, но в более скромных масштабах ситуация: так, в районе современного Тель-Авива найдены надписи на самаритянском, на смешанном самаритянском арамейском (использовался смешанный алфавит) и греческом [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2011, p. 7–9, 10–15], в Аполлонии – на самаритянском и греческом [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2014, p. 6–14]; в городе Ямния (Явне) была найдена уникальная мраморная плита, написанная на смешанном самаритянском арамейском и самаритянском еврейском языке, которая, видимо, указывает на языковые заимствования, смешения, а также на греческом и латыни [Cotton, Di Segni, Eck et al., 2014, p. 158–160, 169–171].

Большая часть надписей городов составлена, конечно, на греческом языке: в первую очередь это надписи погребального характера, посвятельные надписи, строительные, кроме этого, на греческом перед христианами выступали и деятели церкви, писали свои сочинения крупные древние авторы. Трудно не согласиться с тем, что греческий язык был базовым языком общения в регионе, но вместе с этим невозможно представить, чтобы все прибывающие в страну народы, буквально каждый человек (был ли это паломник или торговец) хорошо знал греческую грамматику и структуру языка.

В последнее время в зарубежной литературе встречаются исследования, в которых разрабатывается тема феномена общения позднеантичного периода в городах и который называют «speaking» [Maxwell, 2006, p. 42–64; Уоттс, 2019, с. 306–338]. Условно под «speaking» понимается не только обмен информацией, свежими новостями и попытки договориться на разных языках, но и «говорение», культура общения городских жителей в целом. Позднеантичная эпоха насыщена значимыми политическими и религиозными для людей событиями, которые они могли обсудить, посещая многочисленные гражданские мероприятия или встретившись на рынке [Maxwell, 2006, p. 42–64]; кроме этого, города являлись носителями классической культуры и образования, в них располагались библиотеки и всевозможные школы – риторские, грамматические, философские; вполне обычным было чтение проповедей, заслушивание политических объявлений, выступление философов и ораторов и другое. Городская среда формировала городского жителя, который мог выслушать и поддержать беседу на различные темы [Болгова, Болгов, 2018, с. 185]. Так, например, Иоанн Златоуст (ок. 347–407 гг.) сравнил спокойные беседы монахов на духовные темы с постоянными политическими дискуссиями и беседами о политике, которые вели его прихожане: эти разговоры казались богослову пустым занятием, но простых людей интересовали факты о неудачах, успехах и скандалах общественных деятелей [Болгова, Болгов, 2018, с. 185–193]. В «Поучениях огласительных и тайноводственных» Кирилла Иерусалимского (ок. 313–386 гг.), которые направлены на аудиторию принявших христианство и собирающих его принять, это также хорошо прослеживается [Кирилл Иерусалимский, 2010, с. 3–4, 12].

В период поздней античности палестинские города были развитыми образовательными центрами. На сегодняшний день наиболее изученным в этом отношении городом является Газа. Преподаватели Газской школы представляют собой новый тип учёного: с одной стороны, они учились и учили грамматике по Гомеру, знали и заучивали классиков и верили в ценность этого материала, с другой – они были христианами и в своих сочинениях указывали на то, что достижения классической мысли должны быть установлены в более широких рамках христианской истины, что могло служить толчком для развития образования в рамках христианства [Манохин, 2018, с. 203]. К своим трудам они привлекали представителей разных конфессий, фиксируя на письме лучшие (на их взгляд) достижения мысли обеих сторон [Ма-

нохин, 2018, с. 203]. Известный ритор Хорикий Газский (ок. 500–590 гг.) прославлял христианских подвижников и священников за религиозное благочестие, но одновременно с этим считал, что им необходимо классическое образование [Болгов, 2014, с. 47].

Наиболее универсальным образцом специализированных высших школ признаются риторские, где в наибольшей степени сохранилась классическая традиция. Как раз в Газе и располагалась такая школа, которая была одним из самых ярких центров образованности в V–VI вв. [Болгова, Болгов, 2018, с. 185]. Обучение в подобных заведениях стоило немалых денег, позволить себе в них учиться могли в основном представители элиты, но выступления преподавателей и студентов таких школ перед публикой сказывались на взглядах и культурном уровне слушателей. На основании текстов ритора Хорикия можно заключить, что в христианской Газе образование было важной частью муниципальной жизни [Болгова, Болгов, 2018, с. 185–193]. В Газе жил и работал большой ряд интеллектуалов, оставивших множество сочинений [Болгов, 2014, с. 38–52].

Аналогичное заключение можно сделать и для других крупных городских центров, таких как Иерусалим и Кесария. Последняя, помимо того что была гражданской столицей Палестины и резиденцией епископа, являлась и центром христианской учености в течение двух столетий, с большой библиотекой, прославленной именами Оригена и Евсевия Кесарийского. Однако думается, что такое заключение можно сделать лишь для крупных центров, история которых хорошо обеспечена источниками. Для городов поменьше тоже характерен высокий уровень образованности, но в более скромных масштабах.

Из источников мы можем почерпнуть сведения о поликонфессиональности, сложности религиозной ситуации региона. Известно, что основными религиями провинции до распространения христианства были различные языческие культы, иудаизм и религия самаритян. Созомен указывает, что в Палестине находили приют представители признанных позднее христианством еретических направлений, например, арианства, что ещё больше усложняет религиозную ситуацию в провинции. Рассказывая о событиях, предшествовавших Никейскому собору (325 г.), он сообщает, что последователи Ария вместе со своим сподвижником обратились к правителю палестино-кесарийской Церкви Евсевию Памфилу и скифопольскому епископу Патрофилу с целью разрешения в рамках их епископств разрешить арианам собираться вместе и отпускать культ. Они согласились, но с условием, что ариане во всём будут подчиняться и слушаться правителя Александрийской Церкви – Александра (Sozom. HE. I. 15).

Наряду с этим можно отметить ещё одну религиозную региональную особенность. Ни в одном ином регионе не сложилось такой ситуации, когда в рамках одной провинции было бы два авторитетных епископа и епархий, – Кесарийской (в столице провинции, позднее – главной среди трех столиц) и Иерусалимской (в духовном центре) – что порождало соперничество между ними. Один из периодов активной борьбы приходится на время епископата Кирилла Иерусалимского, в сочинениях которого встречается иное отношение к Иерусалиму и святым местам в целом, чем у его предшественников и, в частности, у такого крупного богослова, как Евсевий Кесарийский [Walker, 1990, p. 86–89]: для Евсевия не характерно именование Иерусалима «святым городом» и приложение к нему тех мест Ветхого Завета, которые говорят о нём как о Священном городе, он сосредоточен на отдельных святынях (например, на храме Гроба Господня). В отличие от него Кирилл уже без всякого ограничения именуется современным ему Иерусалим «Святым градом» [Walker, 1990, p. 86–89]. В своих проповедях в качестве аргументов в богословии или просто при оглашении в пользу христианского учения Кирилл Иерусалимский помимо цитат из Священного Писания часто приводит доводы из библейской, чаще всего новозаветной археологии, и для него, по выражению Г.И. Беневича, свидетельства библейской археологии являются своего рода пятым Евангелием [Беневич, 2015, с. 84]. В своём сочинении, судя по его повествованию о чудесах, имевших место в Иерусалиме при явлении Креста и при неудачной попытке иудеев построить заново Храм, он придает Иерусалиму исключительное значение в духовной топографии империи; с Иеруса-

лимом он связывает и эсхатологические чаяния, причем обращённые к ближайшему будущему [Кирилл Иерусалимский, 2010, с. 180–208]. И хотя Иерусалимский престол получил статус патриаршего только на Халкидонском соборе (451 г.), уже при Кирилле Иерусалимском осуществляется существенное возвышение значения иерусалимской кафедры и города Иерусалима в целом [Беневиц, 2015, с. 84].

В прибрежных городах и в южной части страны долгое время сохраняло прочные позиции язычество. Утверждение христианства в Газе состоялось в первую очередь благодаря авторитетным и сильным личностям, таким как преп. Иларион Великий (ок. 290-х – 370-х гг.) и святитель Порфирий (2-я пол. IV – 420-е гг.). Первый вёл активную проповедническую деятельность и был авторитетным человеком в городе, но известно, что, когда преподобный покинул город в целях путешествия, язычники разрушили основанный им монастырь и перебили христиан [Манохин, 2018, с. 204]. Второй приложил все усилия для борьбы с языческой городской верхушкой Газы. Порфирий понимал, что он не мог рассчитывать исключительно на силу слова и авторитет, а также на помощь со стороны городских властей в исполнении императорских законов, согласно которым языческие храмы должны были быть закрыты, а исполнение обрядов – прекращено: язычники в Газе умело их обходили, например, договариваясь, имея солидные связи или выплачивая взятки [Downey, 1963, p. 22]. Поэтому Порфирий послал письмо к константинопольскому патриарху Иоанну Златоусту, который обеспечил выдачу специального имперского указа о том, что языческие храмы Газы должны прекратить своё функционирование. Для надёжности исполнения указа был отправлен специальный человек, и посланник действительно закрыл все храмы, кроме одного. Это была святыня Марны – бога города Газы, отождествляемого с Зевсом, и которого следовало умиловить, если город хотел оставаться процветающим и жить в достатке. Известно, что приверженцы Марны передали посланнику взятку в таком размере, что он воздержался от закрытия языческой святыни. Тем не менее после этих событий газскому епископу всё же удалось закрыть языческий храм и на его месте построить христианский [Манохин, 2018, с. 204].

Города продолжали жить традиционной общественной жизнью: в них работали и развлекали горожан самые разнообразные заведения, такие как театры, амфитеатры, цирки, лупанарии, которые умещались в одном городе с христианскими храмами и святынями [Кирилл Иерусалимский, 2010, с. 181–208; Беневиц, 2015, с. 77]; однако, например, такие мероприятия, как спортивные соревнования и гладиаторские бои, где культивировалась сила и физическая красота, постепенно исчезали с арен и тренировочных площадок [Jones, 1940, p. 254].

Несмотря на то, что в археологическом плане город Газы пока слабо изучен [Чехановец, 2006, с. 424], тем не менее мозаичная карта из Мадабы [Warland, 1999, S. 41–48] середины VI в. представляет Газу как типичный ранневизантийский «мегаполис», устроенный по римскому образцу: как минимум в городе должны быть главная улица с колоннами с севера на юг, амфитеатр и две христианские базилики. В своё время на одной из городских площадей Газы стояла видная отовсюду мраморная статуя богини Афродиты, элегантная нагота которой, по сообщениям христианских авторов, постоянно толкала верующих на преступления [Downey, 1963, p. 22].

Материальная культура Кесарии Палестинской также остаётся слабоизученной, но имеющиеся уже на сегодняшний день сведения могут дать нам первичное представление об облике города: значимыми памятниками столицы провинции в III–V вв. оставались портовая гавань, храм Августа и Ромы, акведуки, театр, ипподром и дворец управителя провинции, в котором некогда проживал царь Ирод, термы. Все эти строения – образцы классической архитектуры.

В позднеантичный период города наводнялись христианскими постройками разных масштабов: строились часовенки и крупные монастыри на частные пожертвования, возводились монументальные образцы строительства на императорские средства. Правители империи не жалели средств для строительства и нанимали самых искусных мастеров свое-

го времени. Плодами таких усилий являются Храм Гроба Господня и Храм Богородицы в Иерусалиме. Феодорит Кирский сообщает, что Храм Гроба Господня должен был превзойти все остальные церковные постройки империи по своему великолепию, сооружен из самых драгоценных материалов и украшен наилучшим образом (Theodor. Cyrth. HE. I. 17). Активное участие в возведении храма принимала и мать Константина – Елена, которая, будучи в преклонном возрасте, прибыла в Иерусалим для содействия строительству Храма (Theodor. Cyrth. HE. I. 18).

Другой византийский историк Прокопий Кесарийский (ок. 500–565 гг.) сообщает о таком масштабе события, как воздвижение храма Богородицы в Иерусалиме Юстинианом, «с которым никакой другой сравнить невозможно». Расположение храма отличает его от других построек: он стоит на самом высоком холме Иерусалима таким образом, что «... часть храма покоится на крепкой скале, часть же висит в воздухе...». Мастера, что строили его, буквально презрели препятствия природы и выстроили его по новой технике. Он также сообщает, что император на строительство и содержание этого храма средств не жалел, хотя конкретная сумма им не названа (Procop. Caes. De aed. V. 6). В целом город постепенно увеличивался в своих размерах, различные гражданские строения, подлежащие ремонту, чинились или на их месте возводились новые.

Природная среда Палестины не позволяла региону быстро обогатиться, как, например, соседнему Египту, на продаже зерна. Выращивание культур в сельской местности позволяло кормиться только жителям региона, хорошо было развито скотоводство, но солидной статьёй дохода была торговля в силу расположения провинции на ключевых сухопутных и морских торговых путях, пролегающих как с севера на юг, так и с запада на восток. Ранневизантийская Газа была одним из самых крупных торговых центров на юге Палестины [Манохин, 2018, с. 203]. Торговля была основным видом деятельности города, которая шла не только между регионами империи, но и другими государствами, расположенными далеко за её пределами: наиболее крупными торговыми партнёрами выступали Индия и Персия.

В целом будучи одной из беднейших и отдаленных провинций империи, позднеантичная Палестина постепенно стала обретать облик главного земного фокуса христианства, и городская торговля практически на протяжении всего периода поздней античности велась очень активно [Downey, 1963, p. 17].

Заключение

Таким образом, мы можем заключить, что основными характеристиками городов Палестины являются этническое, языковое и конфессиональное многообразие, постоянное посещение в целях паломничества и/или торговли представителей самых разных народов; уникальное сочетание классических традиций и достижений с завоёвывающими позиции новыми, христианскими; активная торговая жизнь; определённый уровень образованности и культура общения. Конечно, обучаться в высших образовательных заведениях, вести теологические диспуты и публично выступать в качестве философа или оратора мог не каждый житель города, но прослушать мастеров своего дела, а также поддержать беседу на политическую тему, обсудить распоряжения местных властей, решения Вселенского собора, вчерашнее представление в амфитеатре жители городов могли. Также в это время возводились монументальные памятники и находились искусные мастера, способные воплотить самые грандиозные проекты зодчества, города постепенно расширялись. Практически на протяжении всего позднеантичного периода жизнь в городе, что называется, кипела, словно в котле. Сочетание перечисленного породило время, в которое люди перемещались и проживали рядом с самыми разнообразными культурами, узнавали новое, слушали и говорили, спорили, верили. Это было время поиска истины, выработки и установления канонов и догм, время, которое показало, что регион был способен вместить в себя самые разнообразные формы религии и культы, и в этом заключается его богатство. Саму Палестину можно назвать регионом, единым в своей неоднородности.

К концу же позднеантичной эпохи настроения жителей стали более пассивны, их уже не так сильно, как ранее, волновало происходящее вокруг, жизнь в городах постепенно замирала. Эту проблему и некоторые другие, например, вопрос, касающийся попытки выстроить типологию городов с использованием историко-типологического метода или используя подход М. Вебера об идеальном типе, ещё предстоит раскрыть более широко.

Палестина находится на перекрёстке торговых и культурных путей, издревле была наводнена разнообразными народами со своей культурой и мировоззрением и исторически является регионом контрастов, поэтому любое решение современных проблем здесь должно учитывать это многообразие культур и исторические особенности региона, сформировавшиеся много веков назад.

Список сокращений:

Hieron. Ep. – Hieronymus, Epistulae;
Procop. Caes. De aed. – Procopius Caesariensis, De aedificiis;
Sozom. HE. – Sozomenus, Historia Ecclesiastica;
Theodor. Cyrh. HE. – Theodoretus Cyrrensis, Historia Ecclesiastica.

Список литературы

1. Беневиц Г.И. 2015. Св. Кирилл Иерусалимский и борьба за возвышение Иерусалимской кафедры в IV в. В: Научная сессия ГУАП (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения). Сборник докладов. В 3-х частях. СПб.: 75–85.
2. Болгов Н.Н. 2009. Поздняя античность: история и культура. Белгород, 88.
3. Болгов Н.Н. 2014. Ранневизантийская Газа в Палестине: город и его писатели. В: Античная древность и средние века. Вып. 42: 38–52.
4. Болгов Н.Н., Агаркова Ю.Н. 2013. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время. В: Кондаковские чтения IV. Белгород: 78–83.
5. Болгова А.М. 2011. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы. В: Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1 (96). Вып. 17: 48–53.
6. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2018. Ранневизантийская школа: античное и христианское (по Хорикию из Газы). В: Европейские традиции высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам. Великий Новгород: 185–193.
7. Бузанакова О.В. 2017. Кесария Палестинская в III–V вв.: выпускная квалификационная работа: 44.03.05. Белгород, 103.
8. Ващева И.Ю. 2005. Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. В: Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1 (4): 13–25.
9. Ващева И.Ю. 2009. Концепция поздней античности в современной исторической науке. В: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (1): 220–231.
10. Ващева И.Ю. 2017. Средиземноморский мир в эпоху поздней античности и раннего средневековья. Нижний Новгород, 46.
11. Иероним. 1884. Творения блаженного Иеронима Стридонского. в 17-ти томах. Ч. 2. Письма № 44–86. Киев, тип. И.И. Чоколова, 430.
12. Кирилл Иерусалимский. 2010. Святитель Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., Благовест, 352.
13. Кондратьев С.П. (ред.). 1996. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., Арктос, 917.
14. Курбанов А.В. 2018. Повседневная жизнь ранневизантийской палестинской кинонии: на примере Газского монастыря аввы Сериды: дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. Белгород, 247.
15. Курбатов Г.Л. 1962. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 286.
16. Лопатина М.Ю. 2017. Современная зарубежная историография истории Поздней античности и Ранней Византии (1990–2015 гг.). Белгород, 104.
17. Манохин Я.В. 2018. Ранневизантийская Газа – христианский интеллектуальный центр: дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. Белгород, 254.

18. Помяловский И. (ред.). 1885. Кирилл Скифопольский. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. В: Палестинский патерик. Вып.1. СПб., 155.
19. Помяловский И. (ред.). 1898. Кирилл Скифопольский. Житие иже во Святых отца нашего Евфимия Великого. В: Палестинский патерик. Вып. 2. СПб., 108.
20. Созомен. 1851. Эрмий Созомен Саламинский. Церковная история. СПб., Типография Э. Фишера, 636.
21. Сухова Ж.М. 2020. У истоков армянской общины в Иерусалиме в период Поздней Античности (начало V – первая половина VII вв.). В: Исторические типы человеческих сообществ: материалы I Всероссийской студенческой научной конференции «Исторические типы человеческих сообществ» (29 февраля – 1 марта). Казань: 38–43.
22. Тимофеев М.А. (ред.). 1993. Феодорит Киррский. Церковная история. М., Росспэн, 240.
23. Уоттс Э. 2019. Образование в поздней античности. Общение, мысль и социализация. В: НУРОТНЕКАИ. Вып. 3: 306–338.
24. Чехановец Я.М. 2006. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы. В: Мнемон. Вып. 5. СПб.: 419–454.
25. Ashkenazi Y. 2004. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor. In: Christian Gaza in late antiquity. Leiden, Brill: 195–208.
26. Cotton H.M., Di Segni L., Eck W. et al. 2011. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae. Volume II: 1121–2160. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 918.
27. Cotton H.M., Di Segni L., Eck W. et al. 2012. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae. Volume I: Jerusalem. Part 2: 705–1120. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 575.
28. Cotton H.M., Di Segni L., Eck W. et al. 2014. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae. Volume III: 2161–2648. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 738.
29. Downey G. 1963. Gaza in the Early Sixth Century. Norman, University of Oklahoma Press, XV, 172.
30. Jones A.H.M. 1940. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 393.
31. Levine L. 1975. Caesaria under Roman Rule. Leiden, Brill, 320.
32. Maxwell J.L. Rhetoric and society: Contexts of public speaking in Late antique Antioch. In: Christianization and Communication in Late Antiquity: John Chrysostom and his Congregation in Antioch. Cambridge University Press, 2006. P. 42–64.
33. Meyer M.A. 1907. A History of the City of Gaza. New York, 182.
34. Sivan H. 2008. Palestine in Late Antiquity. Oxford, New York, 322.
35. Tchekhanovets Y. 2018. The Caucasian Archaeology of the Holy Land: Armenian, Georgian and Albanian communities between the fourth and eleventh centuries CE. Leiden – Boston, Brill, 307.
36. Walker P. 1990. Holy City Holy Places? Christian attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the 4th century. Oxford, OUP: 86–89.
37. Warland R. 1999. Die Mosaikkarte von Madaba und ihre Kopie in der Sammlung des Archäologischen Instituts der Universität Göttingen. In: Georgia Augusta. Band. 71. Freiburg, Sonderdrucke aus der Albert-Ludwigs Universität Freiburg: 41–48.

References

1. Benevich G.I. 2015. Sv. Kirill Ierusalimskij i bor'ba za vozvyshenie Ierusalimskoj kafedry v IV v. [St. Cyril of Jerusalem and the Struggle for the Exaltation of the See of Jerusalem in 4 Century] In: Nauchnaya sessiya GUAP (Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet aerokosmicheskogo priborostroeniya) [Scientific session of SUAI (St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation)]. Collection of reports. In 3 parts. St. Petersburg: 75–85 (in Russian).
2. Bolgov N.N. 2009. Pozdnyaya antichnost': istoriya i kul'tura [Late antiquity: history and culture]. Belgorod, 88 (in Russian).
3. Bolgov N.N. 2014. Rannevizantijskaya Gaza v Palestine: gorod i ego pisateli [Early Byzantine Gaza in Palestine: the city and its writers]. In: Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Issue. 42: 38–52 (in Russian).
4. Bolgov N.N., Agarkova Yu.N. 2013. K istorii Kesarii Palestinskoj v rannevizantijskoe vremya [On the history of Palestinian Caesarea in early Byzantine times]. In: Kondakovskie chteniya IV [Kondakov readings 4]. Belgorod: 78–83 (in Russian).

5. Bolgova A.M. 2011. Chorikij iz Gazy: antichnaya ritorika kak forma dlya vizantijskoj shkoly [Choricus of Gaza: Ancient Rhetoric as a Form for the Byzantine School]. In: Nauchnye vedomosti [Scientific statements]. Series History. Political Sciences. Economics. Informatics. № 1 (96). Issue. 17: 48–53 (in Russian).
6. Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2018. Rannevizantijskaya shkola: antichnoe i hristianskoe (po Horikiyu iz Gazy) [Early Byzantine School: Antique and Christian (on Choricus from Gaza)]. In: Evropejskie tradicii vysshej shkoly v Rossii: ot douniversitetskoj modeli k universitetam [European traditions of higher education in Russia: from the pre-university model to universities]. Velikij Novgorod: 185–193 (in Russian).
7. Buzanakova O.V. 2017. Kesariya Palestinskaya v III–V vv.: vypusknaya kvalifikacionnaya rabota: 44.03.05 [Caesarea Palestinian in III–V centuries: final qualification work: 44.03.05]. Belgorod, 103 (in Russian).
8. Vashcheva I.Yu. 2005. Kesariya Palestinskaya v III – pervoj polovine VII vv. [Caesarea Palestinian in III – the first half of the VI centuries]. In: Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. Series History. Issue 1 (4): 13–25 (in Russian).
9. Vashcheva I.Yu. 2009. Konceptiya pozdnej antichnosti v sovremennoj istoricheskij nauke [The concept of late antiquity in modern historical science]. In: Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. № 6 (1): 220–231 (in Russian).
10. Vashcheva I.Yu. 2017. Sredizemnomorskij mir v epohu pozdnej antichnosti i ranнего srednevekov'ya: uchebno-metodicheskoe posobie [Mediterranean world in the era of late antiquity and the early Middle Ages: a teaching aid]. Nizhnij Novgorod, 46 (in Russian).
11. Ieronim. 1884. Tvoreniya blazhennogo Ieronima Stridonskogo [Creations of the blessed Jerome of Stridon]. In 17 t. Part. 2. Pis'ma № 44–86 [Letters No. 44–86]. Kiev, tip. I.I. Chokolova, 430 (in Russian).
12. Kirill Ierusalimskij. 2010. Svyatitel' Kirill, arhiepiskop Ierusalimskij. Poucheniya oglasitel'nye i tajnovodstvennye [Saint Cyril, Archbishop of Jerusalem. Catechumens and secret teachings]. Moscow, Blagovest, 352 (in Russian).
13. Kondrat'ev S.P. (ed.) 1996. Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami. O postrojках [Procopius of Caesarea. Goth war. About construction]. Moscow, Arktos, 917 (in Russian).
14. Kurbanov A.V. 2018. Povsednevnyaya zhizn' rannevizantijskoj palestinskoj kinovii: na primere Gazskogo monastyrya avvy Serida: diss. kand. ist. nauk: 07.00.03 [Everyday life of the early Byzantine Palestinian kinovy: the case of the Gaz monastery of Abba Serida: dissertation of candidate of historical sciences (PhD): 07.00.03]. Belgorod, 247 (in Russian).
15. Kurbatov G.L. 1962. Rannevizantijskij gorod (Antiohiya v IV veke) [Early Byzantine city (Antioch in the IV century)]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 286 (in Russian).
16. Lopatina M.Yu. 2017. Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya istorii Pozdnej antichnosti i Rannej Vizantii (1990–2015 gg.) [Contemporary foreign historiography of the history of Late Antiquity and Early Byzantium (1990–2015)]. Belgorod, 104 (in Russian).
17. Manohin Ya.V. 2018. Rannevizantijskaya Gaza – hristianskij intellektual'nyj centr: diss. kand. ist. nauk: 07.00.03 [Early Byzantine Gaza – Christian Intellectual Center: dissertation of candidate of historical sciences (PhD): 07.00.03]. Belgorod, 254 (in Russian).
18. Pomyalovskij I. (ed.). 1885. Kirill Skifopol'skij. Zhitie sv. Savy Osvyashchennogo, sostavlennoe sv. Kirillom Skifopol'skim v drevnerusskom perevode [Cyril of Scythopolis. The life of St. Sava the Sanctified, compiled by St. Cyril of Scythopolis in Old Russian translation]. In: Palestinskij paterik [Palestinian patericon]. Issue. 1. St. Petersburg, 155 (in Russian).
19. Pomyalovskij I. (ed.). 1898. Kirill Skifopol'skij. Zhitie izhe vo Svyatyh otca nashego Evfimiya Velikogo [Cyril of Scythopolis. The life of others like the Saints of our Father Euthymius the Great]. In: Palestinskij paterik [Palestinian patericon]. Issue. 2. St. Petersburg, 108 (in Russian).
20. Sozomen. 1851. Ermij Sozomen Salaminskij. Cerkovnaya istoriya [Hermius Sozomen of Salamis. Church history]. St. Petersburg, Tipografiya E. Fishera, 636 (in Russian).
21. Suhova Zh.M. 2020. U istokov armyanskoj obshchiny v Ierusalime v period Pozdnej Antichnosti (nachalo V – pervaya polovina VII vv.) [At the origins of the Armenian community in Jerusalem during the Late Antiquity (early 5th – first half of the 7th centuries)]. In: Istoricheskie tipy chelovecheskih soobshchestv: materialy I Vserossijskoj studencheskoj nauchnoj konferencii

«Istoricheskie tipy chelovecheskih soobshchestv» (29 fevralya – 1 marta) [Historical types of human communities: materials of the I All-Russian student scientific conference «Historical types of human communities» (February 29 – March 1)]. Kazan': 38–43 (in Russian).

22. Timofeev M.A. (ed.). 1993. Feodorit Kirrskij. Cerkovnaya istoriya [Theodoretus of Kyrrhus. Church history]. Moscow: Rosspen, 240 (in Russian).

23. Watts E. 2019. Obrazovanie v pozdnej antichnosti. Obshchenie, mysl' i socializaciya [Education in late antiquity. Communication, thought and socialization]. In: HYPOTHEKAI. Issue. 3: 306–338 (in Russian).

24. Chekhanovets YA.M. 2006. «Marnas victus est a Christo». K voprosu o hristianizacii drevnej Gazy [«Marnas victus est a Christo». On the question of the Christianization of ancient Gaza]. In: Mnemon. Issue. 5. St. Petersburg: 419–454 (in Russian).

25. Ashkenazi Y. 2004. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor. In: Christian Gaza in late antiquity. Leiden, Brill: 195–208.

26. Cotton H.M., Di Segni L., Eck W. et al. 2011. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palestinae. Volume II: 1121–2160. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 918.

27. Cotton H.M., Di Segni L., Eck W. et al. 2012. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palestinae. Volume I: Jerusalem. Part 2: 705–1120. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 575.

28. Cotton H.M., Di Segni L., Eck W. et al. 2014. Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palestinae. Volume III: 2161–2648. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 738.

29. Downey G. 1963. Gaza in the Early Sixth Century. Norman, University of Oklahoma Press, XV, 172.

30. Jones A.H.M. 1940. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 393.

31. Levine L. 1975. Caesaria under Roman Rule. Leiden, Brill, 320.

32. Maxwell J.L. Rhetoric and society: Contexts of public speaking in Late antique Antioch. In: Christianization and Communication in Late Antiquity: John Chrysostom and his Congregation in Antioch. Cambridge University Press, 2006. P. 42–64.

33. Meyer M.A. 1907. A History of the City of Gaza. New York, 182.

34. Sivan H. 2008. Palestine in Late Antiquity. Oxford, New York, 322.

35. Tchekhanovets Y. 2018. The Caucasian Archaeology of the Holy Land: Armenian, Georgian and Albanian communities between the fourth and eleventh centuries CE. Leiden – Boston, Brill, 307.

36. Walker P. 1990. Holy City Holy Places? Christian attitudes to Jerusalem and the Holy Land in the 4th century. Oxford, OUP: 86–89.

37. Warland R. 1999. Die Mosaikkarte von Madaba und ihre Kopie in der Sammlung des Archäologischen Instituts der Universität Göttingen. In: Georgia Augusta. Band. 71. Freiburg, Sonderdrucke aus der Albert-Ludwigs Universität Freiburg: 41–48 (in German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухова Жанна Михайловна, магистрант кафедры средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Вашева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna M. Sukhova, master student of the Department of Medieval Civilizations of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod, Russia

Irina Yu. Vashcheva, doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Medieval Civilizations of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(569.4)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-284-289

Оригенисты и оригенизм IV–VI вв. в истории и историографии

Стржалковская А.Д., Фуникова С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,
E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru; funikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию некоторых представителей оригенизма, встречающихся в источниках. К самым известным личностям такого рода относятся Домициан Анкирский и Феодор Аскида. Оба они были назначены на выдающиеся епископские кафедры: Домициан – на Анкирскую, а Феодор Аскида – на Кесарие-Каппадокийскую. Ещё есть два имени оригенистов, известных исследователям, – это одаренный мистическим восторженным красноречием Нонн и его постоянный спутник Леонтий Византиец. Именно Нонн увлек в ересь Домициана и Феодора Аскиду. Следующий представитель этой группы – Александр Абильский, возглавивший сопротивление иноков Новой Лавры. У Цезаря Барония мы встречаем упоминание еще одного имени оригениста – это некий Руфин. С оригенизмом также в определенной степени связано имя Евагрия Понтийского.

Ключевые слова. Оригенизм, оригенисты, представители, осуждение, богословские споры.

Для цитирования: Стржалковская А.Д., Фуникова С.В. 2021. Оригенисты и оригенизм IV–VI вв. в истории и историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 284–289. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-284-289.

Origenists and origenism in 4th–6th cent. A. D. in history and historiography

Anastasia D. Strzhalkovskaya, Svetlana V. Funikova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru; funikova@bsu.edu.ru

Abstract. This article is devoted to the study of some personalities who are called Origenists in sources and among researchers. The most famous personalities include Domitian of Ankyrsky and Theodore Askis. Both of them were appointed to prominent episcopal sees: Domitian – to Ancyra, and Theodore Askis – to Caesarea-Cappadocia. There are also two names of Origenists known to researchers – this is Nonn, gifted with mystical enthusiastic eloquence, and his constant friend Leonty Byzantium. It was Nonn who carried Asceis into the heresy of Domitian and Theodore. The next representative of this diaspora is Alexander Abilsky, who led the resistance of the monks of the New Lavra. In Caesar Baronius we find mention of another name of the Origenist – a certain Rufinus. The name Evagrius of Pontus is also associated with Origenism. Origenism before its condemnation in the middle of the 6th century. posed a serious threat to orthodoxy. Origenism is sometimes called «intellectual heresy» in the context of the connection of some of the ideas of Origenism with ancient philosophy.

Keywords: Origenism, origenists, representatives, condemnation, theological controversy.

For citation: Strzhalkovskaya A.D., Funikova S.V. 2021. Origenists and origenism in 4th–6th cent. A. D. In history and historiography. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 284–289 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-284-289.

Введение

В ортодоксальных источниках византийского времени, как и в целом в ортодоксальной традиции, оригенистов принято называть еретиками [Иванцов-Платонов, 1877; Иванов, Цыпин, 2006; Иванов, 2008]. Название «оригенизм» появилось еще в Древней Церкви и встречается в источниках, например у Елифания Кипрского в «Панарионе»: «Некоторые еретики называются оригенистами. Этот род ереси находится не везде» [Епифаний, 1872, с. 73]. Также и у Иоанна Дамаскина в книге «О ста ересях вкратце» весьма нелестно описывается оригенизм: «Оригенисты: от некоего Оригена. Это – бесстыдники, делающие то, о чем и говорить не позволительно, и предающие свои тела растлению» [Иоанн Дамаскин, 1913, с. 133].

Точное место появления самих оригенистов неясно. Наименования «оригенизм» и «оригенисты» произошли от имени Оригена, крупного богослова и учителя Церкви (185–254 гг.), труды которого, как известно, были осуждены на V Вселенском Соборе 553 г.; некоторые не согласные с этим осуждением остались верны утверждениям Оригена, они и вошли в историю как оригенисты.

На данный момент перед нами стоит задача – дать характеристику некоторым приверженцам оригенизма как историческим деятелям и определить их роль и место в церковной истории.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем приступить к описанию жизни и взглядов самых видных деятелей оригенизма, отметим, что его наиболее часто связывают с идейными течениями в богословии VI в., а территориально локализуют преимущественно в монашеских общинах в Палестине. Как известно, в Палестине того времени существовала «цитадель оригенистов» – Новая Лавра. С 547 г. приверженцы наиболее крайнего направления оригенизма из Новой лавры получили наименование «исохристы» [Карташев, 2002].

Наиболее ранний автор, который связывается с оригенизмом, – Евагрий Понтийский. Он жил в IV веке и был монахом в Келлийской пустыне в Египте. С оригенизмом его связывают по причине того, что он высказывал некоторые еретические идеи, подобные учению Оригена, за что и был осужден на V Вселенском Соборе (553 г.) вместе с Оригеном как еретик. Его осуждение было подтверждено VI Вселенским собором.

Самыми известными по количеству упоминаний в источниках оригенистами стали Домициан Анкирский и Феодор Аскида. О них же говорят и практически все исследователи, касавшиеся оригенистской проблематики в историографии.

У А.В. Карташева мы находим эти имена, где они описаны как палестинские монахи-оригенисты, присутствовавшие на соборе Константинопольского патриарха Мины в 536 г. Оба они в столице проявили свою богословскую интеллигентность и были назначены на выдающиеся епископские кафедры: Домициан – на Анкирскую, а Феодор Аскида – на Кесарие-Каппадокийскую. Как полезные помощники по церковному управлению, оба они даже не были посланы на свои места, а остались в столице. Особым доверием у самого императора Юстиниана пользовался Феодор Аскида [Карташев, 2002].

Также эти два имени называет Альфонс Курэ, утверждая то, что эти люди явно были оригенистами: «То были Домициан, настоятель монастыря Мартирия, и Феодор Аскида, экзарх Новой Лавры. Оба они за услуги, оказанные ими православию, были призваны на епископские престолы» [Курэ, 1894, с. 110]. Домициан стал епископом Анкиры, а Феодор – Кесарии Каппадокийской. Эти личности не просто благосклонно относились к учению Оригена, а являлись его страстными приверженцами, так как были выходцами из Новой Лавры [Курэ, 1894, с. 110]. Вероятно, именно по той причине в этот период Каппадокия с главными городами Кесарея, Колония, Севастия и её пещерные монастыри стали убежищем огромного количества изгнанников, не желавших и не согласных отречься от своей веры [Брокгауз, 2012].

Более подробно остановимся на Феодоре Аскиде (оригенист-епископ Кесарии Каппадокийской), деятельность которого подробно анализируется в монографии М.В. Грацианского. Особо отмечено то, что, найдившись в Константинополе из-за некоторых предложенных новых мер против «антиохийской» христологии, он начал наводить идейную смуту в придворных кругах. Некоторые его идеи очень понравились Юстиниану, который думал, как достойно ответить на обвинения монофизитов в том, что Халкидон реабилитировал «друзей Нестория» Иву Эдесского и бл. Феодорита Киррского. Таким образом, оригенистские круги оказались несколько искусственно объединенными с проблемой «Трех глав». Далее М.В. Грацианский не соглашается с данной позицией: «Во-первых, спор о Трёх Главах лишь с трудом можно поставить в прямую связь с оригенистским спором, в котором активную роль играл Аскида. Поэтому является неясным, как пресловутый оригенизм Аскиды мог навести его на мысль выступить против Трёх Глав или же настроить против них императора. Во-вторых, анафема Трёх Главам на Пятом Вселенском Соборе сопровождалась анафемой учению Оригена, что дополнительно указывает на то, что оригенист Феодор Аскида не мог стоять за этим решением» [Грацианский, 2007, с. 7–26]. Напротив же, Альфонс Курэ имеет иное мнение и считает, что оригенисты при дворе Юстиниана оказали влияние на спор о Трёх Главах [Курэ, 1894, с. 112].

Эту спорную проблему удачно разрешает, на наш взгляд, М.В. Грацианский, утверждая, что идея о том, что именно оригенисты злонамеренно вызвали спор о Трёх Главах, была достаточно широко распространена в православных кругах. Так, её сторонником был, например, Факунд Гермианский [Грацианский, 2007, с. 7–26]. Но оригенисты из злого умысла напали на Три Главы, поскольку тем самым они хотели отомстить антиоригенистам. Поскольку Юстиниан сам издал антиоригенистские эдикты, эта месть была направлена, судя по всему, на него. Почему для этой мести оригенисты выбрали именно Три Главы, непонятно. Факунд утверждает, что тем самым они хотели отменить Халкидонский Собор, что само по себе сомнительно ввиду того, что оригенисты никоим образом не были антихалкидонитами. Далее, если предположить, что они открыто заявили о своих намерениях (как Домициан в письме к Вигилию), то придётся смириться с тем фактом, что оригенисты хотели принудить Юстиниана служить своим тёмным целям. Получается, что этим целям наивный Юстиниан был вынужден со рвением служить в течение 16 лет! С такой трактовкой абсолютно невозможно согласиться [Грацианский, 2016, с. 184–186]. И далее М.В. Грацианский приводит аргумент в защиту своего мнения: нельзя не учесть, что деятельность Феодора Аскиды против Трёх Глав началась уже после появления императорского эдикта против оригенистов в конце 542 или начале 543 г. В свете этих аргументов тезис о том, что Феодор Аскида стал зачинщиком спора о Трёх Главах, представляется не выдерживающим критики. Инициатива их осуждения принадлежала, как всегда, Юстиниану [Грацианский, 2007, с. 7–26; Геростергиос, 2010].

Также высказывались мнения о том, что поскольку различные политические силы того времени были весьма заинтересованы в осуждении Трёх Глав, то приходится считать данную меру императора интригой, в которой его в своих целях использовал Феодор Аскида. М.В. Грацианский дает этому мнению следующую отповедь: «Во-первых, спор о Трёх Главах лишь с трудом можно поставить в прямую связь с оригенистским спором, в котором активную роль играл Аскида. Идея, что именно оригенисты злонамеренно вызвали спор о Трёх Главах, была достаточно широко распространена в православных кругах. Так, её сторонником был, например, Факунд Гермианский. Но как пресловутый оригенизм Аскиды мог навести его на мысль выступить против Трёх Глав или же настроить против них императора, в конечном итоге остается неясным» [Грацианский, 2016, с. 220].

Мы знаем о друге Феодора, упоминаемом вместе с ним, это оригенист Домициан (VI в.), епископ Анкирский. Он был палестинским монахом, игуменом лавры Фирмина, которая, как и Новая Лавра, в какой-то момент была оплотом оригенизма. В 536 г. он прибыл в Константинополь, где участвовал в Константинопольском Соборе. Как сообщают источники, он имел знакомство через Леонтия Византийского с пресвитером Евсевием, советником императора Юстиниана I, и именно он помог ему предстать перед императоро-

ром. В 540 г. Юстиниан, благоволивший Домициану, сделал его епископом Анкиры (Галатия). Как известно, Домициан Анкирский был близким другом Феодора Аскиды, одного из главных проводников императорской политики времени спора о Трех Главах (539–553 гг.). Вместе с ним Домициан ходатайствовал перед императором за патриарха Петра Иерусалимского, разорвавшего общение с патриархом Ефремом Антиохийским, когда тот первым осудил оригенизм (542 г.) [Грацианский, 2012; Kyrillos, 1939].

Ещё встречаются два имени оригенистов – это описываемый как одаренный мистическим восторженным красноречием Нонн и его постоянный товарищ Леонтий Византиец. Их несколько раз изгоняли настоятели монастыря Новой Лавры, так как настоятели не принадлежали к приверженцам учения Оригена и часто назначались св. Саввой Освященным из великой Лавры, хотя один из настоятелей – Мамма – принял иноков и их мистические рассуждения [Курэ, 1894, с. 112].

Леонтий Византиец, находясь в Константинополе, вошел в доверие к епископу Кизикскому и потом, находясь в хорошем положении в столице, ввел туда Домициана и Феодора Аскиду. Говоря о Леонтии Византийском, исследователи четко пишут, что он был писатель и оригенист [Леонтий, 2006, с. 15]. Мы имеем в виду Леонтия-оригениста, жившего в VI веке в период правления Юстиниана Великого. При жизни Леонтий Византийский принял монашеский постриг и стал насельником Новой Лавры в Палестине. Леонтий не оставил после себя при жизни никаких литературных трудов [Леонтий, 2006, с. 53]. Здесь не стоит путать этого Леонтия с Леонтием-писателем, жившим в VII в. и оставившим после себя большое литературное наследие [Леонтий, 2006, с. 54].

В некоторых источниках также встречается имя еще одного оригениста – Нонн. По мнению Курэ, именно этот Нонн увлек в ересь Домициана и Феодора Аскиду [Курэ, 1894, с. 112]. Нонн осуществлял свою деятельность в Палестинских монастырях, а впоследствии авва Нонн стал предводителем оригенистов в Новой Лавре, вступившим в противостояние с самим Саввой Освященным. По известным нам сведениям, из-за этих волнений Савва посетил императора Юстиниана в 531 г. и просил содействия в борьбе с Нонном и его сторонниками. Каких-либо более подробных сведений о Нонне нами не найдено. Вероятно, его личность требует более подробного изучения и поиска биографических сведений о нем в источниках.

Следующее имя мы встречаем только в одном месте это – Александр Абильский. Он возглавил движение иноков Новой Лавры. Затем был изгнан патриархом иерусалимским Евстохием. Александр Абильский создал фактически «государство в государстве» [Курэ, 1894, с. 116].

У Цезаря Барония мы встречаем упоминание еще одного имени оригениста – это некий Руфин: «Анастасий, папа, Руфина одного оригениста к себе призвал, дабы отвечал в заблуждениях Оригеновых» [Бароний, 1914, с. 415].

Таковы лишь некоторые представители оригенизма ранневизантийского времени [Кулаковский, 2003], и о каждом из них необходимо продолжить исследования, а в дальнейшем расширить и дополнить этот список. Причиной скудной информации по данной теме, вероятно, стали попытки уничтожить сведения о ересях и представителях этих направлений [Вальденберг, 2008].

Заключение

Заключить наш обзор можно словами Епифания Кипрского (315–403 гг.) об оригенистах, высказанными, когда эта ересь только начиналась: «Отразив и эту ересь как бы страшную змею, именуемую ехидною, которая ростом мала, но испускает ужасное по своей ядовитости дыхание и наносит гибель приближающимся к ней, – сокрушив ее, перейдем к следующим ересям, призвав Бога на помощь к совершению всего труда нашего в Боге» [Епифаний, 1872, с. 79]. Отсюда видим, что церковные авторы нелестно отзывались об оригенистах, а некоторые вообще предпочитали не упоминать их имена и замалчивали биографии. Вероятно, по причине такого негативного отношения к этим личностям о них

сохранились лишь обрывочные сведения в источниках [Иванова, 2006]. От этого интерес к оригенистам ныне только возрастает [Таевский, 2003].

Список литературы

1. Бароний Ц. 1914. Деяния церковные и гражданские от рождества Христова до 1198 лета. Москва, Типография Т-ва Рябушинских, 967.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон А.И. 2012. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. <http://www.vehi.net/brokgauz/all/106/106461.shtml>.
3. Вальденберг В.Е. 2008. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 412.
4. Геростергиос А. 2010. Юстиниан Великий – император и святой. Москва, Изд-во Сретенского монастыря, 448.
5. Грацианский М.В. 2012. Дометиан. Православная энциклопедия. Т. 15: 603–604.
6. Грацианский М.В. 2016. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. Москва, Изд-во Московского университета, 391.
7. Грацианский М.В. 2007. Св. император Юстиниан и спор о Трёх Главах (540–553 гг.). Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. Т. 17, 1: 7–26.
8. Епифаний Кипрский. 1872. Творения, часть 3. Москва, Типография Готье на Кузнецком мосту, 458.
9. Иванов М.С. 2008. Еретик. Православная энциклопедия Т. 18: 607–610.
10. Иванов М.С., Цыпин В. 2008. Ересь. Православная энциклопедия. Т. 18: 598–607.
11. Иванова И.И. Рационалистические ереси в истории христианства. 2006. Москва, Дисс. д. и. н. спец. 09.00.13, 351.
12. Иванцов-Платонов А.М. 1877. Ереси и расколы первых трёх веков христианства. Москва. Кн. 1, 348.
13. Иоанн Дамаскин. 1913. Полное собрание творений. О ересьях вкратце. Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 441.
14. Карташев А.В. 2002. Вселенские соборы. Клион, Христианская жизнь, 512.
15. Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. В 3-х томах. 3-е изд. Санкт-Петербург, Алетейя, 476.
16. Курэ А. 1894. Палестина под властью христианских императоров. Санкт Петербург, Русский паломник, 635.
17. Леонтий Византийский: сборник исследований. 2006. Москва, Империиум пресс, Центр библейско-патрологических исследований, 671.
18. Таевский Д.А. 2003. Христианские ереси и секты I–XXI веков. Москва, Интрада, 320.
19. Kyrillos von Skythopolis. 1939. Werke. Lpz., Teubner, 510.
20. Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. Vol.2. Oxford, Basil Blackwell, VI, 545.

References

1. Baronij C. 1914. Dejanija cerkovnye i grazhdanskie ot rozhdestva Hristova do 1198 leta [Church and civil acts from the birth of Christ to 1198 years]. Moskva, Tipografija T-va Rjabushinskih, 967 (in Russian).
2. Brokgauz F.A., Efron A.I. 2012. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauz i Efron [Encyclopedic Dictionary Brockhaus and Euphron]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/106/106461.shtml> (in Russian).
3. Val'denberg V.E. 2008. Istorija vizantijskoj politicheskoj literatury v svjazi s istoriej filosofskih techenij i zakonodatel'stva [History of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical trends and legislation]. Sankt-Peterburg, Dmitrij Bulanin, 412 (in Russian).
4. Gerostergios A. 2010. Justinian Velikij – imperator i svjatoj [Justinian the Great – Emperor and Saint]. Moskva, Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 448 (in Russian).
5. Gracianskij M.V. 2012. Dometian [Dometian]. In: Pravoslavnaja jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]. T. 15: 603–604 (in Russian).
6. Gracianskij M.V. 2016. Imperator Justinian Velikij i nasledie Halkidonskogo Sobora [Emperor Justinian the Great and the legacy of the Council of Chalcedon]. Moskva, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 391 (in Russian).

7. Gracianskij M.V. 2007. Sv. imperator Justinian i spor o Trjoh Glavah (540–553 gg.) [Holy Emperor Justinian and the dispute about the Three Chapters (540–553)]. In: Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy. Religious studies]. T. 17, 1: 7–26 (in Russian).
8. Epifanij Kiprskij. 1872. Tvorenija [Creations], chast' 3 [part 3]. Moskva, Tipografija Got'e na Kuzneckom mostu, 458 (in Russian).
9. Ivanov M.S. 2008. Eretik [Heretic]. In: Pravoslavnaia jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]. T. 18: 607–610 (in Russian).
10. Ivanov M.S., Cypin V. 2008. Eres' [Heresy]. In: Pravoslavnaia jenciklopedija [Orthodox encyclopedia]. T. 18: 598–607 (in Russian).
11. Ivanova I.I. 2006. Racionalisticheskie eresi v istorii hristianstva [Rationalistic heresies in the history of Christianity]. Moskva, Diss. d. i. n. spec. 09.00.13, 351 (in Russian).
12. Ivancov-Platonov A.M. 1877. Eresi i raskoly pervyh trjoh vekov hristianstva [Heresies and schisms of the first three centuries of Christianity]. Moskva. Kn. 1, 348 (in Russian).
13. Ioann Damaskin. 1913. Polnoe sobranie tvorenij. O eresjah vkratce [Complete collection of creations. Briefly about heresies]. Sankt-Peterburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 441 (in Russian).
14. Kartashev A.V. 2002. Vselenskie sobory [Ecumenical Councils]. Klin, Hristianskaja zhizn', 512 (in Russian).
15. Kulakovskij Ju.A. 2003. Istorija Vizantii [History of Byzantium]. V 3-h tomah. 3-e izd. Sankt-Peterburg, Aletejja, 476 (in Russian).
16. Kure A. 1894. Palestina pod vlast'ju hristianskih imperatorov [Palestine under the rule of Christian emperors]. Sankt Peterburg, Russkij palomnik, 635 (in Russian).
17. Leontij Vizantijskij: sbornik issledovanij [Leonty Byzantine: collection of studies]. 2006. Moskva, Imperium press, Centr biblejsko-patologicheskikh issledovanij, 671 (in Russian).
18. Taevskij D.A. 2003. Hristianskie eresi i sekty I–XXI vekov [Christian heresies and sects of the I–XXI centuries]. Moskva, Intrada. 320.
19. Kyrillos von Skythopolis. 1939. Werke. Lpz., Teubner, 510.
20. Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. Vol.2. Oxford, Basil Blackwell, VI, 545.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Стржалковская Анастасия Дмитриевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Anastasia D. Strzhalkovskaya, candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Фуникова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Svetlana V. Funikova, candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-290-298

Женское влияние в позднеантичном обществе по данным Аммиана Марцеллина

Анохина Е.В., Семичева Е.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85,
E-mail: anokhina-elizavetav@yandex.ru, semicheva@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу основных форм женского влияния, представленных в тексте «Res Gestae» Аммиана Марцеллина. Исторические сведения, приводимые античным историком в сочетании с данными им оценками, позволяют проиллюстрировать как позитивную, так и негативную модели взаимодействия женщин с мужчинами, наделенными политической властью. Выделены основные типы влияния, оказываемого женщинами на представителей мужского пола в соответствии с установленными инструментами такого влияния – эмоциональным воздействием, семейными связями и денежными ресурсами. Авторы приходят к выводу, что спектр оценок женского влияния, представленный Аммианом Марцеллином, достаточно широк и ситуативен и при этом коррелирует с гендерными представлениями и личными симпатиями автора, а также исповедуемыми им моральными принципами и морализаторским характером работы в целом.

Ключевые слова: гендер, феминность, влияние, Поздняя античность, Аммиан Марцеллин.

Для цитирования: Анохина Е.В., Семичева Е.А. 2021. Женское влияние в позднеантичном обществе по данным Аммиана Марцеллина. Via in tempore. История. Политология, 48 (2): 290–298. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-290-298.

Female influence in Late Antique society according to Ammianus Marcellinus

Elizaveta V. Anokhina, Elena A. Semicheva

Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: anokhina-elizavetav@yandex.ru, semicheva@bsu.edu.ru

Abstract

This work is devoted to the analysis of one of the gender problem in the «Res Gestae» by Ammianus Marcellinus, the largest late antique historian of the 2nd half of the 4th century A. D. Authors of this article concentrate on the main forms of female influence. The historical information and author's assessments give the possibility to illustrate both positive and negative models of interaction between women and men which were endowed with political power. The main types of influence exerted by women on males are highlighted. In accordance with them, the instruments of such influence have been established – emotional impact, relations of marital intimacy, family ties, and patronage and material resources. The authors come to the conclusion that the range of assessments of female influence given by Ammianus Marcellinus is quite wide and situational and correlates with gender perceptions and personal sympathies of the author, as well as his moral principles and the moralizing nature of the work in generally.

Key words: gender, femininity, influence, Late Antiquity, Ammianus Marcellinus.

For citation: Anokhina E.V., Semicheva E.A. 2021. Female influence in Late Antique society according to Ammianus Marcellinus. Via in tempore. History and political science, 48 (2): 290–298 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-290-298.

Введение

Одним из самых востребованных междисциплинарных подходов в сфере гуманитарного знания в последние десятилетия стал гендерный подход. Очевидно, что это связано с возросшей ролью женщин не только как объектов, но и как субъектов политической жизни обществ Запада, с одной стороны, и с продолжающимся расширением движений феминистской направленности, стремящихся к равноправию полов, с другой стороны. Переосмысление роли женщин в обозначенной сфере ориентирует исследователей на соответствующий анализ исторического материала. Перспективным в этом смысле выглядит период Поздней античности, характеризующийся сложностью социальных и политических связей, а также механизмов различного рода, включая гендерные взаимодействия. Обращение к истории позднего Рима, облик которого во многом определяется идеей континуитета, позволяет рассмотреть основные модели гендерных взаимоотношений в их культурной взаимосвязи с классической античностью. Кроме того, транзитивный характер рассматриваемой эпохи предоставляет возможность проанализировать различные факторы, влияющие на оценку женских поступков обществом, среди которых могут быть как традиционные, так и новые, возникшие под воздействием изменяющейся социально-политической обстановки.

Одним из наиболее репрезентативных источников по различным аспектам истории IV в. является «Res Gestae» Аммиана Марцеллина. Несмотря на обширную зарубежную и отечественную историографию, посвященную политическим реалиям, представленным в труде выдающегося позднеантичного автора³, гендерные аспекты этой проблематики в российском антиковедении остаются недостаточно исследованными. Исключение составляет специально посвященная этому вопросу статья В.А. Дмитриева, в которой автор приходит к выводу о традиционном характере взглядов Марцеллина на женщин и преобладающей негативной их оценке как в соответствии с такой традицией, так и в связи со свойственным ему морализаторством в целом [Дмитриев, 2015]. В зарубежной историографии гендерные вопросы в тексте Аммиана Марцеллина разработаны детальнее [Karau, 1971; Sabbah, 1991; Barnes, 1998; Wieber-Scariot, 1999; Tougher, 2000], однако большинство исследователей все же сосредоточены на характеристиках и оценках тех женщин, которые удостоились внимания античного автора, либо посвящены конкретным персоналиям. Вопросы гендерного взаимодействия и влиятельных эффектов, представленных в «Деяниях», в проблемное поле исследований фактически еще не были включены.

Предмет и методы исследования

Предметом данной статьи являются не столько сами женщины, сколько специфика их взаимодействия с мужчинами, выражавшегося в различных формах и способах женского влияния, в первую очередь в сфере политики. Обозначенный источник дает возможность выявить механизмы такого влияния, а также оценить отношение Аммиана Марцеллина к подобной роли женщин. Методология работы основана на гендерном подходе, ориентированном на анализ социальных ролей, распределяемых обществом на основании половой принадлежности. Особое значение в применении данного подхода имеют представления о феминности и маскулинности – совокупности психологических характеристик и поведенческих моделей, свойственных женщинам и мужчинам соответственно [Пинчукова, 2017]. В работе применяется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить авторские оценки и выявить возможные причины различий в гендерных характеристиках, а также историко-типологический, применение которого обусловлено необходимостью выделения основных типов женского влияния, группировки оценочных суждений и влияющих на них факторов.

³ Подробнее см.: [Ибатуллин, 2000; Рубцова, 2005; Харченко, 2006; Дмитриев, 2007; Blockley, 1975; Matthews, 1989; Kelly, 2008].

Результаты и их обсуждение

В работе К. Купер, посвященной женским инсинуациям в процессе христианизации римской аристократии, отмечено, что из текстов признанных классиков античной литературы можно выделить две модели традиционно сосуществовавшего женского влияния на мужчин в римском обществе – позитивную и негативную. В рамках позитивной модели воздействие женщины носит умиротворяющий характер, возвращая мужчину на путь спокойствия и рассудительности, а также удерживая его от необдуманных, порой жестоких поступков. В негативной модели, напротив, имеет место провокация со стороны женщин, зачастую руководимых корыстными целями, и даже подстрекательство мужчин к совершению преступных деяний [Cooper, 1992, p. 153]. При этом автор подчеркивает, что для античных авторов принципиально важны самостоятельность мужчин в принятии властных решений и способность противостоять негативному женскому влиянию. Именно поэтому они концентрируют внимание на ситуациях, когда политические лидеры оказывались подвержены воздействию женщин, и это, в свою очередь, оказывалось опасным для общества.

В качестве довольно яркого примера такой модели у Аммиана Марцеллина выступают взаимоотношения цезаря Галла и его жены Константины. Когда Галла принудили «представить подробный отчет о том, на каком основании предал он смерти всех убитых им в Антиохии», он отвечал, что «большинство казней он совершил по наущению жены своей Константины» (Amm. Marc. XIV. 11. 22) [Seyfart, 1978; Кулаковский, Сонни, 1994]. Показательно использование слова «incitante», переводимого как «наущение» или «подстрекательство» [Дворецкий, 1976], которое отражает скрытый характер влияния, оказываемого Константиной на своего супруга.

Античный историк считает, что противостояние женскому влиянию, негативные последствия которого очевидны, было необходимым и являлось признаком соответствующих волевых и моральных качеств мужчины. Именно таким примером позднеантичный автор считает Александра Великого, приводя в качестве антитезы действиям Галла его отказ казнить невиновного по материнской просьбе, несмотря на то, что она пыталась настоять на своем, апеллируя к сыновнему долгу той, которая девять месяцев носила его под сердцем: «Проси, дорогая матушка, другой награды, жизнь человека не искупается никаким благодеянием» (Amm. Marc. XIV. 11. 22).

Более того, реакция Галла вызывает осуждение, поскольку он, с одной стороны, открыто признает зависимость от жены, с другой стороны, пытается тем самым снять с себя часть ответственности. В обоих случаях поведение Галла воспринимается как неподобающее, поэтому Аммиан Марцеллин пишет о гневной реакции Констанция на ответ Галла (Amm. Marc. XIV. 11. 23).

Безусловно, столь категоричные оценки связаны с общим резким неприятием Аммианом Марцеллином личности Галла. Причины этого большинство исследователей видят в принадлежности автора к эллинизированной сирийской знати, которая, как известно, конфликтовала с цезарем [Григорюк, 2009, с. 12; Банников, Шмидт, 2013, с. 91]. Личные мотивы и пристрастия в качестве причины многочисленных обвинений Галла выделяет и И.Е. Ермолова, полагая тем не менее, что историк пытался их преодолеть в своем стремлении к объективности [Ермолова, 2017, с. 246–247]. Таким образом, вероятно, что указание на подверженность негативному женскому влиянию, а главное – прямое признание Галлом этого факта, дополнительно очерняло цезаря в глазах подданных.

Анализируя отношение Аммиана Марцеллина к женщинам, исследователи, как правило, склоняются к мысли о том, что преобладание отрицательных характеристик связывается в первую очередь с несоответствием женского поведения гендерной роли. [Дмитриев, 2015, с. 37]. Действительно, для античного историка женское влияние само по себе не является чем-то предосудительным. Напротив, он полагает прямым предназначением женщины – удерживать мужа от неправильных поступков, однако действовать при

этом следует в соответствии с феминным статусом: «...ей следовало бы, по свойственной женской природе мягкости, вернуть его полезным советом на путь правды и гуманности...» (Amm. Marc. XIV. 1. 8).

В этой связи приведем фрагмент, в котором Аммиан Марцеллин сообщает о довольно запутанной интриге, затеянной Констанцием для недопущения к императорскому престолу цезаря Галла. Одним из ходов этой интриги было приглашение им в гости своей сестры Константины – жены Галла, которое, по мнению Аммиана Марцеллина, затевалось, чтобы помочь Констанцию избежать подозрений в свой адрес. Историк пишет далее, что Константина, «хотя и колебалась, <...> тем не менее в надежде, что ей удастся смягчить брата, отправилась в путь» (Amm. Marc. XIV. 11. 6).

На наш взгляд, упомянутое намерение «*spe tamen quod eum lenire poterit ut germanum profecta*» и предпринятое с этой целью рискованное путешествие отражают попытку положительного влияния женщины как на характер облеченного властью мужчины, так и, возможно, на проводимую им политику, тем более что Константина, как уже было отмечено, в изложении античного автора выглядит чрезвычайно деятельной и влиятельной в отношении собственного мужа.

По оценке Аммиана Марцеллина, Констанций в целом был подвержен стороннему воздействию, особенно в вопросах заговоров, мнимых и подлинных: «...вообще был сносный государь, но стоило кому-нибудь, хотя бы и неизвестному человеку, шепнуть ему на ухо что-нибудь подобное, как он становился жесток, неумолим и <...> не похож на себя» (Amm. Marc. XIV. 9. 2). Следовательно, излишняя подозрительность, склонность верить слухам и сплетням, даже самым невероятным, и зависимость от мнения приближенных, которые были свойственны императору [Ермолова, 2017, с. 244–245], дают объяснение отмеченному Аммианом Марцеллином стремлению Константины повлиять на брата и, вероятно, сделать шаг к налаживанию отношений между ним и ее супругом. Учитывая также, что в остальных частях своей работы историк рисует Константину как «мегеру в человеческом облике» (Amm. Marc. XIV. 1. 2), оценивая ее поведение и влияние на мужа резко негативно, констатация самой возможности позитивного влияния, смягчения сложной ситуации и проявления вполне феминных качеств является показательной.

Вместе с тем, на наш взгляд, шкала оценки различных способов женского влияния у Аммиана Марцеллина не ограничивается следованием гендерным стереотипам и зависит как от соответствия целей и последствий нормам морали, так и от личных пристрастий автора. Несмотря на общую негативную характеристику Аммианом Марцеллином такого поведения женщин, которое отличалось излишней, по его мнению, активностью, автор превозносит жену Ормизда, находившегося на римской службе перса царского рода, которая «...спасла своего мужа в крайне опасном положении» (Amm. Marc. XXVI. 8. 12). Сама опасность и ее детали в работе не названы, но автор пишет об этой женщине в одобрительном тоне, характеризуя ее поведение как «внушавшее уважение» (Amm. Marc. XXVI. 8. 12). Очевидно, речь идет об идеальном образе римской матроны: добропорядочной жены и матери, неукоснительно соблюдающей предписанные традицией нормы и правила [Шеховцова, 2008, с. 316]. Однако вторая характеристика, позволившая супруге Ормизда достичь цели, звучит как «прославившая ее настойчивость», которая, на наш взгляд, воспринималась римлянами скорее как маскулинная черта. В позднеантичном обществе феминными считались противоположные характеристики – «легкомыслие и непостоянство» (СТ 9. 24. 1). Следовательно, женщине удалось оказать покровительство своему супругу благодаря как женским, так и вполне мужским чертам, проявившимся в ее характере, что не мешает Аммиану Марцеллину одобрительно оценить ее действия.

Показателен также другой случай, связанный с подавлением Феодосием Старшим восстания мавританского царевича Фирма в римской Африке. По свидетельству Аммиана Марцеллина, сестра Фирма предприняла активные действия, позволившие ей с помощью значительных материальных ресурсов сплотить разрозненные племена для поддержки во-

енной кампании против Рима. Примечательно употребление Аммианом Марцеллином как гендерно окрашенного выражения «женский задор», так и вполне мужского «самым энергичным образом», которые, по мнению автора, в сочетании с «большими богатствами» и позволили женщине реализовать свое влияние: «Progressusque aliquantum iuxta Addense municipium comperit, dissonas cultu et sermonum varietate nationes plurimas unum spirantibus animis, inmanium exordia concitare bellorum, adigente hortanteque maxima spe praemiorum sorore Firmi nomine Cyria, quae abundans divitiis et destinatione feminea, nisibus magnis instituit iuvare germanum» (Amm. Marc. XXIX. 5. 28).

Интересно, что в тексте источника отсутствует прямое осуждение Кирии. Во-первых, возможно, для позднеантичного автора оказался важным мотив помощи брату и отсутствие у женщины собственных корыстных или аморальных целей. Во-вторых, вероятно, сыграло свою роль отношение Аммиана Марцеллина к Феодосию Старшему, которого он стремился прославить в своей работе [Дилигенский, 1961, с. 45]. Масштаб племенного союза, пусть и созданного при непосредственном участии женщины, как и значительность потребовавшихся для его организации усилий и ресурсов, были призваны возвысить победы римского полководца, который его ликвидировал.

Данный фрагмент позволяет, кроме того, выделить в качестве одного из средств женского влияния принадлежавшие женщинам материальные средства. Юридические документы свидетельствуют, что в позднеантичную эпоху владение имуществом в браке повсеместно носило раздельный характер, соответственно, женщина обладала определенной свободой в распоряжении своей долей финансовых ресурсов [Arjava, 1996, p. 143]. Заслуживает внимания замечание Аммиана Марцеллина о том, что вышеупомянутая супруга Ормизды была женщиной «богатой и знатной» (Amm. Marc. XXVI. 8. 12). Стремление к браку с обеспеченной женщиной воспринимается автором одобрительно как способ благородный и безопасный (Amm. Marc. XXVIII. 1. 35).

Источник позволяет утверждать, что, помимо финансовых возможностей и вполне маскулинных настойчивости и энергичности, женщины использовали как средство влияния психологическое воздействие и собственно супружескую близость. В сюжете о знатном нисибийце Краугазии и его жене последняя, попав в персидский плен, сообщает мужу о своем местонахождении. Желая воссоединиться с мужем, она апеллирует к страсти, которую он, по-видимому, испытывал к ней, поскольку, отправив посыльного, распорядилась «передать ему предметы, напоминавшие об их интимной семейной жизни, чтобы Краугазий, узнав о судьбе своей супруги, прибыл к ней для совместной жизни» (Amm. Marc. XIX. 9. 4). Несмотря на то, что для Краугазия такое решение означало, по сути, государственную измену, напоминание оказалось вполне эффективным, и он соглашается на покровительство персов, после чего женщина обращается к персидскому царю с просьбой «принять под свою власть и ее супруга» (Amm. Marc. XIX. 9. 5). Аммиан Марцеллин отзывается об этих действиях без осуждения, скорее с сочувствием, отмечая, как она «горевала при мысли, что ей предстоит переселение <...> в чужой мир без супруга» (Amm. Marc. XIX. 9. 3. 4). Вероятной причиной такого лояльного отношения является святость супружеских уз, превозносимая историком и ценящаяся даже выше преданности государству [Дмитриев, 2015, с. 36]. Однако в этом случае играет роль и подлинно феминный характер поведения женщины.

Значительными влиятельными возможностями обладали женщины, непосредственно облеченные властью. Формой такого влияния можно считать покровительство. По свидетельству Аммиана Марцеллина, именно «справедливое покровительство» императрицы Евсевии «спасло Юлиана от преследований и доставило ему звание цезаря» (Amm. Marc. XXI. 6. 4). Отметив, что в противном случае «он бы погиб под натиском позорной клики льстецов» (Amm. Marc. XV. 2. 8), историк положительно оценивает заступничество Евсевии за Юлиана, причем в этом сюжете акцент смещен с собственно политического вмешательства на моральный аспект спасения жизни невинного: Евсевия «сре-

ди своих современниц выделялась <...> нравственными качествами и при своем высоком положении проявляла гуманность» (Amm. Marc. XXI. 6. 4). Такая высокая оценка действий императрицы имеет выраженный личный оттенок, поскольку речь идет о Юлиане, который сыграл важную роль в жизни самого Аммиана и с которым его связывали достаточно близкие отношения, сложившиеся во время совместных персидских походов. Именно в период правления Юлиана, представленного в тексте «Деяний» в качестве образцового императора, довольно успешно развивалась военная карьера будущего историка, а после его смерти продвижение Аммиана Марцеллина на этом поприще прекратилось [Уколова, 1992, с. 44]. Эта личная заинтересованность историка в оценке событий очевидна, поскольку в целом моральный облик Евсевии далек от совершенства.

Иллюстрацией к сомнительности ее поведения и нравственных качеств, с одной стороны, и реального влияния на политическую ситуацию, с другой стороны, является сюжет о приглашении в Рим жены цезаря Юлиана, Елены, сделанного «под видом сердечного к ней расположения». Позднеантичный автор утверждает, что, «будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила ее выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш» (Amm. Marc. XVI. 10. 18). Причины подобного поступка автор видит не только в личной зависти, но и в политической плоскости, поскольку Евсевия стремилась предотвратить появление у Юлиана наследника, которому он оставит престол (Amm. Marc. XVI. 10. 19). Данный пример иллюстрирует вышеупомянутую подвижность оценок высокопоставленных женщин и их влияния, поскольку подобное поведение Евсевии явно идет вразрез с гуманностью и нравственностью, которые ей приписывает Аммиан в других ситуациях.

Заключение

Таким образом, анализ представленных в «Res Gestae» Аммиана Марцеллина сюжетов, связанных с гендерным взаимодействием, позволил прийти к следующим выводам. Не считая женщин самостоятельными властными фигурами, историк тем не менее приводит достаточно примеров их способности влиять на мнения и поступки мужчин как позитивным, так и негативным образом. Согласно первой модели, женское поведение предполагало мягкость, сдержанность, обладало умиротворяющим эффектом и коррелировало с гендерным стереотипом, восходящим к классической традиции и в полной мере соответствующим мировоззрению «последнего римлянина». Активное маскулинное поведение женщины, навязывание ею своей воли мужчине, энергичные действия, как правило, соответствовали второй модели, выходили за рамки присущей женщине социальной роли и, поскольку чаще приводили к результату, не соответствующему моральным нормам, имели негативные коннотации.

В тексте нашего историка довольно широко представлен инструментарий такой неявной женской власти, который включал эмоциональные реакции, в том числе страстные семейные связи, покровительственный эффект, а также материальные ресурсы.

Оценки, данные Аммианом Марцеллином женскому влиянию, не всегда прямо зависят от особенностей гендерного поведения, они в большей степени соотносятся с морализаторской направленностью текста, а также связываются с его личными пристрастиями и конкретными ситуациями. Решающим фактором при формулировке оценочных суждений зачастую выступает близость автора с описываемыми им персонажами, на жизни и карьере которых отразились проявления женской власти. В соответствии с этим, апеллируя к женскому влиянию, Аммиан подчеркивает политическую волю и независимость как достоинства правителя, либо акцентирует внимание на слабости и податливости, проявляющихся в невозможности противостоять этому влиянию, как его негативных чертах.

Список литературы

1. Аммиан Марцеллин. Римская история. 1994. Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. Отв. ред. Л.Ю. Лукомский. СПб., Алетейя, 558.
2. Банников А.В., Шмидт Г.А. 2013. Miles quondam scriptor rerum: проблема достоверности сведений по военной истории у Аммиана Марцеллина. В: Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 4: 90–98.
3. Гонтарь Ю.С. 2012. Андрогиния как современное направление развития гендерного исследования студентов факультета социально-культурной деятельности МГУКИ. В: Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 1 (45): 193–198.
4. Григорюк Т.В. 2009. Цезарь Галл в античной историографии. В: Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология. 7 (62): 10–15.
5. Дилигенский Г.Г. 1961. Северная Африка в IV–V веках. М., изд-во АН СССР, 348.
6. Дмитриев В.А. 2007. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии. В: Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 1: 32–42.
7. Дмитриев В.А. 2015. Женщины в «Деяниях» Аммиана Марцеллина: к вопросу о гендерных представлениях «последних римлян». В: Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология. 13 (210). Вып. 35: 30–38.
8. Ермолова И.Е. 2017. Констанций II в «Res gestae» Аммиана Марцеллина. В: Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., Наука, 243–250.
9. Ибатуллин Р.И. 2000. Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи. Уфа, 194.
10. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов. 1976. Отв. ред. И.Х. Дворецкий. М., Русский язык, 1096.
11. Пинчукова И.В. 2017. Гендерный подход в исторической науке. В: Известия Алтайского государственного университета. 4: 117–120.
12. Рубцова М.В. 2005. Репрезентация политической организации Римской империи IV в. в «Res gestae» Аммиана Марцеллина. Барнаул, 164.
13. Уколова В.И. 1992. Поздний Рим: пять портретов. М., Наука, 157.
14. Харченко Ю.В. 2006. «Res Gestae» Аммиана Марцеллина в зарубежной историографии. В: Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2: 206–208.
15. Шеховцова Е.Е. 2008. Женщина и власть в Римской империи: постановка проблемы в аспекте методологии. В: Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 67: 314–318.
16. Ammianus Marcellinus. 1978. «Res Gestae». Ed. W. Seyfart. Leipzig. In 4 T.
17. Arjava A. 1996. Women and Law in Late Antiquity. New York, Ed., 304.
18. Barnes T.D. 1998. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca, Cornell Univ. press, 290.
19. Blockley R.C. 1975. Ammianus Marcellinus: A Study of His Historiography and Political Thought. Bruxelles, Latomus, 210.
20. Cooper K. 1992. Insinuations of Womanly Influence: An Aspect of the Christianization of the Roman Aristocracy. In: The Journal of Roman Studies, № 82: 150–164.
21. Karau L. 1971. Das Bild der Frauen in den «Res Gestae» des Ammianus Marcellinus. Berlin, 455.
22. Kelly G. 2008. Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian. Cambridge, University Press, 378.
23. Matthews J.F. 1989. The Roman Empire of Ammianus. Baltimore, The Johns Hopkins University press, 608.
24. Sabbah G. 1991. Présences féminines dans l’Histoire d’Ammien Marcellin. Les rôles politiques. In: Cognitiono gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus. Amsterdam, 91–105.
25. Tougher S. 2000. Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: A Split Personality? In: Greece & Rome. Vol. 47. № 1: 94–101.
26. Wieber-Scariot A. 1991. Zwischen Polemik und Panegyrik. Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den «Res gestae» des Ammianus Marcellinus. Trier, 464.

References

1. Ammian Marcellin. 1994. *Rimskaya istoriya* [The Roman History]. Per. Y.A. Kulakovskogo, A.I. Sonni. Otv. red. L.Y. Lukomskiy. St. Petersburg, Aleteya, 558 (in Russian).
2. Bannikov A.V., Shmidt G.A. 2013. Miles quondam scriptor rerum: problema dostovernosti svedenii po voennoi istorii u Ammiana Marcellina [Miles quondam scriptor rerum: the problem of the reliability of information on military history by Ammianus Marcellinus]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*. 4: 90–98 (in Russian).
3. Gontar Y.S. 2012. Androginiya kak sovremennoe napravlenie gendernogo issledovaniya studentov faculteta socialno-kulturnoi deyatel'nosti MGUKI [Androgyny as a modern direction in the development of gender studies of students of the Faculty of Social and Cultural Activities of Moscow State University of Culture and Arts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'turi i iskusstv*. 1 (45): 193–198 (in Russian).
4. Grigoruk T.V. 2009. Cesar Gall v antichnoi istoriografii [Caesar Gallus in ancient historiography]. In: *Nauchnie vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (62): 10–15 (in Russian).
5. Diligensky G.G. 1961. Severnaya Africa v IV–V vekah [North Africa in the IV–V centuries]. Moscow, izd-vo AN SSSR, 348 (in Russian).
6. Dmitriev V.A. 2007. Ammian Marcellin v otechestvennoi istoriografii. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki*. 1: 32–42.
7. Dmitriev V.A. 2015. Zhenshini v «Deyaniyah» Ammiana Marcellina: k voprosu o gendernih predstavleniyah «poslednih rimlyan» [Women in the «Res Gestae» by Ammianus Marcellinus: on the issue of gender representations of the «last Romans»]. *Nauchnie vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13 (210). Vyp. 35: 30–38 (in Russian).
8. Ermolova I.E. 2017. Constanci II v «Res gestae» Ammiana Marcellina [Constantius II in «Res gestae» by Ammianus Marcellinus]. *Indoevropeskoe yazikoznanie i klassicheskaya filologiya*. St. Petersburg, Nauka, 243–250 (in Russian).
9. Ibatullin R.I. 2000. Ammian Marcellin: problemi biographii v kontekste epokhi [Ammianus Marcellinus: problems of biography in the context of the era]. Ufa, 194 (in Russian).
10. Latinsko-russkiy slovar: okolo 50 000 slov. 1976 [Latin-Russian dictionary: about 50 000 words]. Otv. red. I.H. Dvoretzkiy. Moscow, Russkiy yazik, 1096 (in Russian).
11. Pinchukova I.V. 2017. Genderny podkhod v istoricheskoy nauke [Gender approach in Historical Science]. In: *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 117–120 (in Russian).
12. Rubtsova M.V. 2005. Reprezentatsia politicheskoi organizatsii Rimskoy imperii IV v. v «Res gestae» Ammiana Marcellina [Representation of the political organization of the Roman Empire in the 4th century in the «Res gestae» by Ammianus Marcellinus]. Barnaul, 164 (in Russian).
13. Ukolova V.I. Pozdni Rim: pyat portretov [Late Rome: five portraits]. Moscow, Nauka, 157 (in Russian).
14. Kharchenko Yu.V. 2006. «Res Gestae» Ammiana Martcellina v zarubeznoi istoriografii [«Res gestae» by Ammianus Marcellinus in foreign historiography]. In: *Vestnik Voronezskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istiriya, politologiya, sociologiya*. 2: 206–208 (in Russian).
15. Shehovtsova E.E. 2008. Zhenshina i vlast v Rimskoy imperii: postanovka problemi v aspekte metodologii [Woman and power in the Roman Empire: formulation of the problem in the aspect of methodology]. *Izvestia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 67: 314–318 (in Russian).
16. Ammianus Marcellinus. 1978. «Res Gestae». Ed. W. Seyfart. Leipzig. In 4 T.
17. Arjava A. 1996. *Women and Law in Late Antiquity*. New York, Ed., 304.
18. Barnes T.D. 1998. *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca, Cornell Univ. press, 1998, 290.
19. Blockley R.C. 1975. *Ammianus Marcellinus: A Study of His Historiography and Political Thought*. Bruxelles, Latomus, 210.
20. Cooper K. 1992. Insinuations of Womanly Influence: An Aspect of the Christianization of the Roman Aristocracy. In: *The Journal of Roman Studies*. 82: 150–164.
21. Karau L. 1971. *Das Bild der Frauen in den «Res Gestae» des Ammianus Marcellinus*. Berlin, 455 (in German).
22. Kelly G. 2008. *Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian*. Cambridge University Press, 378.

23. Matthews J.F. 1989. *The Roman Empire of Ammianus*. Baltimore, The John Hopkins University press, 608.

24. Sabbah G. 1991. Présences féminines dans l’Histoire d’Ammien Marcellin. Les rôles politiques. In: *Cognitio gestorum. The Historiographic Art of Ammianus Marcellinus*. Amsterdam, 91–105 (in French).

25. Tougher S. 2000. Ammianus Marcellinus on the Empress Eusebia: A Split Personality? In: *Greece & Rome*. Vol. 47. 1: 94–101.

26. Wieber-Scariot A. 1991. Zwischen Polemik und Panegyrik. Frauen des Kaiserhauses und Herrscherinnen des Ostens in den «Res gestae» des Ammianus Marcellinus. Trier, 464 (in German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Анохина Елизавета Леонидовна, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Elizaveta V. Anokhina, post-graduate student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Семичева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Elena A. Semicheva, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-299-317

Изучение личности Гипатии в зарубежной историографии

Суслов Ф.А.

МБОУ СОШ № 35,

308000 г. Белгород, ул. Преображенская, 14

E-mail: fedor-suslov@mail.ru

Аннотация. В статье делается анализ степени изученности личности Гипатии и основных тенденций по этой проблематике в зарубежной историографии. Образ Гипатии привлекал внимание исследователей еще начиная с XVIII в. Популярность образа связана с тем, что она являлась женщиной-ученым и главой школы в Александрии, а также с её жестоким убийством радикальными христианами из группировки парабаланов. Гипатия стала символом мученицы за язычество, а её убийство – свидетельством жестокости и нетерпимости христиан. В течение XIX и XX вв. тема Гипатии продолжала изучаться, привлекая внимание всех школ и направлений. Настоящий бум исследовательской активности наблюдается с 1980–90-х гг., когда появились первые специализированные монографии по Гипатии. На данный момент Гипатия является самым популярным позднеантичным философом, входя в пятерку самых популярных философов античного мира вообще, вызывая исследовательский интерес от исследователей со всей Европы, а также США, Австралии, ЮАР и Южной Кореи. Главное внимание привлекают темы её убийства, связанные с межконфессиональными отношениями в позднеантичной Александрии, её философское учение, изыскания в области точных наук, возглавляемая ею школа, а также личная и публичная жизнь, социальные связи. На данный момент наиболее острые дискуссии ведутся по роли патриарха Кирилла в её убийстве, по значению Гипатии для математики и философии, а также по направлению неоплатонизма, которому она следовала. Основной проблемой является трудность исследования творчества Гипатии в области математических наук для историков-гуманитариев. Огромное внимание к Гипатии приковано со стороны феминистического движения, символом которого она является.

Ключевые слова: Гипатия, зарубежная историография, зарубежное антиковедение, поздняя античность, Александрия, св. Кирилл Александрийский.

Для цитирования: Суслов Ф.А. 2021. Изучение личности Гипатии в зарубежной историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 299–317. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-299-317.

The study of the personality of Hypatia in foreign historiography

Fedor A. Suslov

Municipal budgetary educational institution Secondary school № 35,

14 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia

E-mail: fedor-suslov@mail.ru

Abstract. This article analyzes the degree of study of the personality of Hypatia and the main trends on this issue in foreign historiography. The image of Hypatia has attracted the attention of researchers since the 18th century. The popularity of the image is due to the fact that she was a woman philosopher and head of the school in Alexandria, as well as her brutal murder by radical Christians from the parabolan group. Hypatia became a symbol of a martyr for paganism, and her murder is evidence of the cruelty and intolerance of Christians. During the 19th and 20th centuries, the topic of Hypatia continued to be studied, attracting the attention of all schools and trends. A real boom in research activity has been observed since the 1980s and 90s, when the first specialized monographs on Hypatia appeared. At the moment, Hypatia is the most popular late antique philosopher, one of the five most popular philosophers of the ancient world in general, arousing research interest from researchers from all over Europe, as well as the USA,

Australia, South Africa and even South Korea. The main attention is drawn to the themes of her murder associated with interfaith relations in late antique Alexandria, her philosophical teachings, research in the field of exact sciences, the school she heads, as well as personal and public life, social ties. At the moment, the most acute debates are on the role of Patriarch Kirill in her murder, on the importance of Hypatia for mathematics and philosophy, as well as on the direction of neo-Platonism, which she followed. The main problem is the difficulty of researching the work of Hypatia in the field of mathematical sciences for humanist historians who cannot fully appreciate her work. Huge attention to Hypatia is riveted on the part of the feminist movement, of which she is a symbol.

Key words: Hypatia, foreign historiography, foreign classical studies, late antiquity, Alexandria, St. Cyril of Alexandria.

For citation: Suslov F.A. 2021. The study of the personality of Hypatia in foreign historiography. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 299–317 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-299-317.

Введение

В центре внимания данной работы – изучение в зарубежной историографии личности и деятельности знаменитой женщины-философа позднеантичной Александрии Гипатии, дочери математика и астронома Теона, которая была жестоко убита в 415 г. радикальной группировкой христиан-парабаланов, возглавляемой Петром Чтецом (Philostorg. HE. VIII. 9; Socr. HE. VII. 15; Damasc. fr. 43, 106; Malal. Chron. XIV. 12; Ioan. Nik. Chron. LXXXIII (LXXXIV). 87–103; Theoph. Chron. a. 5906/406; Suid. Y 166; Anthol. Gr. IX. 400).

Результаты и их обсуждение

Эта тема издавна привлекала внимание ученых-историков. Это был пример женщины, пробившейся на высокие ступени общественной лестницы в эпоху древнего мира, причем за счет своего ума и образованности. Интерес к ней возник еще в византийской исторической традиции, а через Кассиодора ее образ получил распространение также и в Западной Европе [Watts, 2017, p. 124].

Возрождение интереса к Гипатии состоялось в эпоху Просвещения, когда началось развитие идей равенства и истоки эмансипации женщин в европейском обществе. В 1720 г. ирландский философ-протестант Джон Толанд (1670–1722) [Watts, 2017, p. 135] публикует длинное эссе о Гипатии, название которого можно перевести примерно так: «Гипатия, или История самой прекрасной, самой целомудренной, самой ученой и во всех отношениях совершенной Леди; которая была разорвана на куски духовенством Александрии, чтобы удовлетворить гордость, соперничество и жестокость своего Архиепископа, обычно, но незаслуженно украшенного святого Кирилла» [Toland, 1753]. В ней он на основе византийских источников всячески восхваляет Гипатию, противопоставляя ее добродетель мерзости Кирилла Александрийского. Это произведение имело явную антиклерикальную направленность против Католической Церкви [Dzielska, 1995, p. 2]. В ответ ему выступил англичанин Т. Льюис в 1721 г. [Watts, 2017, p. 136], написавший памфлет «История Гипатии, самой бесстыдной учительницы Александрийской школы: убитая и растерзанная на куски населением в защиту святого Кирилла и александрийского духовенства. Против клеветы мистера Толанда» [Lewis, 1721]. В нем он доказывал, что Гипатия не была столь выдающаяся и образованная, как представлено в работе Толанда, а была обычной женщиной-язычницей. Её смерть использована как часть атаки на св. Кирилла со стороны еретика Сократа Схоластика и язычника Дамаския.

В 1728 г. вышла более глубокая диссертация анонимного автора с инициалами M.G. на французском языке: «Диссертация о Гипатии, где оправдывается Святой Кирилл Александрийский от обвинения в смерти этого ученого». Она была переиздана и позднее [Desmolets, 1749a]. В этой работе признавались таланты и достоинства Гипатии как учено-

го, но на основе филологической критики опровергались обвинения Сократа Схоластика и Дамаския против Кирилла как виновника убийства. Доказывалась тенденциозность античных источников и противоречия, содержащиеся в них, а также то, что Петр Чтец, возглавлявший группу парабаланов – убийц Гипатии, действовал по собственной инициативе. В конце диссертации было приложение в виде письма некой мадемуазель Б., которая хвалила диссертацию за внимание к женщине-ученому и достижениям женщин в области наук [Desmolets, 1749b].

В 1772 г. также вышла статья Вольтера о Гипатии в «Философском словаре» [Voltaire, 1860], где он обратил внимание на упоминание в источниках, что Гипатию раздели догола, перед тем как убить. Это задавало новое направление интереса к Гипатии, в частности, обращение к темам женственности, эротизма, молодости и красоты, несмотря на упоминание в источниках о весьма зрелом возрасте Гипатии [Watts, 2017, p. 139]. Тем не менее дискуссия имела выраженную религиозную направленность, а сама личность Гипатии рассматривалась как легендарная.

Аналогичные взгляды о Гипатии выражены в знаменитом труде британского историка XVIII в. Э. Гиббона. В своей «Истории упадка и гибели Римской империи» (1776–1788) он представляет Гипатию как мученицу за язычество, убитую жестокими фанатиками за свои взгляды [Gibbon, 1781, p. 82–93, 312–323; Dzielska, 1995, p. 3–4].

С XIX в. Гипатия начала занимать свою нишу в литературе и искусстве. Стало появляться множество новых исторических романов о Гипатии, она показывалась в поэтических и драматических произведениях, памятниках искусства [Watts, 2017, p. 140–141; Dzielska, 1995, p. 3–12]. Это стимулировало исследовательский поиск и профессиональный исторический интерес к Гипатии.

В 1860 г. появилась глубокая статья немецкого исследователя Р. Хохе «Гипатия, дочь Теона», но она не рассматривала математические штудии Гипатии [Hoche, 1860, S. 435–474]. В 1879 г. С. Вольфом издан аннотированный справочник по первоисточникам о Гипатии [Wolf, 1879]. В 1880 г. вышла небольшая статья П. Таннери, где анализировались данные «Суды» как источник по жизни Гипатии [Tannery, 1880, p. 197–200]. В 1886 г. В. Мейер подготовил диссертацию «Гипатия Александрийская: вклад в историю неоплатонизма» [Meurer, 1886], где детально рассматривалась жизнь и философская деятельность Гипатии. В 1887 г. также вышла обширная статья Г. Бигони [Bigoni, 1886/1887], который подробно исследовал биографические вехи женщины-философа, правда, ее научным штудиям уделил весьма мало внимания [Deakin, 2007, p. 215]. Внимание Гипатии уделено и в фундаментальном 6-томном труде «История падения античного мира» немецкого историка О. Зека, выпускаемом с 1895 по 1920 гг., где он подробно исследует дату смерти ученой женщины [Seeck, 1966, p. 78–79, 404–405].

В 1-й пол. XX в. интерес к исследованию жизни и деятельности Гипатии продолжился, однако он не носил системного характера, каких-либо крупных трудов не появлялось, ученые ограничивались предметными статьями. В 1907 г. немецкий исследователь Р. Асмус выпустил статью, посвященную изучению Гипатии в исторической традиции и поэтической литературе [Asmus, 1907, p. 26–27]. В 1920-е гг. вышла статья А. Роме, где впервые изучались математические штудии Гипатии, в частности, её совместные с отцом комментарии к «Амальгесту» [Rome, 1926, p. 1–14]. В 1940 г. крайне информативную статью о Гипатии подготовил А. Ричесон, однако, хотя она была напечатана в математическом журнале, там было весьма мало рассуждений о математических методах Гипатии [Richeson, 1940, p. 74–82].

В 1950–60-е гг. определенный интерес проявлялся к философскому учению Гипатии и её роли в неоплатонической традиции. А. Марру изучал влияние учения Гипатии на её самого известного ученика Синесия [Marrou, 1952, p. 474–484; 1964, p. 126–150], Дж. Рист рассматривал кинические аспекты философии Гипатии [Rist, 1965]. В 1970-е гг. активнее стала затрагиваться математическая и астрономическая стороны деятельности

Гипатии. Комментарии к Диофанту рассмотрены в статье Р. Раше [Rashed, 1974, p. 97–122; 1975, p. 3–30]. В 1975 г. вышла монография О. Нейгебауэра «История древней математической астрономии», где рассматривалась астролябия, которую использовали Теон и Гипатия в своих астрономических исследованиях [Neugebauer, 1975, p. 873]. Ранее астролябии он же посвятил отдельную большую статью [Neugebauer, 1949, p. 240–256]. Интересна статья Э. Эврара, в которой исследуется официальный статус Гипатии в школе Теона; автор приходит к выводу, что она не занимала официальной должности [Évrard, 1977, p. 69–74].

Некий бум исследований по Гипатии наблюдался в 1980–90-е гг. Именно тогда были основаны два феминистических журнала, носящих имя античного философа: в 1984 г. открыт журнал «Hypatia: Feminist Studies» в Афинах, а в 1986 г. – «Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy» в Кембридже [Watts, 2017, p. 144]. Последний имеет свой сайт.

Также в это время появляется ряд важных публикаций. Интересна статья Роберта Пенеллы, где рассматривалась дата рождения Гипатии; автор приходит к выводу, что она родилась много ранее 370 г. [Penella, 1984, p. 126–128].

В 1987 г. был издан библиографический сборник о женщинах-математиках, где даны 43 биографии этих женщин, их достижения, список трудов и библиография, и среди них также статья И. Мюллер о Гипатии, которая кратко, но ёмко излагает все основные моменты её жизни и деятельности, в том числе в области математики [Mueller, 1987, p. 74–79].

В этом же году М. Вейз был издан первый том серии «История женщин-философов», посвященный женщинам-философам античности с 600 г. до н. э. до 500 г. н. э. Глава 9 этого сборника посвящена Гипатии, где также излагается биография и научно-преподавательская деятельность позднеантичной ученой, а также дается большой материал по математическим работам Гипатии с обсуждением её комментариев к работам античных математиков [Waithé, 1987, p. 169–197]. Но рассмотрение этих вопросов базируется на более давних исследованиях, не учитывая новейшие работы по истории математики на тот момент [Deakin, 2007, p. 222].

В 1989 г. вышла еще одна общая работа В. Кнорра «Текстовые исследования в античной и средневековой геометрии», где 11 глава посвящена Гипатии. Там делается попытка реконструировать её собственные математические исследования на основе анализа комментариев к «Амальгесту» Птолемея, сделанных Теоном совместно с дочерью [Knorr, 1989].

На эту работу сделал критический отклик английский исследователь Алан Кэмерон, пришедший к выводу о том, что Гипатия гораздо меньше участвовала в редактировании комментариев своего отца, чем это думал Кнорр [Cameron, 1990, p. 103–127]. А в его совместной с Дж. Лонг монографии «Варвары и политика при дворе Аркадия», построенной на основе анализа произведений Синесия, есть подраздел 2.5, посвященный Гипатии, где кратко излагается жизнь и учение учёной; в частности, делается интересный вывод о том, что философия Гипатии и её отца Теона сильно зависела от мистического неоплатонизма Ямвлиха [Cameron, Long, 1993, p. 39–62].

В 1995 г. появилась первая серьёзная монография, посвященная специально Гипатии. Её подготовила польская исследовательница М. Дзельска [Dzielska, 1995]. О важности книги говорит ее переиздание в Гарварде. Сочинение разделено на 3 главы: 1 глава – «Литературная легенда о Гипатии», там исследуется образ Гипатии в исторической науке и культуре Нового и Новейшего времени; 2 глава – «Гипатия и её круг», это наиболее интересная и подробная глава в книге, в которой делается попытка реконструкции круга учеников Гипатии, прежде всего, на основе писем Синесия. Развивается интересная точка зрения, что брат одного из учеников Гипатии Геркулиана, которого звали Кир и который предположительно также проходил обучение в школе Гипатии, мог быть одним и тем же лицом, что и образованнейший префект Восточной префектуры претория и префект Константинополя 1-й пол. V в. Кир Египетский, прославившийся как поэт и философ и обви-

ненный в язычестве при императоре Феодосии II [Dzielska, 1995, p. 31]. Если эта гипотеза верна, то она показывает глубокое влияние школы Гипатии на интеллектуальную жизнь империи. 3 глава – «Жизнь и смерть Гипатии», посвящена непосредственно биографии Гипатии, а также её научной деятельности. Автор пытается реконструировать математические и астрономические штудии Гипатии, однако делает это поверхностно [Deakin, 2007, p. 216].

Помимо этой монографии в 1990-е гг. Н. Ниетупски была подготовлена обобщающая статья о Гипатии «Гипатия: математик, астроном и философ» [Nietupski, 1993, p. 46–62], где рассмотрены астрономические достижения Гипатии, а в статье Б. Витфилда анализируются достижения в области математики [Witfield, 1995, p. 14–21]. В статье Д. Роке изучается семья Гипатии [Roques, 1995, p. 128–149]. В статье В. Бэрри рассмотрены и проанализированы обстоятельства убийства учёной [Barry, 1996, p. 55–74].

В 1997 г. вышла важная монография Кристофера Хааса «Александрия в поздней античности: топография и социальные конфликты», где затрагиваются и проблемы убийства Гипатии в контексте конфликта с патриархом Кириллом. Но внимание Хааса сосредоточено на этнорелигиозных социальных конфликтах в городе, а не на деятельности самой Гипатии [Haas, 1997, p. 295–316].

В новом тысячелетии внимание к Гипатии со стороны исследовательского сообщества только возрастает. Многие исследователи сосредотачиваются на проблемах религиозного конфликта Гипатии с Кириллом и её убийства. Эти вопросы изучает в своей статье Пекка Хейкура, где он приходит к выводу о том, что Гипатия склонялась к греко-римскому плюрализму и не участвовала в местных религиозных культах, поэтому не была популярна у местного языческого сообщества [Heikura, 2000].

Убийство Гипатии освещено в монографии К. Крамера [Kramer, 2006], статьях Л. Карлоу [Karlow, 2005/2006, p. 2–26], А. Беленького [Belenkiy, 2010, p. 9–13]. Последний выдвинул интересную гипотезу о том, что убийство Гипатии было связано с её астрономическими наблюдениями и опровержением рассчитанной церковниками даты пасхалий.

Также стало развиваться новое направление рецепции образа Гипатии и Кирилла Александрийского в современности. В 2007 г. Жаклин де Медичи подготовила работу «Любимые и проклятые: Гипатия и Кирилл от поздней античности до современности» [Medicci, 2007]. Здесь рассматриваются основные легенды и мифы о Гипатии на протяжении истории.

Разрабатывались и другие темы. В частности, Сильвия Ронкей подготовила статью, где рассматривала Гипатию и её отношения с Синесием с точки зрения женственности и как вариант платонической любви. Гипатию и Синесия исследовательница считала ровесниками, а также отмечала высокий уровень классической «эллинской» культуры у Гипатии, что вызывало симпатии к ней со стороны нехристианской аристократии, но в то же время вызывало проблемы с официальной идеологией [Ronchey, 2005, p. 129–138]. Ранее Ронкей подготовила статью о Гипатии в сборнике «Римские женщины», посвященную интеллектуальной деятельности Гипатии как философа [Ronchey, 1999, p. 160–189].

Большое внимание уделено научно-образовательной деятельности Гипатии. В ходе раскопок в одном из регионов Александрии Ком-эль-Дикка были найдены остатки аудиторий. Это стимулировало публикационную активность. Р. Кривиоре подготовила общую статью об образовательном пространстве в поздней античности [Cribiore, 2007, p. 143–150], польский археолог Г. Майчерек показал устройство аудиторий с точки зрения археологии [Majcherek, 2007]. Джудит Маккензи подготовила фундаментальную монографию по архитектуре Александрии и Египта с 300 г. до н. э. по 700 г. н. э. [McKenzie, 2007].

В 2006 г. Эдвард Уоттс издал глубокую монографию «Город и школа в позднеантичных Афинах и Александрии», где изучает деятельность двух крупнейших образовательных центров поздней античности в IV–V вв. Научно-образовательную деятельность и убийство Гипатии Уоттс подробно рассматривает в 4-й главе своего труда, посвященной

культурной жизни Александрии в конце IV в., в специальном подразделе «Гипатия и языческая философская культура в конце IV в.». Особенно интересны его выводы о философском учении Гипатии. В противовес Алану Кэмерону, Уоттс считает Гипатию не последовательницей неоплатонизма Ямвлиха и теургии, а наследницей очищенного от религиозных практик умопостигаемого неоплатонизма Плотина, что привлекало в её школу огромное число студентов-христиан. Школу Гипатии Уоттс считает центральной в Александрии в начале V в. [Watts, 2006, p. 187–203].

Наиболее глубокоую и фундаментальную работу по Гипатии в начале XXI в. подготовил историк и математик Майкл Дикин, который впервые с профессиональных позиций комплексно проанализировал математические штудии Гипатии и рассмотрел ее достижения в качестве математика. Его работа «Гипатия Александрийская: математик и мученик» была издана в 2007 г. [Deakin, 2007]. Она состоит из Введения, 10 глав с приложениями и аннотированной библиографией. Работа обладает четкой и продуманной, очень логичной структурой. Во введении автор ставит проблему, показывает развитие образа Гипатии в культуре и его актуальность для современности. Глава 1 посвящена историческому контексту жизни Гипатии, дана краткая характеристика политического развития империи в поздней античности. Глава 2 затрагивает интеллектуальный контекст, то есть развитие математических знаний в Александрии ко времени жизни Гипатии, в частности рассматриваются те математики, которых комментировали Теон и Гипатия. Во второй части главы дан краткий обзор развития неоплатонического учения в поздней античности. В главе 3 представлен религиозный контекст, то есть внутрехристианские теологические споры в поздней античности: тринитарные, христологические и др., особенно касательно Александрии. Во второй части главы дается разбор догматики неоплатонизма, а в третьей – концепция троичности Божества, характерная для христиан и неоплатоников. Глава 4 комплексно характеризует источники по Гипатии, причем помимо нарративных позднеантичных и византийских источников (церковные истории, хроники, биографические статьи «Суды», на основе которых реконструируется «Ономатолог» Гесихия Милетского и «Философская история» Дамаския и т. п.) автор затрагивает собственно математико-философские работы, в частности математические комментарии Теона и Гипатии. Не обходит вниманием он и работы Синесия как источник по жизни и философскому учению Гипатии. Но в то же время некоторые источники автором проигнорированы, например, не упомянута «Церковная история» Филосторгия, а также некоторые данные византийской традиции [Deakin, 2007, p. 45–46]. В главе 5 обобщены сведения о жизни Гипатии, в том числе на основе данных заглавной части комментариев Теона выдвинута интересная гипотеза о том, что у Гипатии был брат Епифаний, который мог быть жрецом местного языческого культа. Отметим, что автор отказывается от спекулятивных построений о матери Гипатии, так как по ней совершенно нет данных [Deakin, 2007, p. 52–53]. Глава 6 посвящена преподавательской работе Гипатии в школе, её социальным связям и образу жизни. Автор подчеркивает, что учёная занимала высокое общественное положение, поэтому часто общалась с высшими должностными лицами города. Также представлен её предположительный уровень научных знаний, в том числе в области астрономии и математики. В главе 7 анализируется смерть Гипатии. Автор рассматривает её с точки зрения этносоциальных конфликтов и борьбы между христианами, иудеями и язычниками, следуя письменным источникам. В главе 8 делается попытка комплексной реконструкции философского учения Гипатии на основе трактатов её ученика Синесия как варианта конспекта лекций своего учителя. Наиболее интересна глава 9, посвященная математическим трактатам Гипатии. Автор в ней системно характеризует источники математических штудий Гипатии, а затем те трактаты, которые приписываются позднеантичной учёной: комментарии Теона на «Амальгест» Клавдия Птолемея, особенно на книгу III, приписываемую единоличному авторству Гипатии, а также комментарии на «Коники» Аполлония, «Арифметику» Диофанта, «Астрономический канон» Птолемея, а также работы, авторство Гипа-

тии для которых не доказано, но могло быть. Особо рассматриваются приборы, которые использовала, а возможно, и самостоятельно разработала Гипатия: астролябия и гидроскоп. Автор дает их функциям не религиозно-мистическое, как принято у многих историков, а естественно-научное объяснение, например, рассматривает гидроскоп как ареометр – прибор для измерения плотности жидкостей, который Синесий просил для практических нужд своего лечения [Deakin, 2007, p. 104–105]. Последняя 10 глава наиболее интересна, здесь М. Дикин делает выводы о вкладе работ Гипатии в развитие математических наук. Он приходит к интересному выводу, что собственно научная деятельность Гипатии переоценена, так как никаких самостоятельных научных математических трудов за Гипатией доподлинно не известно, а лишь комментарии к другим математикам, которые нужны в образовательном процессе. Гипатия адаптировала более сложные работы применительно к уровню своих студентов. В плане философии Гипатия имела скорее эклектические взгляды. В то же время её педагогическая деятельность была на высоком уровне, её лекции были очень популярны, а студенты её очень любили.

Интересны приложения к работе. В прил. 1 дается визуальная реконструкция приборов и геометрических фигур Гипатии и, собственно, математический разбор положений и теорем Гипатии и тех математиков, которых она комментировала. Прил. 2 содержит сведения о еще одной женщине-математике поздней античности Пандросионе, а также критический разбор её дискуссии с математиком IV в. Паппом Александрийским. Прил. 3 рассматривает легенду о св. Екатерине Александрийской, причем автор выдвигает интересную гипотезу о том, что это христианская адаптация образа Гипатии в плане жизни и мученической смерти [Deakin, 2007, p. 135–136]. В прил. 4 собраны переводы всех известных письменных источников о жизни Гипатии: словарей «Суды» (X в.) и Гесихия Милетского (VI в.), философской истории язычника Дамаския (V–VI в.), церковных историков Сократа Схоластика (IV–V вв.), Иоанна Никиусского (VII в.), писем Синесия Гипатии и друзьям о Гипатии; а также отдельно вынесены в «Разное» иные источники: заголовки с биографическими сведениями в комментариях Теона, извлечения из хроник Иоанна Малалы (VI в.) и Феофана (IX в.), а также данные из «Церковной истории» Филосторгия (IV–V вв.), которые проигнорированы в основной части. Работу Дикина можно считать если не лучшей, то одной из лучших по научной деятельности Гипатии.

В 2008 г. писательница Сэнди Донован издала научно-популярную книгу «Гипатия: математик, изобретатель и философ», адаптированную для подростков в серии «Замечательные жизни: древний мир» [Donovan, 2008]. Она содержит общие факты о жизни Гипатии. В 2010 г. вышла статья А. Бернара о Теоне и Гипатии в «Кембриджской истории философии в поздней античности», изучавшая философские взгляды обоих позднеантичных ученых [Bernard, 2010, p. 417–436].

Увеличение интереса к Гипатии в наши дни продолжается, она стала символом современного феминистического движения [Cameron, 2016, p. 185]. Это частично связано с выходом на экраны в 2009 г. фильма «Агора» испанского режиссера Алехандро Аменабара. Это историческая драма о борьбе христиан и язычников в позднеантичной Александрии, где главным действующим лицом была Гипатия [Heijden, 2016, p. 111]. Согласно статистике поисковых запросов Google на июль 2015 г., Гипатия имела 635 тыс. поисковых запросов, уступая только четырем философам: Платону (90 млн), Сократу (25 млн), Аристотелю (22 млн) и Пифагору (9,1 млн). При этом популярность Гипатии намного опережала неоплатоников Плотина (458 тыс.), Порфирия Тирского (65 тыс.), Ямвлиха (224 тыс.), Прокла (408 тыс.) и Дамаския (97,5 тыс.). Даже св. Кирилл Александрийский имел лишь 523 тыс. поисковых запросов [Watts, 2017, p. 4, 158].

В 2011 г. австрийский филолог Генриетта Харих-Шварцбауэр издала монографию «Гипатия. Позднеантичные источники» на основе своей диссертации, защищенной в 1997 г. В ней даётся филологическая критика основных источников по жизни и деятельности Гипатии [Harich-Schwarzbauer, 2011].

Также наблюдается усиление феминистического уклона в исследованиях по Гипатии. В этом ключе выполнена работа К. Минарди «Вспоминая древних женщин: Гипатия Александрийская и её сообщество» [Minardi, 2011]. Автор подчеркивает роль Гипатии в социальной и политической жизни, отмечает её публичную деятельность, участие в различных организациях, а также значимость вклада женщины в науку и культуру. Работа опирается на различные феминистические концепции и носит междисциплинарный характер.

Также вышла монография Шарлотт Буз «Гипатия: математик, философ, миф» [Booth, 2017]. В этой книге автор разбирает существующие мифы о Гипатии, подчеркивая её элитное положение в обществе, и показывает её основные достижения. Гипатия представлена как яркая представительница египетской культуры, духовная наследница Клеопатры.

Новую и более подробную статью издал Алан Кэмерон под названием «Жизнь, работа и смерть Гипатии». Первоначально она вышла в 2013 г. в парижском сборнике в честь П. Шувена [Cameron, 2013, p. 65–82], а затем была переиздана под названием «Гипатия: жизнь, смерть и труды» (глава 9) в собственном сборнике Кэмерона «Странствующие поэты и другие очерки позднегреческой литературы и философии» [Cameron, 2016, p. 185–203]. Эта статья достаточно глубокая, она подробно и критически анализирует все источники о Гипатии, а также дает краткий обзор рецепции образа Гипатии в последующей исторической традиции. Автор критически оценивает идеи Э. Уоттса и приходит к выводу, что школа Гипатии не была так значима, как её представляют, так как у нее не было учеников, ставших профессиональными философами. Ориентируясь на уничижительные характеристики Гипатии как философа со стороны Дамаския, Кэмерон приходит к выводу, что Гипатия не внесла ничего нового в неоплатонизм. Она была традиционным платоником с интересом к священным мистериям Ямвлиха. Но и математические работы Гипатии сомнительны в плане самостоятельности, скорее, это редакция работ Теона. Кэмерон соглашается с М. Дикином, что это были комментарии и адаптация. Гипатия была скорее софистом и преподавателем, нежели фундаментальным учёным. В то же время благодаря своему высокому социальному положению Гипатия была действительно близка с высшими магистратами Александрии. Её убийство английский учёный связывает с политическими мотивами, а также с тем, что она оказывала влияние на правящий слой. Кирилл относился к ней отрицательно из-за того, что префект Орест хотел использовать её в качестве союзницы в борьбе с авторитетом александрийского патриарха, привлекая образованную языческую элиту. Сама Гипатия была довольно мудрой женщиной, но пожилой, – ей было уже за 60 на момент убийства, по мнению Кэмерона, и она не стремилась вмешиваться в христианско-иудейский конфликт, отстаивая интересы своей группировки.

Апологетическую позицию по отношению к св. Кириллу занимают австралийский исследователь Марио Багос [Baghos, 2014, p. 87–125] и польский учёный Анджей Холасек [Holasek, 2012, S. 107–113], которые полагают, что патриарх не был заинтересован в жестоком убийстве женщины-учёного, и нет никаких прямых доказательств его участия в этих событиях. В то же время тогда развертывалась борьба между христианскими группировками, а также иудеями, в ходе чего вспыхнули беспорядки, а сам Кирилл боролся против новациан. Основной источник, намекающий на участие патриарха в убийстве, – церковный историк Сократ Схоластик – имел новацианские симпатии и был тенденциозен в изображении Кирилла. Дамаский же в целом был настроен антихристиански.

В 2017 г. вышла еще одна крупная работа по Гипатии. Она была подготовлена уже упоминавшимся Эдвардом Уоттсом под названием «Гипатия. Жизнь и легенда античного философа» [Watts, 2017]. Эта работа более поверхностна, чем работа М. Дикина, в плане анализа математических штудий Гипатии. Несмотря на это, монография представляет собой довольно серьёзное историческое исследование, в ней присутствуют весьма важные моменты в плане источниковедения, исторического контекста и рецепции образа Гипатии. Эта работа также состоит из введения и 10 глав. Во введении автор дает яркую картину

произошедшего убийства и вводит читателя в проблему, показывая шокирующий эффект убийства в ранневизантийском обществе как среди язычников, так и христиан, а также значимость образа Гипатии в современном мире. В 1 главе дается социально-исторический контекст событий жизни Гипатии. Автор показывает Александрию как город жестких социальных контрастов: живущее в античном антураже классически образованное меньшинство и бедное интернациональное необразованное большинство, живущее в тяжелых условиях. Во 2 главе рассматривается детство и образование Гипатии; автор делает вывод, что Гипатия училась у Теона, что повлияло на её философские взгляды. Философию она не сакрализовала, а сочетала с математическими знаниями. Также показывается возможности женского образования в поздней античности. В главе 3 показана школа Гипатии, которая изображается как основанная на математических штудиях, продолжая методы Теона, а также что философская составляющая образования следовала здесь традициям Плотина и Порфирия, обучение строилось на чтении и анализе философских текстов Платона и Аристотеля, без всяких религиозных практик. Уоттс отрицает являющееся влияние на трактаты Гипатии, призывая отделять её учение от концепций Синесия, следующего христианским гностикам [Watts, 2017, p. 45]. В то же время она давала высокие образцы морали и гражданственности. Отсутствие теургических практик привлекало в школу Гипатии христиан, а само образование было в религиозно нейтральном ключе, давая духовную пищу и для язычников, и для христиан. В главе 4 показывается процесс медиализации образования, когда оно всё более наполнялось религиозным содержанием. Автор показывает упадок Афинской школы, а также развитие теургических практик на Востоке, в том числе в Александрии. Эти школы были конкурентами школы Гипатии, хранившей античные платонические традиции. Также показана религиозная борьба среди христиан и антиязыческие гонения, что приводило к радикализации язычества и нарастанию социальной напряженности. Глава 5 посвящена социальным связям в школе Гипатии между учителем и учениками, которые выступали как мать и её дети, на основе писем Синесия. Также затрагивается тема девственности Гипатии и распространения этих идей среди неоплатоников. В 6 главе рассматривается общественная деятельность Гипатии как часть гражданских обязательств и долга античного философа, хотя, по мнению Уоттса, политика Гипатию не интересовала. В качестве примера приводится философ-политик IV в. Фемистий. В 7 главе дается краткая характеристика других известных женщин-философов, «сестер Гипатии», показывая возможности женского образования: это Пандросиона, Сосипатра и Асклепиогения, жена Максима Эфесского, хотя при этом жившая в середине V в. в Александрии женщина-философ Эдесия, глава школы Гермия [Болгов, Болгова, 2019], не упоминается. 8 глава посвящена убийству Гипатии, в том числе с анализом социально-политической жизни в городе накануне убийства, на основе источников, а также его значению и последствиям для Александрии. Убийство Гипатии автор связывает с социальной напряженностью в александрийском обществе и этносоциальными противоречиями. При этом, по мнению Уоттса, изначально Гипатию не собирались убивать, а лишь запугать, но сыграл свою роль эффект толпы [Watts, 2017, p. 115]. Также он делает вывод, что после убийства Гипатии Афины снова перехватили у Александрии пальму первенства в философской науке. В главе 9 показано восприятие убийства Гипатии и отражение его в последующей нарративной традиции средних веков как в византийской, так и на западе. Автор подчеркивает ужас современников и потомков, а также героический ореол, который получила Гипатия в результате своей трагической смерти. В то же время выделяется точка зрения Иоанна Никиусского, который чуть ли не единственный защищает патриарха Кирилла и обвиняет Гипатию. Одной из самых интересных глав является глава 10, посвященная рецепции образа Гипатии в последующей культуре и исторической науке вплоть до современности. Заключение представлено как анализ современных мифов о Гипатии, символизма её образа в современной политике и культуре.

Книга Уоттса вызвала широкий отклик в научном сообществе, на неё было написано несколько рецензий – как положительных, так и отрицательных. Разгромную рецензию написала вышеупомянутая Сильвия Ронкей [Ronchey, 2018], критикующая Уоттса за умозрительность положений и выводов, что часто он игнорирует источники и выдает собственные идеи за доказанные положения. Критически разбирая положения Уоттса, Ронкей представляет собственные интересные идеи: например, оспаривая пожилой возраст Гипатии на момент смерти, исследовательница замечает, что история с менструальной кровью доказывает, что Гипатия была в детородном возрасте на момент преподавания, то есть до 40 лет, и ей приходилось отбиваться от влюбленных в неё студентов. Также Ронкей резко критикует умозрительные построения Уоттса относительно убийства Гипатии и игнорирование им политической составляющей этого убийства, выдвигая интересную концепцию о том, что убийство могло быть связано с опасениями Кирилла, что Гипатия формировала среди магистратов политическую группировку с целью антихристианского заговора. Поэтому убийство носило характер разгрома этой языческой партии.

В то же время весьма положительную рецензию на монографию Уоттса оставил А. Петкас, который хвалит автора за грамотную структуру, интересное содержание, особенно за вставку главы о других женщинах-ученых, делая замечание, что в книге недостаточно раскрыта риторическая составляющая в школе Гипатии [Petkas, 2018, p. 11–14].

Р. Брендель оставил в целом нейтральную рецензию, в качестве недостатков книги отметив слишком современный подход Уоттса к Гипатии с феминистических позиций и заметив, что в общественной жизни античности формы дискриминации с помощью слухов о сексуальной невожатанности применялись к любым политическим противникам; а также сделав замечание о том, что у Уоттса указана не вся важная исследовательская литература [Brendel, 2018].

А вот исследовательница-феминистка Алесия Пицци, наоборот, похвалила автора за такое внимание к Гипатии как женщине, подчеркнув ее важную роль в позднеантичном обществе как примиряющей силы, а также отметив, что она была великой женщиной, которой выпала возможность сыграть мужскую роль [Pizzi, 2018].

Аналогичную хвалебную рецензию оставила Виктория Леонард [Leonard, 2018, p. 416–419], подчеркнувшая сбалансированность работы Уоттса в плане освещения жизни и деятельности Гипатии с гендерно нейтральных позиций; она сделала несколько любопытных замечаний о том, что все источники о Гипатии дошли от мужчин и носят женоненавистнический характер, а также что девственность Гипатии была не только данью философской традиции, но и платой – отказом от сексуальности – за возможность заниматься общественно-политической жизнью.

Также очень положительно оценила книгу и Роберта Мацца, которая назвала её «всесторонним социальным исследованием». В то же время она упрекнула автора в том, что он предпочитает ориентироваться на мужские древние источники о Гипатии, а не анализировать трудности положения женщины в позднеантичном обществе в современном дискурсе, подчеркнув величие Гипатии, которая смогла за счет таланта преодолеть все формы социальной дискриминации женщин, а также в образе своей школы создала некую контркультуру господствующей идеологии воинствующего христианства. За это она и поплатилась, как многие современные женщины, став жертвой мужского насилия [Mazza, 2018, p. 59–62].

Восторженную рецензию на книгу Уоттса оставил Седрик Шейдеггер Лёммле, подчеркнув, что Уоттс качественно справился с задачей реконструкции биографии Гипатии в условиях малочисленности и тенденциозности источников, а также что автор правильно уловил гендерную динамику в исследовании позднеантичного общества. Похвалы удостоились и последние главы, отражающие особенности рецепции мифа о Гипатии в Новое и Новейшее время [Lämmle, 2018, p. 170–172].

Литовская исследовательница Айте Селкуте из Корейского университета в Сеуле также отзывается очень высоко об этой книге Уоттса, хотя её рецензия носит больше дескриптивный характер. Тем не менее она подчеркивает важность вопросов, которые поднимает Уоттс: о возможностях женского образования, о конкуренции Афинской и Александрийской философских школ в этот период, положительно отмечая главу о женщинах-философах, которая позволяет выделить общие проблемы, с которыми сталкивались женщины-учёные в поздней античности. В то же время Селкуте считает, что основным залогом успеха Гипатии на общественно-политическом и научном поприще было её социальное положение и то, что она являлась дочерью Теона и унаследовала его школу, а отнюдь не её талант, так как для женщин в тот период было слишком много социальных ограничений, чтобы пробиться за счёт одного таланта [Selkytė, 2018].

Особняком стоит статья Кристин Сампсон «Известная и забытая Гипатия» [Sampson, 2018, S. 53–65], которая использует монографию Уоттса как фон для рассуждений о том, какие мифы существуют про Гипатию, а какие стороны её жизни и деятельности полностью проигнорированы. В этой статье исследовательница приходит к интересной идее о том, что возвышение неоплатонической школы Гипатии в начале V в. связано с разгромом языческой оппозиции при закрытии храма Сераписа в 391 г., так как тогда все конкурирующие с Гипатией представители философского теургического направления покинули город.

Новые публикации по Гипатии продолжают появляться в большом количестве и в последнее время. Отметим вышедшую в 2017 г. интересную статью американских исследователей о новых методах определения даты рождения Гипатии на основе математических принципов [Canio, Isola, Russo, 2017, p. 19–40].

Помимо данных работ продолжает развиваться направление исследования образа Гипатии в области античной рецепции. Особое внимание современных исследователей привлекает вышеупомянутый фильм «Агора» как вариант исторической реконструкции жизни Гипатии. Несмотря на то, что в «Агоре» допущены многие вольности, искажающее информацию из первоисточников (например, Гипатия на момент убийства представлена как молодая и красивая женщина; её убивает не толпа по-зверски, а мягко её бывший раб, влюбленный в неё и ставший христианином, чтобы спасти от жестокой расправы и надругательства; префект Орест является её бывшим учеником и тем самым неудачным влюбленным, которому она демонстрировала менструальную кровь; Синесий на момент обучения уже является христианином; перенос убийства Гипатии на 24 года назад, во времена разрушения храма Сераписа и пожара в Александрийской библиотеке и т. п.). Тем не менее в «Агоре» очень хорошо показан исторический фон позднеантичной Александрии и степень напряженности борьбы между различными религиозными конфессиями, а различные искажения хорошо показывают стереотипы современного общества о Гипатии. Образу Гипатии в «Агоре» посвящена вышедшая в 2014 г. статья Марии Лопес Мартинес [Martnez, 2014, p. 202–222]. Также вышли и другие статьи с отзывами на этот фильм.

В 2016 г. была защищена диссертация южноафриканской исследовательницы Джиллиан ван дер Хейден «Исследование рецепции жизни и смерти философа-неоплатоника Гипатии Александрийской в фильме Аменабара "Агора"». Эта диссертация включает в себя введение и 7 глав. В главе 1 исследуется исторический контекст Александрии 370–415 гг. В главе 2 дан обзор литературы: как источников (помимо привычных источников, в том числе игнорируемая многими исследователями эпиграмма поэта V в. Паллада на Гипатию), так и исследований (вынесены в отдельные разделы работы Толанда, Гиббона, Риста, Видера, Пенеллы, Дзельской, Дикина и Кэмерона) и наиболее значимых произведений художественной литературы (роман Ч. Кингсли «Гипатия»). В главе 3 анализируются наиболее значимые исторические фильмы-пеплумы об античности как предтечи «Агоры», а также рецепция этих образов в современной культуре и идеологии. Глава 4 посвящена уже конкретному разбору фильма Аменабара «Агора», архитектурно-

му пространству, развитию сюжета, основным конфликтам. В главе 5 дается характеристика основному антагонисту – архиепископу Кириллу, а также его окружению, в том числе оказавшемуся в другом лагере Синесию, а также рецепции классической античности в христианскую эпоху, представленной в фильме. В главе 6 представлен образ одного из главных протагонистов наравне с Гипатией – раба Дава. Этот персонаж не является исторической личностью, но его глазами зритель может видеть обе противоборствующие стороны как бы изнутри. Глава 7 является заключением [Heijden, 2016]. Исследования этого фильма очень важны, так как именно через «Агору» современный зритель может визуализировать эпоху Гипатии.

Заключение

Таким образом, тема Гипатии является одной из ключевых в современной историографии поздней античности. Это связано с популярностью образа женщины-философа в современной культуре, она является самой популярной среди всех позднеантичных философов, а среди всех философов древности идет на пятом месте, уступая только Платону, Сократу, Аристотелю и Пифагору. Это связано не столько с научными заслугами Гипатии, от которой дошли лишь комментарии, и то лишь частично (нет ни одной самостоятельной работы), сколько с необычным для её пола высоким положением в позднеантичном социуме Александрии (она возглавляла крупнейшую философскую школу города и была на короткой ноге с местными правителями), а также жестоким убийством, сделавшим её мученицей язычества. Образ Гипатии как женщины-философа стал привлекать внимание ещё в XVIII в. в науке, так как был необычайно подходящим в плане антиклерикальной направленности творчества философов и гуманистов эпохи Просвещения, получив распространение в культуре и искусстве, поскольку в качестве виновника гибели талантливой женщины-философа подозревается один из столпов догматики – св. патриарх Кирилл Александрийский. Интерес к Гипатии проявлялся в XIX в., когда были созданы первые фундаментальные работы по её жизни и творчеству, которые можно считать научными. Он также не угасал в 1-й пол. XX в., но до 1960-х гг. практически не было создано крупного труда о Гипатии, кроме отдельных статей, что было связано с трудностью анализа математических штудий Гипатии. Но во 2-й пол. XX в. начался исследовательский бум в отношении Гипатии, который особенно активизировался с 1990-х гг. Именно тогда были созданы первые фундаментальные монографии о её жизни и творчестве. На данный момент лучшими и наиболее системными работами о Гипатии являются монографии М. Дзельской, М. Дикина, где впервые комплексно анализируются математические штудии женщины-учёного, Э. Уоттса, а также глубокие статьи Ал. Кэмерона. В наши дни исследовательский интерес к проблеме продолжает расти. Этому способствовало развитие образа Гипатии в культуре и искусстве, в том числе и появление на экранах испанского фильма «Агора», ставшего первым фильмом, где в центре внимания был конфликт Гипатии с патриархом Кириллом Александрийским. География исследований охватывает практически весь мир, все европейские научные школы, продолжая расширяться: среди разобранных нами работ есть работы английских, французских, немецких, австрийских, итальянских, испанских, бельгийских, нидерландских, норвежских, финских, польских, американских, австралийских, южноафриканских учёных, а также представителей южнокорейских научных центров. Из новейших работ наиболее важной является монография Э. Уоттса, которая получила широкий отклик и множество рецензий, в основном положительных. Основные современные тенденции изучения образа Гипатии – это, помимо классических тем, изучение убийства Гипатии в контексте конфликта с Кириллом Александрийским, изучение её научных математических и астрономических работ, исследование её философского учения в контексте неоплатонизма; новые темы и направления: изучение личности, общественного положения и политической деятельности Гипатии с феминистических позиций как женщины-философа, изучение рецепции образа Гипатии в последую-

щие эпохи, в частности в современной культуре. Еще одной тенденцией стала междисциплинарность исследований. Они не только касаются истории, но и математики, культурологии, социологии, гендерной психологии.

Список сокращений

Anthol. Gr.	Anthologia Graeca	«Палатинская Антология»
Damasc.	Damascius, Vita Isidori	Дамаский, «Жизнь Исидора»
Ioan. Nik. Chron.	Ioannes Nikiûensis, Chronicon	Иоанн Никиусский, «Хроника»
Malal. Chron.	Ioannes Malalas, Chronographia	Иоанн Малала, «Хронография»
Philostorg. HE.	Philostorgius, Historia Ecclesiastica	Филосторгий, «Церковная история»
Socr. HE.	Socrates Scholasticus, Historia Ecclesiastica	Сократ Схоластик, «Церковная история»
Suid.	Suida Lexicon	Словарь «Суда»
Theoph. Chron.	Theophanes, Chronicon	Феофан, «Летопись»

Список литературы

1. Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2019. Александрийские школы V в. по «Философской истории» Дамаския. В: ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Вып. VI. Материалы научной сессии кафедры всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований. Белгород, НИУ «БелГУ»: 105–136.
2. Дорофеева В.А., Высокий М.Ф., Тимофеев М.А. (изд.). 2007. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории». В: Церковные историки IV–V веков. Москва, РОССПЭН: 187–262, 520–584.
3. Кривушин И.В. (изд.). 1996. Сократ Схоластик. Церковная история. Москва, РОССПЭН, 368.
4. Оболенский В.И., Терновский Ф.А., Бодянский О.М. (изд.). 1884. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Москва, Ун-т типогр. на Страстн. б-ре М. Каткова, 370.
5. Asmus R. 1907. Hypatia in Tradition und Dichtung. In: Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte. 7: 26–27.
6. Baghos M. 2014. Ecclesial Memory and Secular History in the Conflicting Representations of Cyril of Alexandria: An Apology for the Saint. In: PHRONEMA. Vol. 29 (2): 87–125.
7. Barry W.D. 1996. Roof Tiles and Urban Violence in the Ancient World. In: Greek, Roman, and Byzantine Studies. 37: 55–74.
8. Bekker I. (ed.). 1854. Suidae Lexicon. Berolini typis et impensis G. Reimeri, 1158.
9. Belenkiy A. 2010. An Astronomical Murder? In: Astronomy and Geophysics. 51.2: 9–13.
10. Bernard A. 2010. Theon of Alexandria and Hypatia. In: The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity. Vol. 1. Cambridge: 417–436.
11. Bigoni G. 1886/1887. Ipazia Alessandrina Studio Storico. In: Atti del R. ist. Veneto di scienze, lettere ed arti. 6 ser. 5: 397–437, 495–526, 681–710.
12. Booth C. 2017. Hypatia: Mathematician, Philosopher, Myth. UK & USA: Fonthill, 192.
13. Brendel R. [Rezension zu]: Watts, Edward J. Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher (Women in Antiquity). New York 2017: Oxford University Press. XII, 205 S. In: H-Soz-Kult. URL: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-26192> (дата обращения 17.02.2021).
14. Cameron A. 2013. The Life, Work and Death of Hypatia. In: Le Voyage des légendes: Hommages à Pierre Chuvin. Paris: 65–82.
15. Cameron Al. 1990. Isidore of Miletus and Hypatia: On the Editing of Mathematical Texts. In: Greek, Roman and Byzantine Studies. 31: 103–127.
16. Cameron Al. 2016. Hypatia: Life, Death, and Works. In: Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford: Oxford University Press: 185–203.
17. Cameron Al., Long J. 1993. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 440.
18. Canio B., Isola S., Russo L. 2017. Dating Hypatia's birth: a probabilistic model. In: Mathematics and Mechanics of Complex Systems. T. 5 (1): 19–40.
19. Čelkytė A. 2017. [Review]: Watts, Edward J. Hypatia: the life and legend of an ancient philosopher. Women in antiquity. New York: Oxford University Press, 2017. xii, 205 p. In: Bryn Mawr

Classical Review. URL: <http://www.bmcreview.org/2017/10/20171007.html> (дата обращения 17.02.2021).

20. Charles R.H. (ed.). 1916. *The Chronicle of John, bishop of Nikiu*. Trans. from Zotenberg's ethiopic text. London: Society by Williams & Norgate, 216.

21. Cribiore R. 2007. Spaces for Teaching in Late Antiquity. In: *Alexandria Auditoria of Kôm el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw: 143–150.

22. Deakin M.A.B. 2007. *Hypatia of Alexandria. Mathematician and Martyr*. New York: Prometheus Books, 231.

23. Desmolets P.-N. (ed.). 1749a. Dissertation sur Hypacie, où l'on justifie Saint Cyrille d'Alexandrie sur la mort de cette Sçavante. In: *Continuation des Mémoires de Litterature et d'Histoire*. 5.1: 139–186.

24. Desmolets P.-N. (ed.). 1749b. Lettre de Mademoiselle B. à M. G. sur la Dissertation précédente (1728). In: *Continuation des Mémoires de Litterature et d'Histoire*. 5.1: 187–191.

25. Donovan S. 2008. *Hypatia: Mathematician, Inventor, and Philosopher*. Mankato (MN): Compass Point books, 112.

26. Dzielska M. 1995. *Hypatia of Alexandria*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 157.

27. Évrard É. 1977. A quel titre Hypatie enseigna-t-elle la philosophie? In: *Revue des Études Grecques*. 90: 69–74.

28. Gibbon E. 1781. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. In 6 vols. Vol. III. London, Strahan & Cadell, 643.

29. Haas C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore and London, The Johns Hopkins University Press, 497.

30. Harich-Schwarzbauer H. 2011. *Hypatia: Die spätantiken Quellen. Eingeleitet, kommentiert, und interpretiert*. Bern, Lang, 397.

31. Heijden G. 2016. Study of the Reception of the Life and Death of the Neoplatonist Philosopher Hypatia of Alexandria in Amenabar's Film *Agorá*. Durban, University of Kwazulu-Natal, 140.

32. Heikura P.T. 2000. Kuka murhasi filosofi Hypatian? Piispa Kyrillos ja Hypatian kuolema. In: *Niin & näin*. 4: 30–33.

33. Hoche R. 1860. Hypatia, die Tochter Theons. In: *Philologus*. 15 (1–3): 435–74.

34. Holasek A. 2012. Rola pontyfikatu Cyryla (412–444) w procesie umacniania potegi patriarchy aleksandryjskiego w kosciele. In: *Vox Patrum*. 32. T. 58: 107–113.

35. *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. In: Cambridge University Press. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/hypatia> (дата обращения 17.02.2021).

36. Kaplow L. 2005/2006. Religious and Intercommunal Violence in Alexandria in the 4th and 5th centuries C. E. In: *Hirundo, the McGill Journal of Classical Studies*. Vol. 4: 2–26.

37. Knorr W.R. 1989. *Textual Studies in Ancient and Medieval Geometry*. Boston, Birkhäuser, 864.

38. Kramer C. 2006. *Holy Murder: The Death of Hypatia of Alexandria*. Concord, Massachusetts, Infinity Publishing, 284.

39. Lämmle C.S. 2018. [Review]: *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. By Edward J. Watts. New York, Oxford University Press (Women in Antiquity). 2017. Pp. xii, 205. In: *Phoenix*. 72.1/2: 170–172.

40. Leonard V. 2017. [Book Reviews]: Edward J. Watts. *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. Women in Antiquity. New York, Oxford University Press, 2017. Pp. 224. In: *Studies in Late Antiquity*. Winter: 416–419.

41. Lewis T. 1721. *The History of Hypatia, A Most Impudent School- Mistress of Alexandria: Murder'd and Torn to Pieces by the Populace, in Defence of Saint Cyril and the Alexandrian Clergy*. From the Aspersions of Mr. Toland. London, 44.

42. Majcherek G. 2007. The Late Roman Auditoria: An Archeological Overview. In: *Alexandria Auditoria of Kôm el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw: 11–50.

43. Marrou H.I. 1952. La 'conversion' de Synésios. In: *Revue des Études Grecques*. 65: 474–84.

44. Marrou H.I. 1964. Synesius of Cyrene and Alexandrian Neoplatonism. In: *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Oxford, Clarendon: 126–150.

45. Martinez M.L. 2014. «Había una mujer en Alejandría que se llamaba Hipatia»: su presencia en Agora de Amenábar. In: *Asparkia*. 25: 202–222.

46. Mazza R. 2018. [Review]: Edward J. Watts, *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. Oxford, Oxford University Press, 2017. Pp. 224. In: *New England Classical Journal*. Vol. 45. Issue 1: 59–62.
47. McKenzie J. 2007. *The Architecture of Alexandria and Egypt, 300 B. C. – 700 A. D.* New Haven and London, Yale University Press: 460.
48. Medici J.M., de. 2007. *The Beloved and the Damned: Hypatia and Cyril from late Antiquity through Modernity*. M.A. Thesis. University of Wisconsin – Eau Claire, 155.
49. Meyer W.A. 1886. *Hypatia von Alexandria: Ein Beitrag zur Geschichte des Neuplatonismus*. Heidelberg, Weiss, 52.
50. Minardi C. 2011. *Re-Membering Ancient Women: Hypatia of Alexandria and Her Communities*. Atlanta, University of Georgia: 234.
51. Mueller I. 1987. *Hypatia*. In: *Women of Mathematics: A Biobibliographic Sourcebook*. Westport, CT, Greenwood: 74–79.
52. Neugebauer O. 1949. *The Early History of the Astrolabe*. In: *Isis*. 40: 240–256.
53. Neugebauer O. 1975. *A History of Ancient Mathematical Astronomy*. Berlin, Springer, 1457.
54. Nietupski N. 1993. *Hypatia of Alexandria: Mathematician, Astronomer, and Philosopher*. In: *Alexandria. The Journal of the Western Cosmological Traditions*. 2: 46–62.
55. Paton W.R. (ed.). 1917. *The Greek Antology with an English translation*. In 5 vols. Vol. III (Book IX). London, William Heinemann; New York, G.P. Putnam's Sons, 456.
56. Penella R.J. 1984. *When Was Hypatia Born?* In: *Historia*. 33: 126–128.
57. Petkas A. 2018. [Review]: Edward J. Watts, *Hypatia: the Life and Legend of an Ancient Philosopher*. New York, Oxford University Press, 2017. Pp. xii + 205; 9 illustrations. In: *Ancient History Bulletin*. 8: 11–14.
58. Pizzi A. [Review]: *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. Edward J. Watts. In: *CulturaMente*. URL: https://www.culturamente.it/wp-content/uploads/2017/11/E.J.-Watts-Hypatia-book-review-by-Alessia-Pizzi-Culturamente.it_.pdf (дата обращения 17.02.2021).
59. Rashed R. 1974. *Les travaux perdus de Diophante I, II*. In: *Revue d'Histoire des Sciences*. 27: 97–122.
60. Rashed R. 1975. *Les travaux perdus de Diophante I, II*. In: *Revue d'Histoire des Sciences*. 28: 3–30.
61. Richeson A.W. 1940. *Hypatia of Alexandria*. In: *National Mathematics Magazine*. 15: 74–82.
62. Rist J.M. 1965. *Hypatia*. In: *Phoenix*. 19.3: 214–225.
63. Rome A. 1926. *Le troisième livre sur l'Almagest par Théon et Hypatie*. In: *Annales de la Société Scientifique de Bruxelles*. 46: 1–14.
64. Ronchey S. 1999. *Hypatia the Intellectual*. In: *Roman Women*. Chicago: 160–189.
65. Ronchey S. 2005. *Adoring Hypatia. Platonic Love, or the Conflicting Emotions a Byzantine Teacher May Arouse*. In: *Porphyra*. n. 6. Bisanzio, *narrazione di una civiltà colta*: 129–138.
66. Ronchey S. 2018. [Review]: *Accidental death of a professor. On a recent book on Hypatia E.J. Watts, Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher*, Oxford, Oxford University Press, 2017, pp. i-xii, 1–205. In: *Silvia Ronchey Docenza*. URL: <http://www.silviaronchey.it/docenza/2/160/Accidental-Death-of-a-Professor-On-a-Recent-Book-on-Hypatia-E-J-Watts-Hypatia-The-Life-and-Legend-of-an-Ancient-Phi/> (дата обращения 17.02.2021).
67. Roques D. 1995. *La Famille d'Hypatie*. In: *Revue des Études Grecques*. 108: 128–149.
68. Sampson K. 2018. *Den kjente og den glemte Hypatia*. In: *Norsk Filosofisk Tidsskrift*. ÅRGANG 53, NR. 2–3: 53–65.
69. Seeck O. 1966. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, 6 Bände. Bd. 6. Darmstadt, Wissenschaft liehe Buchgesellschaft.
70. Tannery P. 1880. *L'article de Suidas sur Hypatie*. In: *Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux*. 2: 197–200.
71. Toland J. 1753. *Hypatia: Or, the History of a most beautiful, most vertuous, most learned, and every way accomplish'd Lady; who was torn to Pieces by the Clergy of Alexandria, to gratify the Pride, Emulation, and Cruelty of their Archbishop, commonly but undeservedly stiled St. Cyril*. London, 36.
72. Voltaire F.-M. A. 1860. *Hipathie*. In: *Dictionnaire philosophique. Oeuvres complètes de Voltaire: Nouvelle édition*. Vol. 13. Paris: 585–586.

73. Waithe M.E. 1987. *A History of Women Philosophers. Vol. 1: Ancient Women Philosophers, 600 B.C.-500 A.D.* Dordrecht, Nijhoff, 229.
74. Watts E.J. 2006. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria.* Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.
75. Watts E.J. 2017. *Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher.* Oxford, Oxford University Press, 205.
76. Whitfield B.J. 1995. *The Beauty of Reasoning: A Reexamination of Hypatia and Alexandria.* In: *The Mathematics Educator.* T. 6 (1): 14–21.
77. Wolf S. 1879. *Hypatia, die Philosophin von Alexandrien: Ihr Leben, Wirken und Lebensende nach den Quellenschriften dargestellt.* Vienna, Holder, 41.

References

1. Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2019. Aleksandrijskie shkoly V v. po «Filosofskoj istorii» Damaskiya [Alexandrian schools of the 5th century on the «Philosophical History» of Damascius]. In: IRESIONA. Antichnyj mir i ego nasledie [IRESIONA. The ancient world and its heritage]. Issue 6. Materialy nauchnoj sessii kafedry vseobshchej istorii k 40-letiyu nachala antikovedcheskih issledovanij [Materials of the Scientific Session of the Department of General History on the 40th Anniversary of the Beginning of Antiquarian Studies]. Belgorod, NIU «BelGU», 105–136 (in Russian).
2. Dorofeeva V.A., Vysokij M.F., Timofeev M.A. (ed.). 2007. Filostorgij. Sokrashchenie «Cerkovnoj istorii» [Philostorgius. Abbreviation of «Church History»]. In: *Cerkovnye istoriki IV–V vekov* [Church Historians 4–5 centuries]. Moscow, ROSSPEN: 187–262, 520–584 (in Russian).
3. Krivushin I.V. (ed.). 1996. Sokrat Skholastik. Cerkovnaya istoriya [Socrates Scholasticus. Church History]. Moscow, ROSSPEN, 368 (in Russian).
4. Obolenskij V.I., Ternovskij F.A., Bodyanskij O.M. (ed.). 1884. *Letopis' vizantijca Feofana ot Diokletiana do carej Mihaila i syna ego Feofilakta* [Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to tsars Michael and his son Theophylactus]. Moscow, Un-t tipogr. na Strastn. b-re M. Katkova, 370 (in Russian).
5. Asmus R. 1907. *Hipatia in Tradicion und Dichtung* [Hypatia in tradition and poetry]. In: *Shtudin cur ferglajhenden Literaturgeshihte* [Studies on the comparative history of literature]. 7: 26–27 (in German).
6. Baghos M. 2014. Ecclesial Memory and Secular History in the Conflicting Representations of Cyril of Alexandria: An Apology for the Saint. In: *PHRONEMA.* Vol. 29 (2): 87–125.
7. Barry W.D. 1996. Roof Tiles and Urban Violence in the Ancient World. In: *Greek, Roman, and Byzantine Studies.* 37: 55–74.
8. Bekker I. (ed.). 1854. *Suidae Lexicon. Berolini typis et impensis G. Reimeri,* 1158.
9. Belenkiy A. 2010. An Astronomical Murder? In: *Astronomy and Geophysics.* 51.2: 9–13.
10. Bernard A. 2010. Theon of Alexandria and Hypatia. In: *The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity.* Vol. 1. Cambridge: 417–436.
11. Bigoni G. 1886/1887. *Ipacia Alessandrina Studio Storiko* [Hypatia Alessandrina Historical Study]. In: *Atti del' R. ist. Veneto di sh'ence, lettere ed arti* [Proceedings of the R. ist. Veneto of sciences, letters and arts]. 6 ser. 5: 397–437, 495–526, 681–710 (in Italian).
12. Booth C. 2017. *Hypatia: Mathematician, Philosopher, Myth.* UK & USA: Fonthill, 192.
13. Brendel R. 2021 [Rezension zu]: Watts, Edward J. *Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher (Women in Antiquity).* New York 2017: Oxford University Press. XII, 205 S. In: *H-Soz-Kult.* Available at: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-26192> (accessed 17 February 2021).
14. Cameron A. 2013. The Life, Work and Death of Hypatia. In: *Le Voyage des légendes: Hommages à Pierre Chuvin.* Paris: 65–82.
15. Cameron Al. 1990. Isidore of Miletus and Hypatia: On the Editing of Mathematical Texts. In: *Greek, Roman and Byzantine Studies.* 31: 103–127.
16. Cameron Al. 2016. *Hypatia: Life, Death, and Works.* In: *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy.* Oxford, Oxford University Press: 185–203.
17. Cameron Al., Long J. 1993. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius.* Berkeley, 440.
18. Canio B., Isola S., Russo L. 2017. Dating Hypatia's birth: a probabilistic model. In: *Mathematics and Mechanics of Complex Systems.* T. 5 (1): 19–40.

19. Celkyte A. 2017. [Review]: Watts, Edward J. *Hypatia: the life and legend of an ancient philosopher*. *Women in antiquity*. New York, Oxford University Press, 2017. XII, 205 p. In: *Bryn Mawr Classical Review*. Available at: <http://www.bmcreview.org/2017/10/20171007.html> (accessed 17 February 2021).
20. Charles R.H. (ed.). 1916. *The Chronicle of John, bishop of Nikiu*. Trans. from Zotenberg's ethiopic text. London: Society by Williams & Norgate, 216.
21. Criboire R. 2007. Spaces for Teaching in Late Antiquity. In: *Alexandria Auditoria of Kôm el-Dikka and Late Antique Education*. Warsaw: 143–150.
22. Deakin M.A.B. 2007. *Hypatia of Alexandria. Mathematician and Martyr*. New York, Prometheus Books, 231.
23. Desmole P.-N. (ed.). 1749a. Disertas'on sur Ipas'e, u l'on zhustif'e Sen Siril' d'Alesanr'e sur Iya mor de set Savan [Dissertation on Hypatia, in which Saint Cyril of Alexandria is justified on the death of this scholar]. In: *Kontinuas'on de Memuar de Literatur e d'Istuar* [Continuation of the Memoirs of Literature and History]. 5.1: 139–186 (in French).
24. Desmole P.-N. (ed.). 1749b. Letr de Madmuazel' B. a M.G. sur Iya Disertas'on preseden (1728) [Letter from Miss B. to M. G. on the previous Dissertation (1728)]. In: *Kontinuas'on de Memuar de Literatur e d'Istuar* [Continuation of the Memoirs of Literature and History]. 5.1: 187–191 (in French).
25. Donovan S. 2008. *Hypatia: Mathematician, Inventor, and Philosopher*. Mankato (MN), Compass Point books, 112.
26. Dzielska M. 1995. *Hypatia of Alexandria*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 157.
27. Evrar E. 1977. A kel titr Ipas'e ansen'a-t-el Iya filosof'e [How did Hypatia teach philosophy?]. In: *Rev'yu des Etyud Greke* [Journal of Greek Studies]. 90: 69–74 (in French).
28. Gibbon E. 1781. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. In 6 vols. Vol. III. London, Strahan & Cadell, 643.
29. Haas C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict*. Baltimore and London, The Johns Hopkins University Press, 497.
30. Harih-SHvarcbauer H. 2011. *Hipatia: Di shpetantiken Kvellen. Ajngelajtet, kommentirt, und interpretirt* [Hypatia: The late antique sources. Introduced, commented, and interpreted]. Bern, Lang, 397. (in German).
31. Hejden G. 2016. Study of the Reception of the Life and Death of the Neoplatonist Philosopher Hypatia of Alexandria in Amenabar's Film *Agorá*. Durban, University of Kwazulu-Natal, 140.
32. Hejkura P.T. 2000. Kuka murhasi filosofi Hyupatian? Riispa Kyurillos ya Hyupatian kuolema [Who murdered the philosopher Hypatian? Bishop Cyril and the Death of Hypatia]. In: *Niin & nyajn* [So & so]. 4: 30–33 (in Finnish).
33. Hohe R. 1860. Hipatia, di Tohter Teons [Hypatia, Theon's daughter]. In: *Philologus*. 15 (1–3): 435–474 (in German).
34. Holyasek A. 2012. Rolya pontyfikatu Cyrylya (412–444) v procese umacnyanya potegi patryarhy aleksandryjskego v koscele [The role of the pontificate of Cyril (412–444) in the process of strengthening the power of the Alexandrian Patriarch in the church]. In: *Vox Patrum*. 32. T. 58: 107–113 (in Polish).
35. *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. In: web-site Cambridge University Press. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/hypatia> (accessed 17 February 2021).
36. Kaplow L. 2005/2006. Religious and Intercommunal Violence in Alexandria in the 4th and 5th centuries C. E. In: *Hirundo, the McGill Journal of Classical Studies*. Vol. 4: 2–26.
37. Knorr W.R. 1989. *Textual Studies in Ancient and Medieval Geometry*. Boston, Birkkhozjer, 864.
38. Kramer C. 2006. *Holy Murder: The Death of Hypatia of Alexandria*. Concord, Massachusetts, Infinity Publishing, 284.
39. Lemle C.S. 2018. [Review]: *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. By Edward J. Watts. New York, Oxford University Press (*Women in Antiquity*). 2017. P. XII, 205. In: *Phoenix*. 72.1/2: 170–172.
40. Leonard V. 2017. [Book Reviews]: Edward J. Watts. *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher*. *Women in Antiquity*. New York, Oxford University Press, 2017. 224 p. In: *Studies in Late Antiquity*. Winter: 416–419.

41. Lewis T. 1721. *The History of Hypatia, A Most Impudent School-Mistress of Alexandria: Murder'd and Torn to Pieces by the Populace, in Defence of Saint Cyril and the Alexandrian Clergy. From the Aspersions of Mr. Toland.* London, 44.
42. Majcherek G. 2007. *The Late Roman Auditoria: An Archeological Overview.* In: *Alexandria Auditoria of Kôm el-Dikka and Late Antique Education.* Warsaw: 11–50.
43. Marru H.I. 1952. Lya “konvers'o” de Sines'o. In: *Rev'yu des Etyud Greke [Journal of Greek Studies].* 65: 474–484 (in French).
44. Marru H.I. 1964. *Synesius of Cyrene and Alexandrian Neoplatonism.* In: *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century.* Oxford, Clarendon: 126–150.
45. Martines M.L. 2014. «Abiya una muher en Alekhandriya ke se l'yamaba Ipatiya»: su presensiya en Agora de Amenabar [«There was a woman in Alexandria called Hypatia»: her presence in Agora de Amenábar]. In: *Asparkía [Asparkia].* 25: 202–222 (in Spanish).
46. Macca R. 2018. [Review]: Edward J. Watts, *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher.* Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 224. In: *New England Classical Journal.* Vol. 45. Issue 1: 59–62.
47. McKenzie J. 2007. *The Architecture of Alexandria and Egypt, 300 B. C. – 700 A. D.* New Haven and London, Yale University Press: 460.
48. Medici J.M., de. 2007. *The Beloved and the Damned: Hypatia and Cyril from late Antiquity through Modernity.* M.A. Thesis. University of Wisconsin – Eau Claire, 115.
49. Mejer W.A. 1886. *Hipatia fon Aleksandria: Ajn Bajtrag cur Geshihte des Nojplatonismus [Hypatia of Alexandria: A Contribution to the History of Neoplatonism].* Heidelberg, Vajss, 52 (in German).
50. Minardi C. 2011. *Re-Membering Ancient Women: Hypatia of Alexandria and Her Communities.* Atlanta, University of Georgia: 234.
51. Mueller I. 1987. *Hypatia.* In: *Women of Mathematics: A Biobibliographic Sourcebook.* Westport, CT, Greenwood: 74–79.
52. Neugebauer O. 1949. *The Early History of the Astrolabe.* In: *Isis.* 40: 240–256.
53. Neugebauer O. 1975. *A History of Ancient Mathematical Astronomy.* Berlin, Springer, 1457.
54. Nietupski N. 1993. *Hypatia of Alexandria: Mathematician, Astronomer, and Philosopher.* In: *Alexandria. The Journal of the Western Cosmological Traditions.* 2: 46–62.
55. Paton W.R. (ed.). 1917. *The Greek Antology with an English translation.* In 5 vols. Vol. III (Book IX). London, William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 456.
56. Penella R.J. 1984. *When Was Hypatia Born?* In: *Historia.* 33: 126–128.
57. Petkas A. 2018. [Review]: Edward J. Watts, *Hypatia: the Life and Legend of an Ancient Philosopher.* New York, Oxford University Press, 2017. Pp. XII + 205; 9 illustrations. In: *Ancient History Bulletin.* 8: 11–14.
58. Picci A. [Review]: *Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher.* Edward J. Watts. In: web-site «CulturaMente». Available at: https://www.culturamente.it/wp-content/uploads/2017/11/E.J.-Watts-Hypatia-book-review-by-Alessia-Pizzi-Culturamente.it_.pdf (accessed 17 February 2021).
59. Rashe R. 1974. *Le travo perdu de D'ofan I, II [The lost works of Diophantus I, II].* In: *Revue d'Histoire des Sciences.* 27: 97–122 (in French).
60. Rashe R. 1975. *Le travo perdu de D'ofan I, II [The lost works of Diophantus I, II].* In: *Rev'yu d'Istuar de S'ens. [Journal of the History of Sciences].* 28: 3–30 (in French).
61. Richeson A.W. 1940. *Hypatia of Alexandria.* In: *National Mathematics Magazine.* 15: 74–82.
62. Rist J.M. 1965. *Hypatia.* In: *Phoenix.* 19.3: 214–225.
63. Rome A. 1926. *Le truas'em livr sur l'Almazhes par Teo e Ipas'e [The third book on Almagest by Théon and Hypatie].* In: *Annal de Iya Sos'ete S'ensifik de Brusels [Annals of the Scientific Society of Brussels].* 46: 1–14 (in French).
64. Ronchey S. 1999. *Hypatia the Intellectual.* In: *Roman Women.* Chicago: 160–189.
65. Ronkej S. 2005. *Adoring Hypatia. Platonic Love, or the Conflicting Emotions a Byzantine Teacher May Arouse.* In: *Porphyra. n. 6. Bizancio, narracione di una chivil'ta kol'ta [Byzantium, narration of a cultured civilization]:* 129–138.
66. Ronkej S. 2018. [Review]: *Accidental death of a professor. On a recent book on Hypatia E.J. Watts, Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher,* Oxford, Oxford University Press, 2017, pp. I-XII, 1–205. In: web-site Silvia Ronkej Docenza. Available at:

<http://www.silviaronchey.it/docenza/2/160/Accidental-Death-of-a-Professor-On-a-Recent-Book-on-Hypatia-E-J-Watts-Hypatia-The-Life-and-Legend-of-an-Ancient-Phi/> (accessed 17 February 2021).

67. Roke D. 1995. Lya Famij d'Ipas'e [The Hypatia Family]. In: Rev'yu des Etyud Greke [Journal of Greek Studies]. 108: 128–149 (in French).

68. Sampson K. 2018. Den h'ente og den glemte Hyupatia [The known and the forgotten Hypatia]. In: Norsk Filosofisk Tidsskrift [Norwegian Philosophical Journal]. Issue. 53, NR. 2–3: 53–65 (in Norwegian).

69. Seeck O. 1966. Geshihte des Untergangs der antiken Vel't [History of the fall of the ancient world]. 6 Volumes. Vol. 6. Darmstadt. Vissenschaft lie Buhgezell'shaft (in German).

70. Tannery P. 1880. L'artikl' de Suida sur Ipas'e [Suidas' article on Hypatia]. In: Anal de Fakulte de Letr de Bordo [Annals of the Faculty of Letters of Bordeaux]. 2: 197–200 (in French).

71. Toland J. 1753. Hypatia: Or, the History of a most beautiful, most vertuous, most learned, and every way accomplish'd Lady; who was torn to Pieces by the Clergy of Alexandria, to gratify the Pride, Emulation, and Cruelty of their Archbishop, commonly but undeservedly stiled St. Cyril. London, 36.

72. Volter F.-M. A. 1860. Ipatie [Hypatia]. In: Dikt'oner filosofik. Uvre komplette de Volter: Nuvej edis'on [Philosophical dictionary. Complete works of Voltaire: New edition]. Vol. 13. Paris: 585–586 (in French).

73. Waithe M.E. 1987. A History of Women Philosophers. Vol. 1: Ancient Women Philosophers, 600 B. C. – 500 A. D. Dordrecht, Nijhoff, 229.

74. Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 288.

75. Watts E.J. 2017. Hypatia. The Life and Legend of an Ancient Philosopher. Oxford, Oxford University Press, 205.

76. Whitfield B.J. 1995. The Beauty of Reasoning: A Reexamination of Hypatia and Alexandria. In: The Mathematics Educator. T. 6 (1): 14–21.

77. Vol'f S. 1879. Hipatia, di Filozofin fon Aleksandrin: Ir Leben, Virken und Lebensende nah den Kvellenshriften dargestell't [Hypatia, the philosopher of Alexandria: Her life, work and end of life depicted according to the source scriptures.]. Vienna: Hol'der, 41 (in German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Суслов Федор Александрович, учитель истории
МБОУ СОШ № 35, г. Белгород, Россия

Fedor A. Suslov, history teacher secondary school
№ 35, Belgorod, Russia

УДК 94(569.1)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-318-327

Арабское завоевание Антиохии и завершение позднеантичной истории города

Иваницкая Я.Ю.¹, Немыкина Е.В.¹, Бузанаков Ю.В.²

¹) МОУ «Стрелецкая СОШ» Белгородского района Белгородской области, Россия, 308511, Белгородская область, Белгородский район, с. Стрелецкое, ул. Краснооктябрьская, д. 148

²) Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: buzanakov.ura@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена история взаимоотношений арабских племен и Антиохии Великой с IV по VII век. Несмотря на то, что Антиохия Великая находилась на периферии арабо-византийских контактов, грабительские походы номадов иногда достигали столицы провинции Сирия, кроме этого войска сарацин играли далеко не первую роль в арабо-персидских войнах. Стоит отметить, что в Антиохии располагался Комит Востока, в чью сферу ответственности входили дипломатические отношения с номадами. Безусловно, ключевым событием в истории города, связанным с арабскими племенами, становится завоевание города сарацинами в VII веке. Это событие завершает ранневизантийский период в истории города. Необходимо заметить, что арабское «иго» население Антиохии приняло более охотно, чем византийское, и не спешило вернуться в лоно империи.

Ключевые слова. Ранняя Византия, Антиохия, арабы, доисламский период, арабские завоевания.

Для цитирования: Иваницкая Я.Ю., Немыкина Е.В., Бузанаков Ю.В. 2021. Арабское завоевание Антиохии и завершение позднеантичной истории города. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 318–327. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-318-327.

Arabic conquest of Antiochy and the end of the late ancient history of the city

Yana Yu. Ivanitskaya¹, Elena V. Nemykina¹, Yuriy V. Buzanakov²

¹) Municipal educational institution «Streletskaya Secondary School» of the Belgorod District of the Belgorod Region, Russia,

148 Krasnooktyabrskaya St., Streletskoe village, Belgorod region, 308511, Russia

²) Belgorod National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: buzanakov.ura@yandex.ru

Abstract. The article presents the history of the relationship between the Arab tribes and Antioch the Great from the 4th to 7th centuries A. D. Despite the fact that Antioch the Great was on the periphery of Arab-Byzantine contacts, nomad predatory campaigns sometimes reached the provincial capital of Syria, in addition to this, the Saracen troops played far from the first role in the Arab-Persian wars. It is worth noting that the Komit of the East was located in Antioch, whose sphere of responsibility included diplomatic relations with nomads. Of course, the key event in the history of the city associated with Arab tribes is the conquest of the city by the Saracens in the 7th century A. D. This event completes the Early Byzantine period in the history of the city. It should be noted that the Arab «yoke» of the population of Antioch was more readily accepted than the Byzantine one and was in no hurry to return to the bosom of the empire. This is due to a number of circumstances, including the difficult religious situation in the region.

Keywords. Early Byzantium, Antioch, Arabs, pre-Islamic period, Arab conquests.

For citation: Ivanitskaya Ya.Yu., Nemykina E.V., Buzanakov Yu.V. 2021. Arabic conquest of Antioch and the end of the late ancient history of the city. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 318–327 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-318-327.

Введение

Арабские племена сыграли важную роль в истории Антиохии Великой. Принято считать, что именно арабское завоевание города в первой половине VII века завершает ранневизантийский период его истории. Однако данные исследований и источников подтверждают контакты Антиохии и арабских племен и в доисламское время. В нашей статье мы попытались проследить историю взаимоотношений ранневизантийской Антиохии и арабов с IV по VII век, оценить их вклад в развитие города.

Результаты и их обсуждение

Обозначим общий контекст арабо-византийских отношений с IV по VII век. Согласно мнению ученых, в IV веке Византия начинает выстраивать свою политику по отношению к арабским племенам. Не вызывает сомнений, что эта политика строится на «римском» фундаменте. Ряд исследователей считает, что в эпоху Принципата защита арабского участка римской ближневосточной границы во многом была поручена и доверена арабским племенам, союзным Риму: они обороняли римскую территорию на протяжении вверенного им определенного участка границы [Мехмадиев, 2018, с. 39–40]. При этом посредниками во взаимоотношениях императорских чиновников с племенами кочевников были представители племенной аристократии арабов либо непосредственно вожди отдельных родов или кланов, которые вербовали из среды своих соплеменников войсковые группы и приводили их на службу в римскую армию, взамен получая от империи престижные титулы и денежные платежи. Сами войсковые группы несли свою службу непосредственно в пределах провинции Аравия, они располагались на римской территории в качестве специальных пограничных гарнизонов [Грушевой, 2007, с. 345–347].

Византийская литература IV–V вв. отражает два направления политики империи в отношении арабов. Первое заключается в стремлении их подчинить или привязать договорными обязательствами, осуществлявшимися путем оружия или дипломатических сношений. Другим методом, которым империя пыталась приблизить к себе арабов, как и другие «варварские» народности, было приобщение их к своей культуре, в частности к религиозной идеологии – христианству [Пигулевская, 1964, с. 20].

Наиболее информативным источником по истории позднеантичных сарацин является сочинение Аммиана Марцеллина. В нем сохранился один экскурс о них и содержится описание персидского похода императора Юлиана, где вспомогательные арабские отряды играют довольно важную роль (Amm. Marc. XIV. 4.1–7; XXIII. 3.8; XXIV. 2.8; XXV. 6.9). Помимо произведения Аммиана, сведения о сарацинах – федератах Римской империи – содержат эпиграфические источники. В основном, это надписи арабских вождей из различных районов Палестины и Аравии [Ермолова, 2007, с. 6].

Аммиан Марцеллин, сам будучи участником совместных военных действий арабских племен и ромеев (Amm. Marc. XIV. 4.6), относится к сарацинам очень негативно и с досадой пишет о том, что римлянам лучше бы не иметь этих грабителей ни друзьями, ни врагами (Amm. Marc. XIV. 4.1). Автор приводит много примеров переменчивости настроений номадов, которое проявлялось в смене союзников, и часто подозревает их в предательстве (Amm. Marc. XIV. 3.1; XXIV. 2.4; XXV. 1.3; 6.8–9; Socr. H.E. VII. 18; Proc. Bell. I. 18.36). Но такое поведение сарацин вполне закономерно, поскольку они обитали в пограничных между двумя великими державами районах, натравливались ими друг на друга и

использовались ими в интересах так же, как и кочевники в других областях, например, на Кавказе [Ермолова, 2007, с. 6].

Общепринятой в отечественной литературе является точка зрения, согласно которой в V–VI вв. главным союзником Византии на Востоке становится арабское племя Гассанидов. В настоящее время нет устоявшегося мнения среди ученых о статусе этого политического объединения в отношениях с Византией. Часть историков, вопреки устоявшемуся в литературе мнению, считает племена Гассанидов эвспондами. Бесспорным остается тот факт, что предводитель союза племен Гассанидов был наделен титулом филарха и получал плату за оказание военной помощи империи [Серов, 2009, с. 200]. Эта помощь заключалась в охране восточных границ империи, а именно в борьбе с союзным Сасанидам арабском племени Лахмидов, а также в оказании союзной помощи империи во время военных кампаний (Johann. Ephes., VI).

Данная модель политических отношений достигла своего расцвета во время правления Юстиниана Великого. Однако к концу VI в. союз Византии и Гассанидов фактически распался [Серов, 2009, с. 200].

Следующей важной вехой в арабо-византийских отношениях являются арабские завоевания VII в. До настоящего времени в научной литературе не сложилось однозначного мнения о причинах столь крупных успехов арабских войск на Востоке. Комплекс социально-экономических и идеологических факторов способствовал образованию мощной ударной силы, которая была способна к таким масштабным политическим действиям. Как известно, итогом арабских завоеваний для Византии стали большие территориальные потери на Востоке и в Африке, кроме этого были разрушены старые торгово-хозяйственные связи, империя утратила свой статус главной средиземноморской державы.

Говоря о месте Антиохии Великой в истории арабо-византийских отношений, следует заметить, что город не был пограничным и находился как бы на периферии контактов с арабскими племенами. Однако из источников мы можем узнать, что иногда грабительские походы арабов доходили вплоть до предместий Антиохии. Малала сообщает, что предводитель Лахмидов Аламундар, придя с персидским и сарацинским войском, ограбил Сирию Первую до границ Антиохии (Mal. XVIII. 33). Можно предположить, что Антиохия могла не опасаться арабских нападений в связи с тем, что это был большой, сильно укрепленный город, и у арабского войска, как правило, не было ни возможности, ни желания тратить на него свои силы. Общеизвестно, что основу арабского войска составляла легкая конница, а главным тактическим приемом были стремительные рейды по территории противника. В крупные сражения арабские военачальники предпочитали не ввязываться. Подтверждением нашего тезиса может служить вышеупомянутый текст Малалы: «...Услышав о случившемся, полководцы римлян устремились против него (Аламундара). Когда сарацины узнали это, они, забрав всю добычу, бежали за внешнюю границу...» (Mal. XVIII. 33). При этом известно, что арабские войска Лахмидов принимали участие в составе персидской армии, по крайней мере, в двух крупных походах на Антиохию.

Первый из них, поход 530 г., хотя и был неудачным для персидской армии, представляет для нас интерес, так как именно царю Лахмидов Мундару принадлежала идея направить поход не на Осроену и Месопотамию, а через Евфратегию на Сирию, которая, по его мнению, была плохо защищена, что стало ему известно от арабских лазутчиков. «Говорят, что там и город Антиохия, богатый, обширный, многолюдный, больше всех восточных ромейских городов, но его не оберегают, и он лишен войска» (Procop. Caesar. Bell. I. 17). Секретарь Велизария Прокопий Кесарийский подчеркивает, что самое опасное в этом походе берет на себя вождь Лахмидов: «ибо я поведу войско там, где, я полагаю, будет лучше всего», – он же позаботится о воде и припасах, что в условиях пути по пустыне было особенно важно» (Procop. Caesar. Bell. I. 17). Персы со своими арабами захватили ряд мелких городов и с помощью «деревянных машин» подкопали и свернули стены Габулы и вошли в город. Однако дальнейшее продвижение персов в направлении Антио-

хии не было осуществлено (Mal. XVIII. 60). В последовавшем генеральном сражении этого похода племена Гассанидов и Лакмидов принимали очень активное участие.

Несмотря на то, что Антиохии удалось избежать нападения войск противника, на горожан этот поход произвел большое впечатление. Антиохийцы, услышав об успехах персов, «бежали на побережье Сирии» (Mal. XVIII. 60), и только успешные действия византийской армии сумели их успокоить.

Второй поход персов на Антиохию оказался гораздо более удачным. Весной 540 г. персидские войска под началом самого шаханшаха двинулись на Византию тем же путем, который был предложен Мундаром за 10 лет до того. На протяжении всего похода первого года об участии арабов в нем у Прокопия не упоминается. Однако следует предположить, что без их участия едва ли могла быть осуществлена кампания, их помощь требовалась и в пути, который был лучше всего известен им; они были быстроходным конным войском.

С первых побед шаханшаха было очевидно, что его целью не является завоевание, захват территории на длительное время. Это был поход, в котором важнейшей целью было ограбление и полон населения. Земли, которые были целью их похода, являлись исконными владениями империи, глубоко эллинизованными, составлявшими главную ее опору. Они не остались в длительном подчинении, как это доказали и походы на рубеже VI и VII вв. Византийские области недолго находились под владычеством персов.

Многие города смогли откупиться от персов и избежать захвата. Когда Антиохия не предоставила требуемого выкупа в 10 кентенариев, персидские войска двинулись на столицу Сирии. Антиохия была захвачена врагами и отдана им на разграбление. Богатейший город был опустошен; не только золото и серебро, драгоценная утварь, но великолепные мраморные изваяния были захвачены и увезены оттуда в Иран (Procop. Caesar. Bell. II. 5–9).

Походы Хосрова и, в частности, взятие Антиохии оставили глубокий след в памяти современников и упоминаются во множестве источников. Сирийская хроника Захарии Митиленского рассматривала взятие Антиохии как кару за отказ от монофизитства, анафематствование Севера и признание халкедонского вероисповедания [Пигулевская, 1964, с. 45]. У Михаила Сирийца сохранился рассказ о взятии Антиохии персидскими войсками. «Вновь выступил Хосров, и обложили персидские войска Антиохию, покорили ее, сожгли и полностью ограбили, забрали даже мраморные плиты, что были на стенах. Они [антиохийцы] были уведены в их землю и построили там город и назвали его Антиохия ... царь Юстиниан сильно оплакивал Антиохию» (Mich. Syn. 287).

Этот первый поход Хосрова в 540 г. известен и арабским источникам. Табари перечисляет захваченные Хосровом города в следующем порядке: «Дара, Эдесса, Маббог (Иераполь), Киннешрин (Халкис), Халев (Беройа), Антиохия, самый значительный из городов Сирии, Апамея, Химс (Эмесса) и многие соседние области» были им захвачены силой, а «деньги и имущество из городов взято в качестве добычи» [Пигулевская, 1964, с. 46].

Помимо непосредственных контактов с арабскими и персидскими войсками, антиохийцам приходилось иметь дело с последствиями их грабительских походов. Иоанн Малала в своей «Хронографии» сообщает об одном эпизоде. Пленники сарацина Аламундара обратились с жалобой к патриарху Ефремию на жестокое обращение. Некоторые из них были казнены. Пленникам удалось убедить Аламундара отправить в римское государство просьбу, чтобы прислали денег на их выкуп. О посланной жалобе стало известно в Антиохии, и всякий, кто мог, со слезами относил что-то в так называемые казнохранилища, [находившиеся] в каждой церкви. Первыми добровольно внесли свою долю опечаленный патриарх, клирики и архонты. Когда же просьба, посланная пленниками, была прочитана, весь народ попросил устроить собрание. Во время собрания был разостлан ковер, и каждый бросал на него, что мог. Когда все было собрано и отослано, пленники были освобождены (Mal. XVIII. 59).

Таким образом, в доисламский период контакты Антиохии и арабских племен имели несколько форм. Это были грабительские походы арабов, которые иногда доходили до предместий Антиохии, однако, как мы уже могли убедиться, прямой угрозы городу они не несли. Также арабские войска принимали участие в крупных походах персидской армии, где играли важную роль и как боевая единица, и как опытные проводники. Кульминацией истории отношений города с арабами стали его захват и разграбление во время византийско-персидских войн при Юстиниане: падение города случилось в 540 г., однако затем он был вновь отстроен.

Кроме этого, антиохийцам приходилось «устранять» последствия арабских походов, выкупая пленников, отправляя ремесленников на восстановление разрушенных городов. На наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения, согласно которой нестабильная обстановка в городе, связанная с религиозными, политическими и этническими волнениями, не позволяла имперским войскам ослабить свое внимание к городу и перебросить часть войск к границам империи, тем самым уменьшив роль арабских племен в охране границ империи.

VII век известен в мировой истории как время появления ислама, последовавших за этим арабских завоевательных походов и создания Арабского Халифата. Для Антиохии VII век становится периодом завершения истории Антиохии как ранневизантийского-позднеантичного города.

Укажем причины, которые способствовали столь стремительному арабскому завоеванию восточных провинций Византии.

Ряд исследователей полагает, что прогресс общества связан с изменениями, улучшавшими орудия производства. Для кочевника одним из таковых является сбруя животного, осуществляющего его передвижение. Среди таких новшеств, которые начали использоваться арабами к VII веку, можно назвать перемещение всадника ближе к голове верблюда, на его горб, что облегчало его вождение. Изменение в позиции всадника стало возможно лишь с изменением седла, которое приобретает новую форму. Это седло с подушками характерно для положения всадника на горбе, которое засвидетельствовано для IX в. и, вероятно, использовалось уже столетием или двумя ранее. Еще более высокая боеспособность арабов была достигнута в связи с усовершенствованием оружия. Закалка клинков, придававшая им особую гибкость и остроту, получила позднее название «дамаской». Следует также указать на значение панциря, кольчуги, предохранявшей воина от ударов оружия. Всадник в панцире получает очень большие возможности, он ведет бой особенно успешно, так как он на коне и его оберегает панцирь [Пигулевская, 1964, с. 109].

Несмотря на то, что среди исследователей до сих пор ведутся споры относительно правильности применения термина «священной войны» или «джихада» к арабским завоеваниям VII века, ведущая роль ислама в жизни нового арабского государства, на наш взгляд, является неоспоримой [Алиев, 2006, с. 220–221; Люттвак, 2016, с. 284–285].

Не стоит забывать и о геополитическом контексте, сложившемся на восточных границах Византии. В результате перманентной вооруженной борьбы Персия и Константинополь обескровили друг друга и уже не могли достойно противостоять новому сопернику в лице молодого Арабского Халифата.

Безусловно, побед на поле боя для завоевания и длительного удержания таких обширных территорий недостаточно. Из истории римско-персидских войн мы видим, что территории, исторически принадлежащие противнику, не были оккупированы на долгий срок. К началу VII века в Антиохии, как и во всей Сирии, накопилось достаточное количество претензий к императорской власти. В городе была сложная экономическая и этно-религиозная обстановка, процветали сепаратистские настроения.

Ко времени арабских вторжений в имперской казне отсутствовали бюджетные излишки, которые можно было бы скопить. За тридцать лет предшествующей войны с Ираном расходы значительно увеличились, а вот поступления в казну сократились, вслед-

ствие чего казна оказалась почти пустой. Феофан в своем труде указывает, что к 622 году Ираклий начинает переплавлять церковную утварь храма св. Софии в деньги. Налоги приходиться собирать с Сирии и Египта сразу после того, как они были отвоеваны у персов. В период сасанидской оккупации завоеванные земли также подвергались налоговому обложению. Во время войн земли подвергались грабежам. Таким образом, нестабильное экономическое положение местного населения и постоянный налоговый гнет не вызывали у антиохийцев и сирийцев желания вести борьбу с арабскими захватчиками и возвращаться в состав Византийской империи.

Другое отношение было к податному населению и иным конфессиям со стороны властей Арабского Халифата. Известно, что немусульманское население на завоеванных арабами территориях подвергалось религиозной и экономической дискриминации. Язычников, отказавшихся принять ислам, полагалось убивать, но в Антиохии и округе таковых к началу VII века было мало, и они умели скрываться. Христианам и иудеям – т. н. «людям книги» – было позволено жить спокойно в статусе безоружных «покровительствуемых» граждан второго сорта, они должны были платить джизью – подушную подать – и освобождались от воинской обязанности.

Особенностью арабской дискриминации было то, что новые власти одинаково относились ко всем категориям христиан, никого отдельно не выделяя. Конфессиональная ненависть на Востоке была столь сильна, что зачастую халкидониты выступали для монофизитов большими врагами, нежели арабы.

Незадолго до своей смерти Ираклий пытался унять религиозные споры в империи, однако, как мы помним, эта попытка не увенчалась успехом. «Анонимная сирийская хроника 1234 г.», написанная монофизитом, рассказывает о том, как Теодорих, брат императора Ираклия, проходил со своим войском через Сирию, чтобы сразиться с арабскими мусульманами. Затем он должен был подвергнуться гонениям североантов при поддержке значительной части населения. С явным удовольствием автор описывает, как войско Теодориха было разбито [Люттвак, 2016, с. 297]. У Иоанна Никиусского можно встретить описание настроений, царивших среди монофизитов в Александрии, и это подробное описание, на наш взгляд, вполне можно экстраполировать и на Антиохию. По мнению горожан, изгнание ромеев и победы мусульман случились из-за порочности императора Ираклия и его гонений на православных, проводившихся руками патриарха Кира (John Nik. CXX. 72; CXXI. 1).

Иудейское население Востока империи и, по всей видимости, Антиохии также приветствовало арабское завоевание. При арабской дискриминации царило полное равенство между покоренными группами населения, и иудеям были представлены те же самые ограниченные, но постоянные права, что и другим жителям [Люттвак, 2016, с. 299].

В Византии же все было гораздо хуже. Еще в V веке в кодексе Феодосия всем, кто живет в «иудейском предрассудке», запрещалось занимать посты на государственной службе. Однако не стоит забывать, что образованным иудеям, обучившимся свободным искусствам, не запрещалось занимать должности куриалов, которые им полагались по прерогативе рождения (CTh. XVI. 18. 24). В частности, крупная иудейская община была в Антиохии, участвуя в местном самоуправлении. О близости антиохийской муниципальной аристократии с верхушкой иудейской общины говорит тот факт, что некоторые представители последней учились вместе с антиохийскими куриалами в муниципальной школе и получали высшее греческое образование. Племянник патриарха иудеев Гамалиила был одним из любимых учеников Либания. Не случайно и реставрация Юлиана сопровождалась поддержкой иудейских культов в Антиохии.

В период правления Феодосия еврейская община процветала. Существовали две синагоги, одна в Антиохии, другая в Дафне. Возможно существование и других синагог, о которых не осталось упоминаний в источниках [Downey, 1961, p. 447–449]. Однако жизнь иудеев в Антиохии нельзя назвать исключительно мирной. Во время правления император-

ра Зенона известны случаи, когда цирковая партия Зеленых совершала нападения на иудейскую общину города. Малала сообщает, что действия Зеленых против иудеев были доведены до сведения императора Зенона. Он рассердился на Зеленых в Антиохии, вопрошая: «Почему они жгли только трупы иудеев? Они должны были сжечь также и живых евреев». Это заставило замять дело (Mal. XV. 15).

До VI века иудеи еще пользовались юридической защитой от насилия, закрепленной в Кодексах Феодосия (C.Th. XVI. 8.21) и Юстиниана (Codex Justinianus I. 9.14), однако иудеям запрещалось строительство новых синагог, а за обращение в иудаизм христианина полагалась смерть, при том что любой из крестившихся наследников иудеев получал все наследство целиком (Cod. Just. I. 5.13).

В VII веке ситуация с иными конфессиями не улучшилась. К началу века всех нехристиан в пределах империи либо заставили креститься под страхом смерти, либо просто перебили. Только иудеям было позволено жить как нехристианам, хотя эта жизнь не была ни хорошей, ни спокойной. В текстах можно встретить описания вооруженных столкновений между иудеями и христианами в Антиохии и в других частях империи в период правления императора Фоки. Известно также, что Фока обложил штрафами евреев в Антиохии, Лаодикее и других городах (Agarius, 8. 449). Тысячи беженцев перемещались на территорию, занятую персами.

Мы видим, что причин хранить верность империи ни у монофизитского, ни у иудейского населения Антиохии практически не было.

В свою очередь, перед походом на Сирию в 634 г. Абу Бакр следующим образом инструктировал ополчение мусульман: «Никого не обманывайте и не крадите; не поступайте вероломно; не увечьте и не умерщвляйте детей, стариков и жен; не сдирайте коры с пальм и не жгите; не рубите плодовые деревья; не уничтожайте посевы; не умерщвляйте овец, быков, верблюдов сверх того, что понадобится для поддержания жизни. Когда встретитесь с отшельниками, – напутствовал первый халиф, – не трогайте их». «Если провинция или народ признают тебя, – наставлял одного из своих наместников Абу Бакр, – то заключи с ними соглашение и держи свое обещание. Пусть они руководствуются своими законами и установленными обычаями, собирай с них дань так, как договоришься с ними. Оставь им их религию и землю».

Возникает вопрос, какое соглашение подразумевает здесь Абу Бакр. Во времена завоевательных походов до начала решающих действий мусульманам предписывалось инициировать подписание с противником мирного договора о защите (акд аз-зимма). Если соглашения достичь не удавалось, то боевые действия возобновлялись и продолжались до победы одной из сторон. В случае подписания этого документа иноверное население покоренных арабами городов или областей включалось в категорию ахл аз-зимма (зимми, зиммиев) – людей, платящих налоги (поголовный, джизья, и поземельный, харадж) и находящихся под защитой и покровительством мусульманского государства. Им разрешалось (с некоторыми ограничениями) исповедовать веру предков, а также гарантировалась свобода личности и имущества [Алиев, 2006, с. 224].

Арабский захват Антиохии произошел очень быстро. Когда войска халифата начали свое наступление на Сирию и Палестину в 634 г., Ираклий сделал Антиохию своей штаб-квартирой. После решительной победы исламских войск в битве при Ярмуке в августе 636 г. стало ясно, что спасти Сирию невозможно, император покинул Антиохию и удалился в Константинополь [al-Baladhuri, 1916, p. 175, 176, 189, 210].

В 637–638 гг. арабы занимают города северо-западной Сирии [Downey, 1961, p. 551]. Завоевание далось довольно легко, и не последнюю роль в этом сыграли монофизиты, освобождавшиеся таким образом от контроля имперского правительства. Завоеватели предлагали жителям выбор: уходить во владения Византии или оставаться и платить дань. Вскоре войска заняли Халкиду – один из военных центров Сирии. Бежавшие из города войска перешли в Антиохию, где планировали дать врагу отпор. Однако, когда арабы

оказываются под крепостными стенами, город, после недолгого сопротивления, сдался на условиях, предложенных завоевателями. Известно, что большая часть жителей города не покинула, приняв власть Халифата [Hitty, 1956, p. 152, 153].

Следует отметить, что все крупные города этого региона (Киннесрин, Халеб (Алеппо), Антиохия, Тир, Сидон, Газа, Рамла и др.) были сданы арабам на основании мирных договоров, аналогичных тому, что был заключен при падении Дамаска. Текст соглашения Халида с жителями Дамаска привел в «Книге завоеваний стран» («Китабфутух ал-булдан») известный мусульманский историограф Абу Бакр Ахмад ал-Балазури (ок. 820–892/93 гг.): «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это – то, что Халид ибн аль-Валид дает жителям Дамаска, если он вступит в город. Он им дает гарантию неприкосновенности их жизни, их имущества, их церквей и городских стен. Ни одно из жилищ не будет разрушено или заселено [мусульманами]. На этом им – завет Аллаха, покровительство его посланника... халифов и верующих. Пока жители Дамаска будут платить подушную подать, с ними, кроме добра, ничего не будет сделано» [Алиев, 2006, с. 225–226]. Равным образом эти условия должны были быть прописаны в договоре с антиохийцами.

Арабские источники дают понять, что завоеватели считали захват Антиохии задачей первостепенной важности. После взятия города в нем был размещен сильный гарнизон [Theophanis, 1883–1885, p. 337].

Интересно, что знаменитые своим непокорным нравом антиохийцы оказались довольно своенравными подданными и в период арабского владычества. Сохранился отчет, согласно которому Антиохия, как и некоторые другие из недавно оккупированных городов, очень скоро восстала против новых хозяев и была усмирена с помощью силы, но детали этого восстания до сих пор не известны.

Все эти события являются концом истории Антиохии как города, принадлежавшего к греко-римскому миру [Elderkin, Stillwell, 1939–1952].

Заключение

Таким образом, на протяжении IV–VII вв. складывались устойчивые связи и отношения византийцев с арабским миром. Антиохия была важным стратегическим пунктом, в котором происходило пересечение контактов арабов и византийцев. Арабы в доисламский период вели кочевой образ жизни, расселяясь на обширных просторах в пограничье между византийскими и персидскими владениями. Антиохия же была столицей Востока, находясь вблизи от этого региона, и не могла не привлекать внимание арабов, однако не настолько близко, чтобы сложились тесные контакты между арабскими племенами и городом. В силу своей удаленности от основных зон контактов Антиохия была на периферии культурных связей, однако в политическом и экономическом отношении оставалась привлекательной для арабских набегов. Арабские племена доходили до предместий Антиохии и самого города в ходе набегов в русле византийско-персидских войн, выступая как союзники персов. В ходе войн Юстиниана с персами в 1-й пол. VI в. (530–540-е гг.) Антиохия стала одним из объектов персидских завоеваний, будучи разграблена в 540 г. Однако она осталась под византийским контролем, а персидские войска и их арабские союзники отступили на свои территории. Иная ситуация сложилась в 30-е годы VII в., когда состоялось полномасштабное завоевание Антиохии силами Арабского Халифата. Легкость, с которой это было осуществлено, была связана не только с усилившейся военно-политической мощью арабов, но также с внутренними противоречиями между самой Антиохией и центральной властью Византийской империи, а именно репрессивной конфессиональной политикой властей по отношению к населению города, большую часть которого составляли христиане монофизитского толка и иудеи, особенно на протяжении 2-й пол. V – начала VII вв. В Арабском Халифате положение иных конфессий было существенно легче, а сами условия сдачи и перехода под власть арабов были умеренные и приемлемые. Этим была обусловлена окончательная потеря Антиохии для греко-римского

мира и ее интеграция в культуру исламского Ближнего Востока в 1-й пол. VII в. [Downey, 1963], несмотря на временное возвращение в состав Византии позднее.

Список литературы

1. Алиев А.А. 2006. «Священная война» в политической культуре ислама VII–VIII вв. (исторический ракурс проблемы). Политическая наука. 3: 220–239.
2. Аммиан Марцеллин. 1906–1908. История. Пер. с лат. Ю.А. Кулаковский, А.И. Сонни. Вып. 1–3. Киев, 446.
3. Грушевой А.Г. 2007. Принципы взаимоотношений Рима и ранней Византии с арабскими кочевниками. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб.: 337–366.
4. Иоанн Малала. 2014. Хронография. Книги XIII–XVIII. Пер. с греч. Мир поздней античности. Вып. 2. Белгород, БелГУ, 200.
5. Люттвак Э.Н. 2016. Стратегия Византийской империи. Пер. с англ. А.Н. Ковалю. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 664.
6. Мехмадиев Е.А. 2018. Войсковые подразделения Agrarienses и ближневосточная граница поздней Римской империи в 333–337 гг.: сведения эпиграфики. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2: 37–47.
7. Пигулевская Н.В. 1964. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М., Л., Наука, 336.
8. Прокопий Кесарийский. 1993. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. с греч., ст. и комм. А.А. Чекаловой. М., Наука, 512.
9. Серов В.В. 2009. Ранневизантийская дипломатия в 60–70-х годах. Известия Алтайского государственного университета. 4–1: 195–201.
10. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. 1960. Баку, Изд-во АН АзССР, 181.
11. Сократ Схоластик. 1996. Церковная история. М., Российская политическая энциклопедия, 368.
12. Феодорит, еп. Кирский. 1993. Церковная история. Пер. с греч. М., Российская политическая энциклопедия; Колокол, 239.
13. Agapius of Menbidj. 1910. Universal History. Patrologia Orientalis. Paris, 870.
14. al-Baladhuri, Ahmad ibn Yahya. 1916. The origins of the Islamic state: being a translation from the Arabic. New York, Charles, 433.
15. Charles R.H. 2007. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: Translated from Zotenberg's Ethiopic Text. Oxford, UP, 251.
16. Downey G. 1961. A history of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 790.
17. Downey G. 1963. Ancient Antioch. Princeton, UP, 342.
18. Elderkin G.W., Stillwell R. 1939–1952. Antioch on the Orontes. Princeton, UP. Vol. 1–4.
19. Shahid I. 1995. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1, p. 1. Washington, DORLC, 712.
20. Theophanis. 1883–1885. Chronographia. Rec. C. de Boor. Vol. II. Lipsiae, Teubner Verlag, 856.

Referenses

1. Aliev A.A. 2006. «Svyashhennaya vojna» v politicheskoy kul'ture islama VII–VIII vv. (istoricheskij rakurs problemy) [«Holy War» in the Political Culture of Islam in the 7th – 8th centuries (historical perspective of the problem)]. Politicheskaya nauka [Political Science]. 3: 220–239.
2. Ammian Marcellin. 1906–1908. Istoriya [History]. Per. s lat. Y.A. Kulakovski, A.I. Sonni. Vyp. 1–3. Kiev, 446.
3. Grushevoj A.G. 2007. Principy` vzaimootnoshenij Rima i rannej Vizantii s aravijskimi kochevnikami [The principles of the relationship between Rome and early Byzantium with the Arabian nomads.]. Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world]. Vy`p. 6. SPb.: 337–366.
4. Ioann Malala. 2014. Hronografija. Knigi XIII–XVIII [Chronography. Books XIII–XVIII]. Mir pozdnej antichnosti [World of Late Antiquity]. Vyp. 2. Belgorod, BelGU, 200.

5. Lyutvak E.N. 2016. Strategiya Vizantijskoj imperii [Byzantine Empire strategy]. Per. s angl. A.N. Kovalya. M., Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke. 664.
6. Mexamadiev E.A. 2018. Vojskovye podrazdeleniya Agrarienses i blizhnovostochnaya granicza pozdnej Rimskoj imperii v 333–337 gg.: svedeniya epigrafiki [Troops of the Agrarienses and the Near Eastern Border of the Late Roman Empire in 333–337: Epigraphic Information]. Vestnik Nizhegorodsko gouniversiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky]. 2: 37–47.
7. Pigulevskaya N.V. 1964. Araby` u granicz Vizantii i Irana v IV–VI vv. [Arabs at the borders of Byzantium and Iran in the IV–VI centuries]. M., L., Nauka. 336.
8. Prokopij Kesarijskij. 1939. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaya istoriya [The war with the Persians. War with the Vandals. Secret story]. Per., st. i komm. A.A. Chekalovoj. M., Nauka, 512.
9. Serov V.V. 2009. Rannevizantijskaya diplomatiya v 60–70-x godax [Early Byzantine diplomacy in the 60s and 70s]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Altai State University]. 4–1: 195–201.
10. Sirijskie istochniki XII–XIII vv. ob Azerbajdzhane [Syrian sources XII–XIII centuries about Azerbaijan]. 1960. Baku, Izd-vo AN AzSSR, 181.
11. Sokrat Sholastik. 1996. Cerkovnaja istorija [Church history]. M., Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 368.
12. Feodorit, ep. Kirskij. 1993. Cerkovnajaistoriya [Church history]. Per. s grech. M., Rossijskaja politicheskaja enciklopedija; Kolokol, 239.
13. Agapius of Menbidj. 1910. Universal History. Patrologia Orientalis. Paris, 870.
14. al-Baladhuri, Ahmad ibn Yahya. 1916. The origins of the Islamic state: being a translation from the Arabic. New York, Charles, 433.
15. Charles R.H. 2007. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu: Translated from Zotenberg's Ethiopic Text. Oxford, UP, 251.
16. Downey G. 1961. A history of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 790.
17. Downey G. 1963. Ancient Antioch. Princeton, UP, 342.
18. Elderkin G.W., Stillwell R. 1939–1952. Antioch on the Orontes. Princeton, UP. Vol. 1–4.
19. Shahid I. 1995. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1, p. 1. Washington, DORLC, 712.
20. Theophanis. 1883–1885. Chronographia. Rec. C. de Boor. Vol. II. Lipsiae, Teubner Verlag, 856.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Иваницкая Яна Юрьевна, кандидат исторических наук, учитель МОУ «Стрелецкая СОШ» Белгородского района Белгородской области

Yana Yu. Ivanitskaya, candidate of Historical Sciences, teacher of the Municipal educational institution «Streletskaia Secondary School» of the Belgorod District of the Belgorod Region, Russia

Немыкина Елена Валерьевна, учитель МОУ «Стрелецкая СОШ» Белгородского района Белгородской области

Elena V. Nemykina, teacher of the Municipal educational institution «Streletskaia Secondary School» of the Belgorod District of the Belgorod Region, Russia

Бузанакوف Юрий Владимирович, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Yuriy V. Buzanakov, post-graduate student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-328-337

Образы визионеров и видений в «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного

Никулина С.С.

Ивановский государственный университет,
Россия, 153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
E-mail: sofya-golubeva@bk.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу способов классификации образов визионеров и образов, явленных им, в тексте «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного. Рассмотрены причины, по которым тот или иной образ визионера появляется в тексте, а также почему именно такой тип визионера наделяется конкретным образом, явленным в видении. Кроме того, прослеживается связь между образом видения, типом визионера и функциями конкретного эпизода, описывающего чудо визионерства. В соответствии с выделенными четырьмя основными функциями видений – познавательной, развлекательной, дидактической и прогностической – создана классификация всех образов видений, описанных в «Церковной истории народа англов», определяющая доминирующий образ видения для конкретного визионера.

Ключевые слова: визионерская традиция, образы, Церковная история, классификация, Беда Достопочтенный.

Для цитирования: Никулина С.С. 2021. Образы визионеров и видений в «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 328–337. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-328-337.

Images of visionaries and visions in «*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*» by Bede the Venerable

Sofya S. Nikulina

Ivanovo State University,
39 Ermak St., Ivanovo, Ivanovo region, 153025, Russia
E-mail: sofya-golubeva@bk.ru

Abstract. The article considers the classification of different types of visionaries and the images of their visions as exemplified in «*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*», a fundamental work by Bede the Venerable written in the eighth century. Rich variety of types of visionaries creates the unique work where all the functions of visions – cognitive, entertaining, didactic and predictive – are represented to show the constant presence of God in everyday life. We have considered and shortly described all the episodes telling the reader about the miracle of visions, and we have proved that each type of visionary has its own range of images, and those images are connected with the target function of the episode. Taking into consideration all these factors we have created a new scheme, classifying types of visionaries and images according to their functions. According to this scheme, human images mostly perform all the four functions of visions, while the images of different objects and objectless images aim to represent only one or two functions, necessary in a definite episode.

Key words: visionary tradition, images, *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, classification, Bede the Venerable.

For citation: Nikulina S.S. 2021. Images of visionaries and visions in «*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*» by Bede the Venerable. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 328–337 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-328-337.

Введение

В агиографической литературе средневековья особое место уделено чудесам, творимым святыми, так как ни один праведник не мог считаться святым, если не был чудотворцем. Особое место среди всех чудес занимает явление визионерства, характерное для средневековой эпохи. Редкий исторический нарратив обходится без описания чуда визионерства, в том числе и «Церковная история народа англоv».

Результаты и их обсуждение

Оригинальный текст работы не сохранился [Wallis, 2013], но известно, что этот монументальный труд был завершен к 731 году Бедой Достопочтенным, бенедиктинским монахом из Нортумбрии, одним из самых авторитетных и плодотворных Учителей Церкви [Holder, 1990; Ненарокова, 2003; Зверева, 2008]. Рассказывая историю христианства на территории древней Англии, Беда стремится показать «присутствие Бога в истории» [Orsbon, 2011, p. 24; Guiliano, 2015]; он убежден, что именно чудеса объединяют историю Англии со всем христианством [Rowley, 2003, p. 230]. Поэтому автор включает в повествование многочисленные упоминания видений, явленных и святым, и простым мирянам. Подобное разнообразие заставляет задать вопрос, какие персонажи получали те или иные видения и почему.

Это связано, по-видимому, с функциями видений, так как эти функции невозможно воплотить в равной степени, если рассказы о видениях будут слишком схожи. На основании анализа всех упоминаний чуда в «Церковной истории народа англоv» мы выделили четыре функции рассказов о видениях: познавательную, развлекательную, дидактическую и прогностическую. Разумеется, это деление условно, а функции переплетаются между собой, но тем не менее возможно выделить одну наиболее яркую функцию конкретного видения.

К основной функции видений можно отнести в первую очередь дидактическую: рассказ визионера предостерегает слушателя об опасностях греховных искушений, дает силы вести образ жизни благочестивого христианина. Кроме того, более яркий след в сознании слушателя оставляли именно рассказы о мучениях, которые предстоят грешнику после смерти [Гуревич, 1981, с. 85], как, например, рассказ святого Фурсея о преисподней в главе 19-й второй книги и видение ада Дриктельмом в 12-й главе пятой книги. Дидактическая функция всего труда Беды становится еще более значимой в переводе латинского оригинала на древнеанглийский язык [McKinney, 2011, p. 122–123].

Другая функция видений – ознакомительная. Богословские тексты приоткрывали для читателя двери в тайну потустороннего мира, знакомя с его обитателями и уделом душ усопших в соответствии с их мирской жизнью. Рассказы визионеров были одним из немногих доступных источников знания об этом одном из самых важных вопросов, занимавших раннесредневекового христианина. И здесь многообразие образов визионеров гарантировало то, что слушатель, узнавая один и тот же сюжет из разных уст, отсеет все сомнения в его правдивости. Также слушатель мог найти такого визионера, чей образ жизни был бы близок его собственному, и будто примерить его рассказ на себя.

Третья основная функция видений – развлекательная, так как нередко подобные «занятные» рассказы вставлялись в текст с целью оживить повествование. И снова речь идет о вариативности – типов визионеров и образов, явленных им, которые приоткрывают потусторонний мир для слушателя и одновременно делают рассказ о загробном мире наглядным и запоминающимся.

Несмотря на то, что в отечественной литературе принято считать, что видение выполняло три вышеуказанные функции [Ярхо, 1989], будет уместным выделить четвертую функцию вставок о видениях – прогностическую. В таком аспекте задачей видения было указать визионеру о грядущих событиях, которые могли быть связаны и с реальным (Beda. HE II, 12) [Rowley, 2009, p. 166], и с потусторонним (Beda. HE V, 14) миром, или через визионера указать на такие события другим людям (Beda, HE IV, 25). Тонкая грань, отделяющая два мира, стирается, когда королю Эдвину, опечаленному своей участью, яв-

ляется некто и утешает его. Странник не только предсказывает будущее короля, но и дает ему знак, еще раз встретив который, Эдвин поймет, какое решение будет верным. Вместе с прогностической функцией это видение ярко показывает и дидактический подтекст: увидев еще раз знак, показанный образом из видения, Эдвин пришел в христианскую веру. Интересен этот эпизод и тем, что он показывает, как потусторонний образ мог влиять не только непосредственно на визионера, но и на его окружение: странник обещает освободить Эдвина от всех напастей, убедив короля англов, настроенного против визионера, не причинять ему никакого зла (Beda. HE II, 12).

Во всем труде встречается только один рассказ, где видение пророчествовало бы о событиях реальной истории, и несколько эпизодов, в которых из видения герой узнал бы что-то о будущем, связанном с потусторонним миром. Как правило, такое пророчество говорит о скорой смерти визионера и показывает участь его души в загробном мире [Rowley 2009, p. 167]. Кроме этого, встречается и такой рассказ, где визионер узнает о скорой кончине другого человека (Beda. HE III, 8). Это представляется несколько нетипичным, но может объясняться тем, что и визионер, и женщина, о которой идет речь в видении, монахини, а значит, духовно близки друг другу (Иоанн 17: 20, 21). Эта связь между духовными сестрами-монахинями позволяет им передать важное послание даже между бренным миром и миром загробным.

Всего в труде Беда Достопочтенного насчитывается 14 эпизодов, где явлены видения. Некоторые из этих эпизодов лишь вскользь упоминают некий образ – чаще всего свечение, а некоторые представляют собой законченные рассказы, где визионер напрямую взаимодействует с представителями загробного мира. В зависимости от тональности видения образы, явленные визионеру, могли быть положительными, дарящими надежду – свет, ангелы, души умерших близких (Beda. HE III, 19); или отрицательными, предостерегающими визионера и, соответственно, читателя (Beda. HE IV, 25).

На наш взгляд, классификация образов поможет более точно понять суть видения и его функции в тексте, так как уже существует ряд работ, посвященных классификации визионеров [Прогунова, 2015; Гвоздецкая, 2018б; Rowley, 2009], но еще не было проведено исследований образов, являющихся им. На наш взгляд, именно в образе и заключен весь концепт видения, именно через образ рассказ о видении выполняет свои функции.

Существует несколько оснований для различных классификаций. Проведя анализ всех образов в соответствии с критериями классификации, мы надеемся получить полные характеристики концептов видений и выяснить, как именно тот или иной образ функционирует в видении и почему именно такой сюжет Беда Достопочтенный выбрал для повествования в конкретной главе.

Самая яркая характеристика, отличающая сюжеты видений друг от друга, заключается в одушевленности образа видения. Можно выделить три категории таких образов: антропоморфные, предметные и беспредметные.

Конечно, именно антропоморфные образы делали рассказ о чуде наиболее захватывающим и запоминающимся, однако Беда не останавливается только на таком очевидном приеме и включает в текст «Церковной истории» также образы неодушевленные. С одной стороны, может показаться, что Беда играет на контрасте: антропоморфные образы встречаются именно там, где это наиболее важно, и чтобы читатель не воспринимал подобные видения как само собой разумеющееся, автор намеренно «приберегает» сложные образы для особых рассказов. Но только ли литературной цели служит подобное разграничение? Скорее всего, так как прежде художественной ценности Беда ставил ценность духовную, ответ можно найти, выяснив главную функцию видения, в котором появляется неодушевленный образ (Beda. HE IV, 7; Beda. HE IV, 25; Beda. HE V, 13).

Образы видений, в которых фигурирует предмет или какое-либо явление, встречаются в каждом эпизоде, где говорится о чуде визионерства. В первую очередь это относится к беспредметным образам, которые заключаются в трех концептах: звук, свет и за-

пах. Эти концепты прослеживаются и в коротких, и в развернутых видениях. Ни один рассказ о чуде визионерства не обходится без упоминания неземного свечения. Образ особенного света подготавливает читателя к восприятию рассказа. Так, например, в 7-й главе четвертой книги Беда описывает, как монахи узрели на кладбище некий свет, который сошел с неба, чтобы указать им место их будущего упокоения (Beda. HE IV, 7). Помимо земного символа, этот свет указывает на то, что, несмотря на скорую кончину в ходе эпидемии чумы, монахи обретут Царство небесное, полное такого же света, затмевающего само солнце. В данном эпизоде беспредметный образ является центральной фигурой и выполняет дидактическую и прогностическую функции одновременно: указывая, как следует поступить, и даря надежду на лучшее будущее.

Что же касается концептов звука и запаха, то эти образы не встречаются отдельно от образов других категорий, являясь лишь дополнением к рассказу [Гвоздецкая, 2018a]. Соответственно, наиболее ярко эти концепты предстают в развернутых рассказах о потустороннем мире, где душа героя попадает за грань смерти: в видениях св. Фурсея (Beda. HE II, 19) и Дриктельма (Beda. HE V, 12). Видения имеют схожую структуру: визионер, сраженный неизвестным недугом, впадает в некое состояние, которое может называться «тонким сном», о котором стоит сказать отдельно.

Мотив «тонкого сна» – упоминание особого состояния, которым сопровождалось развернутое видение [Шилова, 2012]. Избранный Богом визионер засыпает, находясь между миром живых и мертвых, и так он способен видеть потусторонние образы или даже путешествовать по загробному миру. По распространенному убеждению, мотив «тонкого сна» является одним из устойчивых элементов при описании чуда визионерства [Прокофьев, 1964; Ярхо, 1989]. Тем не менее, например, мирянин Дриктельм (Beda. HE V, 12) не засыпает, а именно умирает, а затем воскресает [Esser-Miles, 2020, p. 3], что является отступлением от традиционной схемы. При наличии других устойчивых концептов, упомянутых в каждом видении, мотив тонкого сна присутствует не во всех эпизодах о загробном мире, описанных Бедой Достопочтенным. В видении же св. Фурсея мотив тонкого сна особенно важен, так как именно это состояние позволяет ему попасть в загробный мир.

В то время как близкие считают героя умершим и готовятся к его похоронам, его душа путешествует по загробному миру и видит преисподнюю, в которой томятся души грешников, и окраину Рая, где души обитают в вечном блаженстве. Закончив путешествие, душа возвращается в тело визионера, чтобы, пробудившись, он поведал о том, что был удостоен увидеть и тем самым направил неверных на путь истинный и еще больше укрепил в вере праведных. Описания звука и запахов создают в сознании читателя живую картину потустороннего мира, резко проводя черту между преисподней и Раем, в том числе вводя в текст антонимичные пары «благоухание» – «зловоние», «пение» – «крики», «тишина» – «грохот», «молитва» – «смех». В отличие от концепта света, который мог являться самостоятельным образом, концепты звука и запаха лишь дополняют образный ряд, составленный с помощью других приемов.

Эпизоды путешествий в загробный мир знакомят читателя со всем многообразием образов, причем явлены эти образы двум разным типам визионера: святому-праведнику и простому мирянину. Почему именно так? При кажущейся схожести структуры и содержания эти два эпизода все-таки многим отличаются. Прежде всего, видение Фурсея немного короче, однако показывает те аспекты загробного мира, которые были закрыты от Дриктельма. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что Фурсей всю жизнь посвятил служению Богу и был несколько подготовлен к таинствам загробного мира. Огонь, который ранит душу Фурсея за незначительный проступок и оставляет на его теле ожог как знак воздаяния, опалает душу праведного человека; Беда стремится убедить в том, что душа простого мирянина, пусть даже живущего по Христовым заповедям, могла полностью сгореть в пламени. Поэтому Фурсей спутники-ангелы проводят по самой геенне, а Дриктельм лишь проходит мимо и видит не четыре костра, как святой, а сплошной огонь вокруг. Тем не

менее интересно и то, что Фурсея ангелы сопровождают на протяжении всего пути по преисподней, а спутник Дриктельма оставляет его на некоторое время одного, окруженного бесами, пугающими визионера. Безмянный спутник мирянина позднее объясняет, что уходил, чтобы узнать о судьбе Дриктельма, но тем не менее этот эпизод в сравнении с рассказом о Фурсее наводит на идею об аллегории: святой каждодневной молитвой окружил себя святостью, и ангелы всегда рядом с его душой [Harris, 2002, p. 273]. Мирянин, стараясь жить по слову Божьему, также получает провожатого, но как не может простой человек всегда и во всем безукоризненно выполнять Его заветы, так и его спутник оставляет его одного посреди хаоса, на который души сами себя обрекают. Эта сцена показывает контраст между спокойствием под защитой ангела при постоянной молитве и тем бессмысленным и жутким миром, в котором душа беззащитна, если не посвящает себя каждодневной молитве, отдаляясь от своего хранителя. Таким образом, есть весомые основания показать потусторонний мир и с точки зрения святого, и глазами простого мирянина.

Предметные образы чаще всего являются несамостоятельными, то есть не появляются сами по себе перед взором визионера, а сопутствуют образам из других категорий. Самым ярким подобным образом в тексте является книга. Интересно сравнить, как две противоположных по назначению книги показаны в видении грешника (Beda. HE V, 13). Умирая, герой видит, как в его дом входят два прекрасных юноши, в которых читатель узнает ангелов, и дают ему прочитать маленькую красивую книгу, в которой аккуратным почерком записаны добрые дела, которые умирающий когда-то совершил. После визионера окружают бесы и показывают ему большую книгу, страницы в которой покрыты корявыми записями. Бесы объясняют, что это записи всех злых и грешных деяний умирающего, и пугают его рассказами о горькой участи после смерти. Добрых дел слишком мало против прегрешений, и душа грешника обречена на страдания в преисподней. То есть книги, принесенные обитателями потустороннего мира, выполняют прогностическую функцию – предсказывают судьбу души умирающего – и вместе с тем дидактическую функцию, так как читатель, ассоциируя себя с героем рассказа, устрашится дня своей смерти и будет вести более благообразную жизнь.

Дидактическая функция достигает своего пика, перерастая в угрозу, в эпизоде, показывающем сам процесс отделения души от тела (Beda. HE V, 13). Беда описывает клинки, которыми бесы пронзают тело умирающего. Клинок – также несамостоятельный образ, символ невозвратности мирской жизни. Помимо прямого значения клинка как орудия умерщвления человека, образ острого предмета и боли от него может ассоциироваться с уколами совести, от которых грешник мучается, вспомнив все зло, которое он сотворил, и не имея больше возможности раскаяться в нем.

Видение безмянного грешника подробно и показывает разные образы, однако имеет существенное отличие от подобных видений святого и мирянина: визионер не попадает в состояние «тонкого сна», а действительно находится на грани смерти, его душе не дается шанса очиститься от греха и исправить посмертную судьбу. Подобная безысходность представляется не случайной: Беда намеренно вводит в текст такой тип визионера, чтобы, во-первых, усилить дидактическую функцию видения, показав читателю ужас последних минут мирской жизни; а во-вторых, оживить рассказ прениями у смертного одра, вызывая больший интерес у читателя.

Отдельно стоит эпизод, в котором грешник перед смертью видит место своих будущих мучений (Beda. HE V, 14): в преисподней, рядом с Сатаной и Каиафой, окруженный бушующим огнем. Беда ничего не говорит о состоянии героя в момент видения, но это и не важно, так как основной целью повествования является не рассказ о самом процессе получения тайного знания, как в других эпизодах, а краткое и яркое описание образа-картины, который, по сути, предметен, так как в нем нет действия, а герои застыли в своем мучении. Это единственный предметный образ, который явлен сам по себе и может считаться самостоятельным, своеобразным образом-сигналом.

Наконец, интересны два образа, явленные женщинам во сне. Эрконтоте, дочери кельтского короля Эрконтберта, которая жила в монастыре и была очень благочестивой (Beda. HE II, 8), перед смертью было видение, в котором некие люди в белых одеждах вошли в монастырь, чтобы забрать «номисму из Кента». Основное значение здесь придается не пришедшим, а именно сравнению души визионера с золотой монетой, и, таким образом, сам визионер становится предметным образом своего же видения. Это видение также выполняет прогностическую функцию, так как Эрконтота понимает, что час ее смерти близок, оповещает об этом других монахинь и вскоре умирает.

Второй же рассказ о видении повествует о том, как некой женщине, Брегусвиде, приснился сон, в котором она не могла найти своего мужа (Beda. HE III, 23). Вместо него она обнаружила ожерелье, которое сияло ярчайшим светом. Ожерелье является образом-сигналом, который олицетворяет ее дочь, Хильду. Хильда впоследствии стала первой женщиной в Нортумбрии, которая приняла монашеский обет и затем всецело посвящала себя управлению монастырем, аббатиссой которого она была.

Теперь, когда мы представляем функции и задачи неодушевленных образов в видениях, можно вернуться к антропоморфным образам. Несомненно ярко подобный образ предстает в уже упомянутом видении Эдвина, однако в «Церковной истории» есть еще несколько эпизодов со сложной структурой.

Одним из самых литературно красивых рассказов является история о Кэдмоне, монахе из обители Хильды (Beda. HE III, 24). В те времена был обычай на пирах по очереди исполнять песни, аккомпанируя себе на музыкальном инструменте, схожем с современной кельтской арфой. Кэдмон же этого дара был лишен от рождения и переживал из-за этого. Однажды во время такого пира монах в расстройстве пошел в хлев, так как пришла его очередь сторожить скот, и заснул там. Во сне к нему явился «некто в белых одеждах» и попросил спеть ему «о начале творения». Узнав о причине расстройства визионера, пришедший наделяет его даром стихосложения, прославившим монаха. То есть визионер выбран не только для того, чтобы наградить его тайным знанием, но и чтобы утешить его печаль. Эпизод показывает милость Бога к чистому сердцем христианину [Гвоздецкая, 2013] и выполняет дидактическую и развлекательную функции.

Как уже было сказано, Беда старался вложить истории о загробном мире в уста разнообразных типов визионеров. Так появляется эпизод, где видение показано ребенку (Beda. HE IV, 14). Ребенок, который остается в рассказе неназванным, жил в монастыре и обладал кротким нравом и крепкой верой. Видение является к нему в день его смерти, однако мальчик не находится в состоянии «тонкого сна», напротив, Беда особенно выделяет, что он второй день проводил в посте и молитве, хоть и был очень слаб. В видении мальчику явились апостолы Петр и Павел, которые рассказывают, что в тот же день заберут визионера на небо, но сначала предписывают ему принять Святое Причастие. Кроме того, они велят рассказать священнику, что эпидемия чумы, которая унесла много жизней, наконец закончится благодаря молитвам монахов и просьбе короля Освальда. Помимо основного содержания видения, мальчик с восторгом описывает невероятно прекрасную и величественную внешность апостолов, что призвано не только укрепить веру читателя, но и развлечь его рассказом о необычном виде святых. Выбор образа визионера представляется очевидным: чистый ребенок, прилежный в молитве и далекий от всего мирского, избран, чтобы лично увидеть двух апостолов – честь, которой даже святой Фурсей не был удостоен. Иного образа визионера в данном рассказе быть не могло.

Антропоморфный образ выполняет пророческую функцию, сообщив Адамнану – скотту, жившему в постоянном посте и молитве, – о том, что скоро монастырь, в котором жили нечестивые монахини, сгорит дотла. Это видение (Beda. HE IV, 25) отличается тем, что читатель не «видит» образ видения напрямую через текст, а узнает о нем только со слов самого Адамнана. Несмотря на предостережения Божьего человека, монахини не меняют своего поведения, и пророчество исполняется, неся Божью кару. Образ визионера в

этом рассказе – мирянин-аскет, который сначала ради искупления вины, а затем из любви к Богу ограничивает себя в еде и воде, всего себя посвящая молитве.

Наконец, несколько рассказов повествуют об образе умершего и описывают, как его душа попадает в Небесное Царство, охваченная светом. Особенно хорошо это показано в видении монахини Тортгиты (Beda. HE IV, 9), которая однажды увидела некий образ человека, облаченного в саван и поднимающегося в небо. Пророческая функция этого видения сразу исполняется: умирает настоятельница монастыря Эдильбурга, с которой Тортгита была очень близка [Прогунова, 2015]. Когда же приходит час кончины самой Тортгиты, она будто разговаривает с кем-то, кто предсказывает ее час кончины. Монахиня говорит, что к ней приходила Эдильбурга и возвестила о скором избавлении от земных мук, но образ видения не описан в тексте. Выбор именно монахини для представления подобного сюжета можно объяснить близкой душевной связью между монахинями, что более присуще женщинам.

Еще одним очевидным критерием является контраст «простой образ – составной образ». Если в отдельных рассказах видение лишь вскользь упомянуто как «свечение над неким местом» (Beda. HE IV, 7), то два особенно длинных и ярких рассказа о чуде визионерства включают в себя подробное описание загробного мира, явившегося героям (Beda. HE II, 19; Beda. HE V, 12). Соответственно, все описанные в тексте рассказы отдельные образы нужно рассматривать комплексно. В видениях же, где образ только слегка обозначен, он служит скорее для формального упоминания о факте видения, которое выполняет прогностическую функцию.

В «Церковной истории» видения являются разным типам визионеров, людям разных возрастов и сословий, имеющим разный жизненный опыт и взгляды на мир. Из всех типов визионера – король, благочестивый мирянин, мирянин-грешник, ребенок, святой, монах, монахиня – Беда особенно выделяет последний тип. Монахини являются визионерами в нескольких эпизодах «Церковной истории», и это единственный тип визионера, который упоминается неоднократно. Кроме того, монахини являлись и в качестве образов в видениях. Зрительные образы визионеров в соответствии с функциями и структурой видений можно представить в виде следующей схемы:

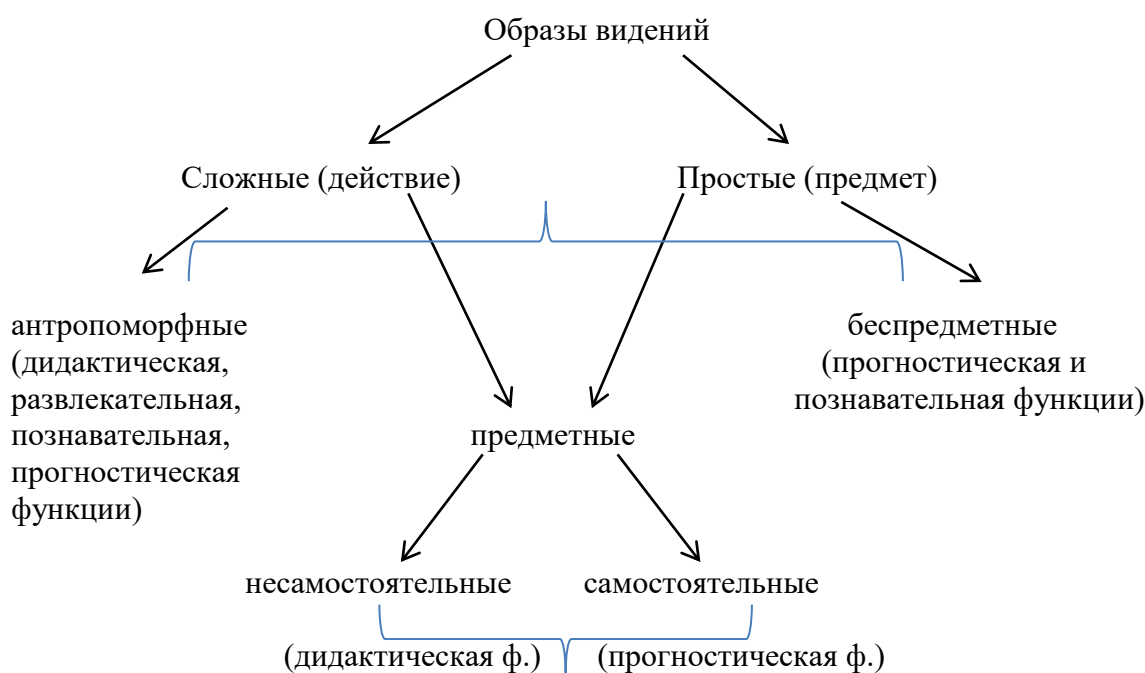

Рис. 1. Зрительные образы визионеров в соответствии с функциями и структурой видений

Fig. 1. Visual images of visionaries in accordance with the functions and structure of visions

Как видно из схемы, видения, которые содержат антропоморфные образы, выполняют все четыре функции. Это объясняется тем, что во всех эпизодах, где фигурируют антропоморфные образы, присутствуют образы и предметные, и беспредметные, которые тоже выполняют ту или иную функцию, тем самым дополняя рассказ. Отдельные категории образов неотделимы от всей системы, как функции видения по большому счету неотделимы друг от друга. Тем не менее прослеживается связь между типом визионера и теми категориями образов, которые были ему явлены.

Заключение

На основании анализа типов визионера и явленных им образов можно утверждать, что Беда намеренно выбрал три самых ярких и предсказуемых типа визионера – святого, мирянина и грешника – для того, чтобы через их видения познакомить читателя с самыми значимыми аспектами загробного мира: таинством смерти, судом над душой и воздаянием за мирскую жизнь на том свете.

Список литературы

1. Гвоздецкая Н.Ю. 2013. Латинские наименования музыкально-поэтического творчества в древнеанглийском переводе «Церковной истории народа англоv» Беда Достопочтенного. В кн.: *Life beyond Dictionaries. Материалы юбилейной X Международной школы-семинара*. Иваново, Ивановский государственный университет: 87–90.
2. Гвоздецкая Н.Ю. 2018а. Видения в «Церковной истории народа англоv» Беда Достопочтенного: скрытые смыслы. В кн.: *Скрытые смыслы или грамматика нереального-2: материалы круглого стола (Москва, 14 декабря 2018)*. М., МГУ: 21–25.
3. Гвоздецкая Н.Ю. 2018б. Видения и визионеры в литературе раннесредневековой Англии и Исландии. *Cursus mundi: человек античности, средневековья и возрождения*, 10: 75–92.
4. Гуревич А.Я. 1981. Проблемы средневековой народной культуры. М., Искусство, 185.
5. Зверева В.В. 2008. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., Алетей, 48.
6. Ненарокова М.Р. 2003. Достопочтенный Беда – ритор, агиограф, проповедник. М., ИМЛИ РАН, 74.
7. Прогунова Ю.М. 2015. Христианская и языческая традиция в «Церковной истории народа англоv» Беда Достопочтенного (на примере «женской темы»). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 3: 90–96.
8. Прокофьев Н.И. 1964. Видение как жанр в древнерусской литературе. *Вопросы стили художественной литературы*. М., МГПИ им. В.И. Ленина: 35–36.
9. Шилова Н.Л. 2013. Мотив «тонкого сна» в литературных визионерских сюжетах. *Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета*, 1 (130): 68–73.
10. Ярхо Б.И. 1989. Из книги «Средневековые латинские видения». *Восток – Запад: Исследования, переводы, публикации*, 4: 20.
11. Esser-Miles C.M. 2020. Heavenly Metaphors and the Transcendent Divine: Visions and light as methods to cross heavenly boundaries in Old English poetry. Available at: <https://www.academia.edu/39460224> (accessed 7 September 2020).
12. Guiliano Z.M. 2015. The Allegorical Exegesis of Bede: 'Figures in History and the Shape of the Self'. Available at: <https://www.academia.edu/1016410> (accessed 19 September 2020).
13. Harris S.J. 2002. Bede and Gregory's Allusive Angles. *Criticism*, 44 (3): 271–289.
14. Holder A.G. 1990. Bede and the Tradition of Patristic Exegesis. *The Anglican theological review*, 72 (4): 399–411.
15. McKinney W.A. 2011. Creating a gens Anglorum: Social and Ethnic Identity in Anglo-Saxon England through the Lens of Bede's *Historia Ecclesiastica*. PhD thesis. York, 122–123.
16. Orsbon D.A. 2011. Bede's Sacred Order: Schemes and Tropes in the *Historia Ecclesiastica*: Part I. *The American Benedictine Review*, 62 (1): 3–26 (126).
17. Rowley Sh. M. 2003. Reassessing Exegetical Interpretations of Bede's *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*. *Literature and Theology*, 17 (3): 227–243 (230).

18. Rowley Sh.M. 2009. The Role and Function of Otherworldly Visions in Bede's *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*. In: *The World of Travellers: Exploration and Imagination*. Leuven, Peeters: 163–181.
19. Saint Bede. 2011. *Historia ecclesiastica gentis anglorum* (Latin Edition). М., Нобель Пресс, 624.
20. Wallis Ch. 2013. *The Old English Bede: Transmission and Textual History in Anglo-Saxon Manuscripts*. PhD thesis. Sheffield, 17.

References

1. Gvozdetskaya N.Yu. 2013. Latinskie naimenovaniya muzykal'no-poeticheskogo tvorchestva v drevneanglijskom perevode «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo [Latin names for musical and poetic creativity in the Old English translation of the «Ecclesiastical History of the People of the Angles» by Bede the Venerable]. In: *Life beyond Dictionaries. Materialy jubilejnoj X Mezhdunarodnoj shkoly-seminara* [Life beyond Dictionaries. Materials of the Jubilee X International School-Seminar]. Ivanovo, Ivanovo State University: 87–90 (in Russian).
2. Gvozdetskaya N.Yu. 2018a. Videniya v «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostochtimogo: skrytye smysly [Visions in the «Ecclesiastical History of the People of the Angles» by Bede the Venerable: Hidden Meanings]. In: *Skrytye smysly ili grammatika nereal'nogo-2: materialy kruglogo stola* [Hidden Meanings or Grammar of the Unreal-2: materials of the round table] (Moscow, 14 December, 2018). Moscow, Publishing House of Moscow State University: 21–25 (in Russian).
3. Gvozdetskaya N.Yu. 2018b. Videniya i vizionery v literature rannesrednevekovoj Anglii i Islandii [Visions and Visionaries in the Literature of Early Medieval England and Iceland]. *Cursor mundi: a person of antiquity, middle ages and renaissance*, 10: 75–92 (in Russian).
4. Gurevich A.Ja. 1981. *Problemy srednevekovoj narodnoj kul'tury* [Problems of medieval folk culture]. Moscow, Iskusstvo, 185 (in Russian).
5. Zvereva V.V. 2008. «Novoe solnce na Zapade»: Beda Dostopochtennyj i ego vremja [«A New Sun in the West»: Bede the Venerable and his Time]. *Saint-Petersburg, Aletejja*, 48 (in Russian).
6. Nenarokova M.R. 2003. *Dostochtimyj Beda – ritor, agiograf, propovednik* [Bede the Venerable – rhetorician, hagiographer, preacher]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 74 (in Russian).
7. Progunova Yu.M. 2015. Hristianskaya i yazycheskaya tradiciya v «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo (na primere «zhenskoj temy») [Christian and pagan tradition in the «Ecclesiastical history of the People of the Angles» by Bede the Venerable (on the example of the «women's theme»)]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 3: 90–96 (in Russian).
8. Prokof'ev N.I. 1964. *Videnie kak zhanr v drevnerusskoj literature* [Vision as a genre in ancient Russian literature]. *Questions of the style of fiction*. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin: 35–36 (in Russian).
9. Shilova N.L. 2013. Motiv «tonkogo sna» v literaturnyh vizionerskih syuzhetah [The motive of «delicate sleep» in literary visionary subjects]. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 1 (130): 68–73 (in Russian).
10. Jarho B.I. 1989. Iz knigi «Srednevekove latinskie videniya» [From the book «Medieval Latin Visions»]. *East – West: Research, translations, publications*, 4: 20 (in Russian).
11. Esser-Miles C.M. 2020. *Heavenly Metaphors and the Transcendent Divine: Visions and light as methods to cross heavenly boundaries in Old English poetry*. Available at: <https://www.academia.edu/39460224> (accessed 7 September 2020).
12. Guiliano Z.M. 2015. *The Allegorical Exegesis of Bede: Figures in History and the Shape of the Self*. Available at: <https://www.academia.edu/1016410> (accessed 19 September 2020).
13. Harris S.J. 2002. Bede and Gregory's Allusive Angles. *Criticism*, 44 (3): 271–289.
14. Holder A.G. 1990. Bede and the Tradition of Patristic Exegesis. *The Anglican theological review*, 72 (4): 399–411.
15. McKinney W.A. 2011. *Creating a gens Anglorum: Social and Ethnic Identity in Anglo-Saxon England through the Lens of Bede's Historia Ecclesiastica*. PhD thesis. York, 122–123.
16. Orsbon D.A. 2011. Bede's Sacred Order: Schemes and Tropes in the *Historia Ecclesiastica*: Part I. *The American Benedictine Review*, 62 (1): 3–26 (126).

17. Rowley Sh. M. 2003. Reassessing Exegetical Interpretations of Bede's *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*. *Literature and Theology*, 17 (3): 227–243 (230).

18. Rowley Sh.M. 2009. The Role and Function of Otherworldly Visions in Bede's *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*. In: *The World of Travellers: Exploration and Imagination*. Leuven, Peeters: 163–181.

19. Saint Bede. 2011. *Historia ecclesiastica gentis anglorum* (Latin Edition). Moscow, Nobel Press, 624.

20. Wallis Ch. 2013. *The Old English Bede: Transmission and Textual History in Anglo-Saxon Manuscripts*. PhD thesis. Sheffield, 17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Никулина Софья Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Sofya S. Nikulina, post-graduate student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

УДК 323.1

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-338-348

Политическое положение польского, украинского и русинского народов в конце XIX – начале XX вв.

Иванов Г.Н.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76
E-mail: gleb-ivanov2001@yandex.ru

Аннотация. Статья призвана выявить факторы, которые сыграли ключевую роль в этнополитическом развитии польского, украинского и русинского народов в конце XIX – начале XX вв. Проводится сравнительный анализ политического положения народов в составе Российской и Австро-Венгерской империй, а также влияния, которое на них оказывали другие этносы. Автор также стремится определить, на каком этапе формирования национальной идентичности находился каждый из народов в начале избранного периода, проследить его этнополитическое развитие и сравнить с тем, каким он предстает перед началом Первой мировой войны. Предполагается, что именно политические факторы, такие как национальная политика империй и политический статус трех указанных народов, оказали наибольшее влияние на их этнополитическое развитие.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, этнополитика, национальная идентичность, Галиция, Украина.

Для цитирования: Иванов Г.Н. 2021. Политическое положение польского, украинского и русинского народов в конце XIX – начале XX вв. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 338–348. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-338-348.

Political status of the Polish, Ukrainian and Rusin people in the end of the XIX – beginning of the XX centuries

Gleb N. Ivanov

Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia
E-mail: gleb-ivanov2001@yandex.ru

Abstract. The article is intended to determine what factors played a crucial role in the ethnopolitical development of the Polish, Ukrainian and Rusyn people in the end of the XIX – beginning of the XX centuries. A comparative analysis of the political conditions of the peoples in Russia and Austro-Hungary as well of the other ethnic groups influence on them is conducted. The author also seeks to identify what stage of formation of national identity each of the peoples reached at the beginning of the period, to trace their ethnopolitical development and compare it with how they appear before the beginning of World War I. It is assumed that political factors, such as the nationalities policy of the empires and the political status of the three peoples mentioned above, had the greatest impact on their ethnopolitical development. The approaches of the two states to the conduct of national policy were seriously different. The greatest significance of all crown lands for this study is Galicia, since most of the peoples we are considering live on its territory.

Keywords: Russian Empire, Austro-Hungary, ethnopolitics, national identity, Galicia, Ukraine.

For citation: Ivanov G.N. 2021. Political status of the Polish, Ukrainian and Rusin people in the end of the XIX – beginning of the XX centuries. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 338–348 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-338-348.

Введение

Вопросы этнополитического развития народов в многонациональных империях всегда оставались в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей. Именно в конце XIX – начале XX века восточнославянские народы переживают значительные потрясения, которые впоследствии скажутся на формировании их национальной самоидентичности. Цель данной статьи – определить, какие факторы в большей степени повлияли на этнополитическое развитие польского, украинского и русинского народов в данный период времени. В процессе исследования использованы методы сравнительного анализа, синтеза и индукции. Помимо отечественной и зарубежной литературы, автор также использует исторические источники, такие как Первая всеобщая перепись населения Российской империи и перепись населения в Австро-Венгрии 1910 г. Стоит отметить, что, несмотря на чрезвычайно обширную историографию по теме работы, авторы еще не сравнивали политическое положение указанных трех народов в составе Российской и Австро-Венгерской империй. Тем не менее если останавливаться на ключевых трудах по изучению русинского, польского и украинского народа на рубеже XIX и XX века, то стоит отметить книгу М.Э. Клоповой «Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века» и работы А.И. Миллера, в частности «Украинский вопрос в Российской империи». В своей книге М.Э. Клопова подробно описывает и анализирует историю национальных движений в Галиции, уделяя особое внимание противостоянию русофилов и украинофилов и используя широкий спектр отечественных и зарубежных источников. А.И. Миллер как один из ведущих отечественных специалистов по вопросу национальной политики в Российской империи уделяет особое внимание вопросам украинофильства на территории Малороссии и процессам борьбы с ним со стороны российских властей. Примечательно, что отечественная историография вопроса была изучена и приведена М.Э. Клоповой в статье «Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX–XX вв. в современной русской и украинской историографии» [Клопова, 2015].

Положение народов в Австро-Венгерской империи

Неоднократные споры и дискуссии как на страницах газет, так и в стенах государственных органов Австро-Венгрии и Российской империи во многом подтверждают, что подходы обоих государств к проведению национальной политики на рубеже столетий серьезно различались. Чаще всего полемика затрагивала именно подходы империй к решению «польского вопроса», поскольку он представлялся наиболее проблемным для обоих государств [Дворецкий, Тимиряев, 2019].

Двуединая империя выстроила сложную систему государственного управления, основанную на привилегированном статусе двух народов: немцев (Цислейтания) и венгров (Транслейтания). Каждая из частей империи осуществляла в большинстве собственную внутреннюю и, соответственно, этническую политику. В качестве примера подобной политической автономии можно привести вопрос о введении всеобщего избирательного права. Если в Цислейтании в 1907 г. оно уже было введено, то Транслейтания лишь через 6 лет частично расширила право голоса, и избирателями стала лишь 1/10 населения земель короны святого Иштвана [Медоваров, 2015]. Особую роль играли и земельные сеймы, законодательные органы коронных земель (провинций) Австро-Венгрии.

Наибольшую значимость из всех коронных земель для данного исследования представляет именно Галиция, поскольку на ее территории проживала большая часть рассмат-

риваемых нами народов. В 1867 г. австрийские власти предоставили ей ряд прав и привилегий, которые в первую очередь касались польского населения. Подобная мера должна была обеспечить лояльность Вене влиятельной польской знати. Делопроизводство стало вестись на польском языке, получили распространение польские школы, а двумя годами позже польский стал официальным языком коронной земли. Впоследствии поляки не раз занимали ведущие должности при дворе австрийского императора. В частности, министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов отмечал, что «сохранение немецкого и венгерского преобладания в монархии Габсбургов было бы невозможно без поддержки поляков» [Булахтин, 2011]. Основой политики польских консерваторов, которые неизменно доминировали в галицийском сейме вплоть до выборов 1907 г., стали принципы полонизации и сохранение польского землевладения. Таким образом, Цислейтания предоставляла властям Галиции свободу действий, изредка вмешиваясь в ее внутривластный курс. Столь благоприятные политические условия для польского народа не могли не подготовить почву для польского национального движения, центром которого впоследствии и стала Галиция [Кондратенко, 2007].

Если польская элита рассматривалась австрийскими властями как неизменный фактор стабильности в коронной земле, то это не могло не сказаться на украинском народе, который к тому же составлял большинство населения восточной части Галиции. После революции 1848–1849 гг. наместник провинции Агенор Голуховский начал проводить политику, направленную против национальных требований «русского» населения. Стоит отметить, что в австро-венгерских официальных документах до начала XX века отсутствовало понятие «украинец», и все восточнославянское население империи именовалось «рутенами» (Ruthenen). Сами жители Галиции называли себя «русинами» или «русскими» [Миллер, 1997]. Именно это обозначение будет далее использоваться в статье.

По данным переписи населения Австро-Венгрии, которая проводилась в 1910 г., в Галиции проживало 4 миллиона 672 тысячи поляков и 3 миллиона 208 тысяч русинов [Die Ergebnisse der Volkszählung..., 1912]. При этом известно, что польское население проживало в основном в крупных городах и сельской местности Западной Галиции, в то время как в ее восточной части абсолютное большинство составляли русины [Die Verteilung der Umgangssprachen..., 1910].

Попытки Голуховского перевести русинский язык на латиницу, которые вошли в историю под именем «азбучной войны», не увенчались успехом. Во многом такая политика оправдывалась тем, что именно тогда, с начала 60-х гг. и вплоть до окончания XIX в., русины неизменно ассоциировались с русофильским движением, которое выступало за культурное, а иногда и политическое сближение с русским народом и Российской империей. В частности, известный общественный деятель и член галицийского сейма И. Наумович говорил, что «многолетние усилия дипломатов и поляков сделать из нас особый народ рутенов-униатов оказались тщетными... Русь Галицкая, Угорская, Киевская, Московская... – это одна и та же Русь».

В 1870 г. появилась и первая русофильская политическая организация – «Русская рада». Все это не могло не настораживать польское население и Вену, которые отреагировали довольно жестко на русофильский подъем. Так, еще в 1867 г., когда известный русофил Я. Гловацкий от имени галицийских русинов собирался принять участие в проходившей в Москве Всероссийской этнографической выставке, в его квартире был проведен обыск, началась травля в прессе, а сам он оказался отстранен от преподавания во Львовском университете и был вынужден покинуть Австро-Венгрию. В 1882 г. в ходе «процесса Ольги Грабарь» были проведены массовые аресты сторонников русофильского движения по обвинению в государственной измене, многие из них подверглись открытым гонениям [Клопова, 2016].

Движение украинофилов, которое начало развиваться одновременно с русофилами, в этот период все еще носило маргинальный характер. Несмотря на то, что так же, как и русофильское движение, украинофилы в принципе не обладали единой политической программой, можно выделить основные политические пункты, которые поддерживались их большинством. Это в первую очередь отрицание русофильской идеи о «политическом единстве русской нации», культурное обособление от русского народа и во многом стремление к объединению Украины под австро-венгерской короной. Стоит также отметить религиозный фактор, который являлся водоразделом между движениями: украинофилы выступали против православия (цареславия) как противоречащего их национальному духу и за распространение греко-католичества, в то время как русофилы выступали за сохранение православной веры, которая является важным культурным связующим механизмом с русским народом. История этого движения начинается с 1885 года, ознаменовавшегося созданием «Народной рады», – первой политической организации, которую можно отнести к украинскому движению. Пятью годами позже была создана Русько-украинская радикальная партия (РУРП), которая на своем учредительном съезде приняла программу, подготовленную Иваном Франко. Однако партия не имела практически никакой электоральной базы: русины к тому моменту в большей степени соперничали с русофилами, а польская власть еще не отошла от идей полонизации. К тому же ее программа соответствовала ее названию, то есть была радикальной, фокусировалась в основном на социально-экономических аспектах жизни крестьян, тяготела к левому движению. Это во многом отталкивало от нее как русофилов, так и других украинофилов [Топильский, 2016]. Новый наместник Галиции граф Казимир Бадени оказался перед сложным выбором: оказать поддержку украинофилам и изолировать русофилов, или же, опасаясь роста украинского радикализма, следовать неизменной польской консервативной линии [Клопова, 2016].

В 1890 году было заключено «соглашение Бадени – Романчука», которое ознаменовало новую эру в политическом восприятии русинского народа, в результате чего во Львовском университете была открыта кафедра восточнославянской истории, а также ряд других кафедр, в которых преподавание велось на русинском языке, признанном вторым в коронной земле. Однако избирательная реформа и ряд других пунктов, которые были указаны в соглашении, так и не были претворены в жизнь. Недовольство нарушением соглашения привело к сближению позиций русофилов и «народовцев» (политоним, применявшийся к сторонникам «Народной Рады»), которых можно отнести к умеренным украинофилам. Тем не менее на выборах в Рейхсрат 1897 года «русская» коалиция потерпела поражение и получила лишь 9 мест.

Следующий этап в эволюции политического представительства русинского народа ведет отсчет с обращения 1900 г. Украинской национально-демократической партии (УНДП). Новая партия, которая выделилась из состава РУРП, сформулировала четкую предвыборную программу, в которой наряду с такими понятиями как «русский» и «русин» впервые используется слово «украинско-русский», представляющее собой переходную форму к понятию «украинский» [Клопова, 2016]. Основным политическим пунктом программы было создание отдельной провинции с широкой автономией, куда бы вошли территории Буковины и Галиции с преимущественно русинским населением. В 1900 году в своем обращении партия уже говорит о независимой «Русь-Украине» как политическом идеале, к которому она стремится. УНДП сразу же заняла ведущие позиции в русинском обществе. Новые выборы в Рейхсрат 1907 г. кардинально изменили ситуацию. Национально-демократическая партия получила 27 мандатов от Галиции и 5 от Буковины, в то время как русофилы, которых постепенно начинают называть «москвофилами», всего лишь 5. Подобный расклад сил позволил украинофилам поднимать вопросы не только в региональном галицийском сейме, но и в общеимперском парламенте, где они могли получить поддержку Вены [Клопова, 2016].

Столь явный успех «украинцев» вызвал раскол в рядах польских консерваторов, которые четко разделились по региональному принципу. Краковские или западногалицийские консерваторы выступали за сотрудничество с УНДП, чтобы полностью уничтожить русофильское движение, в то время как подольские или восточногалицийские консерваторы, обладавшие собственностью и землей в местах с преимущественно русинским населением, видели основную угрозу как раз в растущем украинском национализме. На предстоящих выборах в сейм наместник А. Потоцкий поддержал подолян, обеспечив русофилам 10 мест, в то время как у УНДП, на самом деле обладавшей более широкой поддержкой, их было всего 12. Сохранились упоминания о прямых указах наместника содействовать избранию пророссийски настроенных русинов [Булахтин, 2007]. Такая политика привела к росту недовольства украинофилов и убийству Потоцкого студентом радикалом М. Сичиньским.

Впоследствии наиболее влиятельным в галицийской политике стал блок краковских консерваторов и польских национал-демократов, которые вернули политику в прежнее русло поддержки «украинофилов». Эта же коалиция и обеспечила подписание нового соглашения в 1914 г., благодаря которому была проведена долгожданная избирательная реформа, результатом которой стало выделение квоты в 61 мандат из 231 для депутатов от русинского народа. К этому моменту украинофилы и УНДП уже считались населением его основными представителями [Клопова, 2016]. Умеренные русофилы или «старорусины», а также «москвофилы» оказались вытеснены с политической арены.

Говоря о русинском народе в современном понимании, то есть об отдельном восточнославянском этносе или этнокультурной группе, следует отметить, что никаких отдельных политических прав в Австро-Венгрии у него не было. Как и украинский народ, в официальных документах империи он именовался «рутенами». Поскольку территория расселения современных русинов представляет собой Карпатскую или Угорскую Русь, то мы должны обратить внимание на северо-восточные комитаты (уезды) Королевства Венгрия, ведь эти земли входили тогда именно в эти административно-территориальные единицы.

По данным переписи населения Австро-Венгрии 1910 г., в Транслейтании проживало 472 000 чел., которые говорили на русинском языке [Суляк, 2016]. Важно отметить, что в силу удаленности от Львова, который являлся центром политической жизни русинов, события, которые происходили в Галиции, оказывали на русинов Транслейтании минимальное воздействие. Примером отсутствия или чрезвычайно малой коммуникации между карпатскими и галицийскими русинами (впоследствии «украинцами») может стать вытеснение из разговорной речи слова «русин» и замена его словом «украинец». Если в Галиции к началу Первой мировой войны слово русин уже выходит из употребления, то в северо-восточных комитатах Транслейтании оно сохраняется и, как мы видим, не выходит из употребления и по сей день [Веселов, 2016].

Невозможно обойти стороной и отсутствие политических прав и возможностей карпаторусин. Транслейтания являлась более централизованным субъектом империи, нежели Цислейтания. Законодательные собрания комитатов практически не имели никаких полномочий, и вся власть была сосредоточена в руках парламента Транслейтании. Избирательный ценз в венгерской части Австро-Венгрии являлся одним из самых жестких в мире. На последних выборах в 1910 г. численность избирателей составляла лишь 6,4 % от общего населения страны. Число представителей невенгерского происхождения, которые были избраны на выборах в парламент в 1906 г., составляло 26 чел. из 413 – это наибольший показатель за все время его существования. Единственным официальным языком Транслейтании был венгерский. Предположительно за всю историю существования парламента Транслейтании в него так и не был избран ни один представитель от русинов [András Gerő, 2014, p. 5–7].

Политическое положение народов в Российской империи

В Российской империи, в свою очередь, государственное управление осуществлялось намного проще и имело более централизованный характер. Царство Польское, несмотря на свое название, являлось, по сути, формальным образованием, не имевшем прав в законодательной сфере. Однако в отличие от австрийской Галиции, Царство Польское было моноэтничным. Во всех привислинских губерниях, кроме Сувалкской, поляки составляли абсолютное большинство населения. Значительных групп, которые могли бы каким-либо образом противостоять польскому населению, в восточных губерниях не было [Первая всеобщая перепись... 1905].

К 3-й четверти XIX в. практически вся власть в Царстве была сосредоточена в руках назначаемого императором Варшавского генерал-губернатора, делопроизводство велось повсеместно на русском языке, а Новый Государственный Совет из исполнительного органа власти был преобразован в совещательный.

Закон 1864 г. предписал всем школам, находящимся на территории Царства Польского, вести обучение на русском языке, за исключением преподавания закона Божьего. Начиная с 1883 г. преподавание и делопроизводство в Варшавском университете также было переведено на русский язык. Подобные меры не могли не привести к подъему национального самосознания и радикализации польского национального движения в России. Достаточно сказать, что в период с 1895 по 1900 г. из 59 уличных демонстраций на всей территории Российской империи 25 прошли в Царстве Польском и только 3 – в русских губерниях.

Первой значительной польской партией стала Национально-демократическая партия Польши (ННДП), сформированная в 1897 г. в Варшаве и объявившая себя представителем всего польского народа. Эта партия с самого начала отказалась вести «борьбу против захватчиков» вооруженными методами. Оформившаяся в 1894 году, Польская партия социалистов (ППС) Юзефа Пилсудского все же оставалась маргинальной и слишком радикальной силой для того, чтобы заполучить массовую поддержку. В отличие от ННДП она сочетала националистические лозунги с социалистическими, призывая ликвидировать социальное угнетение и создать независимую Польшу. С ее точки зрения, движущей силой в освобождении польского народа должен был стать пролетариат, за которым бы последовали и другие классы [Кондратенко, 2007].

С подписанием манифеста об усовершенствовании государственного порядка 1905 г. у польских партий появилась возможность доносить свою позицию на государственном уровне. В Государственной думе I созыва сформировалось польское коло численностью в 35 депутатов, из которых 27 принадлежали к ННДП. На одном из первых заседаний лидер этой фракции Я. Гарусевич заявил протест против «посягательств и вообще против попрания прав польского народа». Главным требованием депутатов стало восстановление реальной автономии Царства Польского. Во II созыве польские депутаты получили уже 46 мест и попытались перевести заявления об автономии в законодательную плоскость. 10 апреля 1907 г. был представлен соответствующий законопроект с пояснительной запиской. Тем не менее он так и не был рассмотрен, поскольку Дума в скором времени была распущена [Кисляков, 2011].

Исторически важным моментом, который во многом определил этнополитическое развитие в малороссийских губерниях, стало издание в 1863 г. циркуляра Киевскому, Московскому и Петербургскому комитету, или же «Валуевского циркуляра», названного так по имени министра внутренних дел П.А. Валуева, запретившего издание широкого ряда литературы на малороссийском языке. Главным катализатором этой меры стало январское восстание 1863 г., которое перекинулось и на Юго-Западный край. Документ принимался во время пика польских выступлений, и лишить восставших поддержки у другого народа империи было крайне важно [Таирова-Яковлева, 2013]. Об этом же говорит и А. Миллер, отмечая в своей книге «Украинский вопрос в Российской империи», что столь острую реакцию российского правительства спровоцировало «сочетание боязни украинского сепаратизма как такового с опасностью его использования польским освободительным движением в своих целях» [Миллер, 2013]. Позже под влиянием этих факторов изда-

ние книг на «малорусском языке» стало неизменно ассоциироваться с украинофильством, которое, в свою очередь, поддерживалось польской элитой. Из этого можно сделать вывод о том, что первостепенной причиной борьбы с украинофильством были не опасения по поводу характера самого движения, а расширение польского влияния.

Стоит отметить, что «Валуевский циркуляр» возымел полностью обратный эффект в Галиции, способствуя изданию литературы на малорусском языке и организации украинофильских журналов в соседней Галиции. В 1876 г. последовал «Эмский указ», который запрещал ввоз на территорию Российской империи книг на малорусском наречии, обучение в начальных школах на малорусском языке и другие ограничительные меры. Именно тогда, в 70-х гг., Львов и Киев стали «перевалочными пунктами» для русофилов и украинофилов. Первые бежали от гонений в Австро-Венгрии, а вторые – из-за ограничительной политики Российской империи. Перевес в этом «обмене» был в пользу украинофилов, ведь деятельность русофилов не была официально запрещена в двуединой империи, что оставляло им возможность продвигать свои интересы, в то время как в малороссийских губерниях украинофильство столкнулось с ограничениями, которые прямо препятствовали его развитию и распространению, вынуждая искать новые возможности для выражения своих политических взглядов [Миллер, 1997].

К началу XX в. противостояние между русофилами и украинофилами, в частности «народовцами», выходит на межгосударственный уровень. Если раньше оно проявлялось лишь в Галиции, то сейчас к полемике подключаются ведущие российские газеты, представляя собой платформы для формирования общественного мнения. Ярким примером может стать ряд публикаций Д.Л. Мордовцева, В. Драгомирецкого и О. Маковея в журналах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время» [Клопова, 2016]. Это свидетельствует о том, что постепенно «малороссийский вопрос» входил в российский политический дискурс.

После Манифеста 17 октября 1905 г. «Валуевский циркуляр» и «Эмский указ» фактически утратили свою юридическую силу, и уже в I созыве Государственной думы образовался так называемый «Украинский блок», состоявший в основном из последователей Грушевского и сторонников Украинской национально-демократической партии (УНДП), располагавшейся в Галиции. Изначально число этой фракции насчитывало 40 депутатов, во II созыве – 47. Важным фактом является то, что «Украинский блок» не выступал с сепаратистскими заявлениями. Его основным требованием было создание национальной автономии для всех украинских земель и федерализация Российской империи. Изменение избирательного закона на выборах в III созыв Государственной думы в этот раз не позволило украинским депутатам попасть в парламент. Тем не менее украинцы симпатизировали эсерам, единственной партии, которая заявляла, так же как и «Блок», о необходимости федерализации, и кадетам, выступавшим за расширение прав малороссов в образовании и использовании своего языка. Например, с 1912 г. действовало соглашение о поддержке кадетских депутатов на выборах в Государственную думу IV созыва в обмен на выступление партии в пользу законопроектов о введении малороссийского языка в судопроизводстве, школьном обучении и организации кафедр в университетах [Михутина, 1997].

Политический статус русинов на территории Российской империи практически не отличался от его статуса в Австро-Венгрии. К русинам здесь относили жителей Хотинского уезда Бессарабской губернии, который еще часто называли «Бессарабской Буковиной», и ряда других уездов северо-западного Поднепровья. При описании жителей этих регионов указывается, что «по этнографическому родству бессарабских русинов необходимо причислять и относить не столько к нашим малороссам, сколько к зарубежным». Точнее, этнограф П.А. Несторовский относит их к потомкам «червоноруссов», как и «две других разновидности того племени»: карпатских русин и галичан [Несторовский, 1905]. По его мнению, в их речи слышен гуцульский элемент, который также является подтверждением их родственности с карпаторусинами, так как гуцулы являются родственными русинам этносом, проживающим немного восточнее них. Официально приравненные к этнокультурной группе малороссийского народа, русины обладали значительно ограниченными политическими правами и возможностями.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать о том, что политическое положение практически каждого из народов Австро-Венгерской и Российской империи кардинально отличается от положения другого народа. В двуединой монархии польский народ фактически играл роль третьей титульной нации, обладая широкой автономией и проводя собственную этническую политику, в то время как в России он сталкивался с притеснениями ввиду того, что именно поляки рассматривались как угрожающий империи элемент. Если в Галиции польская элита и интеллигенция проводила политику колонизации в отношении русинского населения, то в Царстве Польском уже проводилась русификация в отношении самого польского населения. Стоит отметить, что Галиция представляла собой регион с двумя конкурирующими между собой этносами, где конфликт выражался не только в этническом, но и в социальном плане. Это противостояние использовала и Вена, для которой это было инструментом сдерживания и использования польской элиты в своих целях. В Царстве Польском противостояние шло на другом уровне – между Петербургом и польским населением. Активное подавление польских выступлений и отказ от уступок привели к радикализации польского движения.

В отличие от централизованного и единого польского народа со своим национальным самосознанием, украинский народ в Галиции до середины XIX в. воспринимал себя скорее как локальную и социальную группу. Его этнополитическое развитие в конце века было неизменно связано с той политической позицией, которой придерживалось большинство населения. Именно поэтому происходит постепенный отход от употребления слова «русин», которое первоначально просто означало человека «русской веры», и замена его понятием «украинец», обладающего не только этническим, но и политическим значением. Особую роль в формировании украинского этноса сыграло политическое положение, в котором он оказался. Гонения на русофилов и политическая автономия Галиции стали благоприятной почвой для появления первых украинских политических партий, которые смогли добиться успехов не только на локальных выборах, но и на выборах в общеимперский Рейхсрат.

В Российской империи «малороссы» фактически были приравнены по своим правам к «великороссам», поскольку оба народа если и считались разными, то все равно чрезвычайно близкими друг к другу. Доминирующей в середине – конце XIX в. в малороссийских губерниях оставалась некая «малорусская» идентичность, которая не была окончательно сформированной и скорее представляла собой территориально-социальную группу, как и в Галиции. Как уже было упомянуто, для Российской империи основную опасность представляло распространение польского влияния, что и спровоцировало издание «Валуевского циркуляра», а затем и Эмского указа. Эта мера позволила сохранить малороссийские губернии в орбите своего влияния, но одновременно усилила развитие украинского движения в Галиции. С 1905 г. основной силой, представляющей малороссийские земли с национальных позиций, стало «украинское коло», которое опиралось на идеи Грушевского в силу того, что указ и циркуляр утратили свою силу.

Отсутствие политических возможностей в совокупности с влиянием других народов привели к тому, что русинский народ сохранил свою локальную идентичность. Удаленность от центров политической жизни во многом делала как этническую политику, так и попытки воздействия на население неэффективными. Как бессарабские, так и карпатские русины находились на территории, где пересекались сферы влияния различных народов, что также позволило им сохранить свою культурную автономию.

Рассмотрев этнополитическое развитие польского, украинского и русинского народов в указанный период, можно сделать вывод о том, что политическое положение народа во многом являлось определяющим фактором его этнополитического развития в этот период. Эволюция и становление украинского народа является примером эффективного воздействия политических институтов на этнополитическое развитие этноса. Тем не менее

национальное самосознание и влияние других народов при определённых обстоятельствах могут свести на нет национальную политику государства. Это подтверждается неэффективностью этнической политики в отношении польского населения, народа с уже оформленным самосознанием, и русинского населения, находившегося между другими сильными и влиятельными народами.

Список литературы

1. Булахтин М.А. 2011. Политическая модернизация и польская элита в Галиции начала XX в.: урок для России? *Власть*, 9: 150–154.
2. Булахтин М.А. 2007. Русофилы и краковские консерваторы в условиях политической борьбы в Галиции на рубеже XIX–XX веков. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 12: 47–53.
3. Веселов В.И. 2016. Русины Закарпатской области Украины: институализация и функционирование общественных организаций в 1989–2001 гг.: дисс. канд. ист. наук, Москва, 185.
4. Дворецкий Е.В., Тимирязев Д.О. 2019. Полемика Б.Н. Чичерина и Н.К. Ренненкампа в 1898–1899 гг. по польскому вопросу в политике России, Германии и Австро-Венгрии. *Былые годы*, 53: 1310–1317.
5. Кисляков А.С. 2011. Национально-политическая программа польского кола в Государственной думе I и II созывов (1906–1907 гг.). *Вестник Московского университета. Серия 8. История*, 4: 89–99.
6. Клопова М.Э. 2015. Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX–XX вв. в современной русской и украинской историографии. *Славянский альманах*, 1–2: 365–377.
7. Клопова М.Э. 2016. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., Индрик, 280.
8. Кондратенко Д.П. 2007. К вопросу о радикальности польского национально-освободительного движения в последней трети XIX в. *Вестник ВятГУ*, 19: 43–47.
9. Медоваров М.В. 2015. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 1: 69–77.
10. Миллер А. 1997. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов. *Migracijske i etničke teme*, 13: 7–14.
11. Миллер А. 2013. Украинский вопрос в Российской империи. К., Laugus, 416.
12. Михутина И. 1997. Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны. В кн.: *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М., Школа «Языки русской культуры»: 197–208.
13. Несторовский П.А. 1905. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, Типография «Сатурн», 174.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи под редакцией Н.А. Тройницкого. 1905. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц, преобладающих родных языков [Вып. 7]. СПб., Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 42.
15. Суляк С.Г. 2016. Русины в воспоминаниях участников Великой войны. *Русин*, 2 (44): 73–92.
16. Таирова-Яковлева Т.Г. 2013. «Валуевский циркуляр» и запрет использования украинского языка. *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*, 4: 55–60.
17. Топильский А.Г. 2016. Радикальное движение в Галиции первой половины 1890-х гг. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 5–6 (157–158): 156–160.
18. András Gerő. 2014. Nationalities and the Hungarian Parliament (1867–1918). Paper presented at the conference «Parliaments and Minorities: Ethnicities, Nations and Religions in Europe, 1848–1948», 12–14 May 2014.
19. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern. 1912. 1. Heft. Die Summarischen Ergebnisse der Volkszählung, Wien.
20. Die Verteilung der Umgangssprachen in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern nach den Ergebnissen der Volkszählung vom 31. Dezember 1910. Available at: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno-plus?aid=ost&datum=0001&page=543&size=45>.

References

1. Bulakhtin M.A. 2011. Politicheskaya modernizatsiya i pol'skaya elita v Galitsii nachala XX v.: urok dlya Rossii? [Political modernization and the Polish elite in Galicia at the beginning of the 20th century: a lesson for Russia?]. *Vlast'*, 9: 150–154 (in Russian).
2. Bulakhtin M.A. 2007. Rusofily i krakovskie konservatory v usloviyakh politicheskoy bor'by v Galitsii na rubezhe XIX–XX vekov [Russophiles and Krakow conservatives in the context of political struggle in Galicia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 12: 47–53 (in Russian).
3. Veselov V.I. 2016. Rusiny Zakarpatskoy oblasti Ukrainy: instiutalizatsiya i funktsionirovanie obshchestvennykh organizatsiy v 1989–2001 gg. [Rusyns of the Transcarpathian region of Ukraine: institutionalization and functioning of public organizations in 1989–2001]: dis. kand. ist. nauk, Moskva, 185 (in Russian).
4. Dvoretzkiy E.V., Timiryayev D.O. Polemika B.N. Chicherina i N.K. Rennenkampfa v 1898–1899 gg. po pol'skomu voprosu v politike Rossii, Germanii i Avstro-Vengrii [Publicistic Disputes B.N. Chicherin and N.K. Rennenkampf in 1898–1899 on the Polish Question in Politics of Russia, Germany and Austrian-Hungary]. *Bylye Gody*, 53: 1310–1317 (in Russian).
5. Kislyakov A.S. 2011. Natsional'no-politicheskaya programma pol'skogo kolo v Gosudarstvennoy dume I i II sozyvov (1906–1907 gg.) [National-political program of the Polish Kolo in the State Duma of the 1st and 2nd convocations (1906–1907)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, 4: 89–99 (in Russian).
6. Klopova M.E. 2015. Natsional'nyye dvizheniya vostochnoslavlyanskogo naseleniya Galitsii XIX–XX vv. v sovremennoy russkoy i ukrainskoy istoriografii [National movements of the East Slavic population of Galicia in the XIX–XX centuries. in modern Russian and Ukrainian historiography]. *Slavyanskiy al'manakh*, 1–2: 365–377 (in Russian).
7. Klopova M.E. 2016. Rusiny, russkie, ukrainsy. Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavlyanskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka [Rusyns, Russians, Ukrainians. National movements of the East Slavic population of Galicia in the 19th – early 20th centuries]. *M., Indrik*, 280 (in Russian).
8. Kondratenko D.P. 2007. K voprosu o radikal'nosti pol'skogo nacional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v poslednej treti XIX v. [On the question of the radicalism of the Polish national liberation movement in the last third of the 19th century]. *Vestnik VjatGU*, 19: 43–47 (in Russian).
9. Medovarov M.V. 2015. Krizis Avstro-Vengrii i russkaya konservativnaya mysl' nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Austro-Hungarian Crisis and Russian Conservative Thought on the Eve of the First World War]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 1: 69–77 (in Russian).
10. Miller A. 1997. Vneshniy faktor v formirovanii natsional'noy identichnosti galitsiyskikh rusinov [External factor in the formation of the national identity of the Galician Rusyns]. *Migratsionnye i etnicheskiye teme*, 13: 7–14 (in Russian).
11. Miller A. 2013. Ukrainskiy vopros v Rossijskoy imperii [The Ukrainian Question in the Russian Empire]. *K., Laurus*, 416 (in Russian).
12. Mikhutina I. 1997. Ukrainskiy vopros i russkie politicheskie partii nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Ukrainian question and Russian political parties on the eve of the First World War]. V kn.: *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy*. M., Shkola «Yazyki russkoy kul'tury»: 197–208 (in Russian).
13. Nestorovskiy P.A. 1905. Bessarabskie rusiny. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Bessarabian Rusyns. Historical and ethnographic sketch]. *Varshava, Tipografiya «Saturn»*, 174 (in Russian).
14. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii pod redaktsiyey N.A. Troynitskogo. 1905. Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam s ukazaniem chisla lits, preobladayushchikh rodnym yazykov [The first general census of the population of the Russian Empire, edited by N.A. Troynitsky. 1905. The actual population of both sexes by counties, indicating the number of persons with predominant native languages]. [Vyp. 7]. SPb., Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del, 42 (in Russian).
15. Sulyak S.G. 2016. Rusiny v vospominaniyakh uchastnikov Velikoy voyny [Rusyns in the memoirs of participants in the Great War]. *Rusin*, 2 (44): 73–92 (in Russian).

16. Tairova-Yakovleva T.G. 2013. «Valuevskiy tsirkulyar» i zapret ispol'zovaniya ukrainskogo yazyka [«Valuevsky circular» and the ban on the use of the Ukrainian language]. Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya, 4: 55–60 (in Russian).

17. Topilsky A.G. 2016. Radikal'noe dvizhenie v Galicii pervoj poloviny 1890-h gg. [Radical movement in Galicia in the first half of 1890-s]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 5–6 (157–158): 156–160 (in Russian).

18. András Gerő. 2014. Nationalities and the Hungarian Parliament (1867–1918). Paper presented at the conference «Parliaments and Minorities: Ethnicities, Nations and Religions in Europe, 1848–1948», 12–14 May 2014.

19. Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrath vertretenen Königreichen und Ländern. 1912. 1 Heft. Die Summarischen Ergebnisse der Volkszählung, Wien.

20. Die Verteilung der Umgangssprachen in den im Reichsrath vertretenen Königreichen und Ländern nach den Ergebnissen der Volkszählung vom 31. Dezember 1910. Available at: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno-plus?aid=ost&datum=0001&page=543&size=45>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Глеб Никитич, студент Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gleb N. Ivanov, student of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 94 (100)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-349-358

Жизнь и эволюция идейно-политических воззрений Генри Макнила Тернера

Шумаков А.А.

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,
Россия, 300000, г. Тула, проспект Ленина, 53
E-mail: takamori@rambler.ru

Аннотация. Данная статья является первой в отечественной академической науке попыткой изложения биографии и критического анализа религиозно-политической философии одного из первых и самых известных идеологов черного национализма в США – епископа Африканской методистской епископальной церкви (АМЕ) Генри Макнила Тернера. В данной работе автор рассматривает динамику и причины трансформации его идейно-политических воззрений на протяжении всего периода жизни (1834–1915), предлагая собственную периодизацию. В заключении, помимо всего прочего, делается вывод о причинах современной популярности идеологии черного национализма и лично Генри Тернера в США, которые связываются с циклами развития социально-политической системы. Некоторые источники впервые введены в научный оборот.

Ключевые слова: Генри МакНил Тернер, черный национализм, интеграционизм, Движение за права чернокожих в США, Африканская методистская епископальная церковь (АМЕ), аболиционизм, панафриканизм, репатриация.

Для цитирования: Шумаков А.А. 2021. Жизнь и эволюция идейно-политических воззрений Генри Макнила Тернера. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 349–358. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-349-358.

The life and evolution of the ideological and political views of Henry Macneal Turner

Andrey A. Shumakov

Plekhanov Russian University of Economics in Tula,
53 Lenin Avenue, Tula, 300000, Russia
E-mail: takamori@rambler.ru

Abstract. This article is the first attempt in Russian academic science to present the biography and critical analysis of the religious and political philosophy of one of the first and most famous ideologists of black nationalism in the United States – bishop of the African Methodist Episcopal Church (AME) Henry McNeal Turner. In this paper, the author examines the dynamics and reasons for the transformation of his ideological and political views throughout the entire period of his life (1834–1915), offering his own periodization. In the conclusion of this article, among other things, the author concludes about the reasons for the current popularity of the ideology of black nationalism and Henry Turner personally in the United States, which are associated with the cycles of development of the socio-political system. Turner was a renowned priest, eminent orator and publicist. Interest in his person and theoretical heritage among researchers in the West began to wake up relatively recently – in the mid-1970s.

Key words: Henry McNeal Turner, black nationalism, integrationism, The black rights movement in the United States, The African Methodist Episcopal Church (AME), abolitionism, pan-africanism, repatriation.

For citation: Shumakov A.A. 2021. The life and evolution of the ideological and political views of Henry Macneal Turner. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 349–358 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-349-358.

Введение

Этого человека называют одним из самых ярких и авторитетных представителей Движения за права чернокожего населения в США, а также одним из первых идеологов черного национализма. Стоит отметить, что именно его взгляды оказали огромное влияние на Маркуса Гарви, который позаимствовал у Генри Тернера не только его знаменитую концепцию «черного Иисуса Христа», но и саму идею теологического обоснования необходимости возвращения афроамериканского населения на Черный континент, за что был прозван черным Моисеем [Turner, 1897]. Как и легендарный «ямайский мессия», Тернер был известным священником, выдающимся оратором и публицистом. Его несомненные заслуги в деле борьбы за права чернокожего населения и пробуждения афроамериканского самосознания никогда не ставились под сомнение даже его самыми яркими оппонентами, всегда отдававшими должное таланту, принципиальности и авторитету епископа Африканской методистской епископальной церкви (АМЕ).

Однако, несмотря на все это, фигура Генри МакНила Тернера всегда находилась как бы в тени других выдающихся представителей и теоретиков указанного Движения, таких как Фредерик Дуглас, Уильям Эдуард Беркхардт Дюбуа, Эдвард Блайден, Букер Вашингтон и прочих, творивших на рубеже XIX и XX ст.

Результаты и их обсуждение

Интерес к его персоне и теоретическому наследию у исследователей на Западе начал просыпаться относительно недавно – в середине 1970-х гг., когда, казалось бы, острота расовых противоречий в американском обществе начала понемногу спадать, а сама идея репатриации потеряла свою былую актуальность и привлекательность для большей части негритянского населения в США. Именно в это время начинают выходить академические работы, посвященные жизнеописанию и наследию знаменитого афроамериканского проповедника. Среди них, в частности, можно упомянуть магистерские диссертации Элберта Мартина [Martin, 1975], Тюссена Фостера [Foster, 1976], Стефена Энджелла [Angell, 1988], Лоуренса Литтла [Little, 1993], Андре Джонсона [Johnson, 2008], Аарона Тредвелла [Treadwell, 2017] и ряда других авторов, вновь поднявших вопрос о значении и роли личности Генри МакНила Тернера в истории США и афроамериканского народа.

К сожалению, отечественная академическая наука до настоящего момента совершенно игнорировала указанную фигуру. Достаточно отметить, что не вышло не только ни одного исследования, посвященного знаменитому афроамериканскому епископу, но и ни одной статьи, ни одна из его работ или речей не была переведена на русский язык. Имя Генри Тернера можно встретить разве что в виде отдельных упоминаний в ряде исследований, например, в кандидатской диссертации С.А. Армейскова [Армейсков, 2010], где оно приводится в числе видных афроамериканских лидеров конца XIX – начала XX вв. А между тем именно Тернер одним из первых сформулировал ключевые положения доктрины «черного национализма». Примечательно, что в отличие от своего предшественника Мартина Делани [Шумаков, 2020, с. 61] он не отказался от своих взглядов, отстаивая их до конца своих дней.

Основная же значимость данной работы заключается в том, что она является фактически первой попыткой критического исследования биографии и философии Генри Тернера. Без подробного анализа профессионально-личностного становления и трансформации идейно-политических воззрений данного деятеля невозможно проследить генезис доктрины «черного национализма» в США, а также понять причины ее живучести и очередного возрождения ее популярности в современном американском обществе.

Ранние годы (1834–1862). Генри МакНил Тернер родился 1 февраля 1834 г. в Ньюберри, Аббевилл, штат Южная Каролина, в семье свободного мулата Харди Тернера и негритянки Сары Грир. Согласно семейной легенде, дед по материнской линии являлся африканским принцем зулусского племени. Собственно, это и спасло его от рабства после

пленения и прибытия в кандалах в Южную Каролину. Согласно королевскому закону тогда еще английской колониальной провинции, его порабощение было признано незаконным, и пленник был немедленно освобожден. Однако принц, получивший по прибытии имя Дэвида Грира, не захотел возвращаться на родину и вскоре женился на свободной женщине. У пары родилась дочь – Сара. Отец же Генри Тернера также был сыном чернокожего раба и белой женщины-плантатора, что по закону того же штата делало их детей свободными.

Воспитанием Генри Тернера занималась бабушка Ханна и мать. Это во многом предопределило его дальнейшую судьбу и обусловило выбор будущей профессии. Генри рос набожным подростком, мечтая о духовном сане. По словам самого Тернера, в восемь лет мальчику приснилось, что он стоит перед большой смешанной толпой, которая ждет его наставлений [Johnson, 2017]. Генри воспринял это сновидение как божественный знак и с той поры всецело посвятил себя изучению Библии и богословия. Впрочем, обучиться грамоте для молодого человека с «неправильным» цветом кожи представлялось существенной проблемой, т. к. по законам штата негритянских детей воспрещалось учить грамоте под страхом тюремного заключения. Однако мать на свой страх и риск все же попыталась дать начальное образование сыну, прибегая к услугам наемного учителя по воскресным дням [Ponton, p. 34]. Это, безусловно, наложило определенный отпечаток на формирование его идейно-политических воззрений. Тернер стал убежденным аболиционистом, буквально одержимым идеей просвещения.

В 14 лет он переехал в Аббевилл, где устроился на работу уборщиком в офис юридической фирмы, получив тем самым доступ к литературе и возможность присутствовать на судебных заседаниях [Ponton, p. 34]. В 1851 г. вся семья Тернеров получила членство в Южной методистской епископальной церкви (SMEC), а сам Генри проходил обучение под руководством миссионера с плантации Сэмуэля Лирда. Спустя два года мечта Тернера осуществилась – он был рукоположен в духовный сан странствующего проповедника, позволивший ему перемещаться по всему Югу и выступать как перед чернокожими, так и перед белыми прихожанами. Судя по всему, уже тогда проповеди юного пастора пользовались большой популярностью, т. к. в ходе этих турне удалось собрать довольно внушительную по меркам того времени сумму пожертвований – 810 долларов [Johnson, 2017].

В 1858 г., опасаясь похищения и продажи в рабство, молодой проповедник меняет место жительства и переезжает в Сент-Луис, штат Миссури. Принятие Закона о беглых рабах 1850 г., акта Канзас – Небраска 1854 г., а также вынесение решения по делу Дреда Скотта в 1857 г. повысили спрос на рабов, заставив многих свободных афроамериканцев переживать за свою дальнейшую судьбу. В это время Тернер уходит из SMEC и вступает в Африканскую методистскую епископальную церковь (AME), где был взят под опеку знаменитым епископом и сторонником просвещения Дэниелом Пейном, продолжая обучение. Вскоре молодой человек переезжает в Балтимор, где какое-то время работает в медицинском колледже, а затем в Вашингтон, округ Колумбия, где в 1862 г. становится пастором влиятельной Африканской методистской епископальной церкви Израиля. К тому моменту Тернер уже прошел курс изучения грамматики английского, иврита, латыни, греческого, немецкого языка, ораторского искусства и по меркам своего времени считался вполне образованным человеком. Его проповеди собирали немалое количество слушателей самого различного социального статуса и расовой принадлежности.

Начавшаяся в 1861 г. гражданская война заставила Тернера пересмотреть свои взгляды. В 1862 г. он организует лекторий, служивший площадкой для обмена мнениями. В то же время Тернер становится корреспондентом еженедельной газеты AME «Christian Recorder» и устанавливает связи с рядом республиканских чиновников, чему способствовали его регулярные посещения Капитолийского холма. Стоит отметить, что на тот момент вашингтонский пастор был достаточно скептически настроен по отношению к республиканской партии США и лично к Аврааму Линкольну. В частности, в марте 1862 г. Тернер пи-

сал: «Но к какому выводу мы приходим в отношении истинного духа послания [президента Линкольна]! Очень многих здесь оно ослепило и заставило поверить, что это предвещает надежду на светлое будущее; но я смотрю на данное послание как на одну из самых хитроумных уловок, направленных на умиротворение гуманных и человеколюбивых сердец страны. И я верю, что это приведет Север к тому же, что и Народный суверенитет сенатора Дугласа сделал с Южной Каролиной» [Turner, 1862].

Однако постепенно позиция проповедника меняется. Уже в сентябре на страницах того же издания Тернер публикует высокопарный призыв, который завершается словами: «Но прокламация президента Линкольна рассеяла туман и заглушила все сомнения. Теперь все могут видеть, что твердое намерение президентской политики заключается в том, чтобы вести войну во имя свободы, пока последний стон страдающего сердца раба не будет заглушен в ушах истинного Бога. Это определение политики побуждает нас подняться и самим думать и действовать. Мы стояли неподвижно и видели спасение Божье, в то время как мы молили его со слезами на глазах и кровоточащими сердцами; но день неподвижности простился с нами 22 сентября 1862 года. Новая эра, новое устройство вещей, теперь на нас самих, к действию, к действию, это крик. Теперь мы должны начать думать, планировать и издавать законы для самих себя» [A Call to Action, 1862].

Республиканец и интеграционист (1862–1868). В 1863 г. Тернер, уже как убежденный сторонник республиканской партии, агитирует за активное вступление афроамериканцев в армию Союза наряду с другими известными представителями негритянского движения Мартином Робинсоном Делани и Фредериком Дугласом и участвует в формировании 1-го пехотного полка Цветных войск Соединенных штатов (USCT). После достижения квоты в 1 тыс. чел. 29-летний пастор подал прошение о назначении его капелланом собранного полка. В ноябре 1863 г. Авраам Линкольн лично удовлетворил это прошение, сделав Тернера первым чернокожим капелланом в армии Союза. Сразу приступить к исполнению обязанностей не удалось, т. к. вскоре он заболел оспой и в течение нескольких месяцев боролся с тяжелой болезнью.

24 мая 1864 г. рота, в составе которой служил Тернер, участвовала в битве у форта Покахонтас, а затем в боях под Петербургом и Ричмондом и в массированной атаке на форт Фишер. Весной 1865 г. чернокожий капеллан вместе со своим отрядом принял участие в знаменитом Марше Шермана. После затухания боевых действий Тернер получил назначение на острове Роанок, где какое-то время наблюдал за поселением чернокожих.

После демобилизации в сентябре 1865 г. Тернер продолжил служить капелланом, но уже в составе другого цветного полка в Джорджии, где был прикомандирован к местному Бюро вольноотпущенников, а спустя год был избран в палату представителей, приняв самое активное участие в создании республиканской партии в указанном штате. На тот момент он придерживался примирительной интеграционистской позиции. 1 января 1866 г. в одной из своих самых знаменитых речей, посвященных празднованию Дня освобождения, Тернер заявил: «Я с нетерпением жду того дня, когда белые люди Юга не проявят и половины того предубеждения, которое они проявляют сегодня на севере, потому что они знают нас, а мы знаем их. Но в настоящее время они раздражительны, потому что считают себя покоренными, в то время как самый бедный класс в лучшем случае никогда не любил нас» [Turner, 1866]. А закончил он и вовсе словами: «Давайте любить белых, и пусть прошлое останется в прошлом, не насмехаться и не оскорблять их за былые обиды, а уважать их, почитать их, работать на них, но все же будем при этом оставаться людьми. Давайте покажем им, что мы можем быть народом почтенным, добродетельным, честным и трудолюбивым, и вскоре их предрассудки растают, и с Богом для нашего отца мы все будем братьями» [Turner, 1866]. После войны чернокожий проповедник не только находил необходимым и взаимовыгодным сосуществование двух рас, но и оправдывал рабство божественным предопределением [Turner, 1866].

Переходный период: от интеграционизма к «черному национализму» (1868–1915). Однако в 1868 г. взвешенный оптимизм Тернера в отношении американского будущего своей расы резко сменяется пессимизмом. Причиной стало постановление законодательного собрания штата, проголосовавшего за лишение чернокожих граждан права занимать выборные должности [Johnson, 2017]. Тернер лишился своего поста. 3 сентября он выступил с гневной речью в законодательном собрании штата, заявив, что «не намерен пресмыкаться перед политиками», и назвав данное решение «беспрецедентно несправедливым». Именно в этой речи можно видеть отход от интеграционистских принципов, артикулируемых им ранее, и резкий поворот к «черному национализму». «Англосаксонская раса, сэр, весьма удивительна. Ни один человек не был ей так обманут, как я, за последние три недели. Я не знал, что в характере этой расы столько трусости и малодушия. Вероломство, проявленное джентльменами, принадлежащими к этой расе, поколебало мое доверие к нему больше, чем все, что я наблюдал со дня моего рождения», – говорил Тернер [Turner, 1868]. Эти заявления разительным образом контрастировали с тем, что он озвучивал ранее.

В 1869 г. Тернер был назначен республиканской администрацией почтмейстером Мейкона, штат Джорджия, но проработал в этой должности меньше года. Обвиненный в связях с проституткой и других нарушениях, при давлении администрации Улисса Гранта Тернер был отстранен от исполнения обязанностей. После он несколько лет проработал таможенным инспектором в Саванне, штат Джорджия. В это время идейно-политические воззрения Тернера претерпевают существенную трансформацию, становясь все более радикальными.

В 1870-е гг. на первый план выходит идея репатриации – возвращения афроамериканцев на историческую родину. При этом Тернер приветствовал принятие 15-й поправки 1870 г. [Turner, 1870] и Закона о гражданских правах 1875 г. [Turner, 1874], но категорически не принял решения Верховного суда США 1883 г., отменившего ряд его ключевых положений. К тому моменту Тернер уже всецело сосредоточился на общественной работе как проповедник и журналист. Фактически это ознаменовало окончательный поворот в сторону черного национализма и отдаление от республиканской партии, которую он называл «мертвой» [Turner, 1874]. Еще в 1876 г. Тернер был избран вице-президентом Американского колонизационного общества и генеральным директором книжного концерна АМЕ, расположенного в Филадельфии, штат Пенсильвания. Последним в 1879 г. публикуется его работа «Эмиграция цветного населения из Соединенных штатов» [Turner, 1879], в которой Тернер, как некогда другой именитый «отец черного национализма» Мартин Делани, подробно обосновывал необходимость переселения негритянского населения США на Черный континент [Шумаков, 2020, с. 60–61].

В 1880 г. он был избран первым епископом АМЕ в Южных штатах. О полном его разочаровании в республиканской партии свидетельствует то, что на президентских выборах того же года Тернер не поддержал ни одного из кандидатов и охарактеризовал свое состояние как «близкое к мятежу» [Turner, 1880].

На протяжении последующих лет Тернер последовательно работал над реализацией своего эмиграционного проекта, совершив в 1890-х гг. четыре поездки в Либерию и Сьерра-Леоне. С этой целью им было создано Общество международной эмиграции, которым в 1895 и 1896 гг. были осуществлены две экспедиции в Либерию. Однако Тернера, как и Пола Каффи и Мартина Делани, ждало жестокое разочарование. Желających отправиться на родину предков оказалось не так много – чуть более 500 чел., некоторые из которых впоследствии вернулись в США. Тем не менее это не заставило Тернера отказаться от своего проекта. Он по-прежнему считал африканскую эмиграцию «единственным лекарством от нарушенного положения вещей в этой стране» [Turner, 1899], а массовую эмиграцию ненужной и даже вредной на данном этапе.

В ответ на критику афроамериканский проповедник обвинял соотечественников в нежелании выносить неизбежные тяготы путешествий и колонизации. Он приводил в

пример тяготы, выпавшие на долю отцов-пилигримов [Turner, 1897]. «Белая раса сделала это, – писал Тернер, – и негры должны сделать то же самое, или же они станут «притчей во языцех» на все грядущие времена. Негр должен продемонстрировать свою способность к выживанию среди сталкивающихся элементов расового насилия, двигаясь куда-то сам и хватаясь за естественные препятствия на пути просвещенной цивилизации и отбрасывая их в сторону. Ибо до тех пор, пока негр не уйдет куда-нибудь и не истребит диких зверей, не сравняет леса, не наведет мосты через реки, не засадит поля, не построит дома, не построит железные дороги и телеграфные линии, не построит свои школы и колледжи, не издаст свои законы, не утвердит правительство и не бросит вызов уважению человечества, он никогда не завоеует уважения всего мира. (...) Ибо если негр не может этого сделать, ему незачем надеяться наслаждаться благами человеческой расы, ибо он неудачник, если же он может, но не хочет, то просто не заслуживает того, чтобы наслаждаться ими» [Turner, *Turner Scores His Critics*, 1897, p. 4].

Лозунг «Африка для африканцев», сформулированный ранее Мартином Делани и Эдвардом Блайденом, в трактовке Тернера приобретал провиденциалистское обоснование. «Бог в своей бесконечной доброте и мудрости создал Африку для негров, а негров – для Африки. Я верю в это так же сильно, как и в то, что светит солнце» [Thorne, 1899], – говорил Тернер. При этом в отличие от своих предшественников Тернер считал, что негроидная раса не имеет никакого будущего на американском континенте, где она увядает, деградирует и вымирает [Negro Race Dying, 1898], и что белый человек вполне может украсть Африку у черного.

В начале XX в. влияние вашингтонского епископа стало заметно ослабевать. Какое-то время Тернер продолжал заниматься журналистской работой, редактируя газеты «Voice of Missions» (1893–1900) и «Voice of the People» (1901–1904) [Johnson, 2012]. До 1908 г. он оставался председателем Совета директоров Колледжа Морриса Брауна в Атланте – первого в Джорджии учебного заведения, созданного чернокожими представителями АМЕ. В 1915 г. во время посещения Виндзора, провинция Онтарио, Канада, на Генеральной конференции АМЕ Тернер скончался от обширного инсульта.

Заключение

Подводя итог, необходимо заметить, что становление и последующая эволюция идейно-политической философии Генри Тернера проходили в несколько этапов. Первый (1851–1862) связан с классическим аболиционизмом и постепенным нарастанием скептических настроений в отношении дальнейшей судьбы чернокожего населения на территории США. Второй (1862–1868) – с резким разворотом в сторону интеграционизма и ярко выраженным оптимизмом в отношении будущего черной расы в Новом Свете и позитивного изменения американской социально-политической системы. На этом этапе Тернер активно включается в политическую борьбу и становится убежденным республиканцем. Третий (1868–1875) – постепенный отход от интеграционизма, разочарование в республиканской партии, в политической системе США и поворот к черному национализму. Четвертый (1875–1915) – формирование доктрины черного национализма и панафриканизма, работа над эмиграционным проектом.

Эволюция идейно-политических воззрений Генри Тернера тесно связана с социально-политическими процессами, происходившими в США. Если аболиционистские взгляды в ранние годы были обусловлены детскими переживаниями, а нарастающий скепсис – с наступлением на права чернокожих (в частности принятием Закона о беглых рабах 1850 г., актом Канзас – Небраска 1854 г., вынесением решения по делу Дреда Скотта в 1857 г. и прочими документами), то с принятием «Прокламации об освобождении рабов» в сентябре 1862 г. Тернер приходит к прямо противоположным выводам. Как и многие лидеры афроамериканского движения, он принимает сторону Армии Союза, видя в войне шанс на долгожданное освобождение своего народа и достижение социально-расового

равноправия в своей стране. Но по мере свертывания политики реконструкции Юга Тернер окончательно разочаровывается в республиканской партии. Данный поворот был связан с полным крушением надежд на достижение расового равноправия в США. Первым толчком, очевидно, стало принятие в 1868 г. постановления Законодательного собрания штата Джорджия о лишении чернокожих граждан права занимать выборные должности, коснувшееся лично Тернера, а также ряд других нормативно-правовых актов и очевидное нежелание выполнять прежние обещания со стороны правительства. Если до 1875 г. он занимал двойственную позицию, то после завершения реконструкции и наступления эпохи Джима Кроу взгляды епископа становятся радикально националистическими, епископ начинает работу над своим иммиграционным проектом, видя в нем единственный выход из сложившейся ситуации, констатируя невозможность достижения расового равноправия в США.

Возрождение интереса к персоне епископа Тернера связано с растущей популярностью идеологии черного национализма в американском обществе. Если до конца 1960-х гг. данное направление считалось откровенно маргинальным в Движении за права чернокожих, где преобладали интеграционистские настроения, то в 1970-х гг. по мере нарастания скептических настроений наблюдалась его постепенная реабилитация и пробуждение интереса непосредственно к истории афроамериканского народа или т. н. черной истории (Black History). И Генри Тернер как никто другой подходит на роль одного из главных символов борьбы. Его деятельность вдохновляла многих последователей, оказав огромное влияние на Движение за права чернокожих в США и отчасти предопределив вектор его политического развития. Это можно видеть по его идейным последователям, таким как Маркус Гарви и Малкольм Икс, использовавшим все те же риторические приемы и обоснования.

Обращение к персоне епископа Тернера и его идеям в период очередного обострения расовых противоречий, нарастания скептических настроений, деконструкции государственной идеологии и побуждения национального сознания выглядит вполне обоснованным и логичным. Новой истории требуются новые герои... или хорошо забытые. Этим и объясняется «внезапный» феномен популярности Генри МакНила Тернера.

Список литературы

1. Армейсков С.А. 2010. Конструирование черной культурной идентичности в первой трети XX века: Маркус Гарви: дисс. ... канд. культурологии. М., РГГУ, 172.
2. Шумаков А.А. 2020. Проблема появления «черного национализма» в США. Приднепровский научный вестник. Т. 3. 8: 53–64.
3. A Call to Action. Christian Recorder: October 4, 1862. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/05/a-call-to-action.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
4. Angell S.W. 1988. Henry McNeal Turner and Black Religion in the South, 1865–1900: diss. ... Doctor of Philosophy in Religion. Nashville, Tennessee. Vanderbilt University, 657.
5. Foster T. 1976. The Black Nationalism of Bishop Henry McNeal Turner (1860–1900). Master of Arts in History. N.Y., Queens College, The City University of New York. MA Thesis, 98.
7. Johnson A.E. 2017. Henry McNeal Turner: Church Planter, Politician, and Public Theologian. Электронный ресурс. URL: <https://www.patheos.com/blogs/rhetoricraceandreligion/2017/10/henry-mcneal-turner-public-theologian.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
8. Johnson A.E. 2012. The Enigma That Was Bishop Henry McNeal Turner. Электронный ресурс. URL: https://www.huffpost.com/entry/henry-mcneal-turner_b_1948098 (дата обращения: 12 декабря 2020).
9. Johnson A.E. 2008. The Prophetic Oratory of Henry McNeal Turner. Diss. University of Memphis, 156.
10. Little L.S. 1993. A quest for self-determination: The African Methodist Episcopal Church during the age of imperialism, 1884–1916. PhD diss. Columbus. The Ohio State University, 257.

11. Martin E.T. 1975. The Life of Henry McNeal Turner, 1834 to 1870. Master of Arts. Tallahassee. College of Arts and Sciences, Florida State University. MA Thesis, 106.
12. Negro Race Dying Out Here New York Sun: October 10, 1898. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/negro-race-dying-out-here-october-10.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
13. Ponton M.M. 1917. Life and times of Henry M. Turner: the antecedent and preliminary history of the life and times of Bishop H.M. Turner: his boyhood, education and public career, and his relation to his associates, colleagues and contemporaries / by M.M. Ponton. Ponton M.M. (Mungo Melanchthon). Atlanta, Ga, A.B. Caldwell pub. co, 180.
14. Thorne W.H. From «Must the Negro Go?», by William Henry Thorne in A New Review of World-Literature, Society Religion Art and Politics. Decker Building, New York, 1899. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/from-must-negro-go-by-william-henry.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
14. Treadwell A.M. 2017. A Third Wave Black Church Revolution: How the AME Church Evolved from 1841 to 1877, Narrated by the Life Experiences of Daniel Alexander Payne and Henry McNeal Turner. Diss. ... Doctor of Philosophy. Washington, D.C. Howard University, 173.
15. Turner H.M. 1870. A Speech on the Ratification of the Fifteenth Amendment. The Henry McNeal Turner Project. 1870, April 19. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2019/04/a-speech-on-ratification-of-fifteenth.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
16. Turner H.M. 1897. Bishop Turner Would Be Moses of his Race. Atlanta Constitution: Aug 1, 1897; pg. 21. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/bishop-turner-would-be-moses-of-his.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
17. Turner H.M. 1866. Celebration of the First Anniversary of Freedom. The Henry McNeal Turner Project. January 1, 1866. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2019/03/synopsis-on-january-1st-1866-henry.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
18. Turner H.M. 1874. Civil Rights Bill. Christian Recorder: April 30, 1874. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/10/civil-rights-bill-april-30-1874.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
19. Turner H.M. 1879. Emigration of the Colored People of the United States. Is it expedient? If so where to? Philadelphia, Pa, Publication Department A.M.E. Church. Электронная книга. URL: [https://www.dropbox.com/s/ap6nzh4in6qpmam/Emigration %20of %20the %20Colored %20People.pdf? dl=0](https://www.dropbox.com/s/ap6nzh4in6qpmam/Emigration%20of%20the%20Colored%20People.pdf?dl=0) (дата обращения: 12 декабря 2020).
20. Turner H.M. 1899. Negro Emigration to Africa. From The Independent Vol. LI, January-December 1899. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/negro-emigration-to-africa-from.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
21. Turner H.M. 1897. Turner Scores His Critics. Atlanta Constitution: September 11, 1897; pg. 4. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/turner-scores-his-critics-atlanta.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
22. Turner H.M. 1880. The Presidential Election of 1880. Christian Recorder: March 25, 1880. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/10/the-presidential-election-of-1880.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
23. Turner H.M. 1862. Turner on the President's Message. Christian Recorder: March 21, 1862. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/04/turner-on-presidents-message.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
24. Turner H.M. 1868. Speech on the Eligibility of Colored Members to Seats in the Georgia Legislature. The Henry McNeal Turner Project. September 3, 1868. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2019/03/speech-on-eligibility-of-colored.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).

References

1. Armejskov S.A. 2010. Konstruivovanie chernoj kul'turnoj identichnosti v pervoj treti XX veka: Markus Garvi [The Construction of Black Cultural Identity in the First Third of the 20th Century: Marcus Garvey]: diss. ... kand. kul'turologii. M., RGGU, 172.
2. Shumakov A.A. 2020. Problema pojavlenija «chernogo nacionalizma» v SShA [The problem of the emergence of «black nationalism» in the United States.]. Pridneprovskij nauchnyj vestnik [Pridneprovsky scientific bulletin]. T. 3. 8: 53–64.
3. A Call to Action. Christian Recorder: October 4, 1862. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/05/a-call-to-action.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
4. Angell S.W. 1988. Henry McNeal Turner and Black Religion in the South, 1865–1900: diss. ... Doctor of Philosophy in Religion. Nashville, Tennessee. Vanderbilt University, 657.
5. Foster T. 1976. The Black Nationalism of Bishop Henry McNeal Turner (1860–1900). Master of Arts in History. N.Y., Queens College, The City University of New York. MA Thesis, 98.
7. Johnson A.E. 2017. Henry McNeal Turner: Church Planter, Politician, and Public Theologian. Электронный ресурс. URL: <https://www.patheos.com/blogs/rhetoricraceandreligion/2017/10/henry-mcneal-turner-public-theologian.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
8. Johnson A.E. 2012. The Enigma That Was Bishop Henry McNeal Turner. Электронный ресурс. URL: https://www.huffpost.com/entry/henry-mcneal-turner_b_1948098 (дата обращения: 12 декабря 2020).
9. Johnson A.E. 2008. The Prophetic Oratory of Henry McNeal Turner. Diss. University of Memphis, 156.
10. Little L.S. 1993. A quest for self-determination: The African Methodist Episcopal Church during the age of imperialism, 1884–1916. PhD diss. Columbus. The Ohio State University, 257.
11. Martin E.T. 1975. The Life of Henry McNeal Turner, 1834 to 1870. Master of Arts. Tallahassee. College of Arts and Sciences, Florida State University. MA Thesis, 106.
12. Negro Race Dying Out Here New York Sun: October 10, 1898. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/negro-race-dying-out-here-october-10.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
13. Ponton M.M. 1917. Life and times of Henry M. Turner: the antecedent and preliminary history of the life and times of Bishop H.M. Turner: his boyhood, education and public career, and his relation to his associates, colleagues and contemporaries / by M.M. Ponton. Ponton M.M. (Mungo Melancthon). Atlanta, Ga, A.B. Caldwell pub. co, 180.
14. Thorne W.H. From «Must the Negro Go?», by William Henry Thorne in A New Review of World-Literature, Society Religion Art and Politics. Decker Building, New York, 1899. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/from-must-negro-go-by-william-henry.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
14. Treadwell A.M. 2017. A Third Wave Black Church Revolution: How the AME Church Evolved from 1841 to 1877, Narrated by the Life Experiences of Daniel Alexander Payne and Henry McNeal Turner. Diss. ... Doctor of Philosophy. Washington, D.C. Howard University, 173.
15. Turner H.M. 1870. A Speech on the Ratification of the Fifteenth Amendment. The Henry McNeal Turner Project. 1870, April 19. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2019/04/a-speech-on-ratification-of-fifteenth.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
16. Turner H.M. 1897. Bishop Turner Would Be Moses of his Race. Atlanta Constitution: Aug 1, 1897; pg. 21. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/bishop-turner-would-be-moses-of-his.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
17. Turner H.M. 1866. Celebration of the First Anniversary of Freedom. The Henry McNeal Turner Project. January 1, 1866. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2019/03/synopsis-on-january-1st-1866-henry.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
18. Turner H.M. 1874. Civil Rights Bill. Christian Recorder: April 30, 1874. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/10/civil-rights-bill-april-30-1874.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).
19. Turner H.M. 1879. Emigration of the Colored People of the United States. Is it expendent? If so where to? Philadelphia, Pa, Publication Department A.M.E. Church. Электронная книга. URL:

[https://www.dropbox.com/s/ap6nzx4in6qpamm/Emigration %20of %20the %20Colored %20People.pdf?dl=0](https://www.dropbox.com/s/ap6nzx4in6qpamm/Emigration%20of%20the%20Colored%20People.pdf?dl=0) (дата обращения: 12 декабря 2020).

20. Turner Н.М. 1899. Negro Emigration to Africa. From The Independent Vol. LI, January-December 1899. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/negro-emigration-to-africa-from.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).

21. Turner Н.М. 1897. Turner Scores His Critics. Atlanta Constitution: September 11, 1897; pg. 4. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2018/03/turner-scores-his-critics-atlanta.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).

22. Turner Н.М. 1880. The Presidential Election of 1880. Christian Recorder: March 25, 1880. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/10/the-presidential-election-of-1880.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).

23. Turner Н.М. 1862. Turner on the President's Message. Christian Recorder: March 21, 1862. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2017/04/turner-on-presidents-message.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).

24. Turner Н.М. 1868. Speech on the Eligibility of Colored Members to Seats in the Georgia Legislature. The Henry McNeal Turner Project. September 3, 1868. Электронный ресурс. URL: <http://www.thehenrymcnealturnerproject.org/2019/03/speech-on-eligibility-of-colored.html> (дата обращения: 12 декабря 2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тульского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Тула, Россия

Andrey A. Shumakov, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, Tula, Russia

УДК 94 (569.4)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-359-366

Борьба палестинцев за независимость в 1960–1980-е гг.

Гофман А.В.

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12
E-mail: gofmanar@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена становлению палестинского движения за независимость во второй половине XX в. Попытки добиться самостоятельности вооружённым путём привели к росту насилия и жёстким ответным мерам израильской стороны. Постепенно упор был перенесён на дипломатию, позволив палестинцам заручиться международной поддержкой, оказав давление на Израиль. Ради этого палестинцы готовы были признать право Государства Израиль на существование и резолюции ООН как базу мирного урегулирования. Это позволило автору прийти к заключению о гибкости палестинской идеологии сопротивления, высоком уровне прагматичности её лидеров.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, палестино-израильский конфликт, палестинское движение сопротивления.

Для цитирования: Гофман А.В. 2021. Борьба палестинцев за независимость в 1960–1980-е гг. Via in tempore. История. Политология, 48 (2): 359–366. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-359-366.

Palestinian struggle for independence in 1960–1980

Artyom V. Gofman

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science,
12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia
E-mail: gofmanar@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the Palestinian resistance movement for independence in the second half of the XX century. After the First Arab-Israeli War in 1947–1949 many Palestinians were scattered outside their homeland. In 1960's the Palestinian Liberation Organization emerged as a core stone of the independence movement. However, arm resistance led to Israeli crackdown. Perceiving that, Palestinians shifted focus to international sphere where they managed to achieve international support against Israel which positions were damaged. In order to put high pressure on Israelis, Palestinians approved the UN resolutions on the Middle East Peace Process and were ready to recognize Israel. Thus, one can deduce that Palestinian leaders were pragmatic enough to change their positions for the purpose of aspiring to their ends. The same goes with the Palestinian resistance movement ideology. It was changeable enough to fit the current state of affairs. Palestinians failed to beat Israel via arm resistance but they succeed to put enormous pressure on it by means of international support.

Keywords: Palestine, Israel, Palestinian-Israeli conflict, Palestinian movement for independence.

For citation: Gofman A.V. 2021. Palestinian struggle for independence in 1960–1980. Via in tempore. History and political science, 48 (2): 359–366 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-359-366.

Введение

Создание Государства Израиль и последовавшая за этим арабо-израильская война стали настоящей катастрофой для палестинских арабов. Попытки создать свою государственность были прерваны начавшимся конфликтом между Израилем, с одной стороны, и

соседними арабскими государствами – с другой. И хотя в сентябре 1948 г. при покровительстве Египта было создано Всепалестинское правительство в Газе, иногда называвшееся «палестинским правительством в изгнании», оно не обладало целым рядом факторов, характерных для независимого государства, не было у него и международного признания, кроме стран Лиги арабских государств (ЛАГ) [Эпштейн 2016, с. 237–240].

Исходя из этого, палестинские арабы оказались во многих отношениях самой проигравшей стороной по итогам первой арабо-израильской войны. Этот народ был разделён между соседними странами, многие стали беженцами [Kimmerling, Migdal, 2003, p. 215–216]. Политического единства так и не возникло; более того, палестинский нарратив об освобождении оказался «присвоен» Египтом, задежавшим его в своих целях, а правительство в Газе существовало в качестве марионетки. На представительство палестинцев также претендовала Иордания, но, в отличие от Египта, иорданцы считали Восточную Палестину неотъемлемой частью Хашимитского королевства, проводя политику «иорданизации» палестинских арабов и отказывая им в праве на самоопределение [Сакер, 2011, с. 425].

В результате «палестинский вопрос стал разменной картой, которую и Израиль, и арабские страны использовали в своих интересах, не привлекая при этом самих палестинских представителей к обсуждению судьбы их народа» [Эпштейн, 2009, с. 35].

В 1950-е гг. палестинский вопрос в какой-то мере потерял свою актуальность для мирового сообщества. Постепенно он сузился до проблемы палестинских беженцев. В условиях нарастания «холодной войны» и отказа ключевых сторон арабо-израильского конфликта вернуться к довоенному положению ситуация в Палестине оставалась в подвешенном состоянии. Ни о создании арабского государства в Палестине, ни об интернационализации Иерусалима речи уже не шло. Стороны конфликта пытались сохранить сложившийся статус-кво.

Создание Организации освобождения Палестины. Одним из первых арабских лидеров, кто заговорил о палестинцах как об отдельной нации, стал лидер Египта Г.А. Насер. На сессии ЛАГ в 1959 г. он заявил о праве палестинцев на самоопределение и собственную территорию [Клява, 2003, с. 164]. В 1963 г. было ликвидировано Всепалестинское правительство, а уже в следующем 1964 г. создана Организация освобождения Палестины (ООП).

Вплоть до 1967 г. ООП не играла особой роли в арабо-израильском конфликте. Во-первых, её деятельность строго контролировалась египетскими властями, которые жёстко пресекали действия боевиков, несогласованные с Каиром. Во-вторых, зона деятельности ООП была ограничена исключительно территорией Израиля без Западного берега, так как это было принципиальным требованием короля Хусейна в качестве поддержки Иорданией ООП.

Стоит сказать, что не все палестинцы были согласны бороться с Израилем под покровительством той или иной арабской страны. В 60–80-е гг. XX в. появлялись, сливались и распадались многие палестинские группировки, действовавшие в рамках ООП или же вне её. Одной из самых влиятельных стала сформировавшаяся на рубеже 50–60 гг. XX в. группировка ФАТХ, буквально – «Движение за национальное освобождение Палестины».

До 1967 г. деятельность ФАТХ, не входившей в ООП, была затруднена противодействием ряда арабских стран [Клява, 2003, с. 171–172]. Арабских лидеров раздражала относительная самостоятельность главарей ФАТХ, совершавших зачастую без согласования с ними диверсионно-террористические вылазки в сторону Израиля с территории их государств.

Ситуация кардинально изменилась после победы Израиля в Шестидневной войне 1967 г. Арабские авторы подчёркивают, что проигрыш в войне в определённой степени вынудил арабские режимы открыть путь палестинскому движению сопротивления, приведя к вступлению ФАТХ в ООП, занявшей в последней центральное место, что, в свою очередь, стало мощным стимулом становления «палестинского национального самосозна-

ния» [Mohsen Moh'd Saleh, 2014, p. 94]. На саммите ЛАГ в Рабате в 1974 г. было подтверждено право палестинцев на самоопределение под руководством ООП как их единственного законного представителя [Lukacs, 1992, p. 464–465]. Фактически ООП стала официальным представителем интересов палестинского народа. Это решение юридически закрепляло основы подхода арабских стран к палестино-израильскому урегулированию, став ключевым фактором дальнейших переговоров.

Возвращение палестинского вопроса в повестку дня международного сообщества. Произошла переоценка палестинского вопроса в международном сообществе. Началось было положено в резолюции 2535 «Ближневосточное агентство Организации Объединённых Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ», принятой ГА ООН 10 декабря 1969 г., где, помимо помощи палестинским беженцам, подтверждались «неотъемлемые права народа Палестины» [Resolution 2535]. В резолюции 3236, принятой ГА ООН 22 ноября 1974 г., вновь подтверждались права палестинского народа на самоопределение и национальную независимость [Resolution 3236]. В тот же день была принята резолюция 3237 о наделении ООП статусом наблюдателя в ООН [Resolution 3237]. Таким образом, с середины 1970-х гг. палестинский вопрос снова вернулся в повестку дня ООН, перестав концентрироваться лишь вокруг темы беженцев и дополнившись требованием создания независимого палестинского государства.

Отдельно нужно обратить внимание на базу решения арабо-израильского конфликта. Начиная с 1967 г., её основой становится принцип «территории в обмен на мир». Подразумевалось, что Израиль должен был освободить захваченные территории, а соседние страны – заключить мир с еврейским государством в соответствии с резолюцией 242 СБ ООН, принятой 22 ноября 1967 г. и ставшей краеугольным камнем ближневосточного урегулирования [Resolution 242].

Формально соответствовавшая позиции палестинского движения сопротивления, резолюция 242 призывала к восстановлению довоенных границ и решения проблемы палестинских беженцев. Но в ней ничего не говорилось о праве палестинских арабов на самоопределение. Более того, согласно тексту, непонятно было, что делать с территорией Западного берега и сектора Газа, которые Израиль должен был освободить. В тексте было прописано право каждого государства региона «жить в мире в безопасных и признанных границах» [Resolution 242], но аннексия Иорданией Западного берега не была признана международным сообществом и являлась незаконной, сомнительным было также присутствие египетской военной администрации в Газе.

Интересно отметить, что на следующий день после принятия резолюции ООП опубликовала заявление, по которому организация отказывалась её признавать в том числе и потому, что в ней не прописывалось право палестинского народа на независимость и самоопределение [Lukacs, 1992, p. 290–291].

Вторым спорным моментом было требование вывести израильские войска с оккупированных территорий. В тексте резолюции это было прописано как факт, но не уточнялось – со всех территорий или же частично. А.В. Скосырев обращает внимание на то, что отсутствие чёткого указания освободить *все* территории стало лазейкой для израильтян, обосновывавших своё право вывести войска только к тем границам, которые они сочтут нужными [Скосырев, 2015, с. 32–33]. Хотя ООП имела поддержку ООН, ЛАГ и ряда других стран, отвергавших израильскую трактовку резолюции, юридические коллизии тем не менее осложняли борьбу за политическую независимость палестинского народа.

Политика ООП в 70–80-е гг. XX в. В 1970-е гг. претерпевает изменения политика ООП. К тому моменту пропала надежда на совместное военное выступление ООП и арабских стран против Израиля, особенно после победы израильтян в войне Судного дня 1973 г. [Greenstein, 2014, p. 141]. Ощутимо чувствовался спад популярности панарабизма,

росли противоречия внутри арабского мира⁴. Объединение всей Палестины под израильским контролем давало ООП пространство для манёвра на оккупированных территориях. Теперь Я. Арафат мог распространять свои идеи среди палестинских арабов, не задевая национальные интересы Аммана⁵ или Каира. Росла зависимость ООП от поддержки Советского Союза, призывавшего Я. Арафата отказаться от диверсионно-террористических методов борьбы.

Советский и российский государственный деятель Е.М. Примаков, находившийся в дружеских отношениях с лидером ООП, писал: «Шестидневная война 1967 года, проигранная арабскими государствами, ещё больше укрепила Арафата в мысли, что завоевание палестинских прав – дело рук самих палестинцев» [Примаков, 2016, с. 237]. На встрече с Е.М. Примаковым летом 1971 г. лидер ООП нарисовал карту, где палестинское государство соседствует с Израилем, а не находится вместо него [Примаков, 2016, с. 243]. Такой поступок противоречил ранее принятым палестинскими представителями документам, где чётко прописывалась необходимость освобождения *всей* территории Палестины, включая положение о вооружённом сопротивлении сионистским оккупантам [Lukacs, 1992, p. 295–301].

Вполне очевидно, что смещение акцента с насилия на дипломатию уже некоторое время прорабатывалось ещё до встречи. Однако, изучая различные документы палестинского движения сопротивления, можно прийти к выводу, что подобного рода обсуждения долгое время носили кулуарный, неофициальный и, возможно, даже пропагандистский характер⁶. ООП и многие другие палестинские группировки не отказались от насилия как средства достижения политических целей. На протяжении всех 1970-х и 1980-х гг. палестинские боевики совершали многочисленные террористические акции, направленные преимущественно против мирного населения, нонкомбатантов.

Тем не менее процесс развития, адаптации под новые условия, идеологии палестинского движения за независимость действительно имел место. А.Я. Клява выделяет гибкость палестинских идеологов, поясняя, что «идеология палестинского национализма могла "буксовать", идти по кругу, не поднимаясь, и даже долго стоять на месте. Но никогда – не идти назад» [Клява, 2003, с. 36–37]. По мнению Г.Г. Косача, изменение позиции палестинцев было медленным, в том числе и потому, что палестинские арабы рассматривали еврейское государство как временное образование, они не были готовы моментально признать его право на существование или полностью отказаться от его ликвидации [Косач, 2001, с. 143].

Особенно сильны были антиизраильские настроения среди радикалов. ООП никогда не представляла из себя монолитную организацию, а доминирование ФАТХ не означало беспрекословное подчинение ему других формирований. Скорее, это было собрание разных палестинских группировок, объединённых ненавистью к Государству Израиль и желанием освободить Палестину от «сионистского образования». Постоянная угроза раскола ООП, его распада на различные фракции стала самой настоящей хронической проблемой для Я. Арафата.

К началу 1980-х гг. ООП впервые за всю свою историю оказалась на грани распада и исчезновения как серьёзная политическая сила. В результате вторжения израильской армии в Ливан сеть местных палестинских лагерей, на которые опирался Я. Арафат, была разрушена. Лидеру ООП угрожали израильтяне, антипалестинские ливанские силы и сирийцы. В 1983 г. наиболее радикальные представители палестинского движения сопротивления, поддерживаемые Дамаском, выступили против «соглашательской» политики

⁴ Амбиции Я. Арафата в Иордании привели к событиям «Чёрного сентября» и изгнанию боевиков ООП в Ливан. Там они сталкивались с местными силами, что в итоге привело к началу кровопролитной гражданской войны. Ухудшились отношения ООП с Сирией и Египтом.

⁵ На самом деле активность ООП на Западном берегу вызывала раздражение у иорданских властей, считавших, что деятельность Я. Арафата наносит урон связям Иордании со своими бывшими территориями.

⁶ Официально ООП признала резолюции ООН и право Израиля на существование только в 1988 г., спустя годы вооружённой борьбы против еврейского государства.

Я. Арафата [Пир-Будагова, 2015, с. 263]. Он смог, однако, преодолеть назревавший раскол, и на сессии Национального совета Палестины в том же году большинство делегатов выразило поддержку «умеренному» курсу Я. Арафата на примирение, включая одобрение Фесского плана ⁷, «ястребы» и «голуби» оказались в меньшинстве [Боровой, 2009, с. 92–93].

Перемещение штаб-квартиры ООП в Тунис негативно сказалось на положении палестинского движения сопротивления. Палестинские боевики лишились своей базы в Ливане, с территории которого они могли совершать нападения на Израиль. Ослабли связи с палестинцами на территории Западного берега и сектора Газа. Ухудшились отношения с Иорданией, Сирией. Напряжёнными были отношения с Египтом. Израиль и США по-прежнему отказывались вести диалог с ООП. Я. Арафат оказался в изоляции, его возможности влиять на ближневосточное урегулирование были максимально сужены.

Ситуация кардинально изменилась после начала первой интифады в 1987 г. Восстание против израильских властей носило стихийный характер и грозило окончательно переместить фокус внимания с палестинской диаспоры на оккупированные территории [Маначинский, 2014, с. 80]. Особое беспокойство вызывала небывалая прежде активность исламистов из движения ХАМАС, в переводе – «Движение исламского сопротивления» ⁸, действовавших без консультаций с Я. Арафатом. В связи с этим ООП вело политику, с одной стороны, необходимости возглавить восстание, что им вскоре удалось, с другой – сдерживания политической власти и влияния исламистов.

После отказа Хашимитской династии от претензий на территорию Палестины Я. Арафат начал закулисную игру, чтобы окончательно склонить палестинское движение сопротивления к компромиссному решению палестино-израильского конфликта. И ему это удалось. 15 ноября 1988 г. была опубликована палестинская Декларация независимости, провозглашавшая создание Государства Палестины со столицей в Иерусалиме [Lukacs, 1992, р. 411–415]. Отечественные исследователи отмечают, что эта декларация по стилю и духу очень похожа на Декларацию независимости, зачитанную Д. Бен-Гурионом 14 мая 1948 г. [Боровой, 2009, с. 114–115; Косач, 2001, с. 145–146]. Г.Г. Косач также добавляет, что «Декларация независимости Государства Израиль становилась правовым актом, завершавшим процесс оформления государственности палестинского *ишсува*. В свою очередь, Декларация независимости Государства Палестина, фиксируя существование палестинского национального сообщества, лишь инициировала движение в сторону его самоопределения, когда будущее государство ещё должно было стать естественной формой самостоятельного палестинского бытия» [Косач, 2001, с. 146].

Помимо провозглашения независимости, Я. Арафат также признавал резолюции ООН, посвящённые ближневосточному урегулированию, право Израиля на существование и публично осудил любые проявления терроризма [Lukacs, 1992, р. 420–434]. Его заявления вызвали негативную реакцию радикалов внутри ООП, но дальше осуждений дело не двинулось. В отличие от 1983 г., в 1988 г. Я. Арафат был неоспоримым лидером палестинского движения сопротивления, он имел признание международного сообщества (кроме израильского правительства), включая страны Европы и США.

Как видно, глава ООП нёс значительные политические издержки из-за внутripалестинского противоборства на протяжении десятилетий. Даже во время мирного процесса

⁷ На заседании ЛАГ в Фесе в 1982 г. на основе мирного предложения саудовского короля Фахда арабские лидеры предложили план урегулирования арабо-израильского конфликта, включавший возврат к границам до Шестидневной войны, ликвидацию поселений, решение проблемы беженцев, создание палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме и т. д. План примечателен тем, что это первое с 1967 г. совместное мирное предложение арабских стран, признававших Государство Израиль. Принимая его, ООП фактически косвенно признала право Израиля на существование уже в 1983 г.

⁸ Движение формально было основано шейхом А. Ясином в декабре 1987 г. во время интифады. Имело тесные связи с египетской организацией «Братья-мусульмане», основывалось на радикальном исламизме.

1990-х гг. он был вынужден постоянно лавировать, изворачиваться, чтобы не допустить раскола в палестинском движении сопротивления. В результате такое поведение использовалось противниками Я. Арафата против него самого, создавая образ «лицемерного» и «лживого» политика, чьи слова практически ничего не значат и не имеют веса.

Активно этот образ продвигали израильтяне. Например, после выступления Я. Арафата на ГА ООН в декабре 1988 г., где он высказал поддержку мирному урегулированию, премьер-министр И. Шамир заявил следующее: «мы стали свидетелями поразительного акта лжи... мираж, иллюзия умеренности была создана для обмана международного сообщества. Тем не менее на всех своих выступлениях... глава ООП повторяет свою основную позицию различными способами. Суть их проста – отказ признать право Израиля на существование, продолжение терроризма и поощрение насилия» [Reaction by Prime Minister Shamir].

Заключение

Идеология палестинского движения сопротивления прошла длинный и непростой путь. Её становление происходило практически в диаспоре, с активным вмешательством соседних арабских стран, при наличии неудачного опыта самоопределения времён британского мандата. Необходимо было не только избавиться от «удушающей» опеки арабских лидеров, но и пробудить в палестинском народе, разбросанном по всему Ближнему Востоку, рост национального самосознания. Ключевым моментом стало признание за ООП в 1974 г. уникального права предоставлять интересы и вести переговоры от имени палестинцев, что дало козырь в противостоянии с Хашимитским королевством, проводившим политику «иорданизации» арабов Палестины и претендовавшим на территорию Западного берега.

Палестинскому движению сопротивления была свойственна определённая гибкость, адаптация к изменяющейся ситуации. Придерживаясь конечной цели создания независимого палестинского государства, Я. Арафат смог постепенно смещать акценты на его основание рядом, а не вместо Израиля. Но палестинские группировки так и не смогли полностью отказаться от проведения диверсионно-террористических актов даже после 1988 г. Более того, сам Я. Арафат на деле использовал терроризм в качестве рычага давления на Израиль.

Тем не менее формальная готовность ООП к мирному урегулированию поставила Израиль, который отказывался вести с ней диалог, в затруднительное положение. Потребовалось ещё несколько лет, чтобы израильтяне согласились встретиться с палестинцами сначала в составе совместной иордано-палестинской делегации на конференции в Мадриде, а затем уже напрямую с палестинцами в Осло.

Список литературы

1. Боровой Я.Л. 2009. Человек с тысячью лиц. Ясир Арафат. М., ТЕРРА – Книжный клуб, 288.
2. Клява А.Я. 2003. Палестинское национальное движение: от вооружённой борьбы к «дипломатии с оружием в руках» (1974–1991 гг.) В кн.: Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск двадцатый). М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока: 35–69.
3. Клява А.Я. 2003а. Формирование организационных структур палестинского национального движения В кн.: Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск восемнадцатый). М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока: 161–194.
4. Косач Г.Г. 2001. Организация освобождения Палестины: путь к созданию национальной государственности. В кн.: Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск одиннадцатый). М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока: 142–163.
5. Маначинский А.Я. 2014. Ближний Восток: никогда не прекращающаяся война. Ретроспектива (1982–2006). М., Центр стратегической конъюнктуры, 350.
6. Пир-Будагова Э.П. 2015. История Сирии. XX век. М., ИВ РАН, 391.

7. Примаков Е.М. 2016. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., ЗАО Издательство Центр-полиграф, 414.
8. Сакер Г.М. 2011. История Израиля. От зарождения сионизма до наших дней Т. 1: 1807–1951. М., Книжники, Текст, 636.
9. Скосырев А.В. 2015. Стратегия и тактика Израиля в отношении палестинской проблемы на рубеже XX–XXI веков. Дисс. канд. ист. н. 07.00.03. М., 219.
10. Эпштейн А.Д. 2009. Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно. М., Мосты культуры, 192.
11. Эпштейн А.Д. 2016. Горизонты и миражи палестинской государственности. М., Институт Ближнего Востока, 430.
12. Greenstein R. 2014. Zionism and its Discontents. A Century of Radical Dissent in Israel/Palestine. London, Pluto Press, 232.
13. Lukacs Y. 1992. The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record. Cambridge, Cambridge University Press, 549.
14. Kimmerling B., Migdal J.S. 2003. The Palestinian People. A History. London, Harvard University Press, 568.
15. Mohsen Moh'd Saleh. 2014. The Palestinian Issue. Historical Background and Contemporary Developments. Beirut, Al-Zaytouna Centre For Studies & Consultations, 224.
16. Reaction by Prime Minister Shamir to Arafat's Speech, 13 December 1988. Israel Ministry of Foreign Affairs. Israel's Foreign Policy. Historical Documents, Vol. 9–10: 1984–1988. Available at: [https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook7/Pages/415 %20Reaction %20by %20Prime %20Minister %20Shamir %20to %20Arafat-s.aspx](https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook7/Pages/415%20Reaction%20by%20Prime%20Minister%20Shamir%20to%20Arafat-s.aspx) (accessed 23 October 2020).
17. Resolution 242. UN Security Council, 1967. Available at: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1967> (accessed 25 October 2020).
18. Resolution 2535. United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East. UN General Assembly, 24th session. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/24/docs/24res.shtml> (accessed 24 October 2020).
19. Resolution 3236. Question of Palestine. UN General Assembly, 29th session. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/29/docs/29res.shtml> (accessed 24 October 2020).
20. Resolution 3237. Observer status for the Palestine Liberation Organization // UN General Assembly, 29th session. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/29/docs/29res.shtml> (accessed 25 October 2020).

References

1. Borovoj Ya.L. 2009. Chelovek s tysyach'yu lic. Yasir Arafat [A person with 1000 faces. Yasir Arafat]. М., TERRA – Knizhnyj klub, 288 (in Russian).
2. Klyava A.Ya. 2003. Palestinskoe nacional'noe dvizhenie: ot vooruzhyonnoj bor'by k «diplomatii s oruzhiem v rukah» (1974–1991 gg.) [Palestinian national movement: from arm resistance to «diplomacy with a gun in hand» (1974–1991)] V kn.: Blizhnij Vostok i sovremennost'. Sbornik statej (vypusk dvadcatyj). М., Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka: 35–69 (in Russian).
3. Klyava A.Ya. 2003a. Formirovanie organizacionnyh struktur palestinskogo nacional'nogo dvizheniya [Palestinian national movement leading structure forming] V kn.: Blizhnij Vostok i sovremennost'. Sbornik statej (vypusk vosemnadcatyj). М., Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka: 161–194 (in Russian).
4. Kosach G.G. 2001. Organizaciya osvobozhdeniya Palestiny: put' k sozdaniyu nacional'noj gosudarstvennosti [Palestinian Liberation Organization: the way to creation of a national state] V kn.: Blizhnij Vostok i sovremennost'. Sbornik statej (vypusk odinnadcatyj). М., Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka: 142–163 (in Russian).
5. Manachinskij A.Ya. Blizhnij Vostok: nikogda ne prekrashchayushchayasya vojna. Retrospektiva (1982–2006) [The Middle East: a never-ending war]. М., Centr strategicheskoy kon'yunktury, 350 (in Russian).
6. Pir-Budagova E.P. 2015. Istoriya Sirii. XX vek [Syrian history: the XX century]. М., IV RAN, 391 (in Russian).
7. Primakov E.M. 2016. Konfidental'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami [Confidential: the Middle East in front of stage and behind it]. М., ЗАО Izdatel'stvo Centr-poligraf, 414 (in Russian).

8. Saker G.M. 2011. *Istoriya Izrailya. Ot zarozhdeniya sionizma do nashih dnei* T. 1: 1807–1951 [The history of Israel. From Zionism origin to modernity. V. 1: 1807–1951]. M., Knizhniki, Tekst, 636 (in Russian).
9. Skosyrev A.V. 2015. *Strategiya i taktika Izrailya v otnoshenii palestinskoj problemy na rubezhe XX–XXI vekov* [Israeli strategy and tactics towards the Palestinian problem on the brink of XX–XXI centuries]. Diss. kand. ist. n. 07.00.03. M., 219 (in Russian).
10. Epshtejn A.D. 2009. *Izrail'tyane i palestincy: ot konfrontacii – k peregovoram i obratno* [Israelis and Palestinians: from confrontation to negotiations and vice-versa]. M., Mosty kul'tury, 192 (in Russian).
11. Epshtejn A.D. 2016. *Gorizonty i mirazhi palestinskoj gosudarstvennosti* [Horizons and mirages of Palestinian statehood]. M., Institut Blizhnego Vostoka, 430 (in Russian).
12. Greenstein R. 2014. *Zionism and its Discontents. A Century of Radical Dissent in Israel/Palestine*. London, Pluto Press, 232.
13. Lukacs Y. 1992. *The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record*. Cambridge, Cambridge University Press, 549.
14. Kimmerling B., Migdal J.S. 2003. *The Palestinian People. A History*. London, Harvard University Press, 568.
15. Mohsen Moh'd Saleh. 2014. *The Palestinian Issue. Historical Background and Contemporary Developments*. Beirut, Al-Zaytouna Centre For Studies & Consultations, 224.
16. Reaction by Prime Minister Shamir to Arafat's Speech, 13 December 1988. Israel Ministry of Foreign Affairs. Israel's Foreign Policy. Historical Documents, Vol. 9-10: 1984–1988. Available at: [https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook7/Pages/415 %20Reaction %20by %20Prime %20Minister %20Shamir %20to %20Arafat-s.aspx](https://mfa.gov.il/MFA/ForeignPolicy/MFADocuments/Yearbook7/Pages/415%20Reaction%20by%20Prime%20Minister%20Shamir%20to%20Arafat-s.aspx) (accessed 23 October 2020).
17. Resolution 242. UN Security Council, 1967. Available at: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1967> (accessed 25 October 2020).
18. Resolution 2535. United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East. UN General Assembly, 24th session. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/24/docs/24res.shtml> (accessed 24 October 2020).
19. Resolution 3236. Question of Palestine. UN General Assembly, 29th session. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/29/docs/29res.shtml> (accessed 24 October 2020).
20. Resolution 3237. Observer status for the Palestine Liberation Organization // UN General Assembly, 29th session. Available at: <https://www.un.org/ru/ga/29/docs/29res.shtml> (accessed 25 October 2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гофман Артем Владимирович, лаборант-исследователь Отдела изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom V. Gofman, research Laboratory Assistant, Department for the Study of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).043

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-367-382

«Идеальный шторм»: социально-экологический кризис в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. – взгляд через призму «экологической истории»

Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. В последние десятилетия в западной историографии большую популярность завоевала т. н. «environmental history» (русским эквивалентом этого термина обычно служит словосочетание «экологическая история»). В современной отечественной исторической науке это направление делает первые шаги, хотя определенные и довольно серьезные наработки были сделаны рядом российских ученых в конце минувшего – начале нынешнего столетия. В данной статье автор предлагает взглянуть на события русской истории 2-й половины 60-х – начала 70-х гг. XVI в. под иным, чем прежде, углом зрения, используя методологию, принятую в «environmental history». На основе анализа летописных свидетельств и скудных данных актовых материалов автор приходит к выводу, что социально-экологический кризис, подготовленный резким ухудшением климата во 2-й половине XVI в. и запущенный сильнейшей эпидемией чумы и голодом, который был вызван мором, привели к масштабному социально-экономическому и политическому кризису в Русском государстве, который и можно считать той чертой, что разделила царствование Ивана Грозного на «светлую» и «темную» половины.

Ключевые слова: Раннее Новое время, экологическая история, малый ледниковый период, чума, голод, Россия, Иван Грозный.

Для цитирования: Пенской В.В. 2021. «Идеальный шторм»: социально-экологический кризис в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. – взгляд через призму «экологической истории». Via in tempore. История. Политология, 48 (2): 367–382. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-367-382.

«Ideal storm»: social and ecological crisis in the Russian state in the 2nd half of 60s – early 70s XVI century – a look through the prism of «environmental history»

Vitaliy V. Penskoj

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. In recent decades, in Western historiography, the so-called. «Environmental history» (the Russian equivalent of this term is usually the phrase «environmental history»). In modern domestic historical science, this direction is making its first steps. Note, however, that certain serious developments in this area were made by a number of Russian scientists at the end of the last – the beginning of this century. In this article, the author offers to look at the events of Russian history in the 2nd half

of the 60s – the beginning of the 70s. XVI century from a different angle of view than before. The author proposes to use the methodology adopted in environmental history as the basis for a new approach to the analysis of those events. On the basis of an analysis of the chronicle evidence and scanty data of assembly materials, the author comes to the conclusion that the sharp deterioration of the climate in the second half of the XVI century led to the depletion of the stock of stability of peasant farms as the basis of the economy of the Russian state. That followed at the end of the 60s of the XVI century its collapse was caused by a severe plague epidemic and the resulting famine. Together they led to a large-scale socio-ecological crisis and the subsequent multi-year depression and launched the mechanisms of a large-scale socio-economic and political crisis in the Russian state. It can be considered the trait that divided the reign of Ivan the Terrible into «light» and «dark» halves.

Key words: Early Modern, environmental history, little glacial age, plague, hunger, Russia, Ivan the Terrible.

For citation: Penskoj V.V. 2021. «Ideal storm»: social and ecological crisis in the Russian state in the 2nd half of 60s – early 70s XVI century – a look through the prism of «environmental history». *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 367–382 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-367-382.

Введение

С того момента, как в США в 1967 г. американский исследователь Р. Неш опубликовал ставшую классической работу «Дикая природа и американское сознание», возникло, а затем получило развитие новое направление исследований на стыке гуманитарных и естественно-научных дисциплин, т. н. «environmental history» (адекватный перевод этого термина, который был впервые употреблен все тем же Р. Нэшем в 1969 г., на русский язык пока отсутствует, ибо, на наш взгляд, используемое в отечественной научной среде определение «экологическая история» несколько сужает и обедняет сущность этого исследовательского феномена), оно широко распространилось в западном (прежде всего) мире. В особенности это стало заметным в последние десятилетия, когда «зеленое» движение на Западе завоевало прочные позиции в истеблишменте и общественном сознании, оказывая порой серьезное воздействие на политические решения, экономику и пр. Свидетельством популярности исследований на эту тему может служить необъятный (в буквальном смысле слова) пласт литературы, так или иначе связанной с «environmental history», который составляют равно академические изыскания [Hughes, 2001; Simmons, 2008; Thommen, 2012; Aberth, 2013; Hoffmann, 2014; Bison and People..., 2016; Fisher, 2018 и др.], справочники и энциклопедии [Encyclopedia of world..., 2004; A Companion to Global..., 2012; The Oxford handbook..., 2014; Companion to Environmental..., 2018 и др.], а также многочисленные научно-популярные работы [Diamond, 1997 и др.].

В России исследования, которые можно отнести к «энвайронментальным», появляются в конце 80-х – нач. 90-х гг. минувшего столетия [Кульпин, 1990]. Впрочем, сами по себе вопросы, связанные с взаимодействием человека и общества с окружающей средой и их взаимным влиянием, поднимались классиками отечественной исторической мысли еще в сер. XIX в. – к примеру, С.М. Соловьевым [Соловьев, 1991, с. 8]. И хотя это течение исторической мысли в нынешней отечественной историографии не получило развития, подобного тому, которое оно имеет на Западе, тем не менее за эти годы вышел целый ряд оригинальных исследований [Прусаков, 1999; Кренке, 2011], среди которых выделяется нашумевшая и ставшая едва ли не сразу классической работа Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» [Милов, 2001]. В ней историк изложил (на наш взгляд, смотрящуюся весьма убедительно) концепцию, в рамках которой тесно увязал особенности природно-климатических условий «коренной» России с характером русских политических, экономических и социальных отношений и русского же менталитета.

Объекты и методы исследования

В нашу задачу не входит подробная характеристика и разбор историографии (как отечественной, так и тем более зарубежной), посвященной «environmental history», тем более что такая работа уже проделана некоторыми исследователями [Дурновцев, 2017]. Наша цель заключается в другом – используя метод «экологической истории», взглянуть под этим углом зрения на события русской истории 2-й половины – нач. 70-х гг. XVI в. Однако прежде чем приступить к этому анализу, определимся с тем, что такое «environmental history» и какова сфера ее деятельности. Один из исследователей, занимающихся этой проблемой, Д. Хьюз, дает такое определение «экологической истории» и ее задач. «Задача экологической истории, – пишет он, – изучение человеческих взаимоотношений во времени с естественными системами, частью которых являются люди, чтобы объяснить процессы перемен, воздействующих на эти отношения. В качестве метода экологической истории используется экологический анализ как средство понимания истории человечества. Он изучает взаимные эффекты, которые другие виды, природные силы и циклы оказывают на людей, а также действия людей, которые влияют на систему взаимосвязей с другими организмами и явлениями» [Hughes, 2001, p. 4].

Другой «энвайронменталист», Л. Томмен, писал по этому поводу, что «экологическая история исследует прошлое взаимодействие между людьми и остальной частью природы, то есть те условия окружающей среды, которые преобладали в прошлом, и их восприятие и интерпретация современниками» [Thommen, 2012, p. 10]. И это второе определение в нашем случае подходит даже больше, поскольку мы будем анализировать показания в первую очередь нарративных источников (свидетельства летописей), по определению субъективных, рисующих перед их читателями ту картину, которую хотел сохранить для них автор текста, проверяя их информацию анализом сохранившихся немногочисленных актовых материалов.

Результаты и их обсуждение

Теперь, когда мы определились с тем, чем занимается «экологическая история» и что является объектом ее внимания, вкратце охарактеризуем развитие событий в Русском государстве во 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. Важнейшим событием этого времени, которое определяло, по большому счету, ход истории, была война. Точнее, сразу две войны. Первая, главная война Иван Грозного, «война двух царей» – конфликт с Крымским ханством. Начавшись в 1552 г., когда после дворцового переворота к власти в Крыму пришел хан Девлет-Гирей, эта война постепенно набирала обороты, пока наконец в конце 60-х гг. не достигла своего апогея. Сперва совместная экспедиция крымцев и турок на Астрахань, а затем два похода хана на Москву – в 1571 и 1572 гг. – ознаменовали наиболее критический момент в ее истории, и преодолеть этот кризис Москве удалось с большим трудом. Другая война, может быть, не столь яркая, но не менее изнурительная – война Полоцкая с Великим княжеством Литовским, начавшаяся в 1562 г. и закончившаяся подписанием краткосрочного перемирия в 1570 г. Тяжелые и дорогостоящие войны обострили противоречия внутри русской правящей верхушки, и Иван Грозный, пытаясь найти выход из этого кризиса, пошел на шаг, поразивший современников и оставшийся предметом споров среди историков и по сей день, – учредил в январе 1565 г. знаменитую опричнину.

Эти события, в особенности загадочная опричнина, заслонили собой все остальные и предопределили тот угол зрения, под которым историки рассматривают эти годы правления первого русского царя. Именно в них принято видеть основные причины того глубокого социально-экономического кризиса, который поразил Русское государство именно в эти годы. Так, П.А. Соколовский в 1878 г. утверждал, что ни климат, ни природная среда или развитие способов хозяйствования на земле не могли принести такого вреда и вызвать массовое запустение, бегство крестьян и разрушение экономики, как внутренняя политика

Ивана Грозного [Соколовский, 1878, с. 173]. О.Н. Яницкий в 1915 г. видел причины экономической катастрофы конца 60-х – нач. 80-х гг. XVI вв. на Новгородчине и прилегающих к ней районах не в присущих поместной системе пороках и не в колонизации черноземных земель на юге, которая стала возможной после того, как была подвергнута серьезной реорганизации и укреплению русская граница на этом рубеже, и даже не в **войне, эпидемиях и голоде, которые полагал второстепенными и побочными** (выделено нами – В.П.), но в существенном повышении поборов с крестьян и начавшейся конвертации натурального оброка в денежный. Вкупе с закрытием «окна в Европу» в результате проигранной Ливонской войны, полагал историк, и запущенной в эти годы смены традиционного натурального хозяйства на хозяйство денежное, это и стало главной причиной кризиса [Яницкий, 1915, с. 131].

Советская историческая наука в общем унаследовала этот подход к изучению социально-экономического кризиса конца правления Ивана Грозного и определению его причин. И вот один из основоположников классической советской историографии Б.Д. Греков в своем фундаментальном исследовании «Крестьяне на Руси» писал, что разрушительный социально-экономический кризис конца правления Ивана Грозного, истощивший «великую и страшную мощь московита», был обусловлен долгими и опустошительными войнами, который вел Иван IV, а также острой внутривосточной борьбой между земщиной и опричниной. Как результат, продолжал он, «налоги непомерно увеличились, потому что шла тяжелая война, что уменьшение запашки – вследствие обеднения и разброда населения – вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошла моровое поветрие и смерть» [Греков, 1954, с. 243, 245]. Таким образом, по мнению маститого историка, рост налогов обусловил бегство населения, соответственно, упала площадь распаханных и используемых земель, отсюда голод, а за ним пришел мор.

Выдающийся знаток русской истории XVI в. А.А. Зимин в общем поддержал мнение Б.Д. Грекова. По его мнению, основная причина социально-экономического кризиса была связана с непомерным ростом податей и повинностей, взимаемых с крестьянских хозяйств, и на эти обстоятельства наложились еще война, опричнина и болезни с голодом [Зимин, 1962, с. 20]. И это все, вместе взятое, вогнало аграрную по своей сути экономику России в глубочайший кризис. А вот С.М. Каштанов встал на сторону О.Н. Яницкого, считая, что первопричиной кризиса, запустившей механизмы саморазрушения экономики, стала злая воля помещиков, стремившихся выжать из своих условных владений возможно больший доход в кратчайшие сроки [Каштанов, 1963, с. 114–115].

Таким образом, можно сказать, что и в дореволюционной, и в советской историографии сложилось довольно определенное и доминирующее мнение относительно главных причин кризиса. На первое место отечественные историки – что в XIX, что в XX вв. – ставили неизменно причины субъективного свойства, а вот объективные при этом отходили на второй план, если вообще брались в расчет. В определенном смысле это выглядит довольно загадочно, ибо, как может показаться, именно советская историография с ее глубоко материалистическим подходом к изучению истории должна была обратить особое внимание именно на объективные факторы, определяющие ход исторического процесса. И это тем более странно, если, к примеру, вспомнить вопрос, который задавал себе и своим читателям Б.Д. Греков. Как получилось так, спрашивал он, что поместная система хозяйствования, исправно работавшая на протяжении многих десятилетий, в 70-х – 80-х гг. XVI в. вдруг дала сбой? [Греков, 1954, с. 237], а именно в эти годы произошла катастрофа? Аберрация зрения, заложенная господствующим в отечественной «грозниане» с сер. XIX в. «либеральным» «дискурсом», волей-неволей, но фокусировала зрение исследователей на личности первого царя и его деяниях, в особенности, конечно, на феномене опричнины, которая, порой создается впечатление, выступала в роли такого Deus ex machine, внезапно возникающего из ниоткуда и отвечающего на все вопросы. Между тем тяжкие изнурительные войны и внутривосточные неурядицы отнюдь не редкость в

России раннего Нового времени, равно как и неизменность основы экономики – Московия того времени относилась, безусловно, к обществам «Первой волны» (Э. Тоффлер), основу и фундамент экономики которых составлял аграрный сектор, причем ориентированный не на рынок, а на простое воспроизводство.

Расширенное же воспроизводство при тогдашней архаичной агротехнике, низкой энерговооруженности (работы выполнялись главным образом за счет мускульной энергии человека и домашних животных) и сельскохозяйственном инвентаре было возможно в первую очередь за счет расширения введенных в хозяйственный оборот земель, пахотных и пастбищных. Соответственно, успешное развитие такой экономики во многом зависело от того, сколько будет вовлечено в производство рабочих рук и тягловой силы (лошади, волы и пр.). Когда же в силу разных причин численность населения падала и сокращалось поголовье рабочего скота, неизбежно возникали проблемы не только с расширенным, но и с простым воспроизводством. Запустение земель, сокращение сельскохозяйственного производства автоматически влекло за собой падение производства и в других сферах экономики.

Здесь самое место привести любопытное наблюдение отечественного исследователя Е.И. Колычевой, имеющее непосредственное отношение к нашему случаю. Характеризуя острейший социально-экономический (и политический, являющийся неизбежным следствием первого) кризис конца 60-х – 80-х гг. XVI в. в России, она отмечала, что разрушительные экономические кризисы в докапиталистическую эпоху были связаны с недопроизводством. Развивая свою мысль дальше, она отмечала, что в ситуации перенапряжения хозяйства страны, вызванного экстремальными условиями, в которых ему приходилось действовать, любое стихийное или подобное ему бедствие, затронувшее большую часть страны, могло ввергнуть экономику государства в подлинную катастрофу. Главным последствием ее могла (и, как правило, становилась) тяжелейшая депрессия, для выхода из которой требовались порой не годы, а десятилетия [Колычева, 1987, с. 172, 178].

То, что во 2-й пол. 60-х гг. XVI в. Россия вела две войны сразу, с Крымом и Литвой (не говоря уже о том, что беспокойно было в «подрайской Казанской земле», на «нагайской украине» и, само собой, в Ливонии, где продолжался дележ наследства скончавшегося большого человека северо-восточной Европы), уже было сказано выше. Но точно также было отмечено выше и то, что ситуация, когда Русскому государству приходилось вести боевые действия сразу на нескольких стратегических направлениях, вовсе не была такой уж и новинкой. Однако на эту ситуацию войны на несколько фронтов, требовавшей немалого напряжения сил и государства, и общества, наложилась другая. В свое время французский историк Ф. Бродель в своем ставшим классическим труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» писал, что «на протяжении «раннего» XVI века климат был повсеместно благоприятным, тогда как «поздний» повсюду отмечен атмосферными нарушениями» [Бродель, 2002, с. 374]. Этот свой тезис он развил в другом своем исследовании, «Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв.», отмечая в нем, что период между 1540 и 1560 годами ознаменовался кризисом, который четко разделил XVI в. на две половины, раннюю «светлую» и «темную» позднюю [Бродель, 2007, с. 62].

Нетрудно заметить, что интересующий нас период целиком и полностью попадает в «поздний» XVI в., мрачный и отнюдь не залитый солнцем. И эта его «мрачность» связана с т. н. «малым» ледниковым периодом. Характеризуя климат II тыс. н. э., отечественные исследователи Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий отмечали, что «отличительная особенность климата последнего тысячелетия – наличие сравнительно теплого периода – малого климатического оптимума в VIII – XIII вв. и наступление вслед за ним в XIII – XIV в. очередного похолодания, которое с некоторыми флуктуациями (выделено нами – В.П.) продолжалось до середины XIX в.». В ходе этого малого ледникового периода, продолжали они, климат существенно ухудшился, стал более неустойчивым и холодным, что неизбежно привело к сокращению вегетационного периода. Это последнее обстоятельство для тогдашней России, практически полностью находившейся в зоне рискованного земледе-

лия, имело весьма негативные последствия (на что обращал внимание, кстати, Л.В. Милов [Милов, 2001, с. 196, 210–213, 384]). Эти климатические перемены, подчеркивали исследователи, нанесли существенный ущерб экономике Европы и прилегающих к ней регионов [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 62].

Мы не случайно выделили в цитате слова о некоторых климатических флуктуациях – климат в эту эпоху колебался, и порой в весьма широких пределах. Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий отмечали, что большая часть XV в., от начала его и до 80-х гг., была, пожалуй, едва ли не самым неблагоприятным периодом, поскольку для него было обычным явлением неустойчивость погоды и частые климатические аномалии. Начало следующего столетия ознаменовалось наступлением определенного потепления, пик которого пришелся на 1500–1540 годы, а затем началось очередное похолодание, достигшее вершины в конце 60-х – 1-й пол. 70-х гг. XVI в. [Дулов, 1983, с. 17; Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 68–69, 70; Бараш, 1989, с. 176, 197]. При этом, характеризуя погоду в России в XVI в., исследователи писали, что большая часть первой четверти столетия совпала по времени с более или менее благоприятными климатическими условиями. Однако, начиная с 1524 г., указывали Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий, климат резко ухудшается и «на протяжении более 40 лет (1524–1570) редкий год на Руси не отмечается опасных метеорологических явлений» [Борисенков, Пасецкий, 1988, с. 189].

В том, что дело обстоит именно так, убеждают скупые строки летописей. Так, под 7048 годом (1539/40 год по современному летоисчислению – **В.П.**) псковский книжник записал, что «бысть осень дождлива вельми (т. е. осень 1539 г. – **В.П.**), не дало солнцу просияти и до заговейна Филиппова за две недели (т. е. с сентября до начала ноября не было солнечных дней – **В.П.**), и яровой хлеб на полех и на гоумнех изгнил; а зима была снежна, а весна была студена, и вода велика и через лето, и рожь не родилася, вызябла с весны, и пожни по обозерью и по рекам поотнялися» [Псковская 1-я летопись, 2003, с. 109].

Следующая весна выдалась поздней, а лето холодным. Так, Холмогорская летопись отмечала, что «тое ж весны зима была долга, а река плыла в Петрово говенье...», т. е. ледоход на Северной Двине начался 29 июня! Между тем спустя пять лет весна считалась ранней – ледоход начался за полторы недели до Пасхи, пришедшейся тогда на 17 апреля ст. ст. [Холмогорская летопись, 1977, с. 136; Двинской летописец, 1977, с. 167]. Под 7052 (1543/44) годом новгородский книжник отметил в своих записях, что «бысть вода велика» [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 148; Александров-Невская летопись, 2009, с. 144; Львовская летопись, 2005, с. 464; Писцовые книги Новгородской земли, 2004, с. 318, 319, 324].

Сложным оказался и 1547 г. По весне случилась сильная засуха [Русский хронограф, 2005, с. 527]. Зима 1547/48 года запомнилась дождями и оттепелью («теплота велика и мокрота многая»), которые сорвали 1-й поход Ивана IV на Казань, вынудив его в феврале 1548 г. повернуть обратно [Львовская летопись, 2005, с. 437]. Лето же 1548 г. выдалось неурожайным, так как, по словам летописца, «того же лета дождя было много и хлеб родился скудно» [Русский хронограф, 2005, с. 528]. Другая оттепель, наставшая в феврале 1550 г. («ветры сильные и дожди великие и мокрота немерная» [Львовская летопись, 2005, с. 477]), сорвала и 2-ю экспедицию Ивана IV на Казань. Зима 7059 (1550/51) года выдалась снежная и морозная («снега великие и морозы») [Львовская летопись, 2005, с. 478]. Весной 1554 г., отмечал новгородский летописец, «воды прибыльные, не было ничего на полех». Сильное половодье повторилось и спустя три года [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 182, 183], а затем, в конце лета – начале осени, зарядили дожди, а затем ударили ранние морозы, побившие неубранный урожай [Львовская летопись, 2005, с. 580].

Климат продолжал оставаться неустойчивым и в последующие годы – природные аномалии продолжали повторяться с пугающей регулярностью. Зима 1557/58 года выдалась «гола без снегоу с Рождества Христова, и ход был конем ноужно грудовато» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 235]. Суровая зима 1558/59 года сменилась холодной весной, и

4 мая 1559 г. на Новгородчине «пала туча велика снегу, да и мороз был велик и ветер» [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 152]. Конец же года запомнился на Северо-Западе очередной природной аномалией. В конце ноября – начале декабря 1559 г. «по грехом пришла груда великая и беспута кроме обычая» [Львовская летопись, 2005, с. 616]. Бесснежная зима привела к тому, что по весне «вода была мала, сухота по всем рекам» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 238]. Дождей не было и летом 1560 года, и псковский летописец с печалью констатировал, что «то же лето было сухо, яровой хлеб не родился, присох бездожием» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 240].

Плохим выдался 1562 г. По словам псковского книжника, «сие лето зима была добре снежна, а весне вода была велика в реках, и не памятят люди таковой поводи (половодье едва не сорвало начало кампании против литовцев со стороны русских войск – **В.П.** [Разрядная книга, 1966, с. 197]), и мельниц много теряло». После же весеннего половодья пришло ненастное лето. По словам все того же книжника, «на лете было дождливо в сенокос и в жатву; а рожь жати починали в богородитцкой пост поздно (середина августа – **В.П.**), а рожь худа родилась, с весны были северики ветры и мразы и до Петрова говенья (конец июня – **В.П.**); а яровой хлеб был добр, да не дало обряжати хлеба и ржи и яри дождам, ни сеати хлеба ржи...». Дожди, по словам летописца, длились месяц – с середины августа до середины сентября [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 243; Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 152]. В следующем, 1563 г., осень выдалась дождливой, «поводи были в реках аки весне до трижды, а к четвертой поводи пало снега много, и озеро и река Великая стало и поуть людям декабря в 3 день». Однако морозы продержались всего шесть дней, после чего началась сильная оттепель, «за многи лета таковой поводи не бывало», и «людям пакости много починило» и во Пскове, и в Новгороде. И напоследок, в довершение всех бед, под осень, «во Пскове и по волостем у христиан по огородам черви капусту поядоша, и нет памятухов такового не бывало, и по репищам репы теже черви нятину объели» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248].

Новый 1565 г. также не обошелся без чрезвычайных происшествий. Сперва в июне в Новгородской земле сильный град побил посева, а затем в августе зарядили сильные дожди. Они вызвали сильное половодье («аки весною») и затруднили сбор урожая [Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 404; Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 152].

Природные аномалии и неблагоприятные климатические явления, повторявшиеся раз за разом из года в год, подрывали устойчивость аграрного сектора экономики и лишали крестьянские хозяйства запаса прочности, необходимого для того, чтобы пережить эти беды и выполнить свои обязательства перед властью. До поры до времени, однако, ситуация еще сохранялась в пределах допустимого, балансируя, правда, при этом на грани кризиса, но с началом Ливонской войны 1558–1561 г., плавно перетекающей в войну Полоцкую 1562–1570 гг., она неизбежно должна была качнуться в худшую сторону. Русский Северо-Запад (Псковщина и Новгородчина в первую очередь) превратились в «прифронтовую» зону, что со всей неизбежностью крайне негативно сказалось на местных жителях и их хозяйстве. Центральные же и южные уезды тем временем все сильнее и сильнее втягивались в обеспечение боевых действий в ходе «Войны двух царей». Нагрузка на крестьянские хозяйства, и без того с трудом удерживавшиеся на плаву из-за климатических колебаний, еще более возросла. Мало того, что помещикам и вотчинникам нужны были деньги, провиант и фураж для того, чтобы снарядиться на государеву службу, но и государство требовало и от крестьян, и от посадских денег, людей, лошадей, провиант, фураж и много еще чего другого, что необходимо было ему для ведения войны.

Как отмечала Е.И. Колычева, здесь, на окраинах Русского государства, в это время «наблюдается **крайне неустойчивое равновесие** (выделено нами – **В.П.**) с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожаев, эпидемий, набегов кочевников, Ливонской войны», причем, отмечала она, Северо-Запад по-

страдал от этого больше всего (впрочем, выводы относительно размеров признаков предкризисного состояния на Северо-Западе сделать намного легче, чем по отношению к остальным уездам, по той простой причине, что здесь сохранились более или менее массовые источники) [Колычева, 1987, с. 172].

Выделили именно это место в цитате из работы Е.И. Колычевой, где речь идет о сложившейся на русском Северо-Западе (и, надо полагать, остальной части Русского государства тоже) ситуации неустойчивого равновесия. Любой толчок мог сместить это равновесие в ту или иную сторону – как отмечал А.Г. Ильинский, «при свободном и правильном развитии общественных сил всякие временные потери быстро возмещаются усиленной деятельностью тех же уцелевших общественных элементов» [Ильинский, 1897, с. 142]. А если они, эти общественные элементы, не уцелели? В общем, учитывая общий «тренд», вероятность развития событий по негативному сценарию была выше, и долго ждать реализации этой вероятности не пришлось. Все прежние проблемы очень скоро померкли на фоне новой беды, которая очень быстро набрала невиданный размах и превратила постепенно нараставший кризис в подлинную катастрофу.

Первые признаки надвигающейся беды обозначились еще в 1564 г. В Полоцке, незадолго до этого взятом русскими войсками, вспыхнула эпидемия. По сведениям псковского летописца, после того, как Иван Грозный покинул Полоцк, в нем «бысть мор, и много людеи мерло и дети боярских ...» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 244]. Из краткого летописного сообщения неясно, что это была за болезнь, однако можно предположить, что перед нами первая волна чумы, которая с 1564 г., будучи занесенной из Венгрии, где имперские войска сражались с турками, волной катилась по Европе. Согласно польскому хронисту М. Стрыйковскому, именно моровое поветрие, поразившее Великое княжество Литовское, не позволило литовскому наивысшему гетману Н. Радзивиллу Рыжему отвоевать Полоцк в том же 1564 г. [Strykowski, 1846, S. 414]. Впрочем, даже если болезнь, косившая гарнизон русского Полоцка, и не имела отношения к этому поветрию, то отмеченная псковским летописцем новая эпидемия в Полоцке по осени 1565 г., от которой скончался тамошний архиепископ Трифон [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248], явно была связана с успешной русской экспедицией против литовской крепости Озерища. Пленные литовцы занесли заразу в Полоцк, а оттуда мор начал свое шествие по Русской земле.

Из Полоцка повальный мор по весне 1566 г. вернулся обратно на Озерища. По словам летописца, в городе «вымерло много, мало осталось». После этого мор объявился в Великих Луках, в Смоленске, Торопце «и по многим местом гнев божию был велик» [Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248]. Составитель Лебедевской летописи был более словоохотлив, нежели неизвестный псковский книжник, сообщая своим читателям, что «на Невле, на Луках Великих, в Торопце, и многие люди знаменем умирали; в Полотцку же и в Торопце на посадах и в уезде попы вымерли и не было кому и мертвых погребати; а посыланы попы в те города из ыных городов...» [Лебедевская летопись, 2009, с. 352].

Мор шел широким фронтом, и в сентябре 1566 г. эпидемия охватила западную и северо-западную окраины Русского государства, от Новгорода до Смоленска. Тревожные вести шли в столицу одна за другой – сначала Иван Грозный и бояре узнали о том, что «Сентября в 1 день в Можайску на Добрейском яму явилось лихое поветрее: умирали люди знаменем». Наученные прежним горьким опытом, царь и Боярская дума немедленно ввели жесткий карантин [Дополнения к Никоновской летописи, 2000, с. 404], однако болезнь продолжала шириться несмотря ни на что. «Того же месяца Сентября в 10 день писал к государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси из Великого Новагорода Пимин архиепископ Великого Новагорода и Пскова, – писал летописец, – что в Великом Новгороде появилось лихое поветрее на посаде на штинадцати улицах, многие люди умирают знаменем». Тогда же, в сентябре 1566 г., мор ударил и по Смоленску – согласно воеводской отписке оттуда, «Сентября месяца появилось лихое поветрее, в городе в Смоленску и на посаде, умирают многие люди знаменем». Последствия эпидемии были трагическими – в городе «вымерли от священ-

нического и иноческого чину и посадские люди з женами и з детми и боярские люди, безчисленно их померло, и многие дома затворилися и церкви многие без пения были; также и в уезде поветрее было немало». Опустошив Смоленск и его округу, болезнь утихла к марту следующего года [Дополнения к Никоновской летописи, 2000, с. 404], в Новгороде же она продолжалась до мая того же года.

Какой урон нанесла эта первая волна болезни? Если верить Вологодской летописи, то в Смоленске тогда вымерло больше половины населения [Вологодская летопись, 1982, с. 173]. В том, что это если и преувеличение, то не слишком большое, убеждают сведения писцовых книг. Согласно им, в дворцовом селе Паозерье новгородской Шелонской пятины с тянувшими к нему деревнями за два десятка лет, с начала 50-х гг. XVI в. по начало 70-х гг., к моменту составления писцовой книги, пришли в запустение 136 деревень. Составители писцовой книги записали, что 53 деревни остались без жителей по причине мора, причем 34 из них как раз именно в 7075 (1566/67) году, еще 51 деревня числилась заброшенной без указания причин (надо полагать, что узнать о судьбе их жителей было просто не у кого), а 2 деревни запустели во все том же 7075 г., но без указания причины [Подсчет. авт. по: Писцовая книга дворцового села Паозерья... 2009, с. 148–180]. Необычно большой в 7075 г. была смертность и в Новгороде. Согласно писцовым книгам, в этом году на Софийской стороне были заброшены 45 дворов из 196, запустевших за четверть столетия, с 7060 по 7084 годы [Подсчет. авт. по: Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода... 2001, с. 55–117].

В следующем, 7076 г., эпидемия как будто пошла на спад, так что старец Иосифо-Волоколамского монастыря Игнатий Зайцев с облегчением записал в своих летописных заметках, что «лета 7076 был мор да не велик». Но радость старца оказалась преждевременной – на следующий год мор, наверстывая упущенное, ударил по Русской земле с новыми силами. С печалью инок записал в своем летописце, что в 7077 г. «на Москве и по многим городом мор был велик. В Иосифе монастыре преставились 53 браты да слуг и детей и ш்வалей много вымерло» [Зимин, 1950, с. 21].

В 7078 (1569/70) г. эпидемия продолжала бушевать с неослабевающей силой. Петр Ловушка, соловецкий монах, в своем летописце записал, что «того же году был мор великой во всю землю Рускую» [Корецкий, 1981, с. 236; Зимин, 1950, с. 21]. Видимо, в этом году болезнь если и уступала по размаху первой волне, то не намного – так, на Софийской стороне в Новгороде в этом году запустело 40 дворов против 45 в 7075-м [Подсчет. авт. по: Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода... 2001, с. 55–117]. Внезапную смерть, одна за другой, двух жен Ивана Грозного, Марии Темрюковны и Марфы Васильевны Собакиной, видимо, тоже можно записать на счет этого мора.

Моровое поветрие продолжало бушевать и в 7079 (1570/71) г. О характере эпидемии осенью 1570 г. в Новгороде свидетельствует летописная запись о захоронении в сентябре месяце в братской могиле 10 тыс. умерших от болезни [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 159, 196]. Сильно страдала от эпидемии и столица Русского государства Москва. Здесь, если верить немецкому авантюристу А. Шлихтингу, осенью умирало от болезни каждый день от 600 до 1 000 человек [Шлихтинг, 2005, с. 375]. Для того чтобы захоронить умерших от мора, согласно другому немцу, Г. Штадену, «вокруг города Москвы в поле вырыли большие канавы и скидывали туда мертвых без гробов – 200, 300, 400, 500 – в одну кучу» [Штаден, 2008, с. 123]. В северном Устюге, по словам летописца, «от прыща и железы» (т. е. от бубонной чумы) в 7079 г. «на посаде померло, скажут, 12 000, опроче прихожих» [Устюжская летопись, 1982, с. 103]. Лишь поздней осенью 1571 г. болезнь пошла на убыль [Новгородская вторая (Архивская) летопись, 2009, с. 159, 196].

Однако постепенное прекращение смертоносного мора не принесло долгожданного облегчения – к трем предыдущим всадникам Апокалипсиса присоединился четвертый – голод. Болезнь подкосила и без того державшиеся на грани крестьянские хозяйства. «Эпидемия изменила половозрастной состав населения, породила большое количество неполных и без-

детных семей, нарушила родственно-соседские связи в деревне и тем самым привела к деформации общины», – отмечала Е.И. Колычева. И, развивая свой тезис, дальше она подчеркивала, что «неполная семья, лишенная частично или полностью взрослых мужских рук и помощи соседей, была не в состоянии распахать надел в прежнем объеме», а «наиболее молодые и сильные, не обремененные детьми, уходят в другие края, за пределы уезда». В итоге «нарушение (в результате главным образом эпидемии) нормального воспроизводства населения привело к тому, что *нарастание экономического кризиса на какой-то период стало необратимым* (выделено автором – **В.П.**)...» [Колычева, 1987, с. 187]. Возникновение голода в этих условиях становилось практически неизбежным, и он не замедлил явиться.

Отметим, что, согласно тем же псковским и новгородским летописям, колебания климата и природные аномалии в 40-х – 60-х гг. регулярно приводили к неурожаем и голодовкам. Так было, к примеру, в 7048, 7050, 7051, 7052, 7056, 7057, 7058, 7059, 7062, 7065, 7069, 7071, 7072, 7074 гг., причем неурожаи, хлебная дороговизна и голодовки носили, судя по всему, равно и локальный характер, и захватывали большую часть территории Русского государства. И когда в 7076 г. неурожаем обернулся ростом хлебных цен и голодовкой, то это не было каким-то экстраординарным явлением, а лишь продолжило предыдущую цепочку неурожаев и голодовок. Однако на этот раз эта беда наложилась на мор и последствия затянувшейся войны, и в итоге получилось то, что можно назвать «идеальным штормом», который, продолжая действовать на протяжении нескольких лет, и вогнал экономику Русского государства в глубочайший кризис и депрессию, для выхода из которых потребовалось намного больше лет.

На современников начавшийся в 7076 (т. е. в 1567/1568) г. голод произвел необыкновенное впечатление. Уже упоминавшийся прежде старец Петр Ловушка сообщал своим читателям, что «того же году был на Руси глад великой, купили на Москве четверть ржи в полтора рубля» [Корецкий, 1981, с. 236]. Оставшийся неизвестным монах Кирило-Белозерского монастыря в своем летописце под 7077 записал, что «бысть глад, по всей Руской земле глад. И не бысть таков[а] за вног[о] лет» [Анхимюк, 1992, с. 128]. В другом, позднейшем летописце, под тем же годом было записано, что «того же году недород был великой хлебного плоду: рожь обратилась травой мялицей и бысть глад велий по всей вселенней» [Тихомиров, 1941, с. 89].

Никуда не делся голод и в 7078 (1569/70) году. На Соловках все тот же Петр Ловушка записал в летописце, что «того же году был на Москве глад великой и по всей земли Руской, хлеб был дорог, многие люди гладом измирили» [Корецкий, 1981, 237]. Похоже, что в 1570 г. голод набрал максимальный размах – во всяком случае, согласно данным, собранным А.Г. Маньковым, именно в этом году происходит резкий, 10-кратный скачок цен на рожь [Маньков, 1951, с. 106].

Ситуация не переменилась к лучшему и в 1571 г. В мае этого года перебежавший к крымцам сын боярский Кудеяр Тишенков предлагал крымскому хану идти прямо на русскую столицу, заявляя ему, что де «на Москве и во всех московских городех **по два года была меженина великая и мор великой** (т. е. начиная с 1569 г. – **В.П.**), и мором де и межениною служивые многие люди и чернь в городех на посадах и в уездах вымерли» [Посольская книга... 2016, с. 76]. Лишь только после 1572 г. упоминания о голоде не встречаются в сохранившихся письменных источниках.

Заключение

Таким образом, есть все основания утверждать, что с осени 1567 г. по осень 1571 г., то есть на протяжении 4-х летряду Русскую землю терзали опустошительный мор (скорее всего, бубонная чума) и сильнейший голод. Наложившись на последствия многолетней войны и предыдущих неблагоприятных климатических условий, исчерпавших устойчивость мелкого крестьянского хозяйства, они совместными усилиями вогнали экономику и общество в глубочайший кризис, который перешел в депрессию, длившуюся самое

меньшее еще десятилетие. Эта подлинная социально-экологическая катастрофа, растянувшаяся на несколько лет кряду, не могла не оказать самого негативного воздействия на ход военных действий (напомним, что в конце 60-х гг. Русское государство вело войну с татарами и литовцами) и на внутривосточную ситуацию в стране (голод и мор однозначно расценивались как наказание за грехи и общества в целом, и самого царя с его окружением – в аналогичной ситуации тремя с лишком десятилетиями спустя пала династия Годуновых, а страна погрузилась в Смуту). Подчеркнем, что, к примеру, в схожей ситуации начала века, когда Василию III пришлось столкнуться с противостоянием на крымском, литовском и казанском направлениях, до кризиса дело не дошло, и не в последнюю очередь потому, что климатические условия, как уже было отмечено выше, оказались более благоприятными, чем спустя столетия. Таким образом, можно утверждать, что именно социально-экологический кризис 2-й пол. 60-х – нач. 70-х гг. XVI в., причиной которого стал мор и голод, запустил механизм кризиса социально-экономического и политического и последующей депрессии и стал тем переломным моментом в истории правления Ивана Грозного, который разделил историю его царствования на «светлую» и «темную» половины.

Список литературы

1. Александро-Невская летопись. 2009. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Москва, Знак. 117–216.
2. Анхимюк Ю.В. 1992. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины. Архив русской истории. 2: 121–129.
3. Бараш С.И. 1989. История неурожая и погоды в Европе (по XVI в. н. э.). Москва, Гидрометеиздат. 237.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. Москва, Мысль. 522.
5. Бродель Ф. 2007. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. Москва, Изд-во «Весь мир». 752.
6. Бродель Ф. 2002. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. Москва, Языки славянской культуры. 495.
7. Вологодская летопись. 1982. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Ленинград, Наука. 160–193.
8. Греков Б.Д. 1954. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. 2. Москва, АН СССР. 470.
9. Двинской летописец. 1977. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Ленинград, Наука, 148–221.
10. Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода дозора князя Василия Кропоткина 1586 г. 2001. Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин: 55–117.
11. Дополнения к Никоновской летописи. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Москва, Языки русской культуры: 303–408.
12. Дулов А.В. 1983. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века). Москва, Наука. 255.
13. Дурновцев В.И. 2017. «Environmental History» как «экологическая история» (историографические заметки). Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 6: 10–19.
14. Зимин А.А. 1950. Летописчик Игнатия Зайцева. Краткие летописцы XV–XVI вв. Исторический архив. Т. V: 14–22.
15. Зимин А.А. 1962. «Хозяйственный кризис» 60–70-х годов XVI в. и русское крестьянство. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Москва, Т. V: 11–20.
16. Ильинский А.Г. 1897. Городское население Новгородской области в XVI веке. Историческое обозрение. Сборник Исторического Общества при Императорском С.-Петербургском университете, изд. под ред. Н.И. Кареева. Санкт-Петербург, Тип. М.М. Стасюлевича. Т. IX: 119–243.
17. Каштанов С.М. 1963. К изучению опричнины Ивана Грозного. История СССР. 2: 96–117.

18. Колычева Е.И. 1987. Аграрный строй России XVI века. Москва, Наука. 229.
19. Корецкий В.И. 1981. Соловецкий летописец конца XVI в. Летописи и хроники. 1980. Москва, Наука: 223–243.
20. Кренке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Москва, ИА РАН. 548.
21. Кульпин Э.С. 1990. Человек и природа в Китае. Москва, Наука. 248.
22. Лебедевская летопись. 2009. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Москва, Знак: 224–355.
23. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Москва, Языки русской культуры. 544.
24. Львовская летопись. 2005. Полное собрание русских летописей. Т. XX. Москва, Языки славянских культур. 704.
25. Маньков А.Г. 1951. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. Москва – Ленинград, Изд.-во АН СССР. 274.
26. Милов, Л.В. 2001. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва, РОССПЭН. 576.
27. Новгородская вторая (Архивская) летопись. 2009. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Москва, Рукописные памятники древней Руси: 147–205.
28. Писцовая книга дворцового села Паозерья с деревнями письма и меры Образца Баракова и подьячего Быка Михайлова 7081 (1572/73) г. 2009. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6. Писцовые книги Шелонской пятины XVI века. Москва, Памятники исторической мысли. 382.
29. Писцовые книги Новгородской земли. 2004. Т. 5. Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. Москва, Древлехранилище. 510.
30. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. 2016. Москва, Изд. дом Марджани. 400.
31. Прусаков Д.Б. 1999. Природа и человек в древнем Египте. Москва, Московский лицей. 240.
32. Псковская 1-я летопись. 2003. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Москва, Языки славянской культуры. 256.
33. Псковская 3-я летопись. 2000. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. Москва, Языки русской культуры. 368.
34. Разрядная книга 1475–1598. 1966. Москва, Ин-т истории СССР. 614.
35. Русский хронограф. 2005. Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Москва, Языки славянских культур. 896.
36. Соколовский П.А. 1878. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юговосточных степей пред крепостным правом. Санкт-Петербург, Тип. Ф.С. Сущинского. 266.
37. Соловьев С.М. 1991. История России с древнейших времен. Т. 13. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. Москва, Мысль. 701.
38. Тихомиров М.Н. 1941. Краткие летописные записки эпохи опричнины. Малоизвестные летописные памятники XVI в. Исторические записки. Т. 10: 88–92.
39. Устюжская летопись. 1982. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Ленинград, Наука. 17–103.
40. Холмогорская летопись. 1977. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Ленинград, Наука: 10–147.
41. Шлихтинг А. 2005. Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана. Рейнгольд Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582). Альберт Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Рязань, Александрия: 375–378.
42. Штаден Г. 2008. Записки о Московии. Т. I. Москва, Древлехранилище, 582.
43. Яницкий О.Н. 1915. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, Типография Императорского Университета Св. Владимира. 235.
44. Aberth J. 2013. An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature. London and New York, Routledge. 326.

45. *Bison and People on the North American Great Plains. A Deep environmental history 2016* / Ed. by G. Cunfer and B. Waiser. College Station, Texas A&M University Press. 323.
46. *Companion to Environmental Studies 2018*. Ed. by Noel Castree, Mike Hulme and James D. Proctor. London – New York, Routledge. 848.
47. *A Companion to Global Environmental History. 2012*. Ed. By J.R. McNeill and E.S. Mauldin. Chichester, Wiley-Blackwell. 544.
48. Diamond J. 1997. *Guns, germs, and steel: the fates of human societies*. New York – London, W.W. Norton & Company. 457.
49. *Encyclopedia of world environmental history. 2004*. Ed. By Shepard Krech III, J.R. McNeill, Carolyn Merchant. Vol. I–III. London, Routledge. 1429.
50. Fisher M. 2018. *An Environmental History of India*. Cambridge: Cambridge University Press. 301.
51. Hoffmann R. 2014. *An Environmental History of Medieval Europe*. Cambridge, Cambridge University Press. 409.
52. Hughes D. 2001. *An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life*. London and New York, Routledge. 264.
53. *The Oxford handbook of environmental history / edited by Andrew C. Isenberg (2014)*. Oxford-New York, Oxford University Press. 783.
54. Simmons I.G. 2008. *Global Environmental History 10000 B. C. to A. D. 2000*. Edinburg, Edinburg University Press. 271.
55. Strykowski M. 1846. *Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiej Rusi. T. II*. Warszawa. 572.
56. Thommen L. 2012. *An Environmental History of Ancient Greece and Rome*. Cambridge: Cambridge University Press. 186.

References

1. Aleksandro-Nevskaya letopis' [Alexander Nevsky Chronicle]. 2009. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXIX. Moscow, Znack [Publishing house «Sign»]: 117–216 (in Russian).
2. Anhimyuk Yu.V. 1992. *Zapisi letopisnogo haraktera v rukopisnom sbornike Kirillo-Belozerskogo sobraniya – novyj istochnik po istorii oprichniny* [Records of a chronicle nature in the handwritten collection of the Kirillo-Belozersk collection – a new source on the history of the oprichnina]. *Arhiv ruskoj istorii* [Archive of Russian history]. 2: 121–129 (in Russian).
3. Barash S.I. 1989. *Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v. n. e.)* [History of crop failures and weather in Europe (up to the 16th century A. D.)]. M.: Moscow, Gidrometeoizdat. 237 (in Russian).
4. Borisenkov E.P., Paseckij V.M. 1988. *Tysyacheletnyaya letopis' neobyčajnyh yavlenij prirody* [Millennial chronicle of extraordinary natural phenomena]. Moscow, Mysl' [Publishing house «Thought»]: 522 (in Russian).
5. Brodel' F. 2007. *Material'naya civilizaciya. Ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle. T. 3 Les jeux de l'échange]. Moscow, Izd-vo «Ves' mir» [Publishing house «Ves mir»]. 752 (in Russian).
6. Brodel' F. 2002. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskij mir v epohu Filipa II. Chast' I. Rol' sredy* [La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II. T. 1. La part du milieu]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture]. 495 (in Russian).
7. *Vologodskaya letopis'* [Vologda Chronicle], 1982 // *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. T. 37. Leningrad. Nauka [Publishing house «Science»]: 160–193 (in Russian).
8. Grekov B.D. 1954. *Krest'jane na Rusi s drevnejših vremen do XVII veka* [Peasants in Russia from ancient times to the 17th century]. Kn. 2. Moscow, AN SSSR [Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR]. 470 (in Russian).
9. *Dvinskij letopisec* [Dvina chronicle]. 1977. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. T. 33. Leningrad. Nauka [Publishing house «Science»]: 148–221 (in Russian).
10. *Dozornaya kniga Sofijskoj storony Velikogo Novgoroda dozora knyazya Vasiliya Kropotkina 1586 g.* [The inspection book of the Sofia side of Veliky Novgorod, the patrol of Prince

Vasily Kropotkin 1586]. 2001. Velikij Novgorod vo vtoroj polovine XVI v. Sbornik dokumentov [Veliky Novgorod in the second half of the 16th century. Collection of documents]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin. 55–117 (in Russian).

11. Dopolneniya k Nikonovskoj letopisi [Additions to the Nikon Chronicle]. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XIII. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture]: 303–408 (in Russian).

12. Dulov A.V. 1983. Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konec XV – seredina XIX veka) [Geographical environment and history of Russia (late 15th – mid 19th century)]. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]. 255 (in Russian).

13. Durnovcev V.I. 2017. «Environmental History» kak «ekologicheskaya istoriya» (istoriograficheskie zametki) [«Environmental History» as «Ecological History» (Historiographic Notes)]. Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. 6: 10–19 (in Russian).

14. Zimin A.A. 1950. Letopischik Ignatiya Zajceva. Kratkie letopiscy XV–XVI vv. [Chronicler Ignatius Zaitsev. Brief chroniclers of the 15th – 16th centuries]. Istoricheskij arhiv [Historical archive]. T. V: 14–22 (in Russian).

15. Zimin A.A. 1962. «Hozyajstvennyj krizis» 60–70-h godov XVI v. i russkoe krest'yanstvo [«Economic Crisis» of the 60s – 70s of the 16th century and the Russian peasantry]. Materialy po istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva SSSR [Materials on the history of agriculture and the peasantry of the USSR]. Moscow, T. V: 11–20 (in Russian).

16. Il'inskij A.G. 1897. Gorodskoe naselenie Novgorodskoj oblasti v XVI veke. Istoricheskoe obozrenie [Urban population of the Novgorod region in the 16th century]. Sbornik Istoricheskogo Obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete [Historical review. Collection of the Historical Society at the Imperial St. Petersburg University], izd. pod red. N.I. Kareeva. T. IX. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha: 119–243 (in Russian).

17. Kashtanov S.M. 1963. K izucheniyu oprichniny Ivana Groznogo [To the study of Ivan the Terrible's oprichnina]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 2: 96–117 (in Russian).

18. Kolycheva E.I. 1987. Agrarnyj stroj Rossii XVI veka [Agrarian system of Russia in the XVI century]. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]. 229 (in Russian).

19. Koreckij V.I. 1981. Soloveckij letopisec konca XVI v. [Solovetsky chronicler of the late 16th century]. Letopisi i hroniki [Chronicles and records]. 1980. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]: 223–243 (in Russian).

20. Krenke N.A. 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya bassejna Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Dyakovo settlement: the culture of the population of the Moskva River basin in the 1st millennium B. C. – 1st millennium A. D.]. Moscow, IA RAN. 548 (in Russian).

21. Kul'pin E.S. 1990. Chelovek i priroda v Kitae [Man and Nature in China]. Moscow, Nauka [Publishing house «Science»]. 248 (in Russian).

22. Lebedevskaya letopis' [Lebedev Chronicle]. 2009. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXIX. Moscow, Znak [Publishing house «Sign»]: 224–355 (in Russian).

23. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Chronicle compilation called the Patriarch or Nikon Chronicle]. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XIII. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture]. 544 (in Russian).

24. L'vovskaya letopis' [Lvov's Chronicle]. 2005. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XX. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur [Languages of Slavic culture]. 704 (in Russian).

25. Man'kov A.G. 1951. Ceny i ih dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI veka [Prices and their movement in the Russian state of the XVI century]. Moscow – Leningrad, Izd.-vo AN SSSR [Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR]. 274 (in Russian).

26. Milov L.V. 2001. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. 576 (in Russian).

27. Novgorodskaya vtoraya (Arhivskaya) letopis' [Novgorod second (Archive) chronicle]. 2009. Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXX. Moscow, Rukopisnye pamyatniki drevnej Rusi [Manuscript monuments of ancient Russia]: 147–205 (in Russian).

28. Piscovaya kniga dvorcovogo sela Paozer'ya s derevnyami pis'ma i mery Obrazca Barakova i pod'yachego Byka Mihajlova 7081 (1572/73) g. [Scribble book of the palace village of Paozerye with the villages of writing and measures of Sample Barakov and clerk Bull Mikhailov 7081 (1572/73)]. 2009. Piscovye knigi Novgorodskoj zemli. T. 6. Piscovye knigi Shelonskoj pyatiny XVI veka [Scribes of the Novgorod land. T. 6. Scribe books of the Shelonskaya pyatina of the 16th century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli [Monuments of historical thought]. 382 (in Russian).
29. Piscovye knigi Novgorodskoj zemli [Scribe books of the Novgorod land]. 2004. T. 5. Piscovye knigi Derevskoj pyatiny 1550–1560-h gg. [V. 5. Scribes of the Derevskaya Pyatina of the 1550–1560s.]. Moscow, Drevlekhranilishche. 510 (in Russian).
30. Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571–1577 gg. [Ambassadorial book on the relations of the Moscow state with the Crimea 1571–1577]. 2016. Moscow, Izd. dom Mardzhani [Publishing house Mardzhani]. 400 (in Russian).
31. Prusakov D.B. 1999. Priroda i chelovek v drevnem Egipte [Nature and Man in Ancient Egypt]. Moscow, Moskovskij licej [Moscow Lyceum]. 240 (in Russian).
32. Pskovskaya 1-ya letopis' [Pskov 1st Chronicle]. 2003. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. V. Vyp. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture]. 256 (in Russian).
33. Pskovskaya 3-ya letopis' [Pskov 3rd Chronicle]. 2000. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. V. Vyp. 2. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture]. 368 (in Russian).
34. Razryadnaya kniga 1475–1598 [Rank book 1475–1598]. 1966. Moscow, In-t istorii SSSR. 614 (in Russian).
35. Russkij hronograf [Russian chronograph]. 2005. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. XXII. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur [Languages of Slavic culture]. 896 (in Russian).
36. Sokolovskij P.A. 1878. Ekonomicheskij byt zemledel'cheskogo naseleniya Rossii i kolonizaciya yugovostochnyh stepej pred krepostnym pravom [The economic life of the agricultural population of Russia and the colonization of the southeastern steppes under serfdom]. St. Petersburg, tip. F.S. Sushchinskogo. 266 (in Russian).
37. Solov'ev S.M. 1991. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. T. 13. Solov'ev S.M. Sochineniya [Essays]. Kn. VII. Moscow, Mysl' [Publishing house «Thought»]. 701 (in Russian).
38. Tihomirov M.N. 1941. Kratkie letopisnye zapiski epohi oprichniny. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki XVI v. [Brief chronicle notes of the oprichnina era. Little-known chronicle monuments of the 16th century]. Istoricheskie zapiski [Historical notes]. T. 10: 88–92 (in Russian).
39. Ustyuzhskaya letopis' [Ustyug chronicle]. 1982. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. 37. Leningrad, Nauka [Publishing house «Science»]: 17–103 (in Russian).
40. Holmogorskaya letopis' [Kholmogory chronicle]. 1977. Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. T. 33. Leningrad, Nauka [Publishing house «Science»]: 10–147 (in Russian).
41. Shlihting A. 2005. Novosti iz Moskovii, soobshchennye dvoryaninom Al'bertom Shhlihtingom, o zhizni i tiranii gosudarya Ivana [News from Muscovy, reported by the nobleman Albert Schlichting, about the life and tyranny of Tsar Ivan]. Rejngol'd Gejdenshtejn. Zapiski o Moskovskoj vojne (1578–1582). Al'bert Shlihting. Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. Genrih Shtaden. O Moskve Ivana Groznogo [Reingold Heydenstein. Notes on the Moscow War (1578–1582). Albert Schlichting. New news about Russia in the time of Ivan the Terrible. Heinrich Staden. About Moscow Ivan the Terrible]. Ryazan', Aleksandriya: 375–378 (in Russian).
42. Shtaden G. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. T. I. Moscow, Drevlekhranilishche, 582 (in Russian).
43. Yanickij O.N. 1915. Ekonomicheskij krizis v Novgorodskoj oblasti XVI veka (po piscovym knigam) [The economic crisis in the Novgorod region of the XVI century (according to scribes books)]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Sv. Vladimira [Printing house of the Imperial University of St. Vladimir]. 235 (in Russian).
44. Aberth J. 2013. An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature. London and New York, Routledge. 326.

45. *Bison and People on the North American Great Plains. A Deep environmental history.* 2016. Ed. by G. Cunfer and B. Waiser. College Station, Texas A&M University Press. 323.
46. *Companion to Environmental Studies.* 2018. Ed. by Noel Castree, Mike Hulme and James D. Proctor. London – New York, Routledge. 848.
47. *A Companion to Global Environmental History.* 2012. Ed. By J.R. McNeill and E.S. Mauldin. Chichester, Wiley-Blackwell. 544.
48. Diamond J. 1997. *Guns, germs, and steel: the fates of human societies.* New York – London, W.W. Norton & Company. 457.
49. *Encyclopedia of world environmental history.* 2004. Ed. By Shepard Krech III, J.R. McNeill, Carolyn Merchant. Vol. I–III. London, Routledge. 1429.
50. Fisher M. 2018. *An Environmental History of India.* Cambridge, Cambridge University Press. 301.
51. Hoffmann R. 2014. *An Environmental History of Medieval Europe.* Cambridge, Cambridge University Press. 409.
52. Hughes D. 2001. *An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life.* London and New York, Routledge. 264.
53. *The Oxford handbook of environmental history.* Edited by Andrew C. Isenberg (2014). Oxford-New York, Oxford University Press. 783.
54. Simmons I.G. 2008. *Global Environmental History 10000 B. C. to A. D. 2000.* Edinburg, Edinburg University Press. 271.
55. Strykowski M. 1846. *Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi. T. II.* Warszawa. 572.
56. Thommen L. 2012. *An Environmental History of Ancient Greece and Rome.* Cambridge, Cambridge University Press. 186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly V. Penskoj, Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(47)

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-383-393

Дворянство и духовенство в системе вертикальной социальной мобильности конца XVII – второй половины XIX века: к вопросу о причинах, побудивших «благородных» перейти в священнослужители

Губаева С.Р.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Email: lady.gubaeva2012@yandex.ru

Аннотация. В заявленной статье рассматривается вопрос вертикальной нисходящей социальной мобильности дворян, а именно их переход в священнослужители, который отразил проблемы социального партнерства. Анализ таких исторических источников, как воспоминания, материалы церковной периодики и законодательство Российской империи позволили выявить причины, которые побудили «благородных» покинуть сословие; доказать целенаправленность дворян в изменении социального статуса; раскрыть содержание социально-психологического антагонизма и социального партнёрства между двумя привилегированными социальными группами; обозначить проявление тенденции превращения сельских священников в «барскую прислугу». Изучение новых поведенческих стереотипов дворян в русле смены социального облика целесообразно для формирования представления о проблемах партнёрства помещного дворянства и сельских священников.

Ключевые слова: помещик, сельский священник, социальная психология, сословная исключительность, традиции, новации.

Для цитирования: Губаева С.Р. 2021. Дворянство и духовенство в системе вертикальной социальной мобильности конца XVII – второй половины XIX века: к вопросу о причинах, побудивших «благородных» перейти в священнослужители. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 383–393. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-383-393.

The nobility and clergy in the system of vertical social mobility of the late XVII – second half of the XIX century: to the question of the reasons that prompted the «noble» to go to the clergy

Svetlana R. Gubaeva

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Email: lady.gubaeva2012@yandex.ru

Annotation. The article considers the issue of vertical downward social mobility of the nobles, namely their transition to the clergy, which reflected the problems of social partnership. The analysis of such historical sources as memoirs, materials of church periodicals and legislation of the Russian Empire allowed: to reveal the reasons that prompted the «noble» to leave the estate; to prove the purposefulness of the nobles in changing their social status; to reveal the content of sociopsychological antagonism and social partnership between two privileged social groups; to indicate the manifestation of the trend of turning rural priests into «lordly servants». The study of new behavioral stereotypes of the nobles in line with the change of social appearance is advisable to form an idea of the problems of partnership between the local nobility and rural priests.

Keywords: landowner, village priest, social psychology, class exclusivity, traditions, innovations.

For citation: Gubaeva S.R. 2021. The nobility and clergy in the system of vertical social mobility of the late XVII – second half of the XIX century: to the question of the reasons that prompted the «noble» to go to the clergy. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 383–393 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-383-393.

Введение

Изучение социально-психологического антагонизма и сотрудничества между представителями российских сословий все больше привлекает внимание современных исследователей, особенно в русле такого направления исторической науки, как социальная история, где можно отметить научные труды Б.Н. Миронова, В.А. Шаповалова, И.В. Истоминой, И.Г. Оноприенко, Д.С. Гудова, А.В. Кузьмина, М.Д. Карпачева и других. Особую актуальность это приобретает при исследовании переломных эпох, где существование социальных противоречий породило внутри- и межсословные перемещения.

Социальная структура российского общества в императорский период неоднократно изменялась, в этом немаловажную роль играла вертикальная социальная мобильность. Изменение количественного показателя ряда сословий находилось в зависимости как от естественного прироста населения в данном сословии, так и от межсословных социальных перемещений [Миронов, 2003, с.133]. Представители отдельных социальных групп стремились «покинуть свое сословие», заметно трансформируя традиционализм, в котором «через определенный психологический механизм представители отдельной социальной группы наследуют прошлые нормы, ценности и правила, которые сохраняются, интерпретируются, используются и передаются различными государственными институтами» [Шаповалов, 2014, с. 429]. Особое место в русле данной парадигмы имеет положение «благородного» дворянства, занимавшего доминирующую роль в сословной структуре Российской империи. Как отмечает В.А. Шаповалов, «дворянство, законодательно поставленное в исключительно привилегированное положение, во многом определяло направленность межсословных отношений в обществе и в целом эволюции российской государственности» [Шаповалов, 2014, с. 4]. Это позволяет исторической науке по-новому подойти к вопросу изучения межсословной мобильности «благородных», в частности исследовать проблему становления дворян священнослужителями, которая до сих пор остается неразрешенной.

Исследование вертикальной нисходящей социальной мобильности дворянства в число священников в конце XVII – второй половины XIX века ставит вопрос о причинах, которые побудили «благородных» покинуть свое сословие. В свою очередь, изучение социального опыта дворян предусматривает такую источниковую базу исследования, как эго-документы. Во-первых, в них ярко выражены маркеры изменения традиционных правил дворянства, во-вторых, их содержание позволяет исследовать социальный опыт людей. Ценным историческим источником являются материалы, опубликованные в таких журналах, как «Черниговские епархиальные известия», «Московские церковные ведомости», «Христианское чтение», в которых на основе исторических справок раскрыта принадлежность священнослужителей к дворянским фамилиям. Необходимо также сделать акцент на эволюцию законодательства в рамках изменений правил приёма в духовенство, которые были сопряжены с утратой прежнего статуса. Данное обстоятельство активизировало социальные лифты, стимулируя вертикальную социальную мобильность.

Объекты и методы исследования

Объектом в заявленном исследовании являются дворяне как участники социальных перемещений в структуре российского общества в число священнослужителей. Методологическая база исследования обусловлена особенностями научно-исследовательской проблематики. В обозначенной работе была применена теория социальной идентичности при

анализе самооценки дворян в условиях становления ими священнослужителями. Посредством историко-генетического метода были выявлены причины, а также субъективные и объективные факторы, которые привели к трансформации социального статуса «благородных». Историко-сравнительный метод помог выявить общее и особенное в рамках перехода дворян в священники.

Результаты и их обсуждение

Первоначально получение священства было доступно каждому желающему служить церкви, но из всех кандидатов на священство самыми подходящими были именно дети духовенства. На это обстоятельство выявлен ряд причин. Во-первых, они по большей части были обучены грамоте. Во-вторых, с детства принимали участие в богослужении вместе со своими отцами. По мере развития государственной жизни российская власть с большей силой выставляла свое требование, чтобы из служилых и тяглых людей никто от службы и тягла «из бывлых» не был. Такое требование должно было стеснить свободный доступ в духовенство, потому что принимавшие на себя это звание освобождались вместе с потомством от службы и податей [Рождественский, 1887, с. 322]. Таким образом, складывалась практика наследования должностей служителей церкви.

Как справедливо отмечал П. Сорокин: «Никогда не существовало общества, в котором вертикальная социальная мобильность была бы абсолютно свободной, а переход из одного социального слоя в другой осуществлялся бы безо всякого сопротивления [Сорокин, 1992, с. 379]. В этой связи Б.Н. Миронов подчеркивал: «Приходские общины при выборах кандидатов отдавали предпочтение представителям духовенства. Причина простая: прихожане не желали выбирать духовных лиц из своей среды, поскольку за человека, переходящего в состав духовенства из крестьян и посадских, налоги должна была платить его податная община» [Миронов, с. 100], однако «дворяне считали ниже своего достоинства поступать на церковную службу в качестве приходского священника, тем более на должность церковнослужителя» [Миронов, с. 100].

Вместе с тем во второй половине XVII века известны случаи, когда некоторые дворяне изменили своё социальное положение. Они стали основывать в своих имениях церкви и сами же определялись к ним священниками, а потом делались родоначальниками целых, иногда очень длинных дворянско-священнических родов. Например, род Трощановичей Мглинского уезда. Так, Самоквасов – автор заметки «Три документа, относящиеся к истории церкви села Глазова» – указывал, что из описи 1767 года было видно, что Василий Трощанович на собственные средства устроил в селе Дымове храм и к нему был рукоположен в сан священника в 1655 году, а в 1677 году Лазарь Баранович выдал ему священническую грамоту, по словам Филарета, замечательную во многих отношениях [Самсоков, 1870, с. 25]. Поскольку дворяне, являясь верхушкой общества, обладали самыми высокими материальными возможностями, то они брали на себя ответственность по строительству церквей.

В русле данной парадигмы интересна личность Феодосия Углицкого. По своему происхождению Феодосий принадлежал к заднепровской дворянской фамилии Углицких, о чем свидетельствует его фамильный дворянский акт. Представляется важным наблюдение исследователя XIX века Г. Барадюлина в его труде под названием «Жизнь и деятельность Святого Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского» о его жизненном выборе. Так, в XVII веке в Малороссии белое духовенство много терпело лишений, так как находилось в большой зависимости прежде всего от богатых влиятельных землевладельцев. Несмотря на это, в Малороссии в обозначенное время многие из лиц дворянского сословия шли в священнослужители. Однако этот порядок со времен учреждения унии был нарушен. Если и случалось, что дворянин, который имел привилегии, выбирал священнослужительскую деятельность, то только призвание к подвигам благочестия и осознание святости избранного дела побуждали вступать в духовное звание [Барадюлин, 1897,

с. 527–528]. Следовательно, принятие священнического сана Углицким было исполнено глубоким благочестием и жадой вступить в борьбу за охранение православной веры.

Таким образом, имея высокие религиозные искания, «благородные» стремились стать частью духовного мира, при этом одним из основополагающих условий для них было принятие сана священника. Как отмечают социальные психологи, объективная реальность существует независимо от нас, но наблюдаем мы за ней через призму собственных убеждений, установок и нравственных ценностей [Шаповалов, 2012, с. 228]. Однако такие примеры стоит считать в большей степени исключением, чем правилом. В XVII веке приходская церковь считалась семейным достоянием священнослужительских родов.

В законодательстве Российской империи XVIII века разрабатывались меры, которые должны были ликвидировать замкнутость духовенства как сословия. К числу людей, обязанных службой, в первой половине XVIII века принадлежали все дворяне. «Указ о единонаследии» 1714 года дозволил переход из дворянства в духовное звание кадетам, младшим сыновьям дворянских фамилий. Любопытно, что Синод, ссылаясь на обозначенный указ, обозначил особое положение духовенства Малороссии. Этот факт позволяет проследить специфику социального перемещения дворян в Малороссии. Так, А.В. Романович-Славатинский рассматривал в том числе пути, которые позволяли дворянам избежать исполнения своих повинностей. Как отмечал автор, легальной возможности у них не было. Только старость, увечья и неизлеченные болезни избавляли дворянина от лежащего на нем тягла. Петр I законом о единонаследии 1714 года предоставил шляхетству свободу в выборе профессии. Интересные мысли по поводу перехода служилого человека в духовенство встречаем далее. Так, согласно точке зрения Александра Васильевича, между дворянством и духовенством в России не могло образоваться той связи, которая существовала в Западной Европе, где лица самых знатных фамилий поступали в духовное звание и достигали архиерейства и высших ступеней священства. Далее автор указывал, что следствием этого между духовенством и дворянством в Западной Европе была родственная «солидарная» связь; обратная ситуация была в российском обществе, духовенство по своему духу всегда было ближе к народу, а дворянство свысока третировало духовенство. В свою очередь, иначе было в Малороссии, где еще со времен польщины установилась более тесная связь между шляхетством и духовенством. Польские короли в епископы большей частью избирали лиц дворянских фамилий. После присоединения Малороссии к России в духовное звание часто вступали не только рядовые казаки, но и старшины, шляхетство. Многие, согласно точке зрения А.В. Романович-Славатинского, поступали в духовное звание в Малороссии, укрываясь от войсковой службы. Недаром Анна Иоанновна одним из своих указов приписывала Синоду: «архиереям – киевскому, черниговскому и переяславскому – из малороссийской старшины и казаков, и их детей, без аттестатов – полковничьи и старшины полковой, а знатных без позволения генеральной войсковой канцелярии в дьяконы и попы посвящать не велено» [Романович-Славатинский, 1912, с. 149–150].

Крайне интересна по своему содержанию записка «Замечания, до Малой России принадлежавшие, с предисловием от действительного члена О. Бодянского», автор которой остался неизвестным. О.М. Бодянский предполагал, что автор этой записки являлся жителем Черниговской губернии. Согласно точке зрения автора, после присоединения Малороссии многие военные и чиновники, избегая службы, приняли священнический сан. Из их числа сложилась особая категория малороссийского духовенства, которые не только считали себя дворянами, но и продолжали оставаться таковыми: они получали из Дворянских комиссий грамоты на дворянство и пользовались всеми дворянскими правами, не выполняя при этом никаких дворянских повинностей, а также владели землей [Бодянский, 1848, с. 33]. Автор этих замечаний указывал на то, что нужно бы испросить запрет, чтобы в Малой России не смели в противность именных указов принимать в духовное звание в подушном окладе состоящих мещан, казаков и дворян, из числа которых первые убегают

от рекрутского набора, а последние, уклоняясь от дворянских служб, поступают в духовное звание и пользуются при этом дворянскими выгодами [Бодянский, 1848, с. 34].

В Малороссии уже во второй половине XVII века был велик запрос на образование и «лучшие люди того времени находили возможность удовлетворить своей духовной жажде при самых неблагоприятных условиях» [Стаховский, архиепископ Черниговский, 1897, с. 78]. Очагами распространения образования выступали духовные школы Киева и Харькова. В Киевской академии вместе с детьми духовенства обучались дети служилого дворянства. То же самое можно сказать о Харьковском коллегииуме, но главный контингент давали дети духовенства [Лебедев, 1886, с. 20].

Одним из выдающихся преподавателей Харьковской коллегии был префект Михаил Шванский. Будучи потомственным дворянином древнего рода, он долгое время учился в Киевской академии и в 1765 г. был рукоположен в иереи [Любжин, 2008, с. 253]. Становится очевидна причина, по которой представитель «благородных» Михаил Шванецкий обучался в Киевской академии – это отсутствие высших учебных заведений. Вместе с тем разночинцы редко проходили полный коллегииумский курс. Затем выходили на разные поприща государственной и общественной службы [Лебедев, 1886, с. 21].

Еще одним выпускником Киевской коллегии, принадлежавшим к древней дворянской фамилии, был епископ Черниговский Антоний (Стаховский). Причем его отец и брат были священниками. В то время как одни из родственников Антония шли в духовное ведомство, другие занимали гражданские должности: Андрей Стаховский (Стахович) был городничьим сотником [Стаховский, архиепископ Черниговский, 1897, с. 77].

Как указывал П.В. Знаменский, с 1708 г. обучение в славяно-греко-латинских школах для детей духовенства стало обязательным. А дети дворян, начиная с 1715 года, должны были получать образование в Морской академии, Артиллерийской и Инженерной школах [Знаменский, 1881, с. 47]. Обучение в славяно-греко-латинских школах дворянских недорослей разрешалось в виде исключения [Знаменский, 1881, с. 55]. Вместе с тем Петр I дозволил, чтобы «и градские лучшие приказные люди и дворяне» отдавали детей в Московскую славяно-греко-латинскую академию. При императрице Анне академия пополнилась отпрысками многих знатных фамилий – в 1736 году по определению Сената в академию поступило 158 дворянских детей, среди которых были князья Оболенские, Хилковы, Тюфякины, Хованские, Голицыны, Долгорукие, Мещерские [Смирнов, 1855, с. 107].

Таким образом, становление уровней и типов учреждений российской системы образования в XVII – начале XVIII веков стало предпосылкой для формирования канала вертикальной мобильности из дворян в духовенство. В связи с отсутствием достаточного количества учебных заведений коллегииумы и славяно-греко-латинские / славяно-русские школы осуществляли общеобразовательную и профессиональную подготовку как будущих священников, так и гражданских и военных специалистов. На наш взгляд, эта ситуация создавала благоприятные условия для выбора детьми дворян священнослужения как профессии.

Следующим моментом в социальном сближении дворянства и духовенства стала «Жалованная грамоты дворянству» 1785 г., которая позволила дворянству выбирать любую профессиональную стезю, а не только военную. Спустя восемь лет – в 1797 г. – был принят указ о запрещении применения телесных наказаний к дворянам, гильдейским купцам, священникам и диаконам. П.В. Знаменский обозначил, что дарование священникам того права, которое было присуще только «благородным», как и ликвидация его тогда, когда его лишились дворяне, показывало, что духовенство, согласно воззрения правительства, считалось уже привилегированным сословием [Знаменский, 1880, с. 158].

Таким образом, в течение XVIII – первой половины XIX века происходило расширение прав и привилегий духовенства. Помимо освобождения от подушной подати и воинской повинности духовенство освободилось от телесных наказаний. До 60-х годов XIX века духовенство можно было определить как сословие полупривилегированное

[Иванова, Желтова, 2010, с. 266]. Несмотря на разность в определении положения духовенства как «привилегированное» или «полупривилегированное» сословие, очевидно, что духовенство в Российской империи имело статус «особого сословия».

Однако полного сближения социального статуса дворянства и духовенства не произошло. Кроме этого, сближению мешала традиция выбора детьми дворян военной службы как приоритетной сферы приложения профессиональных усилий.

Так, дворянин Болотов, характеризуя в своих мемуарах современников, которые происходили из духовенства и отличались благородными качествами, каждый раз считал нужным прибавить к своей похвале выразительное «не взирая на его породу» [Знаменский, 1873, с. 104]. Именно в этом восприятии выражался социально-психологический антагонизм, иллюстрирующий в дворянине и в священнике два антимира, сведенные воедино в рамках привилегированного положения. Внешний облик, быт, манеры, образованность подчеркивали недостижимую сословную статусность дворянства [Шаповалов, 2013, с. 89].

В этой связи становится очевидным, почему «благородные» стали реже вступать в духовное звание и стремились покинуть его, если принадлежали к нему ранее. Так, например, в 1803 г. студент Петербургской духовной академии Андруцкий – сын священника, узнав, что он является дворянином, «нисколько немедля оставил и философию, и школу, чтобы избрать новый род жизни, соответствующий его склонностям, равно и правам, представленным благородному дворянству» [Чистович, 1857, с. 144–145]. П.В. Знаменский связывал это с тем, что студенты не хотели быть священниками, не хотели быть на пашне и во многом зависеть от власти помещиков, на которых выходили жалобы, а управу сыскать было трудно [Знаменский, 1873, с. 117].

Однако были и примеры того, что дворяне сознательно выбирали священническое служение. Так, профессор Санкт-Петербургского университета Я.В. Толмачев (1779–1873) в «Автобиографической записке» указывал, что его прадед бы дворянином, переселившимся с частью своих крестьян из села Толмачевки Курского уезда в село Тишки Харьковского уезда, где он принял священнический сан [Толмачев, 1892, с. 700].

Фрейлина русского императорского двора Александра Осиповна Смирнова-Россет упоминала в своих воспоминаниях следующий факт: «В 40 верстах жила тетушка Екатерина Ивановна Вороновская, ее муж Артемий Ефимович был сын священника из дворян. В Малороссии часто были священники из дворян и были лучшие помещики, а их крестьяне – лучшие работники. Доктор Оболевский был сын священника из дворян, также и почтенный старец Павловский» [Смирнова-Россет, 1990, с. 40].

В своих записках надворный советник Григорьев И.Г. отмечал, что его отец был сыном священника села Тумы Якима Федотова. Кроме того, он отмечал, что его отец принадлежал древней дворянской фамилии Пожарских, но в годы Смуты перешел из воинского звания в духовное [Григорьев, 1899, с. 11].

Епископ Леонид (Краснопевков) происходил из семьи дворян, получил светское образование и трудился чиновником в морском ведомстве. Однако в результате его духовной жизни он принял решение постричься в монахи. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) дал ему следующую рекомендацию в письме к наместнику Троице-Сергиевой лавры: «В академию поступает чиновник из дворян, Краснопевков. Это не то, что некоторые бывшие пред ним. Примите его со вниманием и дайте ему право узнать обитель и монашество» [Корсунский, 1893, с. 216]. А во время его хиротонии он указал на следующее обстоятельство: «Благодари, боголюбезный, Всепромыслителя Бога, который указал тебе путь жизни, не указанный твоим рождением, и вел тебя добрым желанием, а иногда и затруднениями, и скорбями, всегда к миру» [Корсунский, 1893, с. 217].

Наиболее показательной, на наш взгляд, является судьба епископа Игнатия (Брянчанинова). В миру – Дмитрий Александрович Брянчанинов, родился в 1807 в старинной дворянской семье. По семейной традиции он поступил в Петербургское инженерное учи-

лице не по своему избранию и желанию. Следующим образом вспоминал об этом Игнатий (Брянчанинов): «Иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей... Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолудинов, молиться и рыдать, сколько душе угодно... мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных» [Рункевич, 1895, с. 555]. Узнав о духовных исканиях сына, его отец обратился с просьбой к начальнику училища о запрещении ему посещений Александро-Невской лавры.

Окончательное решение о принятии монашества им было принято в 1826 году после беседы со старцем Леонидом (Наголкиным) (в схиме – Лев). После окончания выпускных экзаменов Дмитрий подал прошение об отставке. Это решение вызвало неприятие не только у его родителей, но у императора Николая I, который курировал свое любимое детище – инженерное училище и его талантливых выпускников, к числу которых относился и Д. Брянчанинов. Государь поручил своему брату великому князю Михаилу Павловичу переубедить Дмитрия. Но их разговор завершился приказом о назначении Д. Брянчанинова инженером в Динабургскую крепость с указанием о его исполнении «в двадцать четыре часа». В Динабурге Д. Брянчанинов тяжело заболел, и его просьба об отставке была принята в 1827 г. После этого он поехал в Александро-Свирский монастырь, где пребывал под духовным руководством старца Леонида. В 1831 г. он был пострижен в монашество с именем Игнатий [Рункевич, 1895, с. 556–557].

В ходе Великих реформ была ликвидирована практика наследования священнических и дьяконских мест родственниками. В 1867 г. было отменено преимущественное право на занятие детей или родственников мест священнослужителей [Фирсов, 2002, с. 23]. В 1869 г. и 1871 г. представителям всех сословий было разрешено занимать церковные должности, принципиально, однако, «не изменивший устоявшийся порядок вещей, а скорее способствовавший бегству молодых поповичей из рядов своего сословия» [Карнишина, 2010, с. 26]. Согласно нормам российского законодательства, принятие священнического сана дворянином предполагало выход из своего сословия. Более того, в случае снятия с себя сана бывший дворянин уже не имел возможности вернуться в дворянское сословие, а приравнивался к простолюдину. То же самое происходило и с его детьми [Знаменский, 1873, с. 118].

В этой связи представляется интересной судьба московского священника И.В. Арсеньева, который был сыном потомственного дворянина В.С. Арсеньева и Н.Ю. Арсеньевой (урожденной княжны Долгорукой). По достижении 17-летнего возраста он поступил в Московскую духовную семинарию. Причем его поступление было отмечено в речи ректора семинарии. Н. Благоразумов, который указал на то, что поступление в семинарию дворян явление новое, при этом выразил надежду, что подобного рода действие сможет послужить сближению церкви и интеллигенции. После окончания семинарии И.В. Арсеньев продолжил свое образование в Московской духовной академии. И в 1892 г. начал свое священническое служение в домовом храме Московского учительского института [Гончаров, 2011, с. 117–118].

В художественной литературе XIX века сохранилось упоминание о материальном мотиве принятия дворянами священнического сана в пореформенный период. Так, героя рассказа А.И. Краснопольского «Деревенские дельцы» молодого разорившегося помещика Юрия Селиверстовича Фистулова на обеде в честь именин местного священника – отца Ильи – посетила мысль: «нельзя ли как-нибудь по новому положению попасть в попы? Сколько гостей, и всех здесь упитают, а ты один – и то сидишь голодный в родительском домишке...» [Краснопольский, 1878, с. 170].

На основе вышеприведенного отрывка прослеживается, что пореформенный период сопровождался трудностями изменения привычного уклада жизни дворян, ощущением

психологического дискомфорта. Как справедливо отмечает В.А. Шаповалов: «Модернизация поместных хозяйств, как и поддержание привычного «барского» быта, требовали больших денег, но их у большинства помещиков в наличии не было» [Шаповалов, 2010, с. 135]. В свою очередь, именно новизна, отрицавшая привычный поместный традиционализм, и была фактором психологического помещичьего дискомфорта [Шаповалов, 2010, с. 133]. Социальный упадок поместного дворянства, пессимизм, тревожное психологическое состояние привели к поиску нового пути улучшения материального положения. Одним из вариантов решения проблемы мог быть переход в попы. Но, как в начале прозвучало, отец Илья был из среды зажиточных священнослужителей.

Однако молодой помещик отказался от этой идеи, когда отец Илья задал ему вопрос, не желал ли он пойти в священники. Следующее ответил Юрий Селиверстович: «Я уж думал, но избави Боже, помилуйте, соборовать старуху умирающую, видеть ее предсмертную агонию, утешать, потом хоронить какую-нибудь красавицу, быть свидетелем раздирающую душу плача. Потом: замерзать в поле, на пути к больному, в ночь и за полночь. Да я лучше в пастухи под скотину наймусь, чем». Примечательно то, что ответил по данному случаю о. Илья: «Нет, вы еще не знаете, что священник есть бессменный часовой по все триста шестьдесят пять дней в году... Ты только раздвинешь руки во время Херувимской и весь отдаешься Богу, хватить пономарь докладывает: Ванька в машину попал, дыхнет и нет. Отпускай руки, отпускай в преисподнюю душу, отпускай из церкви народ, спеши к Ваньке. А не пойдешь, так тебе косу отрежут, или в монастырь сошлют, воду носить монахам на самовар» [Краснопольский, 1878, с. 175].

Указанный литературный пример доказывает, что далеко не всегда выбор в изменении социальной принадлежности имел среди помещиков нравственную сторону, это подтверждает, что только истинная целенаправленность дворян приводила к изменению их социального статуса.

Уже в пореформенное время дворянство стало постепенно утрачивать свои сословные привилегии, сближаясь в правовом положении с другими сословиями [Миронов, 2003, с. 94]. К концу XIX века окончательно сломались сословные границы духовного чина. Если архиереи из дворян в XIX веке были редким исключением, то сословное происхождение архиереев первой половины XX века имеет яркие примеры представителей «благородного» сословия: из дворян происходили Патриарх Алексей (Симанский), митрополит Трифон (князь Туркестанов), епископ Андрей (князь Ухтомский) и другие [Цыпин, 2010, с. 324–325].

Заключение

Таким образом, дворянство, оказавшись в системе вертикальной нисходящей социальной мобильности, целенаправленно подходило к данному выбору. Имея высокие религиозные чувствования, «благородные» стремились стать частью духовного мира. Вместе с тем, на наш взгляд, новоприобретенный социальный облик служил своего рода индикатором принадлежности к привилегированному сословию. В настоящее время не представляется возможным установить количественный состав православных священников – выходцев из дворянского сословия. Однако приведенные примеры позволяют утверждать, что такие случаи были единичны. Это было связано с тем, что переход в духовное сословие предполагал безвозвратное лишение дворянских привилегий. В рассматриваемом контексте необходимо учитывать, что данное обстоятельство было порождено в том числе социальными противоречиями между дворянами и духовенством, а именно презрительным отношением многих помещиков к священникам, приравненным в их сознании к холопам.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Владимиру Анатольевичу Шаповалову.

Список литературы

1. Барадулин Г. 1897. Жизнь и деятельность Святого Феодосия Углицкого, архиепископа Черниговского. Христианские чтения. Т. 4: 517–536.
2. Бодянский О. 1848. Замечания, до Малой России принадлежавшие. С предисловием действительного члена О. Бодянского. Издание императорского общества истории и древностей российских. Т. 1: 1–55.
3. Гончаров В.А. 2011. «Необходимо созвать новый вселенский собор, и в этом ближайшая и неотложная задача церкви». Докладная записка кафедрального протоиерея Иоанна Арсеньева святейшему патриарху Тихону (Беллавину). Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. История Русской Православной Церкви. 6: 117–144.
4. Григорьев И.Г. 1899. Современные записки надворного советника Ивана Григорьевича Григорьева, им самим написанные. С.-Петербург, 1802 г. Детям моим. Лященко А. Записки И.Г. Григорьева. Санкт-Петербург, Типография Р. Голике: 11–18.
5. Знаменский П.В. 1881. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, Типография Императорского университета, 807.
6. Знаменский И.П. 1880. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. Москва, Типография М.Н. Лаврова и К, 186.
7. Знаменский П.В. 1873. Приходское духовенство в России со времени Петра I. Казань, Университетская типография, 851.
8. Иванова Н.А., Желтова В.П. 2010. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). Москва, Хронграф, 752.
9. Карнишина Н.Г. 2010. Церковные реформы в России во второй половине XIX века. Москва, Издательство ПСТГУ, 176.
10. Краснопольский А.И. 1878. Деревенские дельцы. Вестник Европы. Т. 5: 125–177.
11. Лебедев А.С. 1886. Харьковский коллегийум как просветительский центр Слободской Украины до учреждения в Харькове университета. Москва, университетская типография на Страстном бульваре, 103.
12. Любжин А.И. 2008. Харьковский коллегийум в XVIII – начале XIX. Вопросы образования. 3: 240–263.
13. Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 548.
14. Рождественский В. 1887. Заметки и сообщения о печати. Московские церковные ведомости. 22: 322.
15. Рункевич С.Г. 1895. Письма аскета: из переписки архим. Игнатия Брянчанинова с С.Д. Нечаевым. Христианское чтение. 5–6: 553–595.
16. Самоквасов. 1870. Три документа, относящиеся к истории церкви села Глазова. Черниговские епархиальные известия. 2: 22–26.
17. Смирнов С.К. 1855. История Московской славяно-греко-латинской академии. Москва, Типография В. Готье, 428.
18. Смирнова-Россет А.О. 1990. Воспоминания. Письма. Москва, Правда, 540.
19. Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество. Москва, Политиздат, 543.
20. Стаховский Антоний, архиепископ Черниговский. 1897. Черниговские епархиальные известия. 2: 75–81.
21. Толмачев Я.В. 1892. Автобиографическая записка. Русская старина. 9: 699–706.
22. Фирсов С.С. 2002. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Москва, Культурный центр «Духовная библиотека», 637.
23. Чистович И.А. 1857. История Санкт-Петербургской духовной академии. Санкт-Петербург, Типография Якова Трея, 462.
24. Цыпин В. 2010. РПЦ в синодальную эпоху. 1700–1917 гг. Москва, Издательство Сретинского монастыря, 816.
25. Шаповалов В.А. 2014. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. Москва, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 544.
26. Шаповалов В.А. 2013. «На Руси дворянин, кто за многих один»: позитивное отношение к помещику в русском народном фольклоре (на примере пословиц и поговорок). Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 22: 87–91.

27. Шаповалов В.А. 2010. Отмена крепостного права и русские помещики в очерке «Увертюра» из цикла «Оскуднение» С.Н. Терпигорева (С. Атавы). Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 1: 128–136.

28. Шаповалов В.А. 2012. Провинциальное дворянство и выработка проектов реформы отменены крепостного права: социально-психологический аспект (на примере Центрального Черноземья). Проблемы истории филологии и культуры. 35: 226–235.

References

1. Baradulin G. 1897. Zhizn' i dejatel'nost' Svjatogo Feodosija Uglitskogo, arhiepiskopa Chernigovskogo [The Life and Work of Saint Theodosius of Uglitz, Archbishop of Chernigov]. Hristianskie chtenija. T. 4: 517–536 (in Russian).

2. Bodjanskij O. 1848. Zamechanija, do Maloj Rossii prinadlezhavshie. S predisloviem dejstvitel'nogo chlena O. Bodjanskogo [Comments that belonged to Little Russia before. With a foreword by the full member O. Bodyansky]. Izdanie imperatorskogo obschestva istorii i drevnostej rossijskih. T. 1: 1–55 (in Russian).

3. Goncharov V.A. 2011. «Neobhodimo sozvat' novyj vselenskij sobor, i v `etom blizhajshaja i neotlozhnaja zadacha tserkvi». Dokladnaja zapiska kafedral'nogo protoiereja Ioanna Arsen'eva svjatejšemu patriarhu Tihonu (Bellavinu) [«It is necessary to convene a new ecumenical council, and this is the immediate and urgent task of the church». Memo of the Cathedral Archpriest John Arsenyev to His Holiness Patriarch Tikhon (Bellavin)]. Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi. 6: 117–144 (in Russian).

4. Grigor'ev I.G. 1899. Sovremennye zapiski nadvornogo sovetnika Ivana Grigor'evicha Grigor'eva, im samim napisannye [Modern notes of the court adviser Ivan Grigorievich Grigoriev, written by himself]. St. Petersburg, 1802 g. Detjam moim. Ljaschenko A. Zapiski I.G. Grigor'eva. Spb., Tipografija R. Golike, 11–18 (in Russian).

5. Znamenskij P.V. 1881. Duhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 g [Ecclesiastical schools in Russia before the reform of 1808]. Kazan', Tiografija Imperatorskogo universiteta, 807 (in Russian).

6. Znamenskij I.P. 1880. Polozhenie duhovenstva v tsarstvovanie Ekateriny II i Pavla I [The position of the clergy in the reigns of Catherine II and Paul I]. Moscow, Tipografija M.N. Lavrova i K, 186 (in Russian).

7. Znamenskij P.V. 1873. Prihodskoe duhovenstvo v Rossii so vremeni Petra I [Parish clergy in Russia since the time of Peter the Great]. Kazan', Universitetskaja tipografija, 851 (in Russian).

8. Ivanova N.A., Zheltova V.P. 2010. Soslovnnoe obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Estate Society of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Moscow, Hrongograf, 752 (in Russian).

9. Karnishina N.G. 2010. Tserkovnye reformy v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Church reforms in Russia in the second half of the XIX century]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, 176 (in Russian).

10. Krasnopol'skij A.I. 1878. Derevenskie del'tsy [Village businessmen]. Vestnik Evropy. T. 5, 125–177 (in Russian).

11. Lebedev A.S. 1886. Har'kovskij kollegium kak prosvetitel'skij tsentr kak prosvetitel'skij tsentr Slobodskoj Ukrainy do uchrezhdenija v Har'kove universiteta [Kharkiv Collegium as an educational center as an educational center of Sloboda Ukraine before the establishment of a university in Kharkiv]. Moscow, universitetskaja tipografija na Strastnom bul'vare, 103 (in Russian).

12. Ljubzhin A.I. 2008. Har'kovskij kollegium v XVIII – nachale XIX [Kharkiv Collegium in the XVIII – early XIX century]. Voprosy obrazovanija. 3: 240–263 (in Russian).

13. Mironov B.N. 2003. Sotsial'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Imperial period (XVIII – early XX century)]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 548 (in Russian).

14. Rozhdestvenskij V. 1887. Zametki i soobschenija o pechati [Notes and print messages]. Moskovskie tserkovnye vedomosti. 22: 322 (in Russian).

15. Runkevich S.G. 1895. Pis'ma asketa: iz perepiski arhim. Ignatija Brjanchaninova s S.D. Nechaevym [Letters of the ascetic: from the correspondence of Archimedes. Ignatiya Bryanchaninov with S.D. Nechaev]. Hristianskoe chtenie. 5–6: 553–595 (in Russian).

16. Samokvasov. 1870. Tri dokumenta, odnosjaschiesja k istorii tserkvi sela Glazova [Three documents related to the history of the church of the village of Glazov]. Chernigovskie eparhial'nye izvestija. 2: 22–26 (in Russian).

17. Smirnov S.K. 1855. Istorija Moskovskoj slavjano-greko-latinskoj akademii [History of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy]. Moscow, Tipografija V. Got'e, 428 (in Russian).
18. Smirnova-Rosset A.O. 1990. Vospominanija. Pis'ma [Memories. Letters]. Moscow, Pravda, 540 (in Russian).
19. Sorokin P.A. 1992. Chelovek. Tsvilizatsija. Obschestvo [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 543 (in Russian).
20. Stahovskij Antonij, arhiepiskop [Chernigovskij Anthony of Stakhovsky, Archbishop of Chernihiv]. 1897. Chernigovskie eparhial'nye izvestija. 2: 75–81 (in Russian).
21. Tolmachev Ja.V. 1892. Avtobiograficheskaja zapiska [Autobiographical note Russkaja starina]. 9: 699–706 (in Russian).
22. Firsov S.S. 2002. Russkaja Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-h – 1918 gg.) [The Russian Church on the Eve of Change (Late 1890s – 1918)]. Moscow, Kul'turnyj tsentr «Duhovnaja biblioteka», 637 (in Russian).
23. Chistovich I.A. 1857. Istorija Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii [History of the St. Petersburg Theological Academy]. St. Petersburg, Tipografija Jakova Treja, 462 (in Russian).
24. Tsylin V. 2010. RPTs v sinodal'nuju `epohu. 1700–1917 gg. [The ROC in the Synodal Era]. Moscow, Izdatel'stvo Sretinskogo monastyrja, 816 (in Russian).
25. Shapovalov V.A. 2014. Dvorjanstvo Tsentral'no-Chernozemnogo regiona Rossii v poreformennyj period [The nobility of the Central Black Earth region of Russia in the post-Reform period]. Moscow, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 544 (in Russian).
26. Shapovalov V.A. 2013. «Na Rusi dvorjanin, kto za mnogih odin»: pozitivnoe otnoshenie k pomeschiku v russkom narodnom fol'klore (na primere poslovits i pogovorok) [«In Russia, a nobleman who is one for many»: a positive attitude to the landowner in Russian folk folklore (on the example of proverbs and sayings)]. Nauchnye vedomosti BelGU. Serija Istorija. Politologija. `Ekonomika. Informatika. 22: 87–91 (in Russian).
27. Shapovalov V.A. 2010. Otmena krepostnogo prava i russkie pomeschiki v ocherke «Uvertjura» iz tsikla «Oskudnenie» S.N. Terpigoreva (S. Atavy) [The abolition of serfdom and Russian landowners in the essay «Overture» from the cycle «Impoverishment» by S.N. Terpigorev (S. Atavy)]. Nauchnye vedomosti BelGU. Serija Istorija. Politologija. `Ekonomika. Informatika. 1: 128–136 (in Russian).
28. Shapovalov V.A. 2012. Provintsial'noe dvorjanstvo i vyrabotka proektov reformy otmeneny krepostnogo prava: sotsial'nopsihologicheskij aspekt (na primere Tsentral'nogo Chernozem'ja) [The provincial nobility and the development of projects for the reform of the abolition of serfdom: a socio-psychological aspect (on the example of the Central Chernozem Region)]. Problemy istorii filologii i kul'tury. 35: 226–235 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Губаева Светлана Ренатовна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana R. Gubaeva, postgraduate Student, Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (571.1)
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-394-404

Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов

Попов Е.В.

Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре,
646530, Россия, г. Тара, ул. Школьная, 69
E-mail: pve83@inbox.ru

Аннотация. В данной статье представлена структура переселенческого управления, а также определены основные этапы колониционной политики с 60-х по 80-е гг. XIX в. Обозначены основные дискуссионные позиции имперских экспертов в процессе создания и развития системы органов переселенческого управления. Обозначена динамика и ход развития переселенческой политики в рассматриваемый период. Указаны основные дискуссионные вопросы, связанные с процессом реализации переселенческой политики. Данный период характеризуется глобальными изменениями в процессе проведения миграционной политики по отношению к Сибири во второй половине XIX в., а также появлением нового концептуального геополитического проекта, который ознаменовал собою более высокий уровень взаимодействия в новых для себя политико-экономических аспектах. В этот период переселенческая политика впервые в своей длительной истории вышла на новый теоретико-дискуссионный уровень, который помог определить ее дальнейшее развитие в рамках внутренней политики. Начало 1880-х гг. стало своего рода отправной точкой в вопросе переселенческой политики, что повлекло за собой активизацию действий со стороны правительства в вопросах ее реализации.

Ключевые слова: либеральное направление, колониционная политика, консервативное направление, переселенцы, система управления, адаптация.

Для цитирования: Попов Е.В. 2021. Характеристика переселенческой политики в Российской империи в 60–80-е гг. XIX в. в контексте дискурса имперских экспертов. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 394–404. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-394-404.

Characteristics of the resettlement policy in the Russian Empire in the 60 – 80s of the 19th century in the context of the discourse of imperial experts

Evgeniy V. Popov

Omsk State Pedagogical University branch in Tara,
69, Shkolnaya St., Tara, 646530, Russia,
E-mail: pve83@inbox.ru

Abstract. This article presents the structure of resettlement management, as well as identifies the main stages of colonization policy from the 60s to the 80s. XIX centuries. The main controversial positions of imperial experts in the process of creating and developing a system of resettlement management bodies are outlined. The dynamics and course of development of the resettlement policy in the period under review are indicated. The main controversial issues related to the process of implementing the resettlement policy are indicated. This period is characterized by global changes in the process of the migration policy towards Siberia in the second half of the 19th centuries, as well as the emergence of a new conceptual geopolitical project, which marked a higher level of interaction in new political and economic aspects. During this period, the resettlement policy, for the first time in its long history, reached a new theoretical level of discussion, which helped to further determine its further development within the

framework of domestic policy. Early 1880s became a kind of bifurcation points in the issue of resettlement policy, which led to the intensification of actions on the part of the government in the issue of its implementation.

Key words: liberal direction, colonization policy, conservative direction, immigrants, management system, adaptation.

For citation: Popov E.V. 2021. Characteristics of the resettlement policy in the Russian Empire in the 60–80s of the 19th century in the context of the discourse of imperial experts. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 394–404 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-394-404.

Введение

В настоящий момент данная проблематика в исторических исследованиях является одной из самых актуальных, поскольку концентрирует себе сразу несколько исторических проблем второй половины XIX – начала XX вв. Первая проблема – это форма взаимодействия центральной власти и разных территорий Российской империи на примере Сибири; вторая – соотношение внутренней и внешней политики при решении разных политических, экономических задач; третья – переселенческая политика как вариант решения острых социально-экономических и иных задач; четвертая – анализ опыта взаимодействия разных этнических и социальных групп в контексте переселенческой политики. Анализ сложившейся исторической ситуации поможет определить основные задачи при столкновении с подобным в будущем, поскольку для современной России остается актуальной проблема малонаселенности, миграционной политики, а также проблема взаимодействия центральных властей с региональными.

Объекты и методы исследования

Объектом изучения является переселенческая политика в контексте дискурса имперских экспертов в 60–80-е гг. XIX в., поскольку именно в этот период во многом складываются основные политические и экономические направления в решении данного вопроса. Здесь столкнулось сразу несколько политических лагерей, которые представляли свои планы развития переселенческой политики как инструмента, с помощью которого можно было решить внутренние проблемы. Для написания работы использовались следующие методы: общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция) и историко-сравнительные, историко-генетические. В статье использованы опубликованные источники трех периодов: дореволюционного, советского и современного российского, которые помогли отследить все изменения, касающиеся предмета исследования.

Результаты и их обсуждение

В период развития Российской империи в XIX в. шел процесс трансформации во многих ее сферах, особенно во внутренней политике. Исторически накопившиеся проблемы нуждались в решениях, что, в свою очередь, заставляло государство изменить вектор внутреннего развития в политическом и экономическом аспекте. Переселенческая политика в отношении Сибири была попыткой решения внутренних проблем.

Подход к проведению политики по отношению к Сибири был основан на геополитическом положении этого региона, а все остальные выступали в фарватере. Изменения в подходах со временем были связаны не только с внутренними причинами, но и с постепенной эволюцией в самих методах работы государства с давно приобретенными территориями. Данная динамика изменений стала тенденцией, что по-разному проявлялось во внутренней политике, а также нашло свое отражение в колонизационной деятельности.

Основная деятельность по проведению колонизационной политики государством была проведена в 80-е гг. XIX в., а вот финансовая и техническая сторона вопроса разра-

батывалась на протяжении всего развития переселенческой политики. Два этих компонента были главными и спорными моментами в осуществлении всей колонизационной политики в отношении Сибири.

Период колонизационной политики в отечественной историографии интерпретируется в разных аспектах. Так, например, М.К. Чуркин, В.В. Тихонов выделяют этапы по степени адекватной реакции государства на миграционную мобильность русского крестьянства, другие, как например: Д.Н. Белянин, В.Г. Чернуха, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, определяют этапы по появлению новых органов управления и влияния их на процессы переселенческой политики. Необходимо дать четкое понимание самого процесса переселенческой политики, что это было. Так, по мнению А. Эткинды, данная политика больше напоминала продолжение этапа «внутренней колонизации» (самоколонизации), когда колонизирующие группы населения направлялись на новые территории [Эткинды, 2016].

Важно отметить, что переселенческая политика отражала в себе один из самых динамичных периодов русской истории и охватила собой время с начала 60-х гг. XX в. до окончания периода развития самой Российской империи. При этом цели и задачи переселенческой политики соответственно менялись в зависимости от внутренних обстоятельств и тех людей, которые стояли в качестве руководителей и исполнителей этого глобального внутреннего проекта.

Характеризуя колонизационную политику, можно выделить сразу несколько направлений в общественно-политической дискуссии, которая интенсивно шла на разных этапах российского общества. Существовало несколько направлений в решении переселенческого вопроса: первое, консервативное, которое в вопросах решения переселенческого проекта на протяжении всего периода колонизационной политики эволюционировало от охранительного подхода до отчасти либерального; второе, либеральное, сразу настаивало на больших и реальных шагах в сторону переселенческой политики и осуществлении ее повсеместно; третье, национально-консервативное, наиболее радикальное, которое ставило перед собой задачи по формированию населения русской идентичности и реализации за счет колонизационной политики только внешнеполитических задач, где основную роль должно было играть казачество, но никак не русское крестьянство.

Так, например, министр народного просвещения А.В. Головин говорил о том, что Сибирь, подобно другим территориям России, а также в отличие от Польши и Финляндии, обладает рядом особенностей, но при этом это, конечно, одна из составных частей современной России. Примерно в таком же ключе выступил М.И. Венюков, который утверждал, что Сибирь – это не мятежный регион, а простое продолжение огромной империи [Венюков, 1877].

Окончательное мнение национал-консерваторов по вопросу о роли Сибири, ее статусе было сформировано к 1880-м гг. и сводилось к идеологии, что «Сибирь – это не колония, а существенная часть России» [Русский вестник, 1833].

Поскольку национал-консерваторы и консерваторы были близки по своим политическим и иным взглядам, а в правительственных кругах в основном на них опирались, не было ничего удивительного, что весь набор механизмов и инструментов на первом этапе колонизационной политики полностью совпадал с этими политическими воззрениями. Имперский проект на первом этапе только отчасти напоминал собой правильно структурированную программу действий, наоборот, государственные деятели практически ничего не предлагали, чтобы что-то предпринимать в содействии русскому крестьянину, и практически полностью игнорировали любую экономическую помощь ему [Ставровский, 1906].

С течением времени состав действующих лиц, осуществляющих колонизационную политику, менялся, параллельно ухудшалась внутривнутриполитическая ситуация в экономическом сегменте. Все также остро стояла проблема малоземелья русского крестьянина в ев-

ропейской части России, а вопросы внешнеполитической безопасности чаще выходили на первый план.

Консервативное представительство в правительстве в рассматриваемый период всячески пыталось сдержать активную переселенческую политику, об этом писали Я.Ф. Ставровский и В.В. Алексеев, они этот период охарактеризовали как «отрицательно-сдерживательный» [Ставровский, 1906].

В 80-е гг. XIX в. наступила более активная фаза переселенческой политики со стороны государства, и это изменение связано было напрямую с увеличением переселенческого движения. Так, если в 1877–1881 гг. из Полтавской губернии в Сибирь направлялось лишь 2,2 % переселявшихся, то в 1887–1891 гг. уже 17,3 %, а в 1892–1893 гг. вообще 70,6 % [Ставровский, 1906].

В результате правительству пришлось уйти от идеи имперских воззрений и перейти к выработке конкретных реальных программ и механизмов по реализации колонизационной политики. Имперский проект изначально учитывал геополитические задачи, что проявилось в попытке объединить переселенческий и военный аспект в одной большой стратегической задаче. Представитель Генерального штаба полковник Л.М. Болховитинов считал, что необходимо выселять крестьян из малоземельных губерний и ими заселять пустующие окраины, это помогло бы освоить и закрепить новые территории [Барыкина, 2015].

Главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков призывал заменить переселение на заселение, поскольку государству надо было решать геополитические задачи, особенно это касалось дальневосточных земель. С течением времени эта проблема стала еще более актуальной, особенно после оживления внешней политики Китая и в войне с Японией. Перед государством стояла важная задача навести порядок и контроль на колонизируемых территориях, поскольку не все сибиряки были довольны новыми мигрантами и тяготели в своем сознании к более консервативной поведенческой модели. Проблема движения мигрантов на территории малых народов вызывала недовольство со стороны местных этнических групп [Романов, Л. 113].

Н.Д. Облеухов полагал, что, когда русские переселенцы отправляются в Сибирь, «они приносят пользу не только себе и своим семьям, но и также государству, закрепляя своим переселением эту территорию за Российским государством» [Романов, Л. 113].

Мысль, что переселение – это еще инструмент внешней политики, который можно использовать для закрепления и обороны своих территорий, находила отражение в идеях П.А. Столыпина, отмечавшего в 1908 г., что дело государственной обороны затрагивало не только Морское и Военное министерства, но и переселенческое ведомство, «так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей» [Барыкина, 2015].

В результате внешнеполитическая задача в имперском проекте выражалась в том, что необходимо было закрепить территории Сибири и Дальнего Востока с помощью активной переселенческой политики, а также построением на этой территории определенной инфраструктуры.

Одно из основных политических направлений этого периода в вопросе принятия решения в колонизационной политике было консервативное. Консервативное направление в основном было представлено правительственными кругами, дворянством и военными, именно они долгое время практически полностью тормозили процесс заселения и освоения Сибири, а в качестве субъекта колонизации практически вообще не видели русского крестьянина, наоборот, в нем они представляли определенную опасность для развития России.

Данное политическое направление было неоднородным по своему составу, это проявлялось в палитре политических и экономических воззрений, которые оказывали воздействие на проведение колонизационной политики по отношению к Сибири.

Так, например, М.Н. Катков считал переселение средством усиления государственных задач: туда, где было мало русского элемента, необходимо было его дополнительно отправлять [Вельяминов, 1994].

Ф. Бродель полагал, что Сибирь – это отсталый регион и ему не стать ни Америкой, ни Канадой, соответственно государство предпочтет иные формы его освоения, более простые. При этом, учитывая колоссальные богатства Сибири, правительство сделает ставку на имперские проекты, а регион станет транзитной дорогой для будущих переселенцев [Бродель, 1992].

До определенного момента, в частности до строительства Великой железной дороги, Сибирь действительно никак не проявляла свой богатый экономический потенциал. На протяжении практически всего XIX в. Сибирь отставала в своем развитии от основной части России; подобная тенденция сохранялась до 90-х гг. XIX вв., ее можно было охарактеризовать как «географический труп» [Барыкина, 2015].

Переселенческая политика как элемент имперского проекта могла дать России и Сибири новые перспективы развития. Д. Ливен считал, что сибиряки могли бы получить свободу, а также определенное представительство в региональных институтах, что, в свою очередь, выработало бы идеи регионального патриотизма [Русский Век, 1861].

С другой стороны, в имперских проектах никогда не учитывались механизмы и инструменты, которые могли дать сколько-нибудь правовой свободы и независимости от политического центра. Последнее было исключено, поскольку это никак не вписывалось в построение государственного политического монополизма. В колонизационном аспекте к Сибири как к региону, который мог решить много внутренних проблем в России, относились скептически, не только потому, что боялись внутренних потрясений и проблем с дворянством или геополитического краха этой политики, а просто в этом регионе не видели потенциала – ни экономического, ни политического.

Еще в начале 1861 г. министр императорского двора Е.К. Мейендорф высказал определенное сомнение по поводу начала колонизационной политики. На его взгляд, «новые приобретения больше отнимают сил, ресурсов и людей, которые тратят свои усилия для устройства жизни на новых территориях, однако опасность заключается в другом – чем быстрее мы их обустроим, тем больше возможностей у новых окраин от нас отделиться возникнет» [Вельяминов, 1994].

Это мнение было не единичным по своему смыслу и значению, почти так же высказывался М.И. Венюков, который полагал, что большая часть территории Сибири вообще не пригодна для жизни и земледелия. Данные позиции достаточно точно определил председатель политико-экономического комитета В.П. Безобразов, считая, что такое количество противоположных мнений принесет переселенческому делу только противоречивые тенденции, что в дальнейшем отразилось на колонизационной политике [Русский Век, 1861].

При этом среди правительственных экспертов неоднозначно было мнение о роли переселенческой политики в контексте имперского проекта. Г.К. Гинс считал, что у колонизационной политики должно быть культурное воздействие на «незаселенные или слабозаселенные пространства» [Гинс, 1913].

Несмотря на острые политические споры со стороны разных общественно-политических кругов, постепенно формируется структура управления переселенческим делом. Всею совокупностью дел переселенческой политики занималось три ведомства: Министерство внутренних дел, Министерство финансов и Министерство государственных имуществ, а также Главный комитет об устройстве сельского населения. С течением времени правительство создало сразу несколько специальных учреждений – это высшие комитеты для решения чрезвычайных задач. Основным органом стал Главный комитет, его задача заключалась в сдерживании и концентрации действий, направленных на какое-

либо правовое изменение данного вопроса, и выполнение всех действий правительства в этом направлении осуществлялось именно через этот орган [Романов, Л. 113].

Переселенческая политика и соответствующие органы управления в данной сфере отдельно не выделялись, весь процесс осуществлялся в совокупности с другими отделами. Так, например, в 4-м отделе крестьяне получали право на миграционную деятельность, а в 6-м отделе оформляли документы, связанные с землеустройством, в 8-м отделе работа концентрировалась на инородцах и их землеустройстве в Сибири [Лебедева, 210].

Переселенческая политика проходит в своем развитии несколько этапов: первый характеризуется изданием положения от 19 февраля 1861 г., в котором был сформулирован новый тип социальных отношений между дворянством и крестьянами, а также определена граница, когда крестьянин мог уйти от помещика; второй этап этого периода – это неурожай и голод 1867–1868 гг., который подстегнул к стихийному переселению крестьян, несмотря на существующие запреты. При этом государство попыталось помочь крестьянам благотворительными акциями, комиссию по их реализации лично возглавил наследник престола Александр Александрович, вплоть до конца 1868 г. был потрачен весь фонд собранных и выделенных средств, и, наконец, правительство было вынуждено обратить внимание в этот период на активизацию стихийного переселенческого движения. В 1870 г. закончился 9-летний срок, когда крестьянин мог отказаться от надела, сенатор К.Н. Лебедев испытывал опасения по этому поводу, поскольку государство теперь получит еще больше недоимок [Русский Век, 1861].

Два первых этапа характеризуются как сдерживающие, и в них практически нет каких-либо законодательных инициатив в переселенческом вопросе.

Третий этап этого периода начинался с отставки П.А. Валуева, который никак себя не проявил на посту министра внутренних дел, он не смог сформировать какой-либо стратегии в контексте решения переселенческого вопроса, а самое главное – достаточно плохо себя показал своим бездействием во время голода 1868 г. На смену П.А. Валуеву пришел А.Е. Тимашев, однако он сразу, практически с ходу подписал циркуляр, который попал в ряды крестьянства, как «ракетой в стадо баранов» (по выражению управляющего Канцелярией МВД Л. С. Макова) [Барыкина, 2015].

Л.С. Маков достаточно критично оценил этот циркуляр в своем письме бывшему министру П.А. Валуеву; так, на его взгляд, само переселение по себе – это процесс, который требует обсуждения, при этом он прекрасно понимает, что есть свободные земли в Оренбургской и Самарской губерниях, и их можно осваивать путем заселения, однако это не главное в этом вопросе, а вот то, что данная ситуация стала известна всем путем публикации данного циркуляра «Северной почтой», вызывала у него определенный скепсис, поскольку он считал, что информация циркуляра должна была остаться только на уровне правительства [Кирияков, 134].

Этот циркуляр отчасти дал определенную надежду крестьянству, что чиновничья бюрократическая машина и государство пересмотрит свое отношение к ним. Постепенное накопление информации в виде писем о начале процесса переселений заставило Министерство внутренних дел принимать более активные действия, направленные на сдерживание миграционной активности со стороны русского населения. В 1868 г. вышел второй циркуляр, в котором было заявлено на уровне Министерства внутренних дел о создании комиссии под председательством кн. А.М. Дондукова-Корсакова для работы с переселенцами [Кирияков, 134].

На четвертом этапе в рассматриваемый период развития переселенческой политики была образована переселенческая комиссия Дондукова-Корсакова (24 июля 1868 г. – 23 января 1869 г.). Этот опыт создания подобных комиссий на примере А.А. Дондукова-Корсакова помог приобрести бесценный опыт по работе с переселенцами [Чернуха, 1982].

В этот период развернулась особенно оживленная дискуссия среди чиновников, которые каким-либо образом имели отношение к переселенческой политике; настроение их

было паническое и окутано страхом перед массовыми переселенческими движениями. П.А. Шувалов в письме от 28 июня 1869 г. прибалтийскому генерал-губернатору П.П. Альбединскому объяснил страх правительства перед массовыми переселениями следующим образом: «Вопрос чрезвычайно трудный... для переселения крестьян в больших размерах у нас не имеется достаточно финансовых и, кажется, даже нравственных сил... главное: весьма опасно показать крестьянам внутренних губерний, что производятся какие-либо переселения под казённой фирмой...» [Валк, 1951].

Комиссия Дондукова-Корсакова не приняла какого-либо закона или циркуляра в сфере переселенческой политики, ограничилась только изданием рекомендаций уже существовавших к этому моменту правил. Новый министр внутренних дел в этот период А.Е. Тимашев предложил новый черновой проект правил переселений, который представил в Главный комитет об устройстве сельского населения [Христофоров, 2011].

Данный документ был переработан и принят, в нем фиксировались подробные правила переселений на все случаи, которые могли быть на практике. Эти правила касались только тех крестьян, которым уже было предоставлено право на переселение, в частности мелкопоместных крестьян, горнозаводских, мастеровых, батраков и бобылей отдельных губерний [Валк, 1951].

Данный список имеющих право на переселение был неполным, при определенном согласии со стороны Министерства внутренних дел и Министерства государственного имущества он мог быть дополнен новыми категориями населения. При этом важно понимать, что данные обстоятельства возникали только в случае особых соображений правительства, которые только на деле могли оказать улучшающее воздействие на хозяйственную деятельность в Сибири [Худяков, 1986].

В дальнейшем Главный комитет сконцентрировал свою деятельность на обустройстве сельского населения, создавал благоприятные условия для улучшения положения переселенцев. Так, например, 28 мая 1870 г. впервые в истории переселенческого дела Комитет утвердил льготы переселенцам [Валк, 1951].

Это был первый шаг в сторону переселенческой политики, носил еще эксклюзивный характер и в большей степени был скорее всего исключением из правила, чем правилом.

Последней этап этого периода в сфере развития переселенческой политики в 1870–1880-е гг. начался после 1878 г. В правительстве был поставлен вопрос пополнения казны, и тут же, практически сразу, решили обратить внимание на крестьян. Поскольку именно русское крестьянство приносило самые существенные доходы в казну, поэтому в этот раз правительство в разных проектах подразумевало раздачу казенных земель, чтобы увеличить количество налогоплательщиков в стране, для этого необходимо было получить согласие сразу двух министров: с одной стороны, Министерства внутренних дел, с другой – Министерства государственного имущества. На этот проект о сдаче казенных земель крестьянам оба министерства выступили против, поскольку продолжали в основном опираться на консервативные круги как в правительстве, так и в обществе [Чернуха, 1982].

В 1879 г. данная тенденция на охранительно-консервативную позицию по отношению к переселенческой политике была подтверждена новым циркуляром министра внутренних дел Л.С. Макова, в котором тот четко фиксировал запрет на переселения. При этом буквально тут же вышел еще один важный документ Министерства государственного имущества, который практически ничем не отличался от подобного документа Министерства внутренних дел [Худяков, 1986].

Одним из первых, кто решил пойти на определенные уступки в вопросе переселенческой политики, стало Министерство государственного имущества, что было совсем не случайно – именно оно практически полностью курировало весь спектр колонизационной политики. П.А. Валуев достаточно скептически относился к попытке первых шагов в сфере колонизационной политики; он считал, что необходимо подойти к вопросу о возмож-

ности переселения крестьян в отдаленные места очень осторожно и, кроме этого, получить первые результаты переселений крестьян для того, чтобы оценить, насколько их возможно в дальнейшем либо возобновить, либо вовсе остановить [Худяков, 1986].

К этому времени среди имперских специалистов в вопросе переселенческой политики наступил определенный консенсус по ряду вопросов. Впервые на уровне правительства за право начать разработку специального закона о переселениях выступил министр финансов Н.Г. Бунге в 1880 г. Во многом это произошло вопреки, а не благодаря. Это означало законодательное оформление закона от 10 июля 1881 г., однако его применение носило временный и секретный характер [Худяков, 1986].

Данный закон применялся только к тем категориям населения, которые засвидетельствовали свою неплатежеспособность, а также должны были получить разрешение на переселение от двух ведомств: Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ. Временные правила от 10 июля 1881 г. были опубликованы лишь в 1889 г. в Полном собрании законов, при этом территориальное действие этого закона расширялось за счет сибирской земли. Проекты по реализации переселенческой политики в этот период не были осуществлены по разным причинам, данный процесс растянулся на долгие десятилетия [Кирьяков, 1902].

В 1886 г. либеральный курс в лице Н.Г. Бунге был свернут, он ушел в отставку, вместе с ним потерпели крах фритредерские идеи. В Европе в этот период произошел процесс осмысления земли не просто как товара, а как «универсального блага», подобно воздуху и воде. В России наоборот рыночные идеи почти все были свернуты в отношении землевладения [Чернуха, 1982].

Таким образом, большинство законов, которые государство выпустило в период 70-х гг. XIX в., отчасти касались переселенческой политики, имели отношение уже к ней как постфактум к переселившимся мигрантам, жившим на новых территориях. Попытка объединить под руководством кохановской комиссии все основные элементы, занимающиеся переселенческим делом, в частности административные учреждения и общественное управление, с целью уменьшения числа чиновников и сокращения формальностей, а также для установления более тесной связи между государственной системой управления и обществом оказалась в этот период безуспешной. В 1881 г. появилось совещание «сведущих лиц из общества», лиц, которые в разной степени были знакомы с проблемами в переселенческом деле. На практике эти два органа – совещание и комиссия – расходились в своих интерпретациях о механизмах работы основных административных структур, занимающихся переселенческой политикой [Русский архив, 1911].

Окончательно эти соображения об объединении вышеуказанных структур завершились в период правления нового министра внутренних дел Д.А. Толстого. Он не считал особо нужным такое объединение, наоборот, полагал, что у государства мало механизмов влияния на местное управление, да и в целом на весь процесс предстоящих преобразований. По мнению Д.А. Толстого, принцип единства должен быть в основе формирования местной власти, а также во всех местных учреждениях, которые, в свою очередь, обязаны сохранять тесную связь с правительством [Барыкина, 2015].

Одно из главных министерств в переселенческой политике – Министерство государственных имуществ – за 1880-е гг. сформировало дополнительные органы, в частности появился переселенческий отряд, в котором действовали переселенческие конторы. В Омске 20 декабря 1883 г. появилось учреждение, которое аккумулировало в себе систему управления сразу нескольких областей, а в 1893 г. было разделено на три новых государственных органа [Московские ведомости, 1883].

Создание этой структуры управления позволяло государству выполнять определенный набор функций в развитии переселенческой политики: анализировать природно-географические и природно-климатические условия водворения, структурировать и описывать местные особенности сибирских пространств.

По существу, именно в период 80-х гг. XIX в. государство впервые в своей истории приступило к реализации переселенческого проекта на новом концептуальном уровне. Данная тенденция сразу же нашла свое отражение на уровне законодательства Российской империи, что проявилось в выходе целого ряда новых правовых документов, регламентирующих на официальном уровне все тот же набор форм и видов государственной поддержки.

Таким образом, анализируя характеристику переселенческой политики в контексте дискурса имперских проектов, мы видим, что вся основная система мер, управленческая структура шли со стороны государства, имперские проекты во многом изначально выстраивались на консервативно-охранительном отношении. Однако под напором внутренних факторов они не сдержали свои позиции и были вынуждены идти в сторону послабления, но при этом сохраняли свой консервативный курс.

С приходом новых людей в правительство в конце XIX вв. кардинально изменилось положение дел в организации переселенческой политики, последним консервативным форпостом оставалось Министерство внутренних дел, которое настаивало на более жестком процессе контроля и регулирования переселений. Однако, несмотря на сдвиг в либеральную сторону в решении переселенческого вопроса, курс на осторожную, чересчур выверенную политику оставался, особенно это проявилось в финансовой помощи переселенцам, которой было недостаточно.

Заключение

Основными причинами активизации переселенческой политики во второй половине XIX в. стала острая проблема малоземелья, а также резкий демографический рост населения страны, который окончательно обострил аграрный вопрос. Государственная политика от 60-х гг. до 80-х гг. XIX в. в рамках имперского проекта во многом эволюционировала, особенно от первоначальных целей и задач. Ее можно свести к следующим положениям: 1) с течением времени под давлением разных внутренних факторов государство смогло выработать адекватную систему управления, мер и сотрудничества с крестьянством как с основным субъектом колонизации в переселенческой политике; 2) государство интегрировало разные структуры управления для реализации мер в рамках переселенческой политики; 3) государственная политика всегда была направлена на качественный эффект от переселенческой политики, а не количественный, поэтому по-особенному относилась к процессу контроля потоков мигрантов в Сибирь; 4) несмотря на выстроенную вертикаль управления переселенческим делом, этой системе не хватало координационного взаимодействия; 5) новый тип интеграции власти и общества, государства и крестьянства был реализован в рамках переселенческой политики в Сибирь; 6) произошло объединение в рамках имперского проекта сообщества экспертов разного уровня и государства по проблемам реализации переселенческой политики; 7) в рамках формирования местных государственных структур для оказания помощи переселенцам правительство впервые продемонстрировало правовую гибкость в построении законодательства и решении поставленных задач.

Таким образом, государство выстроило вертикаль управления переселенческой политикой, однако при этом сохранило в своих руках основные механизмы и инструменты по ее управлению. Правительство практически до конца сохранило консервативный курс выстроенной системы, только более мелкие задачи решались либеральными методами. Имперский проект именно в рамках формирования технического инструментария соединил в себе внутреннюю и внешнеполитическую задачу. Правительство продолжало действовать рационально в реализации переселенческой политики, реагируя на те или иные проблемы постепенно и действуя поступательно.

Список литературы

1. Барыкина И.Е. 2015. Переселенческий вопрос и правительственная политика 1860–70-х гг. в работах В.Г. Чернухи. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2 (32): 162.
2. Бродель Ф. 1992. Время мира. Москва, Изд-во Прогресс, 681.
3. Валк С.Н. 1951. Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х гг. История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856–1894). Ч. 1. Социально-экономическая и политическая история. Материалы к обсуждению. Москва, Изд-ва Акад. наук СССР, 927.
4. Вельяминов Н.А. 1994. Воспоминание об императоре Александре III. Российский архив. Москва, Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, Вып. V. 234.
5. Венюков М.И. 1877. Россия и Восток: собрание географических и политических статей. Санкт-Петербург, тип. В. Безобразова и К°, 297.
6. Гинс Г.К. 1913. Переселение и колонизация. Санкт-Петербург, типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Вып. 2. 349.
7. Из записок сенатора К.Н. Лебедева. 1911. Русский архив. Москва, Синодальная типография. 10. 672.
8. Кирьяков В.В. 1902. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири). Москва, тип. лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 374.
9. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1902. 1802–1902. Санкт-Петербург, Издательство: Тип. Министерства внутренних дел, 372.
10. Московские ведомости. 1881. 17 мая: 9–14.
11. Политико-экономический комитет при Императорском Русском географическом обществе (собрание 1 апр. 1861 г.). Век. 1861. Москва, изд-во Проспект, 22: 12–34.
12. Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.). ГАРФ. Ф. Р-5881 (коллекция отдельных документов белоэмигрантов). Оп. 2. Д. 598. Л. 113.
13. Современная летопись: Гонение на православие в России. Русский вестник. 1883. Санкт-Петербург, Изд-во Унив. тип. (М. Катков), Т. 164: 34–36.
14. Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. 1906. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. Санкт-Петербург, Изд-во Электротип. Н.Я. Стойковой, Вып. 18. 141.
15. Чернуха В.Г. 1982. Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния. 1861–1882 гг. Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград, Академия наук СССР. Т. 13: 14.
16. Христофоров И.А. 2011. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). Москва, Собрание, 381.
17. Худяков В.Н. 1986. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Под ред. Л.М. Горюшкина; Омский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. Томск, Изд-во Том. ун-та, 263.
18. Эткин А. 2016. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва, Новое литературное обозрение. 448.

References

1. Barykina I.Ye. 2015. Rasseleniye i gosudarstvennaya politika 1860–70-kh godov v rabotah V.G. Chernuhi [Resettlement and state policy of the 1860s – 70s in the works of V.G. Chernukha]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]. 2 (32): 162 (in Russian).
2. Braudel F. 1992. Vremya mira [Time of the world]. Moscow, Progress Publishing House, 681 (in Russian).
3. Valk S.N. 1951. Vnutrennyaya politika tsarizma v 80-kh – nachale 90-kh gg. Istoriya SSSR. Rossiya v period pobedy i utverzheniya kapitalizma (1856–1894). Chast' 1 [Internal policy of tsarism in the 80s and early 90s History of the USSR. Russia in the period of the victory and establishment of capitalism (1856–1894). Part 1]. Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya. Materialy k obsuzhdeniyu [Socio-economic and political history. Materials for discussion]. Publishing house Acad. Moscow, of Sciences of the USSR, 927 (in Russian).

4. Velyaminov N.A. 1994. Vospominaniya ob imperatore Aleksandre III [Memories of Emperor Alexander III]. Rossiyskiy arkhiv [Russian archive]. Moscow, Studio TRITE: Ros. Archive. V. 234 (in Russian).
5. Venyukov M.I. 1877. Rossiya i Vostok: sbornik geograficheskikh i politicheskikh statey [Russia and the East: Collection of Geographical and Political Articles]. St. Petersburg, a type. V. Bezobrazova and K°. 297 (in Russian).
6. Hins G.K. 1913. Pereseleniye i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. St. Petersburg, the printing house of F. Weisberg and P. Gershunin, 2. 349 (in Russian).
7. Iz zapisok senatora K.N. Lebedeva [From the notes of Senator K.N. Lebedev]. 1911. Rossiyskiy arkhiv [Russian archive]. Moscow, Synodal Printing House. 10. 672 (in Russian).
8. Kiryakov V.V. 1902. Ocherki istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibiri (v svyazi s istoriyey rasseleniya Sibiri) [Essays on the history of the resettlement movement in Siberia (inconnection with the history of the settlement of Siberia)]. Moscow, typ. lit. t-va I.N. Kushnerev and Co, 374 (in Russian).
9. Ministerstvo vnutrennikh del. Istoricheskiy ocherk. 1902. 1802–1902 [Ministry of the Interior. Historical sketch]. St. Petersburg, Type. Ministry of Internal Affairs, 372 (in Russian).
10. Moskovskiye vedomosti [Moskovskie vedomosti]. 1881. Moscow, Newspaper. 17 May: 9–14 (in Russian).
11. Politiko-ekonomicheskiy komitet Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (zasedaniye 1 aprelya 1861 g.) Vek. 1861 [Political and Economic Committee of the Imperial Russian Geographical Society (meeting April 1, 1861)]. Moscow, publishing house Prospect, 22: 12–34 (in Russian).
12. Romanov V.F. Ofitser starogo rezhima (iz lichnykh vospominaniy ot shkoly do emigratsii. 1874–1920) [Old-regime official (from personal memoirs from school to emigration. 1874–1920)]. GARF. F. R-5881 (collection of individual documents of White emigrants). Op. 2. D. 598: 113 (in Russian).
13. Sovremennaya letopis': goneniya na Pravoslaviye v Rossii. Rossiyskiy vestnik. 1883. [Modern Chronicle: Persecution of Orthodoxy in Russia. Russian Bulletin]. St. Petersburg, Univ. a type. (M. Katkov), T. 164: 34–36 (in Russian).
14. Stavrovsky Ya.F., Alekseev V.V. 1906. Pereseleniye v Sibir'. Pryamoye i obratnoye peremeshcheniye migrantov, semey, odinokikh, na rabotu i peshekhodov [Resettlement to Siberia. Direct and reverse movement of migrants, family, single, for work and walkers]. St. Petersburg, Electrotype. N. Ya. Stoikova, Vol. 18. 141 (in Russian).
15. Chernukha V.G. 1982. Iz istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy: Glavnyy komitet po ustroystvu sel'skogo gosudarstva. 1861–1882 gg. Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny [From the history of state institutions: The main committee on the structure of the rural state. 1861–1882 auxiliary historical disciplines]. Leningrad, of the USSR Academy of Sciences. T. 13: 14 (in Russian).
16. Khristoforov I.A. 2011. Sud'ba reformy. Russkoye krest'yanstvo v gosudarstvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-ye gg.) [The fate of the reform. The Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s)]. Moscow, meeting, 381 (in Russian).
17. Khudyakov V.N. 1986. Agrarnaya politika tsarizma v Sibiri v poreformennyy period [Agrarian policy of tsarism in Siberia in the post-reform period. Ed. L.M. Goryushkina]; Omsk state ped. in-t them. A.M. Gorky. Tomsk, Publishing house of Vol. un-that, 263 (in Russian).
18. Etkind A. 2016. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperatorskiy opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow, New literary review, 448 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Попов Евгений Викторович, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и правоведения Филиала Омского государственного педагогического университета в г. Тара, Россия

Evgeny V. Popov, senior Lecturer of the Department of Humanities and Law of the Branch of the Omsk State Pedagogical University in Tara, Russia

УДК 94(47).043

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-405-414

Особенности формирования земельного рынка в губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов в 1860–1890-е годы

Громова В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Gromvv@mail.ru

Аннотация. После крестьянской реформы 1861 года появились предпосылки для развития земельного рынка, поскольку постепенно стали сниматься сословные ограничения для свободного перехода земли в собственность других сословий. В статье рассматриваются особенности земельных рынков в губерниях Центрально-Черноземного и Центрально-Промышленного районов в 60–90-е годы XIX века. На основе данных материалов по статистике движения землевладения в России проведен анализ формирования земельного рынка по каждой губернии указанных районов за период с 1863 по 1892 годы. В основу анализа были положены цены на землю. По пятилетиям рассмотрена динамика земельных цен в целом Европейской России и в частности в двух центральных районах. В зависимости от уровня земельных цен, губернии каждого из районов были разделены на две группы – губернии с высокими и низкими ценами на землю. В каждой группе губерний были рассмотрены основные показатели земельного рынка: количество сделок по купле-продаже земли, ее стоимость, количество проданных десятин. Путем вычисления были рассчитаны средние цены на землю и среднее количество земли, приходящиеся на одну сделку. Эти данные позволили определить степень влияния земельных цен на особенности развития внутригубернских земельных рынков в двух центральных районах.

Ключевые слова: земельный рынок, цена, рубли, десятина, сделка, губерния, пятилетие, динамика, показатели, территория.

Для цитирования: Громова В.В. 2021. Особенности формирования земельного рынка в губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов в 1860–1890-е годы. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 405–414. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-405-414.

Formation features of the land market in the Central Industrial Region and the Central Chernozem Region from the 1860's to the 1890's

Victoriya V. Gromova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Gromvv@mail.ru

Abstract. After the Emancipation Reform of 1861 preconditions of the land market development had come about as restrictions on inter-caste land redistribution had been removed by and by. The article is dedicated to the features of the land market in the Central Chernozem Region and the Central Industrial Region from the 1860's to the 1890's. Due to the land trading statistics an analysis of the formation of the land market of each province of mentioned regions was undertaken. The analysis captures the period between 1863 and 1892. It is based on land prices. Land prices trends in five year periods were considered in the whole European Russia and in two Central provinces privately. Depending on the level of land prices, provinces of each region were divided into two groups – 1) provinces with high land prices, and 2) provinces with low ones. Main indicators of each group were identified: such as amount of

transactions in land, land prices, amount of sold dessiatinas. Average land prices and amount of land allocated to one deal were distinguished by calculating. This data revealed the impact of the land prices on development features of provincial land markets in two Central regions.

Key words: land market, price, ruble, dessiatina, transaction, province, five year period, trends, indicators, territory.

For citation: Gromova V.V. 2021. Formation features of the land market in the Central Industrial Region and the Central Chernozem Region from the 1860's to the 1890's. Via in tempore. History and political science, 48 (2): 405–414 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-405-414.

Введение

Земельный рынок является одним из ключевых компонентов единого аграрного рынка, степень развития которого характеризует развитие капитализма в России во второй половине XIX века. Важнейшей стороной в развитии любого товарного рынка является динамика цен [Ковальченко, Милов, 1974]. Посредством анализа земельных цен в Центрально-Промышленном и Центрально-Черноземном районах можно проследить развитие земельного рынка в 60-х – 90-х годах XIX века и выявить его особенности в зависимости от локализации.

Центрально-Промышленный район включает 8 губерний: Московскую, Владимирскую, Калужскую, Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Нижегородскую, Смоленскую. Центрально-Черноземный район – 10 губерний: Воронежскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую, Казанскую, Пензенскую, Саратовскую и Симбирскую.

Территория восьми губерний Центрально-Промышленного района составляла 37 млн дес. На десять губерний Центрально-Черноземного района приходилось 48,9 млн дес. [Островский, 2013, с. 25].

К сожалению, в распоряжении исследователей не имеется обобщенных данных о стоимости земли по угодьям за период с 1863 по 1892 годов. Вместе с тем стоимость земли, реализуемой в один и тот же год, в одной и той же губернии может существенно различаться в зависимости от ее категории (пашня, луг, сенокос, лес и пр.).

Например, в Воронежских губернских ведомостях за 1863 год можно увидеть следующие объявления о совершении купчих крепостей в Воронежской губернии и одноименном уезде губернии: жена купца Кудинова А.И. продала жене губернского секретаря Епсихеевой А.И. 4 десятины 10 сажень незаселенной земли с лесом за 400 рублей серебром. Почетные граждане Аврамовы Алексей и Николай продали купцу Ляпину Н.И. лесную рощу с земляными угодьями в размере 497 десятин за 10 тыс. руб. серебром. Дворянка Воронкова Р.В. продала жене купца Сафоновой М.Т. 7 дес. распахной земли за 300 руб. серебром [Воронежские губернские ведомости, 1863, с. 278–358]. В первом случае десятина земли стоила около 100 руб., во втором – 20 руб., в третьем – 43 рубля.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи является земельный рынок Европейской России во второй половине XIX века на примере губерний Центрально-Промышленного и Центрально-Черноземного районов.

С помощью историко-статистического метода были обработаны имеющиеся в материалах обширные данные по статистике землевладения в России и определен ряд показателей земельного рынка:

1) количество сделок по купле-продаже, стоимость земли, количество десятин. Данные показатели рассчитаны путем сложения за тридцатилетний период с 1863 по 1892 гг.;

2) средние цены на землю и среднее количество земли, приходящиеся на одну сделку. Данные показатели были рассчитаны путем среднеарифметического вычисления

за тридцатилетний период с 1863 по 1892 гг. и, в частности, за два пятилетних периода с 1863 по 1867 гг. и с 1887 по 1892 гг.

Анализ вышеприведенных показателей позволил выявить и исследовать динамику развития земельных рынков в двух центральных районах.

Результаты и их обсуждение

Динамика цен показывает следующие особенности развития земельного рынка Европейской России во второй половине XIX века.

В среднем в 45 губерниях Европейской России с 1863 по 1892 годы по пятилетиям цена за десятину земли составляла: с 1863 по 1867 гг. – 14,73 руб., с 1868 по 1872 гг. – 20,44 руб., или на 39 % больше, чем в предыдущем пятилетии [Материалы по статистике..., 1907].

С 1873 по 1877 гг. цены на землю снизились на 4 % – до 19,44 руб. за десятину. Это связано со снижением цен на землю в отдельных губерниях нечерноземной полосы. Например, в Калужской губернии за указанные пятилетия цена на землю снизилась на 21 % (с 24,35 до 19,13 руб. за дес.), в Нижегородской губернии – на 13 % (с 27,02 до 23,54 за десятину земли) [Материалы по статистике..., 1907]. Трудно сказать, чем это было вызвано. Возможно, изменился состав угодий [Ковальченко, Милов, 1974, с. 257].

В черноземных губерниях в это время цены на землю продолжали расти. С 1873 года цены стали расти повсеместно. С 1873 по 1877 гг. цена земли увеличилась на 15 % – до 22,29 руб., а с 1883 по 1887 гг. – на 40 % (до 31,11 руб.), с 1888 по 1892 гг. – на 29 % (до 40,27 руб. за дес.) [Материалы по статистике..., 1907].

Губернии Центрально-Черноземного района отличались от других губерний Европейской России высокими ценами на землю. С 1863 по 1882 гг. в Центрально-Черноземном районе земля была самой дорогой по стоимости в Европейской России. С 1863 по 1872 гг. десятина земли в районе в среднем стоила 31,28 руб., с 1873 по 1882 гг. – в 1,4 раза больше – 45,22 рубля за десятину. С 1883 по 1892 гг. цены на землю в районе выросли еще в 1,4 раза – до 64,27 руб. за дес. Этот район стал на втором месте по уровню земельных цен после Малороссийских губерний (Полтавской, Харьковской, Черниговской), где земля в этот период времени продавалась по 70,62 рубля за десятину [Материалы по статистике..., 1907].

По среднему уровню цен на землю, рассчитанному за тридцатилетний период с 1863 по 1892 гг., губернии района условно можно разделить на две группы. Первая группа – губернии с высокими ценами на землю – от 46 до 67 рублей за десятину. В эту группу входили губернии Черноземного Центра: Курская, Тульская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Рязанская. Вторая группа – губернии с более низкой стоимостью земли – от 33 до 42 руб. за десятину. В нее вошли восточные губернии района: Саратовская, Пензенская, Симбирская, Казанская [Материалы по статистике..., 1907].

Указанные группы губерний различались не только стоимостью земли, но и количеством сделок, а также средними размерами проданных и купленных участков.

Рассмотрим группу губерний с высокими ценами на землю. Эти губернии существенно различались средними размерами участков на земельном рынке. В каждой губернии этой группы имелись свои особенности земельного рынка. Из всех губерний выделялись Курская и Воронежская губернии.

В Курской губернии было совершено 42 570 сделок по купле-продаже земли – в два раза больше, чем в большинстве других губерний данной группы, а средние размеры проданных землевладений были значительно меньше. На одну сделку купли-продажи приходилось 24 десятины. Эта губерния отличалась самыми высокими ценами на землю в Центрально-Черноземном районе. Средняя стоимость десятины земли за тридцатилетний период с 1863 по 1892 гг. составила 67 рублей (см. табл. 1).

К 1861 году в Курской губернии из 5 323 дворянских имений 4 652 имений (87 %) были мелкопоместными – от 1 до 100 душ. После реформы 1861 года мелкие и часть средних помещиков оказались неспособны выгодно вести собственное хозяйство и распродали свои земли крупным владельцам – купцам, частью – крестьянам [Дружинин, 1978, с. 230]. К 1884 году в губернии имелись крупные купеческие землевладения свыше 1 000 дес. Например: в Дмитриевском уезде губернии купцу Храмченко П.С. принадлежало 1 009 дес.⁹, купцу Минаеву М.П. – 1 904 дес.¹⁰ В Фатежском уезде купцам Сыромятниковым принадлежало 1 873 дес.¹¹ С 1863 по 1884 гг. в губернии были примеры сокращения крупных дворянских землевладений. Так, до проведения реформы по отмене крепостного права в Рыльском уезде князю В.И. Барятинскому (вместе с крестьянскими землями) принадлежало 30 373 десятины [Материалы редакционных комиссий..., 1860, с. 42–43]. В Новооскольском уезде землевладения князей Трубецких составляли 21 079 десятины [Материалы редакционных комиссий..., с. 30–31]. К 1884 году в соответствующих уездах во владении фамилии князей Барятинских осталось 16 179 дес.¹², князей Трубецких – 5 340 дес.¹³

Таблица 1
Table 1

Основные показатели земельного рынка губерний Центрально-Черноземного района с 1863 по 1892 годы [Материалы по статистике..., 1907. Табл. I–IV]
 The main indicators of the land market in the Central Chernozem region from 1863 to 1892

Губернии	Сделки	Кол-во тыс. дес.	Стоимость земли (тыс. руб.)	Среднее кол-во земли на 1 сделку (дес.)			Средняя цена 1 дес. (руб.)		
				1863–1867	1887–1892	1863–1892	1863–1867	1887–1892	1863–1892
Курская	42 570	1 001	66 811	40	22	24	30	103	67
Рязанская	19 479	1 481	67 540	68	62	76	29	72	46
Орловская	16 989	1 026	50 298	59	34	60	31	82	49
Тульская	12 438	1 106	66 155	97	76	89	32	91	60
Тамбовская	11 435	1 502	83 335	144	123	131	28	73	55
Воронежская	8 143	1 074	59 162	99	73	132	35	83	55

В Воронежской губернии было совершено наименьшее количество сделок по купле-продаже земли из всех губерний данной группы – 8 143 сделок, а средние размеры проданных участков были самыми большими. На одну сделку приходилось 132 дес. Средняя стоимость десятины земли составляла 55 руб. – на 18 % меньше, чем в Курской губернии.

В Тамбовской губернии было совершено 11 435 сделок по купле-продаже земли, немного больше, чем в Воронежской губернии. При этом средние размеры участков и стоимость земли на рынке были практически одинаковыми.

Тульская губерния по стоимости земли была на втором месте после Курской губернии. Средняя стоимость десятины земли в этой губернии составляла 60 рублей – на 10 % ниже, чем в Курской губернии. Число сделок купли-продажи и количество земли, приходящиеся на одну сделку, соответствовало средним значениям данной группы. В этой

⁹ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же. Д. 96. Л. 7. об.

¹² ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 2–16.

¹³ Там же. Д. 89. Л. 13.

губернии было совершено 12 438 сделок по купле-продаже земли. На одну сделку купли-продажи приходилось 89 дес. земли.

В Рязанской и Орловской губерниях цены были ниже, чем в остальных губерниях данной группы – 46 и 49 рублей за десятину соответственно. В Рязанской губернии было совершено 19 479 сделок по купле-продаже земли, в Орловской – 16 989 сделок. На одну сделку приходилось 76 и 60 дес. земли соответственно.

Сравнение первого и последнего пятилетий рассматриваемого тридцатилетнего периода показывает следующее.

Среднее количество земли, приходящееся на одну сделку, уменьшилось во всех губерниях данной группы. В Курской и Орловской губерниях это уменьшение составляло более 40 % (до 22 и 34 дес.), в Тульской и Воронежской – 20–26 % (до 76 дес. и 73 дес.), в Тамбовской – 15 % (до 123 дес.) и в Рязанской – 9 % (до 72 дес.).

Стоимость земли увеличилась во всех губерниях группы. Самый большой рост цен был в Курской губернии, где стоимость земли выросла в 3,4 раза – с 30 руб. за дес. до 103 руб. за дес. В остальных губерниях района цены выросли в 2,4–2,8 раза.

Рассмотрим особенности земельного рынка группы губерний с низкими ценами на землю с 1863 по 1892 годы.

В Саратовской, Пензенской и Симбирской губерниях было совершено практически одинаковое количество сделок по купле-продаже земли – по 6,8 тыс. в каждой. В Казанской губернии было совершено в два раза меньше сделок, чем в первых трех – 3,1 тыс. сделок (см. табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Основные показатели земельного рынка губерний Центрально-Черноземного района
с 1863 по 1892 годы [Материалы по статистике..., 1907. Табл. I–IV]
The main indicators of the land market in the Central Chernozem region from 1863 to 1892

Губернии	Сделки	Кол-во тыс. дес.	Стоимость земли (тыс. руб.)	Среднее кол-во земли на 1 сделку (дес.)			Средняя цена 1 дес. (руб.)		
				1863–1867	1887–1892	1863–1892	1863–1867	1887–1892	1863–1892
Саратовская	6 895	1 969	70 116	252	249	286	23	48	36
Пензенская	6 847	1 058	44 758	120	129	155	22	56	42
Симбирская	6 812	1 122	38 198	259	113	165	23	50	34
Казанская	3 194	576	19 103	285	159	180	19	44	33

В Саратовской губернии земля продавалась самыми крупными участками в районе. На одну сделку приходилось 286 дес. земли. В Пензенской губернии были самые высокие цены на землю (56 руб.), а среднее количество земли, приходящееся на одну сделку, было меньше (155 дес.), чем в других губерниях группы.

Для того чтобы увидеть изменение цен и средних размеров продаваемых участков за тридцатилетний период с 1863 по 1892 гг., сравним средние значения за первое (с 1863 по 1867 гг.) и последнее (с 1887 по 1892 гг.) пятилетия.

В 1887–1892 годах по сравнению с 1863–1867 годами в Симбирской и Казанской губерниях среднее количество земли, приходящейся на одну сделку, уменьшилось в два раза. В Пензенской губернии – увеличилось на 7 %, а в Саратовской практически не изменилось. Стоимость земли за указанные пятилетия во всех четырех губерниях выросла в 2–2,5 раза.

В Центрально-Промышленном районе на протяжении рассматриваемого тридцатилетнего периода с 1863 по 1892 годы стоимость земли была практически в 1,3–2 раза выше, чем в других районах нечерноземной полосы, но в 1,8–2,5 раза ниже, чем в Центрально-Черноземном районе. Например, с 1863 по 1872 годы средняя стоимость десятины зем-

ли в Центрально-Промышленном районе составляла 17,07 рублей, в Северном – 6,93 руб., в Западном – 11,68 рублей. В Центрально-Черноземном районе в этот период времени земля стоила 31,29 рублей за дес. С 1882 по 1892 годы средняя стоимость десятины земли была следующей: в Центрально-Промышленном районе – 26,46 руб., в Северном и Западном – 13,42 руб. и 19,47 руб., а в Центрально-Черноземном районе – 64,27 рублей [Материалы по статистике..., 1907].

Рассмотрим особенности земельных рынков губерний Центрально-Промышленного района, основываясь на приведенных выше показателях.

В отличие от губерний Центрально-Черноземного района, губернии Центрально-Промышленного района более существенно различались между собой по стоимости земли. Взаимосвязи между стоимостью земли, количеством сделок по купле-продаже и средними размерами продаваемых участков в губерниях Центрально-Промышленного района не прослеживается.

Губернии Центрально-Промышленного района, как и губернии Центрально-Черноземного района, по стоимости земли можно разделить на две группы. Губернии с низкими ценами на землю – Костромская, Смоленская, Ярославская и Тверская. Губернии с высокими ценами на землю – Владимирская, Нижегородская, Калужская и Московская (см. табл. 3).

Таблица 3
Table 3

Основные показатели земельного рынка губерний Центрально-Промышленного района с 1863 по 1892 годы [Материалы по статистике..., 1907. Табл. I–IV].

The main indicators of the land market in the Central Industrial region from 1863 to 1892

Губернии	Сделки	Кол-во тыс. дес.	Стоимость земли (тыс. руб.)	Среднее кол-во земли на 1 сделку (дес.)			Средняя цена 1 дес. (руб.)		
				1863–1867	1887–1892	1863–1892	1863–1867	1887–1892	1863–1892
Тверская	25 040	2 166	38 040	83	64	87	14	26	18
Ярославская	18 583	1 064	18 871	63	51	57	18	23	18
Смоленская	16 594	3 233	47 292	131	168	195	10	22	15
Костромская	15 385	2 721	24 346	183	139	177	8	10	9
Владимирская	14 073	1 614	40 002	153	74	115	17	41	25
Московская	10 083	1 207	69 825	133	96	120	37	88	58
Калужская	9 630	1 119	30 473	103	98	116	23	38	27
Нижегородская	8 150	1 098	28 599	139	174	135	20	25	26

Особенности губерний с низкими ценами на землю заключались в следующем.

В Тверской и Ярославской губерниях было совершено самое большое количество сделок по купле-продаже земли в районе – 25 тыс. и 18,5 тыс. сделок. Десятина земли в этих губерниях в среднем стоила 18 рублей. Среднее количество земли, приходящейся на одну сделку, составляло 87 дес. и 57 дес. соответственно.

В Смоленской и Костромской губерниях земля продавалась самыми крупными участками в районе. На одну сделку купли-продажи приходилось 195 дес. и 177 дес. В этих губерниях было совершено соответственно 16,5 тыс. и 15,3 тыс. сделок купли-продажи земли, что было немного выше среднего по району (14,6 тыс. сделок). В Смоленской губернии средняя стоимость земли составляла 15 руб. за дес. В Костромской губернии земля стоила дешевле почти в два раза – 9 руб. за десятину.

Губернии района с высокими ценами на землю были более однородны по рассматриваемым показателям.

Во Владимирской и Нижегородской губерниях средняя стоимость земли составляла 26 рублей за десятину. В Калужской – 27 рублей. В Нижегородской и Калужской губерниях было совершено минимальное количество сделок по купле-продаже земли в районе – 8,1 тыс. и 9,6 тыс. сделок. Во Владимирской количество сделок почти в два раза больше – 14 тыс. сделок. Среднее количество земли, приходящееся на одну сделку, в этих губерниях было следующим: в Нижегородской – 135 дес., в Калужской – 116 дес., во Владимирской – 115 дес.

Московская губерния отличалась от остальных губерний района самыми высокими ценами на землю. Средняя стоимость десятины земли в губернии составляла 58 рублей. Количество сделок по купле-продаже земли было немного ниже среднего – 10 тыс. сделок. На одну сделку приходилось 120 дес.

Сравнение средних значений за первое (с 1863 по 1867 гг.) и последнее (с 1887 по 1892 гг.) пятилетия рассматриваемого тридцатилетнего периода (с 1863 по 1892 гг.) показывает следующие изменения.

В Нижегородской и Смоленской губерниях среднее количество земли, приходящееся на одну сделку купли-продажи, увеличилось на 25 % и 28 % (до 174 дес. и 168 дес. соответственно). Во всех остальных губерниях района – уменьшилось. В Тверской, Ярославской, Костромской и Московской губерниях – на 19–28 %. Во Владимирской – на 5 %.

Во всех губерниях района цены на землю выросли, но этот рост был не одинаковым. Самый большой рост цен на землю наблюдался в Московской и Владимирской губерниях. В этих губерниях цены выросли в 2,4 раза. В Тверской и Смоленской – в 1,9–2,2 раза. В Калужской – в 1,6 раза. В Ярославской и Нижегородской в 1,3 раза. Самый маленький рост цен был в Костромской губернии – стоимость земли увеличилась в 1,2 раза.

Заключение

Приведенные данные по губерниям Центрально-Черноземного района показывают следующее.

Из всех губерний с высокими ценами на землю особенно выделялась Курская губерния. В ней совершалось в 2–3 раза больше сделок, чем в остальных губерниях. Земля в ней стоила дороже, а средний размер участка земли на земельном рынке был значительно меньше. Воронежская и Тамбовская губернии отличались от остальных губерний тем, что в них было совершено наименьшее количество сделок по купле-продаже земли, но земля продавалась самыми крупными участками. При этом стоимость земли была средней в данной группе. Тульская губерния была на втором месте по стоимости земли после Курской губернии. В Рязанской и Орловской губерниях земля стоила дешевле, чем в остальных губерниях рассматриваемой группы. В губерниях района с низкими ценами на землю, в отличие от губерний с высокими ценами, совершалось меньше сделок купли-продажи земли, а среднее количество земли, приходящееся на одну сделку, было выше.

В губерниях Центрально-Промышленного района имелись свои особенности.

Больше всего сделок по купле-продаже земли было совершено в Тверской и Ярославской губерниях. В этих губерниях земля продавалась самыми мелкими участками в районе. В Смоленской и Костромской земля продавалась самыми крупными участками. Костромская губерния отличалась самой низкой стоимостью земли в районе.

В Нижегородской и Калужской губерниях было совершено наименьшее количество сделок в районе. В этих губерниях, а также во Владимирской губернии земля стоила практически одинаково. Во Владимирской губернии было совершено больше сделок, чем в первых двух губерниях.

Московская губерния отличалась самыми высокими ценами на землю в районе. Все остальные рассматриваемые показатели в этой губернии были средними по району.

Таким образом, губернии Центрально-Промышленного района по среднему количеству земли, приходящейся на одну сделку, ценам на землю и их изменениям существенно различались.

В течение рассматриваемого тридцатилетнего периода с 1863 по 1892 гг. в губерниях Центрально-Черноземного района между количеством сделок, стоимостью земли и средними размерами проданных участков прослеживалась определенная взаимосвязь. Так, в восточных губерниях района цены на землю были ниже, количество сделок по купле-продаже земли меньше, а средние размеры проданных участков – больше. Курская губерния отличалась наибольшим количеством сделок в районе и самой дорогой по стоимости землей в районе. Среднее количество земли, приходящейся на одну сделку, в Тамбовской и Воронежской губерниях было практически одинаково, в Орловской губернии соответствовало Рязанской. Земельный рынок Тульской губернии занимал среднее место по рассмотренным показателям, и только стоимость земли в губернии была немного выше среднего. Разница в стоимости земли в губерниях Центрально-Черноземного района была менее значительна, чем в губерниях Центрально-Промышленного района.

Губернии Центрально-Промышленного района по приведенным показателям существенно различались. Например, в Московской, Владимирской и Костромской губерниях цены различались более чем в три раза. В Ярославской и граничащей с ней Костромской губерниях стоимость земли различалась в два раза, а средние размеры проданных участков – в три раза.

Таким образом, в течение рассматриваемого тридцатилетнего периода с 1863 по 1892 гг. в губерниях Центрально-Черноземного района тенденции на земельных рынках были более однородны, чем в губерниях Центрально-Промышленного района.

Список литературы

1. Анфимов. А.М. 1969. Крупное помещичье хозяйство европейской России (конец XIX – начало XX в.). АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва, Наука, 394.
2. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Под ред. генерал-майора Н.Н. Обручева. Санкт-Петербург, 1871.
3. Воронежские губернские ведомости № 1. Часть официальная. 1863.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 85, 89, 92, 96.
5. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880. 1978. Москва, Наука, 136.
6. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. 1974. Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. Москва, Наука, 399.
7. Корелин А.П. 1879. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Москва, Наука, 304.
8. Литвак Б.Г. 1991. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861–1895 гг. Москва, Издательство политической литературы, 93.
9. Литуев В.Н. 1997. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. Москва, Калита, 148.
10. Лященко П.И. 1901. Очерки аграрной эволюции. Санкт-Петербург, б. м., 446.
11. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. IV: Свод данных о купле-продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие с 1863 по 1892 гг. Под ред. А.Е. Рейнбота. Санкт-Петербург, Тип. Киршбаума, 1901.
12. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII.: Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие. 1863–1902 гг. Под ред. А.Е. Рейнбота. Санкт-Петербург, Тип. Киршбаума, 1907.
13. Материалы редакционных комиссий по крестьянскому делу. Санкт-Петербург, 1860. Т. 1. 1027.
14. Островский А.В. 2013. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. Санкт-Петербург, 418.
15. Проскурякова Н.А. 1973. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX вв. История СССР. 1: 55–75.

16. Святловский В.В. 1911. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). Санкт-Петербург, Книгоиздательство «Начало», 116.
17. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. Санкт-Петербург, 1880.
18. Статистика землевладения. Воронежская губерния. Вып. V. Санкт-Петербург, ЦСК МВД, 1905.
19. Статистика землевладения. Курская губерния. Вып. XXXVII. Санкт-Петербург, ЦСК МВД, 1906.
20. Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 10. Санкт-Петербург, ЦСК МВД, 1886.
21. Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. Санкт-Петербург, 1897.

References

1. Anfimov A.M. 1969. Krupnoe pomeshhich'e hozjajstvo evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX v.) [Large-scale estates of European Russia (the late 19th century – early 20th)]. AN SSSR. In-t istorii SSSR. Moscow, Nauka, 394 (in Russian).
2. Voenno-statisticheskij sbornik. Vyp. IV [Military Statistics, ed. 4]. Pod red. general-majora N.N. Obrucheva. St. Petersburg, 1871 (in Russian).
3. Voronezhskie gubernskie vedomosti № 1. Chast' oficial'naja. 1863 [Voronezh provincial statements N 1. Official part. 1863] (in Russian).
4. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO) [State Archives of the Kursk Region (SAKR)]. F. 4. Op. 1. D. 85, 89, 92, 96.
5. Druzhinin N.M. Russkaja derevnja na perelome 1861–1880. 1978 [Russian village at the crossroads]. Moscow, Nauka. 136 (in Russian).
6. Koval'chenko I.D., Milov L.V. 1974. Vserossijskij agrarnyj rynek, XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvennogo analiza [All-Russian agrarian market, 18 – early 20th century. Quantitative analysis attempt]. Moscow, Nauka, 399 (in Russian).
7. Korelin A.P. 1879. Dvorjanstvo v poreformennoj Rossii 1861–1904 gg. [Landed gentry in post-reform Russia (1861–1904)]. Moscow, Nauka, 304 (in Russian).
8. Litvak B.G. 1991. Russkaja derevnja v reforme 1861 g. Chernozemnyj centr. 1861–1895 gg. [Russian village after the reform of 1861 Central Chernozem region]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskij literatury, 93 (in Russian).
9. Lituev V.N. 1997. Zemel'naja sobstvennost' kak dvorjanskaja monopolija v kapitalisticheskoj Rossii [Monopolized land ownership by the nobility in capitalist Russia]. Moscow, Kalita, 148 (in Russian).
10. Ljashhenko P.I. 1901. Oчерки аграрной революции [Essays on the agrarian revolution] St. Petersburg, b. m., 446 (in Russian).
11. Materialy po statistike dvizhenija zemlevladienija v Rossii. Vyp. IV: Svod dannyh o kuple-prodazhe zemel' v 45 gubernijah Evropejskoj Rossii za tridcatiletie s 1863 po 1892 gg. [Statistics on Russian agricultural progress, ed. 4. Set of data related to the land mobility in 45 provinces of European Russia during the period from 1863 to 1892]. Pod red. A.E. Rejnбота. St. Petersburg, Tip. Kirshbauma, 1901 (in Russian).
12. Materialy po statistike dvizhenija zemlevladienija v Rossii. Vyp. XIII: Pogubernskie itogi mobilizacii zemel' i srednie zemel'nye ceny za 40-letie. 1863–1902 gg. [Statistics on Russian agricultural progress, ed. 13. Results of land mobility in each province and average land prices during the period from 1863 to 1902]. Pod red. A.E. Rejnбота. St. Petersburg, Tip. Kirshbauma, 1907 (in Russian).
13. Materialy redakcionnyh komissij po krest'janskomu delu [Materials of the editorial commissions on peasant affairs]. St. Petersburg, 1860. T. 1. 1027 (in Russian).
14. Ostrovskij A.V. 2013. Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [A.V. Ostrovsky, 2013. Crop production of the European Russia in the late 19th century – early 20th century]. St. Petersburg, 418 (in Russian).
15. Proskurjakova N.A. 1973. Razmeshhenie i struktura dvorjanskogo zemlevladienija Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Placement and formation of noble land ownership in European the late 19th century – early 20th]. Istorija SSSR. 1: 55–75 (in Russian).

16. Svjatlovskij V.V. 1911. Mobilizacija zemel'noj sobstvennosti v Rossii (1861–1908 gg.). [Land mobility in Russia (1861–1908)]. SPb., Knigoizdatel'stvo «Nachalo», 116 (in Russian).
17. Statistika pozemel'noj sobstvennosti i naseleennyh mest Evropejskoj Rossii. Vyp. I [Statistics of land ownership and localities of European Russia. Ed. 1]. St. Petersburg, 1880 (in Russian).
18. Statistika zemlevladienija. Voronezhskaja gubernija [Land ownership statistics. Voronezh Region]. Vyp. V. St. Petersburg, CSK MVD, 1905 (in Russian).
19. Statistika zemlevladienija. Kurskaja gubernija [Land ownership statistics. Kursk Region]. Vyp. XXXVII. St. Petersburg, CSK MVD, 1906 (in Russian).
20. Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii. Seriya III. Vyp. 10 [Annals of Statistika's of russian empire]. St. Petersburg, CSK MVD, 1886 (in Russian).
21. Cifrovye dannye o pozemel'noj sobstvennosti v Evropejskoj Rossii [Figures for the land ownership in European Russia]. St. Petersburg, 1897 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Громова Виктория Валентиновна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktoriya V. Gromova, postgraduate student of the Department of Russian history and pre-study Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 908 «18-19»

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-415-423

«Волнуемая стыдом и страхом»: инфантицид в Таврической губернии в русле истории повседневности Таврической губернии середины XIX – начала XX вв.

Масленникова В.А.

Таврическая академия Крымского федерального университета имени Вернадского,
Россия, 295007, Симферополь, просп. Вернадского, 20
E-mail: Ms.Valeris@bk.ru

Аннотация. Как общество воспринимало женщину, решившуюся на лишение жизни собственного, но незаконнорожденного ребенка – это важный вопрос, который обнажает негативные стороны патриархального строя, который все еще довлел над обществом середины XIX – начала XX вв. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в ст. 1451 и ст. 1460 прямо указывалось, что стоит принимать во внимание «особое несчастное положение преступницы, волнуемой чувствами стыда, страха, и ослабленной от страданий физических», таким образом, снимая с женщины образ жестокой детоубийцы и давая ей шанс на помилование. В статье анализируются источники, позволяющие оценить отношение общества к тем девушкам, кто забеременел вне брака. Освещается социальное положение будущих детоубийц. Автор уделяет особое внимание реальным количественным показателям мертворожденных детей, соотносит медицинские данные со свидетельствами детоубийц. В статье рассмотрены основные способы инфантицида. В статье дана оценка применяемого наказания к женщинам, лишивших жизни своих детей.

Ключевые слова: женщины, преступность, инфантицид, детоубийство, убийство, Таврическая губерния.

Для цитирования: Масленникова В.А. 2021. «Волнуемая стыдом и страхом»: Инфантицид в Таврической губернии в русле истории повседневности Таврической губернии середины XIX – начала XX вв. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 415–423. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-415-423.

«Agitated by shame and fear»: infanticide in the Tauride province in the course of the history of everyday life in the Tauride province of the mid-XIX – early XX centuries

Valeria A. Maslennikova

Taurida Academy of the Vernadsky Crimean Federal University,
20 Ave. Vernadsky, Simferopol, 295007, Russia
E-mail: Ms.Valeris@bk.ru

Abstract. How society perceived a woman who decided to take the life of her own illegitimate child is an important question that exposes the negative aspects of the patriarchal system that still dominated society in the mid-XIX – early XX centuries. In the Code on Criminal and Correctional Punishments in Articles 1451 and 1460, it was explicitly stated that it was worth taking into account «the special unfortunate situation of the criminal, agitated by feelings of shame, fear, and weakened by physical suffering», thus removing the image of a cruel child killer from the woman and giving her a chance for pardon. The article analyzes the sources that allow us to assess the attitude of society to those girls who became pregnant out of wedlock. The social situation of future child murderers is highlighted. The author pays special attention to the actual quantitative indicators of stillborn children, correlates medical data with evidence of infanticide. The article describes the main methods of infanticide. The article assesses the punishment applied to women who have taken the life of their children.

Keywords: women, crime, infanticide, murder, Tauride province.

For citation: Maslennikova V.A. 2021. «Agitated by shame and fear»: infanticide in the Tauride province in the course of the history of everyday life in the Tauride province of the mid-XIX – early XX centuries. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 415–423 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-415-423.

Введение

Актуальность злободневной проблемы детоубийства не угаснет до тех пор, пока с повестки дня не сойдут такие темы, как преступность, бедность и недоступность перво-классного медицинского обслуживания. На данный момент можно встретить новости с подобными заголовками: «нет тела, нет дела», где рассказывают о женщинах, избежавших наказания за детоубийство в XXI веке. Приоткрывая завесу прошлого, мы сможем оценить отношение общества к данному преступному деянию в пореформенный период.

К началу XIX в. церковь прочно утвердила святость брачного союза с помощью общественного мнения и религии. Преуспела она в этом настолько, что вся тяжесть стыда от внебрачного рождения падала исключительно на женщину – существо более слабое, «придавленное» патриархальным строем. Как известно, общественное мнение во все времена – великая сила. Именно поэтому желание скрыться от стыда и бесчестья толкало женщину на преднамеренное убийство своего родного, но незаконнорожденного ребенка.

Цель данного исследования состоит в реконструкции социального самочувствия женщин, проживавших на территории Таврической губернии и совершивших преступления по ст. 1451 (лишение жизни незаконнорожденного ребенка «по мотивам стыда и страха») либо по ст. 1460 (оставление в опасности, с летальным исходом) Уложения о наказаниях Российской империи [Таганцев, 1871, с. 180, 270]. В связи с заданной целью проанализирована историческая литература и источники, касающиеся темы инфантицида. Дана оценка общественного отношения к самому преступному деянию и женщине, совершившей его. Приведены примеры, демонстрирующие реальное социальное самочувствие девушек, решившихся на преступление на территории Таврической губернии. Раскрыты основные причины незапланированных беременностей девушек. Выделен процент действительно мертворожденных детей в изучаемый период времени. В исследовании рассматриваются основные способы убийства новорожденных детей, приведены примеры из реальной жизни жительниц уездов и городов Таврической губернии. Подведен итог о наказании девушек, совершивших инфантицид.

Объекты и методы исследования

Методологической основой исследования выступил анализ преступной деятельности, попадавшей под определение детоубийства. Анализ позволил внедрить в историко-системный метод синтезированную информацию и предоставить полноценную картину происходящего. Метод индукции позволил провести аналогии и предоставить целостную картину происходящего по заданной теме.

Сама тема детоубийства интересовала ученых давно. Уже в начале 60-х гг. XIX вв. ученые подчеркивали решающий фактор общественного мнения о женщине, родившей вне брака, в преступлениях о детоубийствах [Несколько случаев детоубийства, 1862, с. 187]. Ю. Охорошвич призывал общественность и суд «оставить призывы жестоко расправляться с детоубийцами», указывая на доминирование базовых причин, которые в совокупности подвели женщину к страшному выбору [Любовь, преступление, 1876, с. 116].

На 12-м Пироговском съезде проблеме инфантицида посвятили значительное количество докладов. Основные выводы, к которым пришли исследователи, заключались в том, что «история демонстрировала нам: аборт – предохранительный клапан от детоубийства» [Общество русских врачей, 1913, с. 86]. Не обошли вниманием и негативную тен-

денцию, состоящую в том, что бич дореволюционного общества – «нежелание иметь детей», и связано это было по большей мере с социально-экономическими причинами [Общество русских врачей, 1913, с. 85].

М.Н. Гернет в своем социально-юридическом исследовании детоубийств рассмотрел процесс становления наказания за данные злодеяния в ряде европейских стран и на территории Российской империи. Ученый привел статистику за 1897–1906 гг. по ряду преступных деяний, совершенных женщинами, и пришел к выводу, что детоубийство и оставление в опасности – специфические женские преступления. Так же в составленной М.Н. Гернетом таблице видно, что большую часть женщин, судившихся за инфантицид, оправдали [Гернет, 1911, с. 66] Весомый вклад в изучение «сугубо женского» преступления внес исследователь С.С. Шашков [Шашков, 1898]. Ряд ученых рассматривал данную тему сквозь призму территориальных особенностей [Лиденберг, 1910; Глебовский, 1912]. Однако в большинстве случаев они склонялись к общепризнанному факту – социально-экономические условия довели над девушками, решавшимся на данное злодеяние.

Советский исследователь Л.М. Василевский находил «сочувствующие нотки» и в законодательных актах дореволюционной России, касающихся инфантицида [Василевский, 1927, с. 20]. Исследователь советского периода, проанализировав детоубийства в дореволюционной России и сравнив полученные данные с другими европейскими странами, пришел к выводу, что на территории России количество детоубийств в сельской местности превосходило число данного преступления в городах практически вдвое [Змиев, 1927, с. 90]. Однако это обстоятельство ученый связал с тем, что в сельской местности было сложнее скрыть факт беременности, а также избавиться от трупа ребенка.

Современные авторы рассматривают различные аспекты детоубийства, среди исследований числятся и попытки классифицировать инфантицид [Шевченко, 2018] и реконструировать историческое становление наказаний за данное злодеяние [Бабичев, 2015]. Так же есть исследования по территориальному отношению, к примеру, губерний Центрального Черноземья [Жеребчиков, 2017]. Так же важно уделить внимание исследованиям об абортах и abortивной деятельности среди женщин Российской империи [Мицюк, 2019; Юкина, 2019].

Источниковую базу данного исследования дополняют документы Государственного архива Республики Крым, а также периодические издания Таврической губернии.

Результаты и их обсуждение

Закон, вооруженный уголовным наказанием, вступал в неравную борьбу с общественным осуждением. Желание сохранить за внешним образом свою честь толкало женщину на преступление. Шанс скрыть данное злодеяние был довольно велик. К тому же довольно часто сомнению подвергалась сама причина смерти: был ли ребенок мертворожденный или убиенный [Орлов, 1868, с. 142]. Положение изменялось с конца 90-х гг. XIX в., когда в делах о детоубийствах и об обнаружении мертвых тел младенцев начали фигурировать результаты вскрытий. Судебно-медицинская экспертиза достоверно могла указать на такие вещи, как: был ли ребенок мертворожденным; был ли он жизнеспособен; выявить причину смерти тоже становилось более возможным, чем это было ранее. Следовательно, женщину неминуемо ожидало наказание и обличение.

Весьма парадоксально, однако, в данном случае общественное мнение проявляло сочувствие преступнице. Например, к концу XIX в. наметилась четкая тенденция, проявляющаяся в смягчении наказания за подобные преступления не законом, а самими судьями. Возможно, таким образом проявлялся гуманизм со стороны «власть имущих». Законники, видимо, учитывали, что сами условия жизни толкали девушек на такие преступления.

Наука к началу XX в. проявляет все больший интерес к эмоциональной стороне женщин, влияния на них социума. Женщина предстала перед современниками как легко ранимое существо, подпорченное условиями жизни и нещадного эксплуататорского труда.

На рубеже XIX–XX вв., считалось, что в основу преступления были положены два фактора: психофизический и экономическо-бытовой. В большинстве случаев присутствовал явный симбиоз двух причин, а связующим звеном служил «стыд и страх», имеющий под собой ложное понятие о женской чести. Стоило только «оступить» неопытной девушке, и целая масса оскорблений и издевательств падало на ее голову извне, ставя перед ней вопрос о спокойном существовании и заработке. Причем сохранить жизнь малютке не было средств. К примеру, мещанка А.А. Миренкова, бросившая своего новорожденного в ретирадное место и предпринявшая попытки убить ребенка, кинув вслед три больших камня, пыталась оправдать себя тем, что «на прежнюю службу к доктору Музе с ребенком брать не хотели, а отдать в приют ребенка у нее не было средств»¹⁴.

Вина за преступление всегда возлагалась на девушек, не на мужчину, навлекшего беду, и не на общество, в котором она росла. На жизнь незамужней беременной женщины ставили клеймо общего презрения, вводя в ее жизнь трагизм личного существования. И если в деревнях иногда доходило до крайностей, полного вычеркивания из социальной жизни, то в городах к таким роженицам относились более снисходительно, особенно в среде фабричных рабочих и интеллигенции. Ведь за отсутствием других интересов чья-либо беременность становилась чем-то сенсационным: «такая-то «забрюхатила», «понесла», «запустила» [Глебовский, 1904, с. 46–47]. Иногда особо сообразительные девушки выходили из незавидного положения таким способом – заявляли о своем изнасиловании, подавали жалобы, в некоторых случаях требовали векселя на уплату за содержание ребенка¹⁵.

Однако большинство детоубийц Таврической губернии были не жертвами насилия, а «жертвами внезапно вспыхнувшей страсти». Об этом может свидетельствовать юность девушек. В основном возрастные рамки варьировались от 16 до 23 лет. Конечно, существовали и отдельные случаи, в которых возраст обвиняемых доходил и до 75 лет. Однако процент таких дел слишком мал, чтобы пытаться вычленивать некую закономерность среди лиц старшего возраста. Можно предположить, что дамы, будучи в более солидном возрасте и имея за плечами некий жизненный опыт, более тщательно скрывали свое положение и следующие за тем последствия.

К концу XIX в. вопрос детоубийства начал вызывать неподдельный интерес среди народных масс. Периодическим изданиям была присуща эмоциональная окраска происходящего, иногда текст добротнo разбавляли комментариями авторов. Зачастую, описывая подобные случаи, авторы акцентировали внимание, что «такая мать не безнравственная женщина, а глубоко несчастная» [Салгир, 1898, № 131, 26 октября, с. 1]. Женщин, отправляющих своих малюток в выгребные ямы, порицали, осуждали, пытаясь с помощью слов предотвратить будущие преступления такого рода [Салгир, 1898, № 159, 27 ноября, с. 3]. Даже в таких заметках о столь безнравственных поступках можно уловить нотки сострадания. Таким образом, сквозь строки периодики мелькал косвенный анализ социально-политических проблем в обществе, который цензура вряд ли бы одобрила в открытом виде.

Профессионально ориентированную публику интересовали способы исполнения преступления. Такая информация помещалась в учебниках судебной медицины. Учебные пособия С.А. Громова, которые пользовались популярностью около полувека, к середине 80-х гг. XIX в. морально устарели [Громов, 1832, 554 с.; Громов, 1838, 576 с.]. В 1887 г. профессором судебной медицины И.М. Сорокиным был переведен «Учебник судебной медицины» Э.Р. Гофмана. Именно этот исследователь разделил детоубийства по определенным способам. Исследователем было отмечено, что из всех активных способов убийства новорожденных чаще всего встречались повреждения черепа тупыми предметами, причем чаще всего удар приходился именно в голову. Убийства новорожденных ударами, толчками и вообще насилием, направленным на другие части тела, встречались лишь в

¹⁴ ГАРК Ф. 376. Оп. 6. Д. 392. Л. 3. О мещанке Анне Алексеевной Миренковой, обв. в покушении на убийство ребенка. Начало 10 декабря 1904 г.

¹⁵ ГАРК Ф. 118. Оп. 1. Д. 3342. Л. 2–3. Изнасилование.

виде исключений, и все равно такие травмы были непосредственно сопряжены с травмой головы [Гофман, 1887, с. 609]. Задушение встречалось так же часто. Автором отмечалось, что внешние признаки, если удушение происходило с долей «утонченности» (например, мягким предметом – платком), плохо поддавались опознанию [Гофман, 1887, с. 613]. Однако, учитывая, что такой вид убийства чаще встречался в сельской местности, к которой слово «утонченность» и «изящество» редко применимо, душили просто руками, толстыми и грубыми веревками, что оставляло явные следы. Прочие виды насильственной смерти новорожденных, за исключением смерти от утопления, встречались крайне редко [Гофман, 1887, с. 614]. Убийство малышей режущими предметами или колющими орудиями встречались еще реже.

Удивительно, но практически все обвиняемые женщины твердили, что их ребенок был мертворожденный, и они, «волнуемые стыдом и страхом», просто предавали «дитяtko земле». По данным Симферопольского окружного суда, абсолютно все женщины были безграмотны. Вполне возможно, из-за низкого распространения медицинских знаний среди населения женщины не понимали, что такое судебная медицина и как с ее помощью опровергалась их ложь. Ведь на самом деле лишь 12 % детей действительно были мертворожденными. Процент деток, оставленных без помощи или скончавшихся от недостаточного ухода, включая недоношенных и нежизнеспособных, превышал 20 % (наиболее точные данные установить не представляется возможным, ведь эти данные основаны на делах Симферопольского окружного суда, который женщины с присущей им коварностью могли ввести в заблуждение). Можно говорить о том, что остальные 68 % были насильственно умерщвлены.

Говоря о способах детоубийств, можно констатировать тот факт, что в 29,5 % новорождённые были убиты жестокими способами, они умирали от асфиксии, от ран, от того, что мать оторвала голову. Самой жестокой преступницей в этом случае оказалась двадцатилетняя служанка, которая в послеродовом шоке оторвала или отрезала тупым ножом голову ребенку. Девушка признала себя виновной, однако не помнила, «как все произошло»¹⁶. Кстати, девушку подвергли аресту при полиции на семь дней, и на нее были возложены судебные издержки¹⁷. Другая обвиняемая, магометанка 20 лет, не признавала себя виновной в том, что перерезала горло ребенку, который был обнаружен около ее деревни¹⁸. Она отрицала сам факт беременности, несмотря на то, что медицинский осмотр при двух понятых постановил, что роды были. Одна из понятых, мать 15 детей, утверждала, что «по груди можно все определить, а у обвиняемой «грудь была полна, а соски черные»¹⁹. Подсудимая находилась в лихорадочном состоянии, дрожала, нервничала, говорила, что «беременной не могли видеть, так как таковой не являлась»²⁰. Остальные прибегали к менее кровавым способам, душив ребенка, причем, по их утверждениям, детки рождались мертвыми²¹.

Отдельно следует осветить необычный случай в Симферопольском уезде; прежде всего случай интересен тем, что девушка «отправилась в отхожее место для отправления естественных надобностей, она там и разрешилась от бремени, но сначала этого не заметила и поняла, что это произошло, лишь придя к себе в комнату и заметив на своем белье кровь»²². Звучит такое неправдоподобно, однако Э.Р. Гофман объяснил такие случаи в своем исследовании. Опыт показывал, что большинство случаев родов с падением прихо-

¹⁶ ГАРК Ф. 376. Оп. 6. Д. 819. Л. 2–3. Дело о крестьянке Прасковье Васильевой Тищенко, обвиняемой по 2 ч. 1460. Вступило дело 19 ноября 1907 г.

¹⁷ Там же. Л. 38.

¹⁸ ГАРК Ф. 376. Оп. 6. Д. 355. Л. 4. О крестьянке Мархубе.

¹⁹ Там же. Л. 92.

²⁰ Там же. Л. 89–90.

²¹ ГАРК Ф. 376. Оп. 2. Д. 336. Л. 2. О мещанке; Д. 532. Л. 2. Асфиксия; Д. 860. Л. 3. В соломенной ограде двора был обнаружен труп младенца женского пола; Ф. 376. Оп. 6. Д. 541. Л. 3. Утопление в туалете.

²² ГАРК Ф. 376. Оп. 6. Д. 335. Л. 2. В отхожем месте труп новорожденного младенца.

дится на долю первородящих, потому что они по неопытности не умели оценивать своего положения и не замечали наступления родов. Первые боли, по словам Э.Р. Гофмана, принимались первородящими за кишечные колики, это побуждало их отправиться в отхожее место, где их и настигали роды [Гофман, 1887, с. 601]. Пуповина, натягиваясь, могла увлечь за собой послед [Гофман, 1887, с. 602]. Таким образом, теоретически девушка могла говорить правду. По словам девушки, «роды случились так быстро, что я их и не заметила»²³. Существовала гипотеза, что тайные роженицы разрешаются скорее других. Объяснялось тем, что психическое возбуждение вызывает «стремительное опорожнение матки» и тетаническое ее сокращение [Гофман, 1887, с. 613–614].

В остальных 9,5 % случаев точную причину смерти найденных тел новорождённых детей установить не удалось. Приходилось опираться лишь на «честные слова матерей», которые, по оценкам судебно-медицинской экспертизы, в большинстве случаев находились в послеродовом состоянии и были подвержены истерии. Показания женщин часто были запутанными и не соответствовали по факту первым допросам. К примеру, женщина, на которую анонимно донесли городовому, сообщила, что оповестила двух своих сожителей (мужчин), что ребенок родился мертвым, и она бросила трупик в Днепр. Немного позднее девушка дала показания о том, что сделала это по настоянию своего сожителя, с кем прижила ребенка вне брака. Спустя время обвинила его в том, что мужчина давал во время беременности «что-то пить, от чего у нее из половых органов шла обильно кровь»²⁴. В итоге девушку подвергли аресту при полиции на пять дней и возложили на нее судебные издержки, мужчину ожидала неделя заключения²⁵. Также можно привести другой случай, когда слова матери нельзя проверить, так как «закопала ребенка на чьем-то огороде, место указать не смогла, ребенка найти не удалось»²⁶. По словам девушки, она «ничего не помнила, была в беспамятстве»²⁷. Девушку не осудили, она числилась как замужняя, однако муж пропал на фронтах Первой мировой войны. В военное и послевоенное время наказание таких матерей было не строгим, так как «все всё понимали». Как пример, дело за 1918 г. содержало мало документов, так как денег на судебно-медицинскую экспертизу не было, да и с матери вряд ли смогли бы взыскать средства за судебные издержки²⁸.

Матерей вызывали в суд, взваливая на них судебные издержки и порицая их за неблагоприятные поступки. В судах многие признавали себя виновными, беря на себя ответственность за содеянное. В подавляющем большинстве случаев «волнуемые стыдом и страхом» покидали скамью подсудимых сразу же после завершения суда.

Заключение

Подводя итог, важно указать на оценку инфантицида дореволюционными исследователями, которые перекладывали груз ответственности за рассматриваемое злодеяние на плечи общества, которое как бы выталкивало девушку с незаконнорожденным ребенком на руках из общественной жизни. Лишенная возможности заработать на жизнь себе и ребенку, девушка прибегала к крайним мерам – инфантициду. Большая часть детоубийц, терзая себя мыслями об их печальной с ребенком участи всю беременность, впадая в крайнюю степень отчаяния, избавлялась от ребенка в первые часы после родоразрешения. Практически все преступницы, которых обличали, найдя спрятанное тело их ребенка, рассказывали о том, что ребенок был мертворожденный. Однако медицинская экспертиза установила малый процент мертворожденных детей – 12 %, немногим более погибали от не предоставления помощи – 20 %. Все остальные новорожденные дети матерей, которые

²³ Там же. Л. 60.

²⁴ ГАРК Ф. 376. Оп. 6. Д. 389. Л. 2–3.

²⁵ ГАРК Ф. 376. Оп. 6. Д. 389. Л. 28. О крестьянке Елене Степановой Кучв. Нач. 20 ноября 1904 г.

²⁶ ГАРК Ф. 483. Оп. 2. Д. 21. Л. 22. Дело об обвиняемой в сокрытии трупа рожденного ребенка.

²⁷ Там же. Л. 50.

²⁸ ГАРК Ф. 483. Оп. 2. Д. 63. Л. 12. Начато за 1918 г. 25 июля.

божились, что их дети родились мертвыми, были убиты. Причем половина детей были умерщвлены с крайней жестокостью: им отрывали головы, били ребенка головой об камни, держа за ножки, кидали в ретирадное место, предварительно забив камнями. Остальные случаи причислялись к менее жестоким, однако все равно это было насильственное умерщвление ребенка. Говоря о наказании преступниц, следует указать на тот факт, что таких женщин привлекали не по статье детоубийство, так как все женщины, сидя на скамье подсудимых, раскаивались в содеянном, будучи «волнуемыми стыдом и страхом». Их могли привлечь за сокрытие трупа и оставлении без помощи. Однако, анализируя наказания за исследуемое злодеяние, можно сказать, что женщин, привлеченных к ответственности на территории Таврической губернии в середине XIX – начале XX в., практически не было. В основном женщины выплачивали судебные издержки, исчисляемые в паре рублей, и вновь вливались в размеренную жизнь губернии.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, кандидату исторических наук Алле Анатольевне Задерейчук.

Список литературы

1. Бабичев А. Г. Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-stanovlenie-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-ubiystve-materyu-novorozhdenного-rebenka> (дата обращения: 15 апреля 2021).
2. Василевский Л.М. 1927. Аборт как социальное явление. Днепропетровск, Космос. 162.
3. Гернет М.Н. 1911. Детоубийство. Социологическое и сравнительно-юридическое исследование: с приложением 12 диаграмм. Москва, Типография Императорского Московского Университета, 318.
4. Глебовский С. 1904. Детоубийство в Лифляндской губернии. Вестник общественной гигиены, судебной и криминологической медицины. 9–10: 46–47.
5. Глебовский С. Детоубийство в Лифляндской губернии. 1912. [Б. м.]: [б. и.]. 55.
6. Гофман Э.Р. 1887. Учебник судебной медицины. Санкт-Петербург: тип. Деп. уделов, 762.
7. Громов С. 1838. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца и К^о, 576.
8. Громов С.А. 1832. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления. Санкт-Петербург: В тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 554.
9. Жеребчиков Д.П. Оставление ребенка и детоубийство в Российской провинции: историко-правовые аспекты (на примере губерний Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX вв.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ostavlenie-rebenka-i-detoubiystvo-v-rossiyskoj-provintsii-istoriko-pravovye-aspektu-na-primere-guberniy-tsentralnogo-chernozemya-vtoroy> (дата обращения: 14 апреля 2021).
10. Змиев Б.Н. 1927. Детоубийство. Право и Жизнь. Москва, Книга 6–7: 89–96.
11. Линденберг В.Г. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии: (по данным Витеб. окр. суда за десять лет, 1897–1906): дис. д-ра мед. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1910, 84 с.
12. Михель Д.В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-pered-problemoy-infantitsida-istoriya-teoriya-politika> (дата обращения: 15 апреля 2021).
13. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. «Плодоизгнание» как основной способ контроля рождаемости у крестьянок XIX в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plodoizgnanie-kak-osnovnoy-sposob-kontrolya-rozhdaemosti-u-krestyanok-xix-v> (дата обращения: 15 апреля 2021).
14. Несколько случаев детоубийства. 1862. Журнал Министерства Юстиции. СПб., 202.
15. Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Съезд (1913; 12; Петербург). Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая – 5 июня 1913 г. Санкт-Петербург, 1913, Вып. 2. 512.

16. Орлов А.Н. 1868. О покушении на преступление по началам науки и современным законодательствам. Москва, Унив. тип. Катков и К°, 161.
17. Охорович Ю. 1876. Любовь, преступление и нравственность: Несколько задач из области «уголовной психологии». Минск, тип. Б.И. Соломонова, 169.
18. Салгир. 1898. 26 октября. 131: 2.
19. Салгир. 1898. 27 ноября. 159: 3.
20. Таганцев Н.С. 1871. О преступлениях против жизни по русскому праву. Том II. Санкт-Петербург, Типография А.М. Котомина, 524.
21. Шашков С.С. 1871. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. Санкт-Петербург, Н.А. Шигин, 623.
22. Шашков С.С. 1898. Исторические судьбы женщины: детоубийство и проституция. Очерк истории русской женщины. СПб., 606.
23. Шевченко А.В. Классификация детоубийств. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-detoubiystv> (дата обращения: 14 апреля 2021).
24. Юкина И.И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussiya-ob-aborah-v-rossiyskoy-imperii-chastnaya-zhizn-i-novaya-identichnost> (дата обращения: 15 апреля 2021).

References

1. Babichev A.G. Istoricheskoe stanovlenie rossiyskogo ugolovnog zakonodatel'stva ob ubiystve mater'yu novorozhdennogo rebenka [Historical formation of the Russian criminal legislation on the murder of a newborn child by a mother]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-stanovlenie-rossiyskogo-ugolovnog-zakonodatel'stva-ob-ubiystve-materiyu-novorozhdennogo-rebenka> (data obrashcheniya: 15 aprelya 2021).
2. Vasilevskiy L.M. 1927. Abort kak sotsial'noe yavlenie [Abortion as a social phenomenon]. Dnepropetrovsk, Kosmos. 162.
3. Gernet M.N. 1911. Detoubiystvo. Sotsiologicheskoe i sravnitel'no-yuridicheskoe issledovanie: s prilozheniem 12 diagramm [Infanticide. Sociological and comparative legal research: with an appendix of 12 diagrams]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, 318.
4. Glebovskiy S. 1904. Detoubiystvo v Lifyandskoy gubernii [Infanticide in the Livonia province]. Vestnik obshchestvennoy gigieny, sudebnoy i kriminologicheskoy meditsiny. 9–10: 46–47.
5. Glebovskiy S. 1912. Detoubiystvo v Lifyandskoy gubernii [Infanticide in the Livonia province]. [B. m.]: [b. i.]. 55.
6. Gofman E.R. 1887. Uchebnik sudebnoy meditsiny [Textbook of forensic medicine.]. St. Petersburg: tip. Dep. udelov, 762.
7. Gromov S. 1838. Kratkoe izlozhenie sudebnoy meditsiny dlya akademicheskogo i prakticheskogo upotrebleniya [Summary of forensic medicine for academic and practical use.]. St. Petersburg: tip. E. Pratsa i K°, 576.
8. Gromov S.A. 1832. Kratkoe izlozhenie sudebnoy meditsiny, dlya akademicheskogo i prakticheskogo upotrebleniya [Summary of forensic medicine, for academic and practical use]. St. Petersburg: V tip. Shtaba Otdel'nogo Korpusa Vnutrenney Strazhi, 554.
9. Zherebchikov D.P. Ostavlenie rebenka i detoubiystvo v Rossiyskoy provintsii: istoriko-pravovye aspekty (na primere guberniy Tsentral'nogo Chernozem'ya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.) [Abandonment of a child and infanticide in the Russian Province: historical and legal aspects (on the example of the provinces of the Central Chernozem Region of the second half of the XIX – early XX centuries)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ostavlenie-rebenka-i-detoubiystvo-v-rossiyskoy-provintsii-istoriko-pravovye-aspekty-na-primere-guberniy-tsentralnogo-chnozemya-vtoroy> (data obrashcheniya: 14 aprelya 2021).
10. Zmiev B.N. 1927. Detoubiystvo. Pravo i Zhizn' [Infanticide. Law and Life]. Moscow, Kniga 6–7: 89–96.
11. Lindenberg V.G. Materialy k voprosu o detoubiystve i plodoizgnanii v Vitebskoy gubernii: (po dannym Viteb. okr. suda za desyat' let, 1897–1906) [Materials on the issue of infanticide and plodoizgnanii in the Vitebsk province: (according to the data of the Vitebsk Regional Court for ten years, 1897-1906)]: dis. d-ra med. Yur'ev: tip. K. Mattisena, 1910, 84 s.
12. Mikhel' D.V. Obshchestvo pered problemoy infantitsida: istoriya, teoriya, politika [Society before the problem of infanticide: history, theory, politics.]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-pered-problemy-infantsida-istoriya-teoriya-politika> (data obrashcheniya: 15 aprelya 2021).

13. Mitsyuk N.A. Pushkareva N.L. «Plodoizgnanie» kak osnovnoy sposob kontrolya rozhdaemosti u krest'yanok XIX v. [«Infanticide» as the main method of birth control in peasant women of the XIX century] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plodoizgnanie-kak-osnovnoy-sposob-kontrolya-rozhdaemosti-u-krestyanok-xix-v> (data obrashcheniya: 15 aprelya 2021).

14. Neskol'ko sluchaev detoubiystva [Several cases of infanticide.] 1862. Zhurnal Ministerstva Yustitsii. SPb., 202.

15. Obshchestvo russkikh vrachey v pamyat' N.I. Pirogova. S"ezd [Society of Russian Doctors in memory of N.I. Pirogov. Congress] (1913; 12; Peterburg). Dvenadtsatyy Pirogovskiy s"ezd. Peterburg, 29 maya – 5 iyunya 1913 g. St. Petersburg, 1913, Vyp. 2. 512.

16. Orlov A.N. 1868. O pokushenii na prestuplenie po nachalam nauki i sovremennym zakonodatel'stvam [On the attempted crime according to the principles of science and modern legislation]. Moscow, Univ. tip. Katkov i K^o, 161.

17. Okhorovich Yu. 1876. Lyubov', prestuplenie i npravstvennost': Neskol'ko zadach iz oblasti «ugolovnoy psikhologii» [Love, crime and morality: Several problems from the field of «criminal psychology»]. Minsk, tip. B.I. Solomonova, 169.

18. Salgir [Salgir]. 1898. 26 oktyabrya. 131: 2.

19. Salgir [Salgir]. 1898. 27 noyabrya. 159: 3.

20. Tagantsev N.S. 1871. O prestupleniyakh protiv zhizni po russkomu pravu [On crimes against life under Russian law]. Tom II. St. Petersburg, Tipografiya A.M. Kotomina, 524.

21. Shashkov S.S. 1871. Istoricheskie sud'by zhenshchiny, detoubiystvo i prostitutsiya [The historical fate of women, infanticide and prostitution]. St. Petersburg, N.A. Shigin, 623.

22. Shashkov S.S. 1898. Istoricheskie sud'by zhenshchiny: detoubiystvo i prostitutsiya. Ocherk istorii russkoy zhenshchiny [The historical fate of women: infanticide and prostitution. Essay on the history of Russian women]. SPb., 606.

23. Shevchenko A.V. Klassifikatsiya detoubiystv [Classification of infanticide]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-detoubiystv> (data obrashcheniya: 14 aprelya 2021).

24. Yukina I.I. Diskussiya ob abortakh v Rossiyskoy Imperii: chastnaya zhizn' i novaya identichnost' [Discussion about abortions in the Russian Empire: private life and new identity]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskussiya-ob-aborah-v-rossiyskoy-imperii-chastnaya-zhizn-i-novaya-identichnost> (data obrashcheniya: 15 aprelya 2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Масленникова Валерия Андреевна, аспирант кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslennikova Valeria Andreevna, postgraduate student of the Department of Russian History of the Taurida Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia

УДК 94(47).084.1

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-424-434

«Земельный вопрос» в Кубанской области и материальное положение казачества в конце XIX в.

Пахомов А.В.

Кубанский государственный технологический университет,
350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, 2
E-mail: Pahomov_an1981@mail.ru

Аннотация. Отмена крепостного права, окончание долголетней Кавказской войны и интенсивное железнодорожное строительство, соединившее Кубань с другими регионами страны, привело не только к стремительному экономическому развитию, но и к массовому переселению тысяч крестьян. Однако развитие капиталистических отношений в казачьих станицах с одной стороны превращало казачество в землевладельческих «рантье», а с другой стороны данный фактор в совокупности с казачьими повинностями приводил к социально-экономическому расколу казачьей общины. Особое внимание автор уделяет рассмотрению одного из основных факторов «земельного вопроса», который являлся основополагающим в социальном расслоении казачества. Исследование данной проблемы и изучение факторов социально-экономического расслоения кубанского казачества раскрывает основные причины участия в революционном движении начала XX в. значительной части казачества.

Ключевые слова: казачество, Кубанская область, земля, земельный пай, сословие, расслоение, переселенцы, иногородние, повинности, войсковая собственность.

Для цитирования: Пахомов А.В. 2021. «Земельный вопрос» в Кубанской области и материальное положение казачества в конце XIX в. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 424–434. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-424-434.

«The land issue» in the Kuban region and the financial situation of the Cossacks at the end of the XIX century

Andrey V. Pakhomov

Kuban State University of Technology,
2 Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia
E-mail: Pahomov_an1981@mail.ru

Abstract. The abolition of serfdom, the end of the long Caucasian War, and the intensive railway construction that connected the Kuban with other regions of the country, led not only to rapid economic development, but also to the mass resettlement of thousands of peasants. However, the development of capitalist relations in the Cossack villages, on the one hand, turned the Cossacks into land-owning «rentiers», and on the other hand, this factor, together with the Cossack duties, led to a socio-economic split of the Cossack community. The author pays special attention to the consideration of one of the main factors of the «land issue», which was fundamental in the social stratification of the Cossacks. The study of this problem and the study of the factors of socio-economic stratification of the Kuban Cossacks reveals the main reasons for the participation in the revolutionary movements of the early twentieth century. a significant part of the Cossacks.

Keywords: Cossacks, Kuban region, land, land share, estate, stratification, immigrants, nonresidents, duties, military property.

For citation: Pakhomov A.V. 2021. «The land issue» in the Kuban region and the financial situation of the Cossacks at the end of the XIX century. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 424–434 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-424-434.

Введение

Кубанская область была образована 8 февраля 1860 г., а постановлением от 16 ноября 1860 г. Черноморское казачье войско и западные бригады Линейного казачьего войска официально были переименованы в Кубанское казачье войско [История Кубани, с. 135]. Новообразованная область вошла в число самых крупных губерний и областей европейской части России, занимая площадь 81,216,5 кв. версты [Первая всеобщая перепись..., 1897]. Однако данная территория была практически не заселена, а самостоятельная казачья колонизация новых земель не могла дать должного результата ни в промышленно-сельскохозяйственной отрасли, ни в увеличении численности населения региона. Только отмена крепостного права в 1861 г. и окончание Кавказской войны в 1864 г. послужили началом масштабного переселения на Северный Кавказ.

Однако переселение в Кубанскую область как на территорию казачьего войска лиц не войскового сословия строго ограничивалось. Царское правительство, рассматривая экономическое и политическое закрепление в новой области как приоритетное, было вынуждено принять ряд постановлений, направленных на реформирование данных ограничений. Так, 10 мая 1862 г. было издано положение «О заселении западной части Кавказского хребта казаками и другими переселенцами из России», а 29 апреля 1868 г. было принято постановление «О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» [Прошлое и настоящее Кубани..., с. 165]. По нему переселенцы (отставные солдаты, крестьяне и мещане) получили право приобретать в собственность любые строения без разрешения войскового начальства, однако земля оставалась в войсковой собственности, и за право пользования ей с лиц не войскового населения, т. е. «иногородних», взималась посаженная плата [Симененко, 2003, с. 75]. Таким образом, законы и положения, принятые в 1862 и 1868 гг., давали возможность проживания в области (т. е. на войсковых землях) не казачьему сословию и допускали развитие частной собственности.

В результате принятых постановлений численность населения Кубанской области к 1897 г. выросла до 1 918 881 чел. [Первая всеобщая перепись..., 1897]. Однако с ростом численности населения области произошло и существенное изменение в сословно-национальной структуре региона; по данным той же переписи, казачество перестало быть большинством и составляло 787 197 чел. (44,7 %), а численность иногороднего населения с 1861 по 1904 г. выросла в 237 раз (с 5 243 до 1 242 750) [Трехбратов, 2003, с. 282].

Таким образом, постоянная миграция, высокий естественный прирост населения, а также экономическое развитие привели к небывалому спросу на землю и, как следствие, к обострению земельного вопроса.

Объекты и методы исследования

Объектом данного исследования является изучение истории земельных отношений в Кубанской области в конце XIX в., а также социально-материальное расслоение кубанского казачества. Для наиболее объективной оценки были применены основные методы исторического исследования, такие как историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный. В исследовании автор придерживается принципов историзма, хронологии и объективности при анализе исторических фактов и событий. Историко-генетический метод был взят за основу для изучения основных причин и выявления основных факторов возникновения и развития земельного вопроса и материального расслоения кубанского казачества. Проблемно-хронологический метод был

взят за основу в изучении динамики изменения численности бедных казачьих хозяйств, а историко-сравнительный метод был взят за основу в изучении отечественных источников и литературы с целью выявить и дать наиболее точную оценку описываемых событий.

Результаты и их обсуждение

Благодаря климатическим условиям и обилию плодородной земли основой экономики Кубанской области являлось земледелие, а разветвленная сеть железных дорог и близость морских портов способствовали превращению региона к началу XX в. в крупного поставщика зерна. Так, если в 1873 г. под посевы распахивалось 805 327 десятин земли, то в 1893 г. уже 1 996 640 десятин [Ладоха, 1923, с. 6]. Таким образом, земля являлась основным богатством.

Однако большая часть земельного фонда Кубанской области была законно закреплена за казачеством. Так, из 8,7 млн десятин областной земли 6 799 841 десятин (73,2 %) являлась казачьей войсковой землей [Отчет начальника Кубанской области за 1901 г.] и находилась в общевоинской собственности, тем самым являлась своеобразной платой за службу государству. Оставшийся земельный фонд (26,8 %) был собственностью казны, крестьянских сельских и горских обществ, а также частных лиц [Ратушняк, 1974, с. 206].

Земельные отношения в кубанских казачьих обществах регулировались государственными нормативно-правовыми актами. Основным таким актом было «Положение о поземельном устройстве станиц и о войсковых запасных землях» от 21 апреля 1869 года [Остапенко, 2004, с. 61]. Согласно данному положению, вся войсковая земля делилась на три категории: 1) станичные (юртовые) земли, составлявшие 5 228 811 десятин и предназначенные для наделения лиц войскового сословия (станичных казаков); 2) запасная (резервная) войсковая земля составляла 1 070 991 десятин и предназначавшаяся для новых казачьих поселений и растущего казачьего населения. Данная категория земли находилась в ведении местных войсковых управлений, которые могли использовать её как резерв будущих станичных наделов, а до данного момента использовать как пастбища или для другой войсковой надобности (к примеру, сдача в аренду); 3) казачья частновладельческая земля составляла полмиллиона десятин²⁹ и возникла после окончания Кавказской войны, когда земельными наделами наделялись войсковые чины и казаки переселенцы. Наделы казачьих офицеров представляли собой награду за заслуги и предоставлялись им вместо пенсий, однако с запретом на продажу.

Основной особенностью Положения 1869 г. было то, что «земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакое угодье, в черте станичного юрта, заключающегося, не могут выходить из владений станичного общества в чью-либо собственность» [Остапенко, 2004, с. 62]. Таким образом, данное Положение регламентировало земельные отношения в казачьих станицах, но самое главное, запрещало продажу войсковой земли, что значительно затрудняло обогащение зажиточного казачества.

Однако для наилучшего понимания истоков зарождения казачьей земельной проблемы и, как следствие, социального расслоения среди казачества необходимо рассмотреть основные формы земледелия, применяемые в казачьих станицах. До перехода на «паевое земледелие» в станицах широко использовалось общинное землепользование, развитие которого было продиктовано военными условиями Кавказской войны. Опасность составляла «вести общинное хозяйство, пользуясь угодьями или всей общиной или разделяя их по взаимным соглашениям на полосы и паи» [Симененко, 2003, с. 50].

Однако отрицательной стороной общинного землевладения была просуществовавшая до начала 1880-х гг. её «вольнозахватная» форма, внесшая существенный социальный раскол в казачество. По сути, в станицах и хуторах никто не придерживался строго отве-

²⁹ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3018. Л. 17–18.

денных им наделов, а обрабатывал земли, кто сколько мог. Земский статистик Л.В. Македонов так описывал данную форму земледелия: «У кого много худобы больше захватит, потому что может больше обрабатывать, а бедному много брать не под силу. Сильная семья, где много работников и скота, и землю пашет, и лес возит, и груши трусит, а бедному нет ничего» [Куценко, 1993, с. 79]

Несколько иную форму описания земельной ситуации дает Е. Передельский: «В толоке, равно как и за полем (за толокой), пахотная земля не делится, но каждый домохозяин знает свои загоны (пашни и нивы), и никто не имеет права вспахать чужой загон. Если же чей-либо загон по какой бы то ни было причине останется невспаханным, то он уже делается ничей, и его на следующий раз может вспахать кто вздумает, кто первый поспеет» [Прошлое и настоящее Кубани..., 1994], т. е. земля захватывалась только в случае, если оставалась не распахана.

Как правило, самовольные захваты земли провоцировались зажиточным казачеством, так как именно данная категория казачества была обеспечена гужевой силой, наемными рабочими и сельскохозяйственным инвентарем, а не имевшие возможности обрабатывать свою землю казаки попадали практически в аграрную зависимость от более богатых соседей.

Но быстрый рост товарно-денежных отношений (связанные с растущими ценами на аренду земли), заставлял рядовое казачество требовать от станичных обществ выделения своих земельных наделов. Так, приговор казачьего схода в станице Брюховецкой, прошедший в октябре 1881 г., показал всё недовольство рядового казачества общинным земледелием: «Мы постановляли приговоры о том, чтобы богачи не запахивали «не подлежащие им земли», не имели тайных сделок с иногородними, не пользовались землей в тех местах, где обществом воспрещается, но приговоры эти не исполнялись. Поэтому группа бедняков... требует надлежащих им паев земли, чтобы раз и навсегда... распорядиться ею как хозяину, без всякого нареkania со стороны сильных» [Куценко, 1993, с. 79].

Таким образом, распределение станичных угодий и переход на паевую систему проходил не по решению войскового или станичного начальства, а по усмотрению и решению казачьих обществ на станичных и хуторских сходах (кворум должен был быть не менее 2/3 казаков) [Остапенко, 2004, с. 63]. Причем данный переход затянулся в области на несколько лет. В результате в Прикубанских станицах (Черноморье) на паи разбивалась вся земля, и пахотная, и сенокосы, а выгоны вокруг станиц оставались в общинном пользовании. Паи раздавались по жребию, т. е. каждый казак вытягивал столько раз жребий, на сколько полос была разбита станичная земля. Ввиду того, что земля в данных отделах была одинакового качества, земельные паи всей казачьей семьи выделялись одним участком.

В Закубанских станицах, где качество земли было существенно хуже, но были хорошие луга, вся станичная земля разбивалась на несколько полос под толоку, сенокос и пашни, и одна семья получала несколько участков разного качества земли. Казаки данного региона жребий тянули, как правило, не индивидуально, а группой, в основном по соседскому признаку, для дальнейшего самостоятельного распределения земли внутри группы, а также в виду существенной нехватки сельхозинвентаря для последующей совместной обработки земли. Данный тип «мини-общинного земледелия» был выгоден для рядового казачества и со временем стал практиковаться также и в Прикубанье.

Право на земельный пай предоставлялось всем казакам при достижении 17-летнего возраста. На основании правительственных распоряжений «О поземельном устройстве в казачьих войсках» от 1869 и 1891 гг. земли, отводимые казачьим обществам, «распределялись для наделения лиц войскового сословия на равные по достоинству участки, так называемые паи». Вдовы казачьих офицеров, чиновников и рядовых казаков до момента достижения сыновьями 17 лет или до выхода дочерей замуж сохраняли право на весь пай мужа, а затем оставалась только половина пая. Вдовам без детей полагалась только поло-

вина пая. Размер земельного пая в области, согласно положению 1869 г., составлял от 16 до 30 десятин земли [Остапенко, 2004, с. 62].

Однако постоянный рост казачьего населения приводил к сокращению земельных наделов, вследствие чего рядовое казачество выступало с требованиями не только о более частой нарезке общинных земель, но и о дополнительном распределении запасных станичных и войсковых земель. В результате сроки «земельных» переделов существенно сокращались; так, если в период с 1860 по 1870 гг. переделы проводились раз в 12 лет, то в конце XIX – начале XX вв. – уже раз в 9 лет [Ратушняк, 1996, с. 399]. Но даже более частые нарезки станичной земли не могли стабилизировать ситуацию с сокращением казачьего земельного надела. Так, по состоянию на 1896 г. в Кубанской области казачий земельный пай составлял в среднем 13,6 дес. земли, однако данные цифры не отражали реальной действительности на местах, где размер пая казаков отличался не только в разных отделах, но даже в станицах одного отдела. Так, в Прикубанских отделах (Черноморье) размер пая колебался от 7 до 22 десятин земли, а в Закубанских отделах – от 4 до 30 десятин [Ратушняк, 1974, с. 206].

Следует отметить, что на неравномерное распределение земельных паев влияла не только демографическая составляющая, но и Положение «О размежевании земель Кубанского казачьего войска» от 26 апреля 1869 г. По данному Положению, все казачьи станицы и хутора разбивались на пять категорий, в зависимости от которых происходило наделение земельными паями. Так, в первой категории полагалось по 16, во второй – 17,5, в третьей – 21,5, в четвертой – 26, а в пятой – по 30 десятин земли [Ратушняк, 1974, с. 206], таким образом, именно данное положение было основой неравномерного распределения земельных паев в области.

Войсковое руководство было обеспокоено сокращением казачьих наделов и постоянно выделяло значительные денежные средства на скупку частновладельческих земель. Так, в 1901 г. было выделено 100 тыс. руб., а в 1902 г. сумма была удвоена [Сименко, 2003, с. 87]. Однако следует отметить, что, несмотря на постоянное уменьшение казачьих земельных паев, большинство казачьих семей имели по 2–3, а иногда и более паев. В среднем казачий семейный надел составлял по разным данным от 30 до 52 десятин земли [Куценко, 1993, с. 76–77].

Одним из катализаторов обострения земельного вопроса в Кубанской области была частновладельческая (казачья и жалованная) земля. Формирование данной категории собственников земли было официально положено 10 мая 1862 г. положением «О заселении западной части Кавказского хребта казаками и другими переселенцами из России», в основу которого вошёл рескрипт от 24 июня 1861 г. Данное положение предоставляло казакам-переселенцам в Закубанье земельные наделы в частную собственность с правом по «окончании службы свободу исключаться из казачьего сословия и продавать землю иногородним лицам» [Хрестоматия по Истории Кубани, с. 130].

В результате в руках частновладельческих собственников в зависимости от военного и гражданского чина оказались как сравнительно небольшие участки – от 5 до 50 десятин земли, так и крупные – от 100 до 1 500 [Остапенко, 2004, с. 63]. Как правило, большинство именно «пожалованных» земельных участков продавалось практически сразу, как только проводилось их межевание. Так, к 1886 г. было продано 24,5 % данных участков, а к началу XX в. – уже больше половины [Ратушняк, 1974, с. 209]. Большая часть оставшихся участков поступало в залог банков. Так, за период с 1894–1896 гг. в Ейском и Темрюкском отделах в банках было заложено 616 имений общей площадью 184 тыс. десятин земли [Кубанские Областные ведомости, 1899]. Заложенные земли приносили их владельцам не только крупные кредиты, но и обязывали регулярно делать выплаты банкам. Неуплата долгов по кредитам приводила к неминуемой продаже банками земельных участков и имений. Так, только за 1898 г. Дворянский земельный банк и Донской земельный банк выставили на продажу 8,5 и 11,2 тыс. десятин земли [Ратушняк, 1996, с. 351].

Кубанское зажиточное казачество (офицерство и чиновники) всячески стремилось путем выполнения ряда законодательных формальностей перевести свои земли, которые им давались вместо пенсий, в прямую частную собственность. Как отмечал Ф.А. Щербина, «давнишние устремления чиновного казачества создать себе собственное, частное землевладение на войсковых землях осуществилось» [Остапенко, 2004, с. 64]. Однако дальнейшие попытки перевести в частную земельную собственность казачьи земли не находили поддержки ни со стороны рядового казачества, ни военного министерства. Основная опасность в легализации частного земледелия на Кубани была в том, что значительная часть рядового казачества (вследствие продаж земельных участков) могла перейти в категорию безземельного населения. Таким образом, к началу XX в. на Кубани хоть и была заложена категория частновладельческого земледелия, основная масса войсковой земли так и осталась в пользовании казачьего общества.

Рост численности населения области и массовая миграция крестьянского населения оказали существенное влияние не только на ускоренное развитие земледелия, но и, как следствие, на увеличивающийся спрос на покупку частновладельческой земли и аренду земли в станичных обществах.

Основными покупателями земли выступали представители именно не войскового сословия (купцы, мещане, крестьяне переселенцы, состоявшие в крестьянских товариществах и получавшие ссуды от Крестьянского поземельного банка). Так, купцы Петрик приобрели свыше 12 тыс. десятин земли, предприниматели овцеводы Николаенко и Мазавы – по 30 и 8 тыс. десятин земли [Прошлое и настоящее Кубани..., 1994]. Однако таких крупных земельных владений было не так много, так как в связи с высокими ценами (в начале XX в. цены поднялись до 500–600 руб. за десятину пашни [Сименко, 2003, с. 54]), и для получения максимальной прибыли от продажи и аренды земли шел процесс сознательного дробления земельных участков. Таким образом, купля продажа земли ввиду скудности частновладельческого фонда и постоянно растущих на неё цен не приобрела должных размеров.

Для переселенцев становилось гораздо выгоднее брать в аренду частную, государственную и казачью землю. Основной причиной, толкавшей казачьи семьи сдавать в аренду свои земельные пай, было отсутствие земледельческих орудий, долги и банальное желание получить деньги без существенных затрат. Именно данные обстоятельства привели к массовой сдаче в аренду казачьих паёв. Посетивший область начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант П.О. Щербов-Нефедович писал: «Значительная часть паевой земли не обрабатывается самими владельцами паев, а сдается ими в аренду иногородним или своим же, более состоятельным казакам одностаничникам» [Ратушняк, 1996, с. 356]. Статистик Министерства земледелия и государственных имуществ В.Е. Постников так описывал ситуацию с земельной арендой в области: «Надельная земля служит в настоящее время предметом обширной спекуляции, под землю получают займы с выдачей векселей, земля сдается и продается на год, два и более долгие сроки» [Куценко, 1993, с. 74].

Так как основными арендаторами выступали иногородние, возникавшие земельные споры и конфликты приводили к неизбежному столкновению интересов данных сословий. Как пишет Ф.А. Щербина, с увеличением населения обнаружились «стеснения в землепользовании» [История Кубани, с. 160]. Также существенный негатив у многих представителей казачества вызывало то обстоятельство, что казаки, отягощенные воинской повинностью, уступали более предприимчивой части иногородних в ведении земледелия и торговли.

Именно данные факторы способствовали появлению среди основной массы казачества тенденции на еще большее ограничение прав иногородних. Областное руководство, обеспокоенное ростом обнищания рядового казачества, вызванного масштабной и бесконтрольной арендой общинной земли, винило во всех бедах переселенцев «иногородних».

В результате был принят ряд постановлений, которые были направлены как на снижение притока переселенцев, так и на ограничение хозяйственной деятельности уже проживавших в области иногородних жителей.

Так, 13 мая 1883 г. было внесено изменение в закон «О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» от 29 апреля 1868 г. Данное изменение ограничивало возможность приобретения недвижимости иногородними в области, оставляя этот вопрос на усмотрение кавказского начальства. В отношении хозяйственной деятельности иногородним запрещалось выпасать на станичных выгонах более четырех голов крупного и шести голов мелкого скота на одно хозяйство. Те, у кого было больше скота, были обязаны вносить взносы, а несение натуральных повинностей, которое возлагалось на всех жителей станицы, со временем было переложено на иногородних жителей. Ограничения коснулись и жизни детей иногородних, которым разрешалось ходить в школу только во вторую очередь и только после приема детей казаков [Ладоха, 1923, с. 20].

Таким образом, существенные изменения, коснувшиеся жизни иногороднего населения, привели к сокращению притока переселенцев в область. Так, если в 1869–1889 гг. среднегодовой прирост иногороднего населения области составлял 35,6 %, то в период 1889–1904 гг. показатели прироста снизились до 3,5 % [Кудинова, 2003, с. 71].

Разработанные постановления коснулись и казачьего землепользования, чтобы прекратить самовольное дробление земельных наделов и уменьшить сроки аренды. Было внесено изменение в закон «О поземельном устройстве в казачьих войсках» от 21 апреля 1869 г., касавшееся договоров на аренду земельных наделов и пастбищ – договоры должны были заключаться на срок не более одного года. Уменьшение арендных сроков должно было урегулировать постоянно меняющиеся цены, а также предотвратить фактическую потерю казаками земельных наделов от долгосрочной аренды. Данное изменение вступило в силу 3 июня 1891 г. [Сименко, 2003, с. 79].

Но уменьшение сроков аренды отрицательно сказалось на ведении сельского хозяйства на войсковых землях, так как препятствовало рациональному использованию арендуемых участков и давало больше преимуществ частновладельческим и казенным землям, где сроки аренды были значительно выше. Постоянный рост цен на аренду земли (следует отметить, что значительное влияние на рост цен на аренду земли оказал «хлебный бум» 1892, 1893 гг., когда после неурожая и голода 1891 г. во многих губерниях цены на зерно и аренду земли подскочили в несколько раз) сделал невыгодным заключение краткосрочных и долгосрочных договоров (основная часть договоров на аренду заключалась в основном от 3 до 6 лет). В итоге в 1912 г. краткосрочная аренда была отменена. Казакам разрешалось сдавать в аренду земельные участки сроком до 6 лет [Ратушняк, 1996, с. 401].

Отрицательной стороной аренды наравне с ростом цен была и так называемая «субаренда». Данный вид аренды был важнейшим инструментом в получении максимальной прибыли зажиточными казаками и крестьянами. Именно субаренда сказывалась на положении беднейших слоев населения и приводила к еще большему социальному обострению в регионе. Крупные предприниматели переселенцы, занимавшиеся скотоводством, арендовали большие участки (до 20 т. десятин) казенных земель на долгосрочную аренду по минимальной цене (так, цены за 1 десятину казенной земли в области составляли 28 коп.) и отдавали ее в субаренду уже по цене 1–2 руб. за десятину [Ратушняк, 1996, с. 354–355].

Таким образом, бесконтрольная аренда, субаренда и покупка частновладельческой земли была не только одним из главных способов обогащения для зажиточного казачества, но и основным фактором, влиявшим на социальное расслоение кубанского казачества. В результате аренды казаки сами оказались стесненными в пользовании общественными выгонами и пастбищами, а сдавшие в аренду земельные паи казаки сами попадали в

кабалу и вынуждены были вскоре сами наниматься на работу к своим арендаторам. Так, по данным Л.В. Македонова, в конце XIX в. батраков давали 6 637 казачьих семей, составлявших 5,2 % казачьего населения. Причем большей частью батраками были женщины. Это объяснялось тем, что мужчины были заняты на военной службе [Куценко, 1993, с. 81]. Наиболее бедными в Кубанской области были Закубанские станицы. Так, по данным статистического исследования, из 131 станицы Нагорной полосы было выявлено, что бедными и малоимущими было от 36,9 до 43,5 % хозяйств; по данным атаманов из 218 станиц и хуторов, показатель бедных хозяйств составил около 48 % [Куценко, 1993, с. 87].

Существенное влияние на обеднение рядового казачества оказали неурожаи 1880, 1891, 1897 гг., когда многие казачьи семьи лишились паёв из-за долгов и «зерновых ссуд». Данные неурожаи только усиливали социальное расслоение среди станичного казачества.

Следует отметить, что в среднем на одно бедняцкое казачье хозяйство приходилось по 1–2 лошади, пара быков или одна корова. Однако именно количество лошадей являлось основным показателем социально-экономического расслоения казачьих хозяйств.

Так, Л.И. Футорянский в своей работе «Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX – начале XX вв.» приводит данные, что на 1912 г. в Кубанской области из 183 088 хозяйств безлошадных было 40 074 (21,9 %), а однолошадных – 15972 (8,6 %), соответственно, бедных хозяйств было 30,5 %, середняцких (наличие двух и трех лошадей) и богатых хозяйств (четыре и более лошадей) было примерно равное число – 62 901 (34,3) и 64 141 (35,2) соответственно [Футорянский, 1974, с. 304]. Таким образом, Л.И. Футорянский делит кубанское казачество на практически равные социальные группы.

Войсковая администрация всячески старалась поддерживать рядовое казачество, казакам выдавались ссуды под будущий урожай из войсковых или станичных касс под небольшой процент или беспроцентные. Однако большая часть долгов так и оставалась не погашенной. По данным за 1899 г., казаки были должны в Войсковую казну 950 000 руб.³⁰ За долги у казаков забирали половину, а иногда и весь земельный надел, который за счет сдачи в аренду компенсировал долг владельца. Каждый год в областной газете приводились данные о количестве изъятой у казаков за долги земли. Так, в 1895 г. у казаков было изъято 29 953 тыс. десятин земли, а уже в 1898 г. – 55 819 тыс. десятин [Прошлое и настоящее Кубани..., 1994, с. 160].

Казачьи земли не облагались денежными податями, а заменялись военной повинностью, которую несли казаки практически всю жизнь и которая становилась для них труднейшей заботой. Именно воинская повинность была одним из основных факторов ухудшения материального положения казаков. Снаряжение на службу, особенно для рядовых казаков, было тяжелым бременем. Так, если в середине XIX в. стоимость снаряжения и строевой лошади не превышала 72 руб., то с включением казачьих частей в состав кавалерийских дивизий в 1875 г. средняя стоимость снаряжения уже составила около 180 руб. [Остапенко, 2004, с. 73]. К концу XIX в. экипировка одного конного казака обходилась примерно 274 руб., а в начале XX в. стоимость выросла до 320 руб.

При снаряжении на службу основные траты казака приходились на покупку строевой лошади. Поэтому в начале XX в. стали появляться случаи прихода казаков и даже групп казаков на сборные пункты без лошадей. Так, в «Областных ведомостях» за 1896 г. отмечалось: «станция Попутная – 16 казаков явилось на сборы без лошадей, станица Белореченская – из 15 лошадей своих ни одной, все наняты по 6 руб. в месяц, станица Бжедуховская – своя лошадь только у одного казака, остальные наняты ко дню смотра по 50 коп. в день» [Кубанские областные ведомости, 1896]. Таким образом, для многих казаков стало выгодно приходить на сборы без лошади, объясняя это отсутствием денег, или брать строевого коня в аренду. Атаманы наказывали рядовых казаков взысканиями, аре-

³⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп 2. Д. 1229. Л. 34–35.

стами, были даже случаи разжалования, но данные меры уже не могли изменить ситуацию.

Многие казаки, не имея возможности купить строевого коня, зачислялись в менее почетные пешие подразделения. Так, например, снаряжение пешего казака в 1898 г. обходилось в 109 руб. [История Кубани, с. 144]. Для урегулирования проблемы со снаряжением казаков каждый год из войсковых и станичных средств выделялись деньги на снаряжение и покупку строевых лошадей для бедных казаков. Так, если в 1907 г. была выделена 281 тыс. руб. [Отчет начальника Кубанской области за 1907], то в 1912 г. было израсходовано 456 тыс. руб. [Куценко, 1993, с. 86].

Государство также выдавало выходящим на службу казакам (для покупки снаряжения и его починки) единоразовое материальное пособие. Однако данные выплаты были незначительными и покрывали лишь небольшую часть расходов. Таким образом, проблемы со снаряжением доводили казаков до крайности. Так, иногда отцы казаков, отправляемых на службу, просили станичное правление взять в свое распоряжение земельные паи их сыновей и тем самым снять с себя заботу о снаряжении их на службу. Журнал «Голос казачества» в начале XX в. отмечал, что «крестьяне с данной проблемой (снаряжением) не сталкиваются, у крестьянина чем больше сыновей, тем он богаче, а для казака дело обстоит совсем наоборот» [Остапенко, 2003, с. 73–74].

Недовольство казаков вызывал и тот факт, что воинская повинность ограничивала также и свободу передвижения. Так, на основании принятых в 1897 г. Правил «Об увольнении в мирное время казаков служилого состава» казак не мог отлучаться из станицы или хутора больше чем на 3 месяца, и то только с разрешения станичного руководства. Отсрочка до года предоставлялась только при одобрении атамана и всего станичного общества, но с обязательным отбыванием летних и зимних лагерных сборов. Покидать место жительства казакам строевого разряда строго запрещалось, т. е. казак не мог быть принят ни на какую другую службу или работу.

Заключение

Таким образом, на социальное расслоение казачества и формирование категории беднейшего казачества оказывали существенное влияние такие факторы, как стремительное развитие экономики с её процессами капитализации земельных отношений, долголетняя воинская обязанность, сословная замкнутость, а также нерациональное использование земельных паёв. Данные факты ставили казачье хозяйство в крайне тяжелое финансовое положение, а если учесть, что основным богатством бедных казаков была земля, то снаряжение на службу для них становилось слишком тяжелым бременем, для выполнения которого они вынуждены были сдавать свои земельные наделы в аренду, переходя, таким образом, в разряд безземельного или малоземельного казачества. Именно формирование данной категории казачества в совокупности с наличием в области безземельного иногороднего населения привело не только к обострению земельного вопроса в начале XX в., но и к тому, что именно данные социально-сословные группы стали наиболее революционно настроенной частью населения области, заинтересованной только в радикальном решении земельных и социальных проблем.

Список литературы

1. История Кубани. 2015. Под общ. ред. проф. В.В. Касьянова. Краснодар, Периодика Кубани, 352.
2. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар. 1896. 30 апреля.
3. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар. 1899. 7 ноября.
4. Кудинова А.В. 2003. Кубанская область и Черноморская губерния в период первой российской революции 1905–1907 гг.: дис. канд. ист. наук. Краснодар. 212.

5. Куценко И.Я. 1993. Кубанское казачество. Краснодар, Краснодарское книжное издательство, 583.
6. Ладоха Г.В. 1923. Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар, Кооперативное издательство «Буревестник», 122.
7. Остапенко П.И. 2004. Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.) Историко-правовой анализ: дис. док. юрид. наук. Краснодар. 443.
8. Отчет начальника Кубанской области за 1901.
9. Отчет начальника Кубанской области за 1907.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 65. Кубанская область. Санкт-Петербург, 1905. 263.
11. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Часть 1. 1994. Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, Советская Кубань, 272.
12. Ратушняк В.Н. 1996. Очерки Истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, Советская Кубань. 654.
13. Ратушняк В.Н. Земельный фонд Кубанской области и его распределение в период капитализма. 1974. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, Минтис: 205–214.
14. Симененко Л.В. 2003. Основные направления земельной политики на Кубани в конце XVIII – начале XX века: дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 268.
15. Трехбратов Б.А. 2003. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Краснодар, Кубанское книжное издательство. 440.
16. Футорянский Л.И. 1974. Расслоение казачьих хозяйств в конце XIX – начале XX в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, Минтис: 292–306.
17. Хрестоматия по Истории Кубани. 2015. Под общ. ред. проф. В.В. Касьянова. Краснодар, Периодика Кубани. 400.

References

1. Istoriya Kubani [History of the Kuban]. 2015. Pod obshch. red. prof. V.V. Kas'yanova. Krasnodar, Periodika Kubani, 352.
2. Kubanskije oblastnyje vedomosti [Kuban Regional news]. Ekaterinodar. 1896. 30 aprelya.
3. Kubanskije oblastnyje vedomosti [Kuban Regional news]. Ekaterinodar. 1899. 7 noyabrya.
4. Kudinova A.V. 2003. Kubanskaya oblast' i Chernomorskaya guberniya v period pervoy rossiyskoy revolyutsii 1905–1907 gg. [Kuban region and the Black Sea province during the first Russian Revolution of 1905–1907]: dis. kand. ist. nauk. Krasnodar. 212.
5. Kutsenko I.Ya. 1993. Kubanskoe kazachestvo [Kuban Cossacks]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 583.
6. Ladokha G.V. 1923. Ocherki Grazhdanskoj vojny na Kubani [Essays on the Civil War in the Kuban]. Krasnodar, Kooperativnoe izdatel'stvo «Burevestnik», 122.
7. Ostapenko P.I. 2004. Kazach'i gosudarstvennyje obrazovaniya na yuge Rossii (fevral'1917 – nachalo 1920 g.) Istoriko-pravovoy analiz [Cossack state formations in the South of Russia (February 1917 – early 1920) Historical and legal analysis]: dis. dok. yurid. nauk. Krasnodar. 443.
8. Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti za 1901 [Report of the head of the Kuban region for 1901].
9. Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti za 1907 [Report of the head of the Kuban region for 1907].
10. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoj imperii. 1897. T. 65. Kubanskaya oblast' [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kuban region]. Sankt-Peterburg, 1905. 263.
11. Proshloe i nastoyashchee Kubani v kurse otechestvennoy istorii. Chast' 1 [The past and present of Kuban in the course of National history. Part 1]. 1994. Pod. red. prof. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, Sovetskaya Kuban', 272.
12. Ratushnyak V.N. 1996. Ocherki Istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 g. [Essays on the History of the Kuban from ancient times to 1920]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban'. 654.
13. Ratushnyak V.N. Zemel'nyy fond Kubanskoj oblasti i ego raspredelenie v period kapitalizma [Land fund of the Kuban region and its distribution in the period of capitalism]. 1974.

Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe]. Vil'nyus, Mintis: 205–214.

14. Simenenko L.V. 2003. Osnovnye napravleniya zemel'noy politiki na Kubani v kontse XVIII – nachale XX veka [The main directions of land policy in the Kuban in the late XVIII – early XX century]: dis. kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu. 268.

15. Trekhbratov B.A. 2003. Istriya Kubani s drevneyshikh vremen do nachala XX veka [Istria of the Kuban from ancient times to the beginning of the XX century]. Krasnodar, Kubanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 440.

16. Futoryanskiy L.I. 1974. Rassloenie kazach'ikh khozyaystv v kontse XIX – nachale XX v. [Stratification of Cossack farms at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe]. Vil'nyus, Mintis: 292–306.

17. Khrestomatiya po Istorii Kubani [Textbook on the History of the Kuban]. 2015. Pod obshch. red. prof. V.V. Kas'yanova. Krasnodar, Periodika Kubani. 400.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахомов Андрей Вячеславович, аспирант кафедры истории, философии и психологии, преподаватель кафедры Физического воспитания и спорта Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Pakhomov, post-graduate student of the Department of History, Philosophy and Psychology, Lecturer of the Department of Physical Education and Sports, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

УДК 94(470) «1914/1918»+070+314.7
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-435-444

«Вынужденная миграция» граждан государств-противников на начальном этапе Первой мировой войны и ее отражение на страницах российской периодической печати

Николаева Е.В.

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14
E-mail: omc-c@yandex.ru

Аннотация. Так называемое «немецкое засилье» в России в годы Первой мировой войны вызвало широкий общественный резонанс и послужило основанием для правовых ограничений всех подданных воюющих с Россией государств. В статье рассматриваются причины этого явления, вызванного не только вполне естественным отрицательным отношением к врагу, противостоявшему российской армии, но и попытками создать своеобразное единство в сфере этнических отношений. Результатом явилось появление наряду с беженцами «вынужденных мигрантов», ряды которых состояли в том числе и из российских подданных немецкого и австрийского происхождения, многие десятилетия проживавших на территории России. Российская власть в какой-то мере оценивала возможные экономические последствия подобных мер, принявших массовый характер, но, находясь под постоянным давлением со стороны общества и армейского командования, вынуждена была предпринять шаги по введению ограничительных законов в отношении «внутренних врагов».

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, «вынужденная миграция», «немецкое засилье», мобилизация внутренних ресурсов.

Для цитирования: Николаева Е.В. 2021. «Вынужденная миграция» граждан государств-противников на начальном этапе Первой мировой войны и ее отражение на страницах российской периодической печати. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 435–444. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-435-444.

«Forced Migration» of Citizens of Opposing States at the Initial Stage of the First World War and its Reflection on the Pages of the Russian Periodicals

Elena V. Nikolaeva

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
14 Bezhitskaya St., Bryansk, 241036, Russia
E-mail: omc-c@yandex.ru

Abstract. The so-called «German strangehold» in Russia during the First World War sparked a massive public outcry and served as the basis for legal restrictions on all subjects of the states waging war with Russia. The article examines the reasons for this phenomenon which was caused not only by a completely natural negative attitude towards the enemy opposing the Russian army, but also by attempts to create a kind of unity in the sphere of ethnic relations. The result was the emergence, along with the refugees, of «forced migrants», whose ranks consisted, among other things, of Russian citizens of German and Austrian origin, who had been living in Russia for many decades. The Russian authorities to some extent assessed the possible economic consequences of such measures, which took place on a massive scale, but, being under constant pressure from society and the army command, they had to take steps to introduce restrictive laws against «internal enemies».

Key words: World War I, refugees, «forced migration», «German stranglehold», mobilization of internal resources.

For citation: Nikolaeva E.V. 2021. «Forced Migration» of Citizens of Opposing States at the Initial Stage of the First World War and its Reflection on the Pages of the Russian Periodicals. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 435–444 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-435-444.

Введение

Начало Первой мировой войны было встречено с восторгом во всех странах, вступивших в нее. Однако признанный американский специалист по российской военной истории У. Фуллер, характеризуя общественную атмосферу, царившую в государствах-участницах, отмечал, что «...общественный патриотизм и национальный подъем имели свою обратную сторону – рост шовинизма и ксенофобии. Всё связанное с ненавистным врагом демонстративно отвергалось и предавалось публичному поруганию» [Фуллер, 2009, с. 205–206].

Рассмотрение истории вынужденных мигрантов наметилось уже в ходе продолжавшейся войны и продолжилось сразу после ее окончания. Однако в исследованиях советского периода развития исторической науки тема беженства и выселенцев не нашла отражения даже в обобщающих трудах по истории Первой мировой войны. Редким исключением были работы демографического порядка. Только с конца 1990-х гг. на основе привлечения новых документов, хранящихся в архивах, началось активное восстановление детальной картины этой катастрофы, произошедшей в годы Первой мировой войны. Масштабы случившегося требуют новых исследовательских усилий, тем более что концептуализация феномена беженства и в рамках этого явления судьба вынужденных переселенцев не возможна без пристального изучения фактических сторон прошлой трагедии. Рассматриваемая статья должна внести свой вклад в решение этой исследовательской задачи.

Объекты и методы исследования

В книге американского историка Эрика Лора, посвященной политике притеснения в отношении подданных воевавших против России государств, отмечается, что «общественная мобилизация против широко разбросанных по империи вражеских меньшинств усиливала не общеимперский, а территориальный национализм» [Лор, 2012, с. 202]. Практически за счет выселяемых происходило утверждение новой тенденции в процессе национализации ряда районов страны. Совершенно очевидно, что «шпиономания» и прочие проблемы «засилья», якобы наблюдавшиеся со стороны инородцев, играли исключительно подчиненную роль в условиях решения важных политических задач.

Информационный потенциал архивных источников и материалов периодической печати позволяет осветить заявленную тему статьи, хотя многие из обозначенных проблем еще ждут своего детального рассмотрения. В исследовании были использованы как собственно исторические методы: сравнительно-исторический, ретроспективный, так и специальные, к которым можно отнести метод исследования социальной психологии.

Результаты и их обсуждение

В Российской империи, где начавшаяся война получила в народе название «германской», «ненавистный враг» для широких кругов общественности был очевиден – немецкое население. Причем речь шла об общности, которая на протяжении длительного времени проживала рядом с русскими.

Российская государственная политика империи с середины XVIII в. всячески поощряла иммиграцию из Европы с целью колонизации пограничных территорий. Так, Манифестом 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, по-

селяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» провозглашалось, что «в числе иностранных желающих в Россию на поселение случатся и такие, которые для проезда своего не будут иметь довольного достатка, то оные могут являться у министров и резидентов наших, находящихся при иностранных дворах, от коих, не только на иждивении нашем немедленно в Россию отправлены, но и путевыми деньгами удовлетворены будут» [Манифест, 1763, с. 313].

Согласно переписи населения 1897 г., более двух миллионов человек среди переселенцев на невозделанные земли южных степных районов, Поволжья, Северного Кавказа и других областей с целью контроля над малонаселенными районами и введения в хозяйственный оборот пустующих земель составляли немецкие фермеры-колонисты [Лор, 2012, с. 14]. На первом месте по размерам площадей находилась Таврическая губерния, затем следовали Херсонская, Бессарабская и Волынская. Земельные угодья, принадлежавшие выходцам из Германии, находились также в Лифляндской, Петроградской, Холмской, Варшавской, Люблинской губерниях, в Финляндии. Всего этнических немцев, которые встретили начавшуюся войну на территории Российской империи, насчитывалось около 3 млн человек [Фуллер, 2009, с. 207].

Борьба с так называемым «немецким засильем» в России не только отмечалась масштабными всплеском общественных эмоций, которые трансформировались в ксенофобию и шпиономанию, но и повлекла законодательные изменения, превратившись в конкретные направления внутренней политики страны. Такого рода изменения в российских законах периода Первой мировой войны чаще всего именуется в научных исследованиях как «ликвидационное законодательство», и если в целом правовой аспект проблемы получил освещение в исторической и юридической литературе, то анализ особенностей проведения этого направления государственной политики, а также ее влияние на экономическую ситуацию в стране и усиление социального напряжения в различные периоды войны еще далек от своего завершения и справедливо относится к малоизученным темам [Ерохина, 2014, с. 69].

В рамках статьи не представляется возможным рассмотрение всех перечисленных вопросов. Тем не менее, опираясь в основном на материалы периодической печати, в том числе на те из них, которые не были допущены военными цензорами к изданию (однако сохранились в соответствующих фондах РГИА), предполагается осветить некоторые аспекты проблемы. Прежде всего речь пойдет о роли периодической печати в дискредитации немецкого населения для решения политических и экономических задач, а также о формах подачи с этой целью информации в СМИ.

На страницах печати одно из ключевых мест на первом этапе войны отводилось формированию «образа врага». Такого рода действия предпринимались во всех воюющих странах и были вполне объяснимы с точки зрения необходимости формирования определенных настроений тех, кто находился на фронте. Однако российская печать буквально с первых дней военных действий начала разжигание подозрительности и нетерпимости по отношению к выходцам из Германии, традиционно и успешно помимо земледелия и торговли трудившихся в промышленности, проявивших себя в науке и на военной службе, формируя образ «внутреннего врага»: «Да, они устроились очень удобно, у них много довольства, прочные хозяйственные постройки, кожаная сбруя на лошадях. Они очень трудоспособны, настойчивы. Они, безусловно, честны, но той тупой, прямолинейной, беспощадной честностью сытого человека, которая убивает...» [Земская мысль, 1915. 18].

Начиная с октября 1914 г. набирала силу идея освобождения России от немецкого влияния. Война представлялась удачным способом разрешения якобы назревавшего на протяжении многих лет этого «государственного вопроса». В действительности речь зачастую шла о корпоративных интересах определенных российских кругов. Так, в ноябре 1914 г. Московское купеческое общество вместе с призывом к борьбе с «германским засильем» в деле производства промышленных товаров опубликовало и разослало опросник

по торгово-промышленной предпрятиям России. Предлагалось ответить на вопросы, которые помогли бы решить эту проблему. Призыв нашёл широкий отклик, и общество получило многочисленные ответы, на основе которых специальной комиссией был подготовлен доклад. Причинами распространения германских товаров в России большинство заполнивших анкету назвали их доброкачественность и дешевизну с одной стороны и прекрасную организацию коммерческой части немецких предприятий – с другой. Плохое распространение российских товаров на государственном рынке связывалось с неудовлетворительным отношением крупных фабрикантов к мелким производителям и перекупщикам, отсутствие кредитования. Также ссылались на русского потребителя, зараженного «ложным вредным убеждением о преимуществе всего иностранного» [Меры борьбы с германским засильем, 1915].

Особенно часто корреспонденты рекомендовали бойкот германских товаров, причём они не скрывали все трудности проведения его в жизнь. Необходимыми условиями успеха такого рода действий считали наличие общей организации русских купцов и промышленников и специальной справочной посреднической организации, которая могла бы устранить беспомощность в деле получения товаров мелких провинциальных торговцев.

Среди мер государственного характера указывалось на необходимость льготных торговых договоров, устройство подъездных путей к северным портам и понижение тарифов, на законодательную борьбу с германским засильем, а также на прекращение доступа после войны германским торговым агентам на российский рынок [Там же]. Все предложенные меры свидетельствовали о неминуемом глубоком кризисе, угроза которого нависала над отечественными торгово-промышленными предприятиями в случае ухода с российского рынка выходцев из Германии и Австро-Венгрии. Выход заключался в масштабной экономической перестройке, которую необходимо было осуществлять в условиях набиравшей силу войны.

Кампания по выселению немцев-колонистов из приграничных районов, которая первоначально осуществлялась по инициативе военных властей и объяснялась опять-таки вопросами безопасности, достаточно быстро обнаружила экономическую подоплеку, а именно – желание безвозмездной экспроприации их земель. И в этом случае авторы публикаций в периодической печати пытались переложить ответственность на самих немцев.

Газета «Земская мысль» в январе 1915 г. утверждала: «Призвали к нам немцев для бескровного завоевания края (имелись ввиду южно-русские степи), предполагалось одно, а вышло совсем другое» [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 17]. Автор статьи о немцах-колонистах заявлял, что задача внесения в новые земли начал европейской культуры не была решена. Выходцам из Германии было выдано от 60 до 80 десятин земли, каждому на постройку усадьбы – от 400 до 600 рублей, 35 рублей – на корову и 100 рублей – на приобретение рабочего скота. Они были освобождены на первые десять лет от всяких податей и повинностей, а после этого срока за десятину земли требовалось платить лишь 15 копеек в год, существовали и другие льготы. «Нет ничего удивительного в том, – отмечал автор статьи, – что немцы-колонисты стали все, за ничтожными исключениями, невероятно богаты» [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 17]. Отсюда напрашивался вывод: «Самое существование немецкой земли на русской земле неправильно и в таком виде, как сейчас, совершенно нетерпимо, потому что всё здесь ложно, неправильно в своем корне, в основании» [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 17].

Под «неправильным» понималось то, что немцы-колонисты не только сумели прикупить к уже полученному от Российского государства десятки тысяч десятин земли, но и отправить «очень проворных сельских писарей из колонистов» занять места членов земских управ, директоров земельных банков. Под «ложным» подразумевалось то, что с началом войны выходцы из Германии стали демонстрировать «свой до сего ничем не проявлявшийся русский патриотизм такими громкими, крикливыми словами, что их прямо стыдно и противно слушать, – по словам автора публикации, – а на деле этот патриотизм

выражается в том, что богатейшие немецкие колонисты жертвуют ничтожные суммы, гроши на русские народные нужды во время войны, дают несколько поломанных детских кроватей на устройство лазаретов, и немцы, – не только, впрочем, колонисты, – просят о замене своих немецких фамилий русскими, для того чтобы затеряться в русской толпе» [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 17].

Голословность, во всяком случае, с точки зрения серьезного обобщения, подобного рода рассуждений, на наш взгляд, легко подтверждается документом, относящимся к сентябрю 1915 г. Витебский губернатор направил телеграмму в Царское Село генерал-майору свиты Ресину, а значит – через него самому императору. В тексте послания речь шла о насильственном выселении находившегося на выборной должности головы Пфейфера и его сына, служившего исправником. Они вынуждены были переехать с семьей в город Орел к родственникам, где их арестовали и препроводили еще далее в Иркутск. Наряду с ними «беспричинному выселению подверглись председатель Дриссенской земской управы Тизенгольд и дриссенский земский начальник барон Рене» [Телеграмма витебского губернатора М.В. Арцимовича, 1915, с. 59]. Первый 24 года находился на военной службе, был в звании подполковника, являлся участником русско-японской войны, а его сын находился в российской действующей армии, был ранен. Барон Рене – правовед, «один из лучших земских начальников». По словам губернатора, который полностью мог поручиться за них, все они были выселены из района военных действий распоряжением командующего пятой армией, основанном на приказании штаба фронта [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 17].

Еще один вывод, содержащийся в газете «Земская мысль», сводился к тому, что «нужны какие-то определённые, решительные шаги, иначе могут быть очень тяжёлые столкновения между русскими крестьянами и немецкими колонистами, поскольку как это возможно, чтобы чужие всем пользовались, всё имели, всё у нас отняли, а свои были в это время у них только батраками!» [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 18].

Таким образом, автор публикации определял мотивы борьбы с немецким засильем, нисколько не сомневаясь в ее необходимости и справедливости. По сути, речь шла о своеобразной военной мобилизации не только в экономической, но и в этнической сферах. Наряду и вместе с новым понятием «беженства», возникшим в начале войны, появилось новое явление общественной жизни «подданный вражеского государства», причем зачастую в обыденной жизни термин становился ярлыком и для той части этнических немцев, которые, как указывалось, многие десятилетия являлись российскими подданными.

«Результатом общественно-государственной кампании стали: вынужденное переселение приблизительно 1 млн гражданских лиц, национализация весьма значительной части имперской экономики, а также переход обширных земельных владений и городской недвижимости из рук вражеских подданных к другим влиятельным группам населения» [Лор, 2012, с. 9].

Возвращаясь к вопросу о ложном патриотизме выходцев из немецких и австрийских земель, можно привести еще один пример. К орловскому губернатору в начале августа 1914 г. обратился уроженец Тернополя в Галиции, австрийский подданный Я.М. Май, который 22 года прожил в городе Карачеве (тогда Орловской губернии, а ныне Брянской области). В своем обращении он отмечал: «Как только по мобилизации около сорока человек рабочих моей фабрики в Карачеве были призваны на действительную службу, я, будучи в душе русским человеком, дал себе слово принять все зависящие от меня меры и в пределах моих средств обеспечить как семьи призванных рабочих, так и самих рабочих, остающихся на фабрике» [О пожертвовании австрийским подданным..., 1914]. С этой целью Я.М. Май при фабрике организовал для семей нижних чинов особую, посильную работу, которая обеспечила их дополнительным заработком. Самим призванным на войну было выдано денежное пособие, а всем остальным рабочим фабрики, а их было 700 чело-

век, было объявлено, что, невзирая на приостановку торговли из-за развернувшихся военных действий, работы на фабрике будут продолжаться, как и прежде.

К письму в адрес губернатора был приложен чек на тысячу рублей «в помощь больным и раненым воинам», а также заявлялось, что автор подал ходатайство «о принятии его в русское подданство» и готов «в будущем приносить посильную помощь и тем способствовать патриотическому делу борьбы с врагом, напавшим на давший мне приют и благосостояние русский народ» [О пожертвовании австрийским подданным..., 1914]. Трудно определить по тексту этого письма степень искренности австрийского подданного, обращавшегося в губернаторскую канцелярию. Скорее всего, поводом к этим действиям послужила развернувшаяся кампания против «немецкого засилья», страх потери нажитого в России за более чем 20-летний период имущества, хотя не исключается вариант с искренним желанием помочь стране, с которой был связан значительный период жизни этого человека. В любом случае приведенные примеры свидетельствуют о неоднозначности применяемых мер, связанных с развернувшейся борьбой против немецких и австрийских подданных.

Проблемы колонистов были тесно связаны с сельской местностью, но периодические издания не забывали и о светской публике, рассуждали о «скверном вкусе» немцев: «...в Берлине, например, в мясных лавках выставлен ростбиф, перевязанный голубыми бантами, а среди блюда из свиных котлет красуется портрет Кайзера с лихо закрученными усами» [Блохин, 2016, с. 42]. В газетах и журналах того времени можно встретить рассуждения о низкопробности немецкого юмора, о недостатках немецкого языка и его носителей – многочисленных воспитателей-немцев, трудившихся в образовательных учреждениях и в российских семьях.

Частыми были рассуждения о косности немецкой культуры, обвинения ее в «окаменелом консерватизме», в неизменности раз и навсегда установившихся норм. Немцы обвинялись в том, что у них «одинаковые дома», «прямые улицы», не были обойдены даже особенности внешности [Немецкие колонии, 1915. Земская мысль, 18]. Доставалось и немецкой литературе: «Помню, в детстве мы плакали, когда нам дарили на елку немецкие книги. Не сказки, которые сложились за много веков до гегемонии Пруссии, а серьезные, поучительные рассказы из детской жизни. Господи! Что это была за тоска, и как мы жалели тех несчастных детей (из книги) за то, что у них были немецкие родители!» [Блохин, 2016, с. 42].

Рассуждения автора «Земской мысли» относятся к 20-м числам января 1915 г., в начале же февраля 1915 г. Особая комиссия при варшавском генерал-губернаторе высказалась «за немедленное выселение из пределов Царства Польского всех германских подданных, а также немцев-колонистов, допустив лишь возможность в случае возбуждения об этом ходатайства оставления в местах жительства всех поляков, хотя бы они считались или значились германскими и австрийскими подданными» [Выселение немцев..., 1915. Земская мысль, 33].

Причем первые выселения немцев-колонистов из приграничных районов начались гораздо раньше, в сентябре 1914 г. Главными инициаторами этих мер выступали российские военные, которые чаще всего совершенно безосновательно подозревали выходцев из Германии, уже много лет проживавших на территории России, в особых симпатиях к противнику. Отсутствие конкретных доказательств шпионской деятельности не являлось в данном случае основанием для оставления немцев-колонистов на прежних местах проживания. Инициатива отдельных корпусных командиров нашла поддержку у верховного главнокомандования.

В результате поток выселяемых немцев пополнил ряды первых переселенцев-беженцев из районов, оказавшихся под военной угрозой, преумножив проблемы российских городов, оказавшихся на пути этого движения.

Например, издание «Новые дни», выходявшее в 1915–1916 гг. в Петрограде, в начале июня 1915 г. подготовило статью, посвященную анализу некоторых из проблем, связанных с выселением «немецких и австрийских подданных» вглубь России. Представленный военному цензору материал газеты был безжалостно перечеркнут красными чернилами, но сохранился в Российском историческом архиве. «Уездный город Кологрив Костромской губернии превратился теперь в немецкий штатдт (*город, населенный пункт.* – Авт.). Германских и австрийских подданных, высланных с начала войны из прибалтийского края, насчитывается в Кологриве почти не менее постоянных городских жителей. На улицах раздаётся немецкая речь, всюду встречаются типичные немецкие физиономии, вообще «немецкое засилье» бросается в глаза каждому свежему человеку. Но особенно чувствительно «немецкое нашествие» для горожан. Квартиры вздорожали до баснословных цен: помещение, которое раньше давалось в аренду по 15 рублей, теперь даёт 40–45 рублей в месяц дохода. Высланные немцы – народ очень богатый (разбогатели на русские деньги и на русских хлебах) и нанимают лучшие в городе квартиры, не интересуясь ценой. Русское же чиновничество и учителя местных учебных заведений принуждены бесплодно искать хотя бы какие-нибудь квартиры, вымаливая у домовладельца «сделать скидку» с «немецкой таксы». Продукты первой необходимости вздорожали очень заметно, например, яйца раньше продавались 10 коп. десяток, теперь продаются 20–25 коп., а в конце марта цена доходила до 50 коп. за десяток. Масло раньше первый сорт стоило 12 коп., теперь продаётся по 18–20 коп. за фунт. Масло скорожное стоит 50–55 коп. за фунт, сахар – 22 коп. за фунт. Вообще все продукты продовольствия поднялись в цене почти вдвое. Главная причина дороговизны заключается в немцах: во-первых, нужно прокормить несколько сот лишних ртов, присланных в Кологрив в августе прошлого года; во-вторых, немцы, не торгуясь при покупке съестных припасов, дали повод торговцам к недобросовестной спекуляции в смысле повышения цен. Торговцы рассуждают: «или русскому дорого, не бери, немцы возьмут с благодарностью» и стараются брать в три раза против нормальной стоимости продукта. Несмотря на обязательные постановления, немцы очень часто нарушают их. Замеченные подвергаются административным взысканиям: аресту или штрафу. В последующих корреспонденциях остановимся подробнее на жизни военнопленных и военнообязанных в северо-восточной полосе России» [Дальний, 1915. Новые дни, 46].

Волна антинемецких настроений повсеместно сопровождалась обвинениями властей в покровительстве подданным Германии, требованиями интернирования немцев. С особой силой это проявилось после первых поражений на фронте. В свою очередь, в среде выселенцев росла озлобленность: «Не скрывают своего нерасположения. Сами ничего не хотят делать. Все для них должно быть готово. Говорят все одно: "Царь нас выгнал с нашей земли, царь пусть и кормит". Бранят царя на чем свет стоит» [Кудринский, 1997, с. 89].

С немецким засильем в общественном мнении увязывался шпионаж и другие тайные формы поддержки врага. Периодическая печать зачастую открыто поддерживала эти настроения. Примером такого рода публикации может служить статья в газете «Голос Руси»: «Разумеется, одна немецкая фамилия, хотя бы и с баронским титулом в придачу, еще ничего не доказывает, – благосклонно соглашался автор статьи в газете в сентябре 1914 г. – Мало ли у нас было лиц с немецкой фамилией, преодолевших свою тевтонскую природу и принявших в себя славянскую душу!.. Однако то, что происходит в Прибалтийском крае, откуда черпаются разные наши деятели с немецкими фамилиями, доказывает с несомненностью, что край до сих пор населён истыми немцами, хотя по паспорту они и значатся русскими подданными. В самом деле, разве немецкие цепелины не строились на деньги лифляндских баронесов? Разве мало там немцев, у которых сыновья сражаются в рядах наших врагов?» [Невероятно, но факт, 1914. Голос Руси, 243]. Последние два предложения были вычеркнуты цензором и не пропущены в печать, но это в целом не изменило общего настроения статьи [Военная цензура..., 1914].

Петроградская военно-цензурная комиссия вынуждена была предпринять меры для пресечения подобной «разоблачительной» активности периодических изданий. Так, на заседании военных цензоров 21 октября 1914 г. обсуждался вопрос о том, как следует относиться к статьям, касавшимся так называемого «немецкого засилья». Председатель Комиссии генерал-майор Д.П. Струков предложил следующее: «Разоблачения отдельных случаев изменнических деяний, учиненных немцами, русскими подданными допускать к печати, обобщений же, заключающих в себе огульные обвинения в измене всего немецкого населения России, не позволять» [Журналы заседаний..., 1914].

Так, в июле 1915 г. была рассмотрена статья в газете «Свобода и порядок», которая содержала письмо унтер-офицера, негодовавшего на то, что нижний чин – колонист сдался в плен немцам, чтобы сражаться против наших войск. По поводу этой публикации было принято решение: «Статей и писем изложенного содержания к печати не позволять» [Журналы заседаний..., 1914]. Однако в целом всё зависело от подачи материала, содержащего такого рода разоблачения, и печать продолжала осуществлять обобщения на основе частных случаев.

В большей степени с определенного момента стали применяться ограничения, связанные с конкретными лицами, носившими немецкие фамилии. Специальным приказом Верховного главнокомандующего от 25 мая 1915 г. было запрещено осуществлять нападки на тех из них, которые состояли на государственной службе. Однако год спустя, 1 мая 1916 г., цензоры на своем заседании вынуждены были признать, что в периодической печати продолжают нападки на таких лиц [Военная цензура..., 1914]. Потенциально опасным раздувание антинемецкой истерии было из-за немалого количества немецких фамилий в российском правительстве. Более того, рано или поздно немецкое происхождение могли припомнить императрице Александре Федоровне.

Действительно, отрицательное отношение к императрице-немке стало проявляться уже в 1915 г. Например, начальник Московско-киевского жандармского полицейского управления железных дорог в декабре 1915 г. сообщал, что среди воинских чинов «высказываются резкие суждения о безответственных правителях из немцев, окружающих государя императора» [Донесение начальнику..., 1915]. Слухи о том, что царица-немка по секретному телефону сообщала противнику сведения о расположении российских войск, носили широкий характер и заметно влияли на массовое сознание. Образ внутреннего врага, формируемый с первых дней войны, постепенно стал обретать реальные черты, становившиеся все более рельефными в условиях нарастания общественного кризиса.

Лидер Конституционно-демократической партии России П.Н. Милуков в своей знаменитой речи, произнесенной 1 ноября 1916 г. в Государственной думе, буквально напрямую обвинил Б.В. Штюрмера, который являлся председателем Совета министров и министром иностранных дел, в измене. Более того, он во всеуслышание заявил, что за главой правительства стоит царица.

Императрицу обвиняли в активной деятельности в пользу врага, ей предписывалось даже распространение подпольных антивоенных листовок в столице. «Продовольственные затруднения, нараставшие в годы войны во многих городах России, "объяснялись" тем, что царица-де их вызвала намеренно, санкционируя и даже активно поощряя чрезмерный экспорт продовольственных товаров, столь необходимых для внутреннего потребления» [Колоницкий, 2010, с. 299–300].

Заключение

Дискриминационные ограничения, которые вводились относительно как немцев, так и представителей других национальностей, подданных вражеских на момент ведения войны Российской империей государств, в определенном смысле можно оправдать проблемой обеспечения государственной национальной безопасности. Однако подобные мероприятия правительства, которые стали реализовываться в отношении групп населения (в том числе и

немецкого), подданных Российской империи, которые десятилетия назад были инкорпорированы в экономическом, социальном и культурном аспектах в российском сообществе, губительно сказались на хозяйственном укладе всей страны, перед которой стояла проблема максимальной мобилизации ресурсов для борьбы с врагом. Немалый вклад в развязывание антинемецкой кампании внесли периодические издания, на страницах которых зачастую различные группы влияний под видом борьбы с «вражеским влиянием» отстаивали свои политические или экономические интересы. Несомненно, этот фактор сыграл свою роль в развитии внутривнутриполитического кризиса, который обозначился к середине 1915 г. и привел к серьезным социально-политическим трансформациям режима в 1917 г.

Список источников

1. Военная цензура при Петроградском комитете по делам печати Главного управления по делам печати МВД. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 2. Д. 1: 3; 713: 2.
2. Выселение немцев из Царства Польского. 1915. Земская мысль, 33: 7 февраля.
3. Донесение начальнику Орловского жандармского управления. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 883. Оп. 1. Д. 790: 348.
4. Журналы заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати. РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 6: 12, 30 об.
5. Манифест. О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающих, поселиться в которых губерниях они пожелают и её дарованных им правах. 1763. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 16: 11. 880.
6. Меры борьбы с германским засильем (анкета Московского купеческого общества). 1915. РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 238: 13.
7. Невероятно, но факт. 1914. Голос Руси, 243: 6 сентября.
8. Немецкие колонии. 1915. Земская мысль, 17–18: 21–22 января.
9. О пожертвовании австрийским подданным Я.М. Май 1000 руб. на военные нужды. 1914. ГАОО. Ф. 580. Ст. 3. Д. 7500: 1–1 об.
10. Телеграмма витебского губернатора М.В. Арцимовича генерал-майору свиты его величества А.А. Ресину о характеристике депортированных из Витебской губернии служащих немецкого происхождения. 1915. Сентябрь. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): Сборник документов. Сост. В.В. Врублевский и др. Минск, Беларусь, 2014. 355.

Список литературы

1. Блохин В.Ф. 2016. «Героическое» на страницах иллюстрированного журнала «Лукоморье» 1914–1917 гг. Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск: 37–60.
2. Дальний В. 1915. Письма из провинции. Новые дни, 46: 3 июня.
3. Ерохина О.В. 2014. «Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны. Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология, 1: 69–81.
4. Колоницкий Б.И. 2010. Трагическая эротика. Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. Москва, Новое литературное обозрение, 664.
5. Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы. 1997. Неман, 6: 79–193.
6. Лор Э. 2012. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. Перевод с английского В. Макарова. Москва, Новое литературное обозрение, 304.
7. Фуллер У. 2009. Внутренний враг. Шпиономания и закат императорской России. Авторизованный пер. с английского М. Маликовой. Москва, Новое литературное обозрение, 376.

References

1. Blokhin V.F. 2016. «Geroicheskoe» na stranitsakh illyustrirovannogo zhurnala «Lukomor'e» 1914–1917 gg. Rossiya v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsiy [«Heroic» on the Pages of the Illustrated Magazine «Lukomor'e» 1914–1917. Russia in the Era of Political and Cultural Transformations]. Bryansk: 37–60 (in Russian).
2. Dal'niy V. 1915. Pis'ma iz provintsii [Letters from the Province]. Novye dni, 46: 3 iyunya (in Russian).
3. Erokhina O.V. 2014. «Likvidatsionnoe zakonodatel'stvo» Pervoy mirovoy voyny [«Liquidation Legislation» of the First World War]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya, 1: 69–81 (in Russian).
4. Kolonitskiy B.I. 2010. Tragicheskaya erotika. Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny [Tragic Erotica. Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 664 (in Russian).
5. Kudrinskiy F.A. Lyudskie volny. Bezhtentsy [Human waves. Refugees]. 1997. Neman, 6: 79–193.
6. Lor E. 2012. Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoy mirovoy voyny [Russian Nationalism and the Russian Empire: Campaign against «Enemy Subjects» during the First World War]. Perevod s angliyskogo V. Makarova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 304 (in Russian).
7. Fuller U. 2009. Vnutrenniy vrag. Shpionomaniya i zakat imperatorskoy Rossii [The Internal Enemy. Spy Mania and the Decline of Imperial Russia]. Avtorizovanny per. s angliyskogo M. Malikovo. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 376 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Елена Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории, начальник отдела международных связей и сотрудничества Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Nikolaeva, Post-Graduate Student, National History Department, Head of International Relations and Cooperation Department, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

УДК 94(47).084.3

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-445-456

Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых КМА в ЦЧО в 1930-е годы: проблемы и трудности развития. Часть 3

Прокофьева Е.Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015. г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: prokofievaeu@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются трудности процесса преодоления сложившихся стереотипов, состоявших в том, что Центральное Черноземье не должно подпадать под планы форсированного индустриального переустройства хозяйства с приоритетом развития предприятий тяжелой промышленности группы «А», но сохранять сложившуюся аграрную специализацию. Автор в ходе анализа трудностей, имевших место при переходе страны к административно-командным методам руководства в годы предвоенных пятилеток, отмечает, что администрирование в регионе усилилось и приобрело жесткий директивный характер при запуске широкомасштабного процесса разведки и начала промышленного освоения железорудных богатств КМА. Введение в научный оборот репрезентативного архивного материала позволило автору выявить существенные противоречия, имевшие место в оценках плановых возможностей развития КМА между центральными и местными органами власти, что в конечном итоге вело к завышению показателей плановых заданий и недостоверным сведениям, предоставляемым в отчетах руководством региона в Москву.

Ключевые слова: Центрально-Черноземная область (ЦЧО), Курская магнитная аномалия (КМА), Комиссия Исполнения (КИ), Рабоче-Крестьянская Инспекция (РКИ), Районное государственное геологическое техническое управление (РайГГТУ), Районный исполнительный комитет (советов) (РИК), Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), лишённые гражданских избирательных прав (лишенцы).

Для цитирования: Прокофьева Е.Ю. 2021. Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых КМА в ЦЧО в 1930-е годы: проблемы и трудности развития. Часть 3. Via in tempore. История. Политология, 48 (2): 445–456. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-445-456.

Mining operations industry of KMA on the territory of Central Black Earth Region in 1930-s: problems and difficulties of development. Part 3

Elena Yu. Prokofieva

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: prokofievaeu@mail.ru

Abstract. It is the third conclusive article of the history of extraction and processing Kursk magnetic anomaly industry in 1920–1930-s. Difficulties of pattern overcoming that took place in expert circles and also in party leadership of the Central Black Earth region are analyzed by the author; the main stereotype was to save the agricultural focus of the Black Earth region and to develop heavy industry i.e. mining, electro-technical and chemical industry of A group as the main priority of economy at the same time. Debates about the main points of industry development that took place during 1920-s and also the lack of qualified personnel and finance retarded the processing and large scale mineral exploration and industrial exploration of the Kursk magnetic anomaly so that it really began only in 1930-s. Usage of the

representative archive material of the special economical journals of designated period allows the author to show significant controversies in the estimates and overestimation of unreliable planned aims of the Kursk magnetic anomaly development that were transferred from the regions to Moscow.

Key words: The Central Black Earth Region, Kursk magnetic anomaly, Comession run, Workers and Peasants' Inspection, Regional State Geological Technical Management, Regional Executive Committee, Upper Council of national Economy, deprived of civil rights.

For citation: Prokofieva E.Yu. 2021. Mining operations industry of KMA on the territory of Central Black Earth Region in 1930-s: problems and difficulties of development. Part 3. Via in tempore. History and political science, 48 (2): 445–456 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-445-456.

Введение

Актуальность данной темы обусловлена сегодня объективно поставленными перед Российской Федерацией задачами реализации в стране нового витка индустриальной модернизации, в рамках которого необходимо добиться возможности работы национальной экономики на базе максимально возможного импортозамещения. В этой связи исторические уроки достижений и ошибок, имевшие место в ходе широкомасштабного процесса освоения природных богатств Курской магнитной аномалии на территории ЦЧО в ходе развертывания социалистической индустриализации в СССР, главные цели которой практически совпадали с современными задачами, стоящими перед нашей страной, представляют не только научно-теоретический, но и вполне прикладной интерес для обеспечения государственной безопасности России.

Вместе с тем, несмотря на то что в начале 1960-х годов были изданы несколько томов документального материала по истории освоения КМА [Курская магнитная аномалия, 1961], исторических научных публикаций по проблеме до сих пор крайне мало. И, как правило, это диссертационные исследования 1960-х годов и более позднего времени [Кривошеев, 1965; Юров, 1967; Мальцев, 1968; Слободенюк, 2009; Толмачева, 2011]. При этом в них отсутствует постановка задачи раскрыть ошибки, проблемы, трудности и недочеты в ходе развертывания процесса освоения КМА в 1930-е годы.

Новизна исследования заключается в том, что научные исторические публикации, посвященные освоению и развитию КМА в XX веке, хронологически начинаются, как правило, с послевоенного времени, не затрагивая «проблемных» 1930-х годов [Антропов, 1958; Шевяков, Маньковский, 1962; Бусыгин, 1969; Крупенков, 1973; КМА набирает..., 1974; Железородная база..., 1998; Быковская, 2000].

Исключением стала содержательная научная статья О.В. Пешехоновой [Пешехонова, 2011]. Но и в ней автор не ставила задачу анализа ошибок и трудностей, имевших место в обозначенный период освоения КМА, ограничившись освещением в хронологической последовательности самого процесса развертывания строительства добывающих и перерабатывающих предприятий КМА.

Для данной публикации представляют особую значимость документы, извлеченные автором из фонда Р-1439 (Центрально-Черноземный Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1928–1934 гг.) государственного архива Воронежской области (ГАВО), которые впервые вводятся в научный оборот. Это, прежде всего, материалы, содержащиеся в описи 4, в делах № 229, 230 и 231; в них в числе прочих представлены постановления Президиума Облисполкома ЦЧО и Комиссии Исполнения при Облисполкоме ЦЧО от 26 августа 1931 г. «О выполнении постановления Обкома ВКП(б) ЦЧО от 27 апреля 1931 г. о ходе реконструкции и строительства Липецких заводов, рудников и строительстве новых шахт»; «О ходе разведочных работ и строительстве КМА»; «О результатах проверки выполнения постановления Комиссии Исполнения от 6 октября 1931 г. по вопросу предоставления квартир инженерно-техническим работникам КМА»; постановления Президиума Облисполкома ЦЧО «О ходе индустриализации».

зации в ЦЧО» (1931 г.) и «О развитии отраслей промышленности ЦЧО в 1928–1934 гг.»; доклады председателя Старооскольского горисполкома Косарева «О трудностях и недостатках в ходе предоставления квартир работникам КМА» и информация Комиссии Исполнения о фактическом невыполнении ее постановления «О снабжении КМА». Кроме того, в данной описи представлены документы о контрольных цифрах планов по развитию промышленности ЦЧО на 1932–1935 гг.

Объект и методы исследования

Объектом статьи явились проблемы и трудности развития промышленности по добыче и обработке полезных ископаемых Курской магнитной аномалии на территории ЦЧО в 1930-е годы. В основу при написании статьи легли принципы научности, объективности и историзма. Они позволили определить основные направления развития Центрально-Черноземного региона в условиях перехода СССР к пятилетнему планированию на среднесрочную перспективу, выявить особенности складывания народнохозяйственного комплекса в ЦЧО на базе постановки таких нетрадиционных ранее для Черноземья задач, как индустриализация. Для выявления трудностей при подведении новой технической и технологической базы под широкомасштабную разработку и промышленное освоение железорудных месторождений КМА были применены сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и логический методы. По мнению автора, это позволило дать объективную оценку спорам о целесообразности избрания курса на индустриальное развитие традиционно аграрного региона, продолжавшимся вплоть до конца 1920-х годов, и с большей достоверностью реконструировать особенности и имевшие место ошибки при постановке приоритетных задач в планах развертывания полномасштабного освоения КМА в первой половине 1930-х годов.

Результаты и их обсуждение

С учетом изложенного в первой и второй частях ранее проведенного автором данной статьи исследования заявленной проблемы, раскрывающего сущность и масштаб многочисленных трудностей, имевших место при постановке задач восстановления и планов по развертыванию процесса перевода на индустриальные рельсы добывающих отраслей промышленности в таком традиционно аграрном регионе, как Центральное Черноземье [Прокофьева, 2015, с. 162–167; Прокофьева, 2016, с. 150–156], к началу 1930-х годов вполне закономерным результатом стал ряд постановлений особой Комиссии Исполнения (КИ), созданной при Облисполкоме ЦЧО. В первом постановлении КИ от 6 июля 1931 г. анализировалось выполнение постановления обкома ВКП(б) ЦЧО от 12 мая и облисполкома ЦЧО от 5 апреля 1931 г. «О реконструкции Липецких рудников и строительстве новых шахт». В документе отмечалось следующее: «Заслушав доклад управляющего Сырских рудников т. Каплунова... о реконструкции рудников и строительстве новых шахт и содоклад представителя ОблРКИ т. Васильева, Комиссия установила, что... подготовительные работы по проходке новых шахт и развертыванию строительства гражданских и технических сооружений, запроектированных на 1931 г., осуществляются такими темпами, которые ни в какой мере не могут обеспечить добычу руды в нужном количестве для пуска новых доменных печей к установленному сроку – 1 июня 1932 г.»³¹. Далее в докладе констатировалось значительное невыполнение плановых заданий: «Из утвержденного окончательно правлением «Сталь» к постройке на 1931 год 11 новых шахт на 1 июля текущего года находится в проходке 9 шахт, из них по 2-м шахтам проходка ствола отложена и по 3-м – стволы пройдены..., что составляет 56 % выполнения по метражу; к демонтажу Гданцевской эл./ст. (1500 квт) лишь приступили; ...изыскательные работы по

³¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 229. Л. 1, 4.

постройке подъездных ж/д путей к шахтам и карьерам только заканчиваются; ...установлена в шахте № 3 только одна электролебедка...»³².

Поскольку КИ являлась, по сути, структурой партийных и советских руководящих органов ЦЧО, в отличие от хозяйственников, специалистов-практиков и ученых, признать планы геологоразведок и ввода в эксплуатацию объектов «необоснованно завышенными» она не могла, так как в этом случае руководству региона нужно было бы «отвечать» за срыв плановых показателей перед вышестоящим начальством в Москве. Поэтому в постановлении КИ вместо объективной оценки необоснованного завышения показателей при составлении плана развития отрасли были найдены «виновные» в срыве выполнения непосильных заданий. Ими оказались «тов. Бобков и Журбенко (ЦЧстрой), Белинин и Шапиро (Леспромтрест), Фаерман и Баум (Облснаб), Челышев (Союзхлеб), Калинин и Гудков (Союзпромкорм), Паринов и Молешкин (Облдел труда), Шабанов, Непрокин и Терентьев (Облдортранс), Светличный и Холченко (Липецкий горсовет), которые не выполнили постановления Обкома от 12 мая и Облисполкома от 5 апреля, чем не создали нормальных условий для строительства новых шахт»³³.

Во втором постановлении КИ от 26 августа 1931 г. о ходе Липецких разведок Комиссия Исполнения ...устанавливает: постановление Обкома ВКП(б) от 27 апреля 1931 г. полностью не реализованы организациями, ведающими Липецкими рудными разведками, результатом чего темпы разведок продолжают оставаться недостаточными; происходит распыление геолого-разведочных работ...; разведочные работы на хозрасчет не переведены...; прогрессивно-сдельная оплата труда не введена; буровые работы на 3-х сменную работу не переведены; наличное оборудование полностью не используется; общее и техническое руководство в надлежащей мере не осуществляется; рационализаторская работа, социальное соревнование и ударничество не развернуты; к закреплению рабочей силы на разведках мер не принято; снабжение продовольствием и промтоварами недостаточно; финансирование разведок проходит с опозданием»³⁴.

В итоговом постановлении КИ в лучших традициях административно-командной системы управления предписывалось: «Работу по разведкам перестроить, концентрировав разведки в массивах наибольшего залегания рудных месторождений, наметив в декадный срок конкретные меры для выполнения плана проходки и провести их в жизнь»³⁵.

В еще одном докладе «О КМА» от 6 октября 1931 г. Комиссия Исполнения констатировала, что ни по одному пункту указанных в августе 1931 г. недостатков существенно улучшения к октябрю месяцу не произошло. В докладе сообщалось, что, во-первых, крайне неудовлетворительно обстояло дело с материально-техническим снабжением КМА спецоборудованием и стройматериалами. «По п. 1 – «Обеспечение норм проходки... и выполнение промфинплана» ...задерживалось непоставками оборудования. В октябре месяце на IV квартал не присланы запасные станки... с буровым оборудованием; обсадные трубы 112, 127 и 73 мм; колонковые трубы 129, 114, 99, 84, 54 и 44 мм; переходники... и другое оборудование. Снабжение истирающими материалами проходит также неудовлетворительно... В связи с несвоевременной отгрузкой оборудования Геолснабом... ликвидация аварий задерживается... Винторезный станок, фрезерный станок и механический молот... до сего времени не получены. Оборудование для чеканочной мастерской не получено... По снабжению ЦЧСнаб задерживает выполнение и реализацию заявок КМА... По п. 2 – «Выполнение всех нарядов на стройматериалы, скобяные, москательные и силикатные изделия» ЦЧСнабом почти не выполняется... Наряды на сентябрь и октябрь месяцы сего года на 2 500 кубометров лесоматериалов выполнен только на 40 %... При отсутствии пиломатериалов и лесоматериалов работа по постройке 20 новых вышек для пребы-

³² Там же. Л. 2.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 230. Л. 1.

³⁵ Там же.

вающих новых буровых станков будет сорвана, получатся простые станки и срыв выполнения производственного плана. Только 13. XI. 31 г. ОблСНХ уведомил, что... Базе КМА предоставлена рамочная лесопильная пила с Буторлиновского завода, но она неисправна и требует ремонта»³⁶. Имелись серьезные претензии и к снабжению вспомогательных мастерских, переданных в состав КМА, к отставанию в графиках строительства дорожного сообщения, телефонной связи и пр. В постановлении КИ также отмечалось, что «снабжение поделочными материалами мастерских, входящих в объединение КМА, Геолснабом проводится неудовлетворительно... Строительство дороги КМА от г. Старого Оскола до Салтыково в срок... не окончено ввиду невыполнения трудгужповинности Старооскольским и Скороднянским РИКами, хотя по постановлению Старооскольского РИКа сельсоветы района обязаны были выполнить норму вывозки 16 276 куб. метров песка, но выполнили только 3 056 куб. метров; а Скороднянский РИК порученное задание выполнил только на 1,9 %... По улучшению телефонной связи между КМА и Салтыково, где велись буровые работы, Облконторой никаких мер не было принято... Наряд от ОблСНХ на 360 000 шт. кирпича и также на 10 вагонов извести получен своевременно, но перевозка их не произведена, т. к. Союзтранс, несмотря на заключенный с ними договор, категорически отказывается от перевозки этих грузов, ссылаясь на бездорожье... Положение с доставкой вагонов под грузы КМА неудовлетворительное»³⁷.

КИ отмечала и плохое снабжение сотрудников необходимой спецодеждой. Проверка выявила, что «до сего времени База КМА своевременно и полностью спецодеждой не удовлетворена: снабжение сапогами осуществлено на 32 %, ...кожаными костюмами – на 10 %, холщевыми фартуками – на 79 %, ботинками – на 4,6 %, халатами – на 24,9 %, ватными шароварами – на 41 %, овчинными куртками – на 55,6 %, нательным бельем – на 11,4 %». КИ констатировала и невыполнение предписаний областных властей целевым назначением направлять для работников КМА «дефицитные товары», в основном одежду по сниженной, т. н. «городской» цене. В докладе КИ, в частности, сообщалось, что «поступление дефицитных товаров на Базу КМА и снабжение сотрудников идет почти целиком по (более высоким – Е.П.) ценам сельского сектора, и преимущественно детским ассортиментом»³⁸.

Далеко не лучшим образом обстояло дело и с продовольственным и топливным снабжением КМА, а также с обеспечением рабочих мылом. Проверка показала, что «снабжение мясом идет с перебоями. Снабжение мылом идет с большими перебоями... В отношении снабжения иждивенцев Облснаб и Облпотребсоюз до сего времени не договорились, таким образом, иждивенцы КМА в IV квартале не снабжаются... В топливе для столовых и хлебопекарен Энергобюро отказало, вследствие чего грозит срывом... снабжения рабочих хлебом и питанием. В наряде на фураж 12 лошадей, занятых по доставке продуктов питания из г. Старый Оскол до с. Салтыково, Облснабом отказано. Отмечается халатное отношение работников Облпотребсоюза к отправке товаров, в частности, незнание точного адреса нахождения Базы КМА. Имели место случаи засылки товаров, принадлежащих Базе КМА, в г. Курск, что создавало излишнюю переписку и задержку реализации товаров»³⁹.

Вывод повторной проверки Комиссией Исполнения состояния дел, сформулированный помощником ответственного исполнителя КИ Анпиловым, был неутешителен: «Из всего перечисленного видно, что снабжение КМА даже после постановления Комиссии Исполнения ничуть не улучшилось, ... что отразится на выполнении производственного плана и получится текучесть в рабсиле... Суммируя все данные о выполнении поста-

³⁶ Там же. Д. 231. Л. 38–38 об., 39 об.

³⁷ Там же. Л. 38–38 об., 39 об., 40–40 об.

³⁸ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 231. Л. 38, 39.

³⁹ Там же. Л. 39.

новления Комиссии Исполнения... явствует, что решения руководящих органов о работе КМА все же остаются невыполненными...»⁴⁰.

Осенью и зимой 1931–1932 г. КИ продолжила свою работу, отметив, что в числе нерешенных наиболее болезненным являлся «квартирный вопрос», то есть проблема обеспечения инженерно-технического и рабочего персонала КМА жильем. Ситуация с жильем была крайне сложная. Еще в 1928/29 хозяйственном году руководство КМА общало в Облисполком и Обком ЦЧО: «Заслуживает особого внимания текущая рабочая сила вообще и в особенности на Сырских рудниках. За 1928/29 г. принято было рабочих 3 816 чел., и уволились – 3 179 чел., то есть из числа принятых остались на работе лишь 637 чел. ... Бытовые условия ...довольно тяжелы и в значительной степени влияют как на состав кадров по качеству, так и по текучести. На рудниках повсеместно ощущается отсутствие или антисанитарное состояние жилых помещений. Рабочие живут в землянках...»⁴¹.

В первой половине 1930-х годов положение с жильем на КМА существенных изменений не претерпело. В очередном докладе зампреда КИ Цветкова о результатах проверки выполнения постановления Облисполкома ЦЧО от 6 октября 1931 г. «По вопросу предоставления квартир инженерно-техническим работникам КМА» говорилось следующее: «Необеспеченность квартирами вызывает текучесть работников. Горкоммунхоз удовлетворил квартирами сотрудников КМА на 38 %; 18 % квартир подыскано самой Базой КМА и 44 % сотрудников квартирами не удовлетворены. Возвратившиеся с полевых работ сотрудники полевых партий не имеют квартир»⁴².

К зиме 1932 г., как следует из документов, положение оставалось не менее сложным. «За время с 1 марта 1931 г. по 1 февраля 1932 г. Старооскольским горсоветом было предоставлено для инж.-технич. работников (ИТР) КМА 23 отдельные квартиры и 12 квартир в двух домах, ремонт которых произведен силами и средствами КМА... В настоящее время 15 человек... находятся в течение 2-х месяцев без квартир... За декабрь-январь месяцы в связи с непредоставлением квартир ушли с работы 4 инженера. От одного инженера, находящегося в отпуску, получено письмо, в котором он пишет, что если ему не будет предоставлена квартира до 10 февраля текущего года, то он на работу не придет... Директором КМА т. Павловским дана заявка в Москву об откомандировании 9 инженеров, 12 геологов, 5 техников, 7 прорабов, 9 топографов, 7 физиков и т. д., а всего 50 человек, для которых квартир в Старом Осколе нет. Вину (за это – Е.П.) председатель Старооскольского горсовета Завьялов возложил на директора Базы КМА Павловского, который якобы не отремонтировал 2-этажный дом на 20 квартир, переданный горсоветом КМА по договору от 26 августа 1931 г. Завьялов заявил, что при передаче дома горсовет дал стройматериалов на сумму 8 294 руб., однако Павловский не стал ремонтировать дом, а надстроил 3-й этаж. По сообщениям Завьялова, жилищный кризис в Старом Осколе углубился и потому, что в Старый Оскол были переведены совпартшкола и техникум...»⁴³.

Обвинения председателя Старооскольского горисполкома Завьялова в адрес директора Базы КМА Павловского КИ сочла необоснованными. Более того, по ее решению сам Завьялов был снят с занимаемой должности по весьма своеобразной причине – «за то, что не принял никаких мер к выселению в летний период лишенцев в пригородные села с целью предоставления этих квартир работникам КМА, что в значительной степени удовлетворило бы работников КМА квартирами»⁴⁴.

⁴⁰ Там же. Л. 39, 41.

⁴¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1204. Л. 28.

⁴² ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 231. Л. 40 об.

⁴³ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁴ Там же. Л. 1 об.

Однако увольнение советского чиновника, принудительно не выселившего лишенных (по политическим и экономическим соображениям) избирательных прав горожан в сельскую местность, ситуацию существенно не улучшило. Вновь назначенный председатель горисполкома Старого Оскола Косарев в своем докладе Комиссии Исполнения попытался объяснить причины сложившейся ситуации с «жилищным кризисом» в городе. Однако в представленных аргументах он вынужден был фактически повторять слова своего снятого с должности предшественника: «Жилая площадь города определяется (к зиме 1932 г. – Е.П.) в 34 959 кв. метров при наличии населения города 8 700 чел, что составляет в среднем на 1 душу 4 кв. метра жилой площади... Кроме того, в 1931 г. в Старый Оскол переведены: Совпартшкола, Зерновой и Ветеринарный рабфаки, Межрайонная Коопшкола. Вновь организованы Стройуч, пед. курсы и межрайонные непрерывные курсы советского строительства... и вновь расквартирована Военная часть РККА... Расширены: на 2 группы с/х техникум и на 2 группы пед. техникум...»⁴⁵.

Таким образом, несмотря на все усилия администрации, острота жилищного вопроса в Старом Осколе в начале 1930-х гг. не только не снижалась, но с развертыванием КМА приобретала социально конфликтный характер, что вынужденно отразилось в официальных документах того времени. Так, все объяснения Косарева не были приняты в расчет, и в докладе Комиссии Исполнения сообщалось, что «новый председатель горсовета т. Косарев до сих пор не предоставил в распоряжение КМА квартиру взамен отобранной и переданной им помощнику начальника милиции, в которой раньше жил работник КМА т. Абрамов»⁴⁶. В результате в своих выводах, сформулированных инспектором Кустовым, КИ «для исправления ситуации» предписывала: «предложить председателю Старо-Оскольского горсовета провести соответствующие уплотнения квартир с предоставлением уплотненной жилплощади под квартиры ИТР Базы КМА; **поставить вопрос перед Облпрокурором о разрешении выселения в зимний период лишенцев в пригородные села и предоставления этих квартир ИТР КМА**; обязать т. Павловского обеспечить полное окончание капитального ремонта 2-этажного дома не позже 1 июня текущего года; обязать председателя горсовета в 2-декадный срок предоставить квартиру в распоряжение КМА взамен отобранной квартиры, в которой жил сотрудник КМА т. Абрамов» (выделено – Е.П.)⁴⁷.

Несмотря на жесткую критику крайне неблагоприятной ситуации по выполнению утвержденных плановых заданий, связанных с разведкой и освоением КМА и реконструкцией Липецких рудников, звучавшую в докладах Комиссии Исполнения в Воронеже, по поручению партийно-советского руководства ЦЧО эта же Комиссия отправляла в Москву и в центральные органы крупных хозяйственных объединений вполне бодрые отчеты, в которых фактически искажалось истинное положение дел. В качестве примера возможно привести выдержки из целого ряда таких сообщений, отправленных КИ в сентябре 1931 г. в Москву в ВСНХ СССР, и в Харьков, где находились головные конторы крупного производственного объединения «Сталь» и горнодобывающего треста «Руда». «Металлический сектор ВСНХ СССР своим письмом от 13 августа 1931 г. за № 03316 препроводил нам постановление Комиссии Исполнения при ЦЧ Облисполкоме от 6 июля с. г. «О реконструкции Липецких рудников». В соответствии с постановлением правительства об обязательном окончании работ по постройке Липецкого госметзавода в июне месяце 1932 г., «Рудой» были развернуты работы для обеспечения окончания строительства новых Липецких рудников на месяц раньше (плана – Е.П.), т. е. к маю месяцу 1932 г. Окончательный проект развития рудничного хозяйства с добычей в 2 млн тонн сырой руды принят от Гипромед в начале июля с. г., согласно проекту, утвержденному «Сталью». Эта добыча обеспечивается 6 шахтами (5 шахт – Е.П.) – по 300 тыс. и 1 (шахтой – Е.П.) – в 500 тыс.

⁴⁵ Там же. Л. 8–10.

⁴⁶ Там же. Л. 1.

⁴⁷ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 231. Л. 1 об.

тонн)»⁴⁸. Далее оптимистично рапортовалось, что «фактически уже заложено 7 новых шахт, из которых 1 будет резервной на случай увеличения добычи. Также резервной является весь Сырский рудник с действующими шахтами и имеющими быть заложенными на нем новыми. **Проходка новых шахт развивается успешно**, и на 30-е августа с. г. 6 новых шахт доведены до известняка, а 7-я будет доведена до известняка к 15 сентября с. г.»⁴⁹. И уже совсем удивительную информацию местные власти сообщали о ходе подведения железнодорожных веток и электричества к строящимся или реконструирующимся рудникам. Так, в одном из отчетов, направленных руководством ЦЧО в Москву, сообщалось: «...Работы по железнодорожному строительству ведутся успешно, ... хотя в части фондов на стройматериалы, действительно, в 1-м полугодии из лесных материалов **фактически не реализовано ничего**. ... Состояние топографических работ вполне удовлетворительное... **Временная** подача энергии с расширяемой Липецкой электростанции обеспечена» (Выделено – Е.П.)⁵⁰.

В ответ на оптимистичные региональные отчеты о благополучном выполнении и даже перевыполнении сроков плановых заданий, в Москве руководители соответствующих отделов ВСНХ выделяли все новые средства и оборудование для КМА. «Объем работ, обеспечивающих добычу 2 млн тонн с подробной спецификацией, определен в 1-й половине июня с. г., причем для проведения строительства в 1931 г. ассигновано 8 760 000 руб. На основе этого 1 июля с. г. ВСНХ СССР (дополнительно – Е.П.) выделены фонды на все основное оборудование... со сроком поставок, обеспечивающих своевременный пуск шахт в эксплуатацию. А 13-го августа с. г. ПредВСНХ СССР т. Кагановичем было предложено ВОМТу (Всесоюзный объединенный машиностроительный трест – Е.П.) заключить договор с «Рудой» на изготовление упомянутого оборудования к 1-му кварталу 1932 г., т. е. в сроки, увязанные графиком окончания работ (по реконструкции – Е.П.) Липецких рудников»⁵¹.

Сложные технологические решения в процессе реконструкции и расширения Липецких рудников потребовали применения не только отечественного, но и импортного оборудования. КИ сообщала в Москву, что с сентября 1931 г. «дальнейшая углубка шахт по известняку потребует применения взрывных работ и механического бурения на основе передвижных компрессоров с двигателями внутреннего сгорания». Из Москвы отвечали, что «заказ на указанные (импортные) компрессора оформлен и нашему представителю т. Кржижановскому, направленному в Берлин в комиссию тов. Пятакова, дано указание направить эти компрессора немедленно большой скоростью, почему получение компрессоров можно ожидать не позднее 1-го октября с. г.»⁵².

Несмотря на отчеты о благополучном выполнении плановых заданий, руководство ЦЧО все же осознавало не только сложность поставленной перед регионом задачи по разведкам, реконструкции и вводу в строй новых объектов КМА, но и тяжесть возможных последствий выявления истинного положения дел. В этой связи Обкомом ЦЧО в ВСНХ был отправлено предложение реорганизовать управление КМА, поддержанное правлением треста «Руда» в Харькове. Направленный в Москву исполняющий обязанности управляющего трестом «Руда» Горбачевский добился от руководства ВСНХ разрешения на структурные изменения в управлении КМА. Отныне геологоразведка и строительство отделялись от эксплуатации объектов. В обком и облисполком ЦЧО Горбачевский сообщал, что с 1 сентября 1931 г. «для упорядочения управления нашим строительством «Рудой» (по согласованию с ВСНХ – Е.П.) принято решение отделить новое строительство от эксплуатации... Выделено самостоятельное управление по руководству строительством Ли-

⁴⁸ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 229. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Л. 32, 33.

⁵⁰ Там же. Л. 33 об.

⁵¹ ГАВО. Ф. Р-1439. Оп. 4. Д. 229. Л. 33–33 об.

⁵² Там же. Л. 33.

пецких рудников «Липецкстрой», каковое укомплектовано необходимыми кадрами инженерперсонала, и со стороны «Руды» установлено особое наблюдение за этим строительством»⁵³.

В целом из анализа приведенного материала следует, что создание материально-технической базы для изучения и освоения КМА, а также начало промышленной разведки и эксплуатации полезных ископаемых ЦЧО широким фронтом началось лишь в годы первой советской пятилетки (1928/29–1932/33 гг.). По масштабам процесс являлся грандиозным, и по результатам должен был коренным образом изменить исторически сложившийся хозяйственный механизм такого огромного традиционно аграрного региона Центральной России, каким являлась ЦЧО. Именно поэтому в ходе начала его реализации имели место значительные трудности и недочеты, вызванные как издержками административно-командных методов руководства, сложившихся в СССР к началу 1930-х годов, так и невыполнением плановых заданий, вынужденно увязываемых руководством ЦЧО в общий контекст догоняющей, или «ускоренной модели» индустриализации, избранной политическими лидерами СССР.

Вместе с тем уже к середине 1930-х годов на этом направлении в Центральном Черноземье удалось добиться выдающихся результатов – была создана материально-техническая база для дальнейшего ускоренного индустриального развития региона. Так, если в 1913 г. совокупная стоимость произведенной в регионе промышленной продукции (в сопоставимых ценах) оценивалась в 215 млн руб., то в 1928 г. – уже в 318 млн руб., а к 1932 г. в целом по ЦЧО она составила более 867 млн руб. То есть за годы первой пятилетки возросла в 2,7 раза. Впечатлял и рост капиталовложений в промышленный сектор экономики края: если в 1928 г. они составляли 17 568 тыс. руб., то в 1932 г. – уже 155 101 тыс. руб., то есть увеличились примерно в 8 раз. При этом бесспорный приоритет отдавался развитию тяжелых отраслей промышленности, где за указанный период вложения возросли с 5 млн 715 тыс. до 107 млн 689 тыс. руб., то есть в 19 раз [16, с. 11–12]. Наряду с широкой реконструкцией и коренным техническим перевооружением промышленности, за 4 года первой пятилетки в ЦЧО были введены в строй 20 новых крупных промышленных предприятий, а в 1932–1934 гг. достраивались и вводились в эксплуатацию еще 20 заводов, среди них Подгоренский цементный и Липецкий металлургический заводы, 4 шахты по добыче железной руды, Логовской комбинат дезентегрированного мела, Журавский охроплавильный и Букреевский фосфоритный заводы. В 1932 г. началось строительство крупнейшего в регионе Старооскольского металлургического комбината. Особо следует отметить, что, выполняя требование ЦК ВКП(б) «в кратчайший срок полностью освободиться от иностранной зависимости и производить все машины, оборудование и другие изделия на своих, отечественных заводах», к 1932 г. в ЦЧО было освоено производство дизелей, газогенераторов, целого ряда материалов «синтетической химии», высококачественных изделий из огнеупорных материалов и другой по тем временам высокотехнологичной промышленной продукции [Четыре года..., 1932, с. 13–14]. Уже к концу 1920-х гг. мелоизвестковое производство региона составляло 55 % от всего производимого в СССР молотого мела и 21 % – извести [Промышленность ЦЧО..., 1929, с. 19].

Заключение

Важный, по сути, окончательный вывод по дискуссии, продолжавшейся на протяжении 1920-х годов, о целесообразности индустриальной хозяйственной специализации ЦЧО в рамках процесса форсированной индустриализации страны сделала состоявшаяся в январе 1932 г. в Воронеже третья областная партийная конференция, которая особо отметила необходимость дальнейшего интенсивного разведывания «естественных богатств и недр... в направлении: а) использования мощной сырьевой железорудной базы КМА

⁵³ Там же. Л. 34.

(КМА Липецк, Калач, Павловск), сырьевой базы по стройматериалам, фосфоритам, огнеупорам, цементу, сырьевой базы по синтетическим новым видам сырья; б) создания в ЦЧО мощной базы тяжелого и транспортного машиностроения, создания крупнорайонной базы заготовительных и переделных заводов, развития основной и синтетической химии, производства стройматериалов; в) строительства в ЦЧО крупной энергетической базы...; г) организации в ЦЧО громадного узла транзитных магистралей...» [Шевяков, Маньковский, 1962, с. 43–44]. Конференция отметила также необходимость в ближайшей перспективе второй пятилетки «объединения металлургического производства и руд КМА в один комбинат южной металлоугольной базы при создании в ЦЧО мощного металлургического производства с коксовыми установками, снабжаемыми углем из Донбасса и Подмосквового бассейна, и вывоза руды на металлургические заводы Донбасса. Комбинирование металлургических заводов ЦЧО с машиностроительными заводами ЦЧО и Центра на началах поставки ...литейных частей и деталей переделного чугуна, стали, тяжелого машиностроения... При этом само индустриальное развитие ЦЧО должно явиться крупнейшим фактором дальнейшего развития всей европейской части Союза, как южной, так и центральной» [Шевяков, Маньковский, 1962, с. 44–45].

Преодолевая трудности, существенные успехи были достигнуты и в социальной сфере Черноземного Центра РСФСР, прежде всего в оплате «промышленного труда». Так, например, с 1928/29 по 1932/33 гг. среднемесячная зарплата рабочих региона по металлургической промышленности возросла с 61 руб. 48 коп. до 121 руб. 26 коп. (на 97,2 %); по машиностроению – с 62 руб. 76 коп. до 88 руб. 33 коп. (на 40,7 %); по мелоизвестковому производству – с 36 руб. 10 коп. до 63 руб. 36 коп. (на 75,5 %); по кирпичному производству – с 42 руб. 31 коп. до 52 руб. 43 коп. (на 23,9 %). Значительно улучшилось снабжение рабочих товарами первой необходимости и система общественного питания на промышленных предприятиях ЦЧО [Шевяков, Маньковский, 1962, с. 18].

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что, несмотря на целый ряд проблем, существенно осложнявших разведку и освоение природных богатств ЦЧО, прежде всего КМА, в ходе индустриальной модернизации края к середине 1930-х годов была заложена прочная основа для трансформации Центрального Черноземья из депрессивно-аграрного в динамично развивающийся индустриально-аграрный регион РСФСР.

Список литературы

1. Антропов П.Я. 1958. Курская магнитная аномалия. Москва, Знание, 24.
2. Бусыгин И.А. 1969. Путь к кладу земли. Москва, «Недра», 104.
3. Быковская Г.А. 2000. Научно-техническая политика российского государства: опыт исторической реконструкции. Воронеж, Воронежская технол. акад., 300.
4. Железорудная база России. Под ред. В.П. Орлова. 1998. Москва, ЗАО «Геоинформарк», 842.
5. КМА набирает высоту: сб. статей, очерков об освоении КМА. Сост. К.М. Новоспаский, М.П. Козлов. 1974. Воронеж., Центр.-Черноземное кн. изд-во, 142.
6. Кривошеев Т.И. 1965. Борьба КПСС за создание нового железорудного бассейна СССР – Курской магнитной аномалии (1918–1961 гг.): дис. канд. ист. наук. Харьков, 157.
7. Крупенков Н.Ф. 1973. Сокровища третьего магнитного полюса. Москва, Политиздат, 127.
8. Курская магнитная аномалия: история открытия, исследований и промышленного освоения железорудных месторождений. Сб. док-ов и мат-ов: 1742–1926. Т. 1. Белгород, 1961; 1926–1962. Т. 2. Белгород, 1962.
9. Мальцев И.И. 1968. Развитие черной металлургии Черноземного Центра (1917–1967 гг.): дис. канд. ист. наук. Москва, 210.
10. Пешехонова О.В. 2011. Освоение Курской магнитной аномалии за 1931–1945 гг. Ученые записки: электронный научный журнал Курского госуд. ун-та. Курск, Том 2. 3 (19): 15–27.
11. Прокофьева Е.Ю. 2015. Промышленность по добыче и обработке полезных ископаемых на территории Центрального Черноземья: трудности и перспективы развития в 1920-е

годы. Часть 1. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 8 (58): 162–167.

12. Прокофьева Е.Ю. 2016. Промышленность по добыче полезных ископаемых в Центрально-Черноземной области: к вопросу о трудностях и перспективах развития в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Часть 2. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 11 (73): 150–156.

13. Промышленность ЦЧО и ее перспективы. 1929. Воронеж, [тип. ОкрСНХ], 133.

14. Слободенюк Н.В. 2009. Формирование и развитие горно-металлургического комплекса в районе Курской магнитной аномалии во второй половине XX – начале XXI веков (на материалах Белгородской области): дис. канд. ист. наук. Курск, 226.

15. Толмачева Е.А. 2011. Становление и развитие горно-геологической службы России и СССР: 1882–1928 гг. (на примере Курской губернии): дис. канд. ист. наук. Курск, 204.

16. Четыре года социалистической реконструкции ЦЧО. 1932. Воронеж, «Коммуна», 136.

17. Шевяков Л.Д., Маньковский Г.И. 1962. Курская магнитная аномалия. Москва, Изд-во АН СССР, 99.

18. Юров А.Ф. 1967. Из истории освоения богатств Курской магнитной аномалии (1918–1966 гг.): дис. канд. ист. наук. Москва, 206.

References

1. Antropov P.Ya. 1958. Kurskaya magnitnaya anomaliya [Kursk Magnetic Anomaly]. Moscow, Znanie, 24 (in Russian).

2. Busygin I.A. 1969. Put' k kladu zemli [The road to the earth treasure]. Moscow, «Nedra», 104 (in Russian).

3. Bykovskaya G.A. 2000. Nauchno-tekhnicheskaya politika rossiyskogo gosudarstva: opyt istoricheskoy rekonstruktsii [Scientific and technical politics of Russian Federation – experience of historical reconstruction]. Voronezh, Voronezhskaya tekhnol. akad., 300 (in Russian).

4. Zhelezorudnaya baza Rossii [Iron ore base of Russia]. Pod red. V.P. Orlova. 1998. Moscow, ZAO «Geoinformark», 842 (in Russian).

5. KMA nabiraet vysotu: sb. statey, ocherkov ob osvoenii KMA [KMA is growing up: collection of articles and essay about KMA development]. Sost. K.M. Novospasskiy, M.P. Kozlov. 1974. Voronezh., Tsentr.-Chernozemnoe kn. izd-vo, 142 (in Russian).

6. Krivosheev T.I. 1965. Bor'ba KPSS za sozдание novogo zhelezorudnogo basseyna SSSR – Kurskoy magnitnoy anomalii (1918–1961 gg.) [Soviet Union Struggle to new iron ore basin creation – Kursk Magnetic Anomaly (1918–1961)]: dis. kand. ist. nauk. Khar'kov, 157.

7. Krupenkov N.F. 1973. Sokrovishcha tret'ego magnitnogo polyusa [Treasure of the 3-rd magnetic pole]. Moscow, Politizdat, 127 (in Russian).

8. Kurskaya magnitnaya anomaliya: istoriya otkrytiya, issledovaniy i promyshlennogo osvoeniya zhelezorudnykh mestorozhdeniy [Kursk Magnetic Anomaly: the history of research and industry iron ore development]. Sb. dok-ov i mat-ov [Collection of documents and materials]: 1742–1926. T. 1. Belgorod, 1961; 1926–1962. T. 2. Belgorod, 1962 (in Russian).

9. Mal'tsev I.I. 1968. Razvitie chernoy metallurgii Chernozemnogo Tsentra (1917–1967 gg.) [Ferrous metallurgy development of the Central Black Earth (1917–1966)]: dis. kand. ist. nauk. Moscow, 210 (in Russian).

10. Peshekhonova O.V. 2011. Osvoenie Kurskoy magnitnoy Anomalii za 1931–1945 gg. Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosud. un-ta [Kursk Magnetic Anomaly development during 1931–1945]. Kursk, Tom 2. 3 (19): 15–27 (in Russian).

11. Prokof'eva E.Yu. 2015. Promyshlennost' po dobyche i obrabotke poleznykh iskopaemykh na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya: trudnosti i perspektivy razvitiya v 1920-e gody. Chast' 1 [Industry of mineral resources on the territory of the Central Black Earth – difficulties and prospects of development in 1920-s]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 8 (58): 162–167 (in Russian).

12. Prokof'eva E.Yu. 2016. Promyshlennost' po dobyche poleznykh iskopaemykh v Tsentral'no-Chernozemnoy Oblasti: k voprosu o trudnostyakh i perspektivakh razvitiya v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. Chast' 2 [Mineral resources industry of the Central Black Earth: question s of difficulties and prospects of development in 1920-1930-s]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 11 (73): 150–156 (in Russian).

13. Promyshlennost' Ts.Ch.O. i ee perspektivy [The Central Black Earth industry and it's prospects]. 1929. Voronezh, [tip. OkrSNKh], 133 (in Russian).
14. Slobodenyuk N.V. 2009. Formirovanie i razvitie gorno-metallurgicheskogo kompleksa v rayone Kurskoy magnitnoy anomalii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI vekov (na materialakh Belgorodskoy oblasti) [Mining and metallurgical complex development of Kursk Magnetic Anomaly during XX–XI century (based on Belgorod region)]: dis. kand. ist. nauk. Kursk, 226 (in Russian).
15. Tolmacheva E.A. 2011. Stanovlenie i razvitie gorno-geologicheskoy sluzhby Rossii i SSSR: 1882–1928 gg. (na primere Kurskoy gubernii) [Mining and geological survey development of Russia and USSR: 1882–1928 (based on Kursk region)]: dis. kand. ist. nauk. Kursk, 204 (in Russian).
16. Chetyre goda sotsialisticheskoy rekonstruktsii Ts.Ch.O. [4 years of socialist reconstruction of the Central Black Earth Region]. 1932. Voronezh, «Kommuna», 136 (in Russian).
17. Shevyakov L.D., Man'kovskiy G.I. 1962. Kurskaya magnitnaya anomalija [Kursk Magnetic Anomaly]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 99 (in Russian).
18. Yurov A.F. 1967. Iz istorii osvoeniya bogatstv Kurskoy magnitnoy anomalii (1918–1966 gg.) [From history of prosperity development of Kursk Magnetic Anomaly (1918–1966)]: dis. kand. ist. nauk. Moscow, 206 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокофьева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Prokofieva, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(470)“19”

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-457-466

Источники и приемы кадрового комплектования советского атомного проекта

Мельникова Н.В.

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук,
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: melnatvik@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности формирования кадрового состава советского атомного проекта. Хронология исследования включает период между 1945 г., давшим начало активизации проекта после затяжного старта, и второй половиной 1950-х гг., когда были достигнуты основные результаты по ключевым направлениям государственной политики в области создания ядерного оружия. В динамике рассмотрены источники, механизмы и приемы «атомного» рекрутирования, структура исполнителей – научных и инженерно-технических кадров (в том числе молодых специалистов), рабочих (включая спецконтингенты), среднего технического персонала. Показано, как цель проекта, занимаемая им в советской системе позиция «главного звена», его секретность и режимность определяли интенсивность действия мобилизационных методов в решении кадрового вопроса.

Ключевые слова: советский атомный проект, кадры, кадровая политика, комплектование, мобилизация.

Для цитирования: Мельникова Н.В. 2021. Источники и приемы кадрового комплектования советского атомного проекта. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 457–466. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-457-466.

Recruitment sources and techniques of the soviet atomic project

Natalia V. Melnikova

Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
16 Kovalevskaja St., Ekaterinburg, 620990, Russia
E-mail: melnatvik@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the specificities of the Soviet atomic project's manpower formation: how new employees were acquired and appointed in this crucial sector of the Cold War economy, and who they were. The chronology is from 1945 to the second half of the 1950s. This was the time between the beginning of the project active stage after a protracted start and its completion, when the main results in the creation of nuclear weapons were achieved. The study is based on declassified archival materials, published documents and memoirs. The author analyzes the sources, mechanisms and techniques of the «atomic» recruiting, and their changes over time. It was considered dynamics of the manpower structure: scientists (including foreign and GULAG prisoners), engineers, as well as young professionals, workers (including «special contingents» of NKVD / MVD USSR), middle technical personnel. It is shown how the goal of the project, the position of the «main element» in the Soviet system, its secrecy and regime determined the intensity of the mobilization methods in the project's personnel policy.

Keywords: Soviet atomic project, manpower, personnel policy, recruitment, mobilization.

For citation: Melnikova N.V. 2021. Recruitment sources and techniques of the soviet atomic project. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 457–466 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-457-466.

Введение

В ходе реализации советского атомного проекта были заложены основы современной национальной инновационной системы. Актуальные задачи обеспечения технологических прорывов и ускоренной модернизации российской экономики заставляют с особым вниманием отнестись к историческим достижениям в осуществлении проекта. В их числе – создание специализированного кадрового базиса. Несмотря на обширную историографию истории атомного проекта СССР [Мельникова, Бебель, 2016], проблема формирования его кадрового потенциала не получила комплексного системного освещения. Поэтому данная статья фокусируется на способах, механизмах, источниках, типах и эволюции процесса пополнения «атомных» кадров. Источниками исторической реконструкции послужили делопроизводственные документы – опубликованные и неопубликованные, отложившиеся как в центральных, так и в региональных архивах, в том числе в научный оборот вводится впервые выявленный в Центральном государственном архиве г. Москвы фонд Парторганизации Первого главного управления.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования данной статьи является процесс кадрового комплектования советского атомного проекта в 1945 г. – второй половине 1950-х гг. В работе применены следующие методы исследования: анализ, синтез, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы (позволяющие проследить проблему в динамике, хронологической последовательности и выявить специфические особенности кадровой политики в советском атомном проекте). Статистические методы обеспечили представление данных, иллюстрирующих количественные характеристики отдельных групп кадрового потенциала проекта. Метод «case studies», дополняя исследование, преодолевал ограниченность источниковой базы, связанной с секретностью проекта.

Результаты и их обсуждение

Появление ядерного оружия стало серьезным внешним вызовом СССР и расценивалось высшим руководством страны как угроза (а также как потенциальная возможность). Это ставило атомный проект на позицию «главного звена», от которого зависел успех противодействия нависшей над системой опасности [Седов, 2003, с. 21]. Такая позиция обусловила высокий уровень секретности, сопровождавший реализацию проекта. Согласно постановлению Государственного комитета обороны от 20 августа 1945 г. формировались внеправительственные и надведомственные органы управления проектом – Специальный комитет и Первое главное управление (ПГУ)⁵⁴. За этим последовала тотальная мобилизация различного вида ресурсов, в том числе и людских. Нужды проекта (включая кадровые) получили право удовлетворения «преимущественно перед другими ведомствами».

Укомплектовать формируемую отрасль работниками в кратчайшие сроки можно было только путем собирания их из различных источников. Инструментом «атомного» комплектования являлась мобилизация как направленный процесс активизации масс властью для решения чрезвычайных задач, возникающих в виде различных «вызовов и угроз» [Социальная мобилизация, 2013, с. 9]. Законодательной базой перераспределения и новой концентрации кадров служил указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». Он предоставлял право народным комиссарам СССР «переводить в обязательном порядке» работников на те «участки» экономики страны, которые испытывали в них недостаток. В случае атомного проекта это происходило в ущерб действующим промышленным предприятиям. Они либо лишались уже работающих, причем лучших, либо недополучали молодых спе-

⁵⁴ Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Кн. 1. Саров, 1999. С. 11–14.

циалистов и рабочих⁵⁵. Все это было тем более проблематично, учитывая общий дефицит рабочей силы в стране, образовавшийся к концу Второй мировой войны. Недаром начальник Первого главного управления Б.Л. Ванников называл изъятие лучших кадров в пользу проекта «ограблением промышленности» [Ершов, 2019, с. 14].

Заказы на нужных работников формировали сами «атомные» объекты (как назывались научные и производственные «единицы» проекта). От невозможности «просчитать» ситуацию в условиях принципиальной новизны дела и меняющихся «техзаданий» руководители часто указывали большее количество персонала (прежде всего, рабочих и ИТР), чем требовалось в конечном итоге⁵⁶. Однако руководство ПГУ, видимо, с пониманием относилось к этим сложностям: не было случаев, чтобы за явно завышенные заявки руководители наказывались выговором⁵⁷.

Условно говоря, можно выделить персонифицированный заказ, который касался конкретного специалиста, известного кому-либо из уже работающих в проекте, и массовый. Последний составлялся на определенное количество работников необходимых специальностей, уровня подготовки и квалификации, в том числе на молодых специалистов и рабочих. В качестве характерного примера персонифицированного рекрутинга можно привести случай приглашения в 1952 г. в Лабораторию «В» физика-теоретика А.С. Давыдова. Его кандидатуру предложил директор упомянутой лаборатории доктор физико-математических наук Д.И. Блохинцев. Оба они были выпускниками физического факультета МГУ, учениками и представителями школы академика И.Е. Тамма. После одобрения кандидатуры Давыдова в ПГУ последовала проверка его биографии МГБ, подтвердившая, что он «достоин» работать в секретной сфере, затем было получено согласие самого кандидата. А далее случилась довольно длительная «тяжба» по переписке, поскольку ни дирекция Института физики АН УССР, где он на тот момент работал, ни президент Академии наук Украинской ССР А.В. Палладин не желали отпускать перспективного сотрудника. Блохинцев, апеллируя к главе Спецкомитета Л.П. Берии, настаивал, что не видит Давыдову никакой замены⁵⁸. Дело решило распоряжение Совета Министров СССР, обязывающее Академию наук УССР откомандировать ученого в распоряжение ПГУ; в 1953 г. он приступил к работе в Лаборатории «В»⁵⁹.

Данный кейс демонстрирует несколько важных закономерностей «атомного» рекрутирования. Во-первых, действие механизма «экспертного мнения», предшествовавшего последующим формализованным и неформализованным процедурам отбора и оформления в проект. Во-вторых, обязательность проверки претендента органами госбезопасности на предмет «чистоты» его биографии. В-третьих, специфичные векторы процедуры отбора. Если сведения о наличии нужного претендента могли исходить «снизу», то проведение согласования непременно должно было проходить только «сверху», через аппарат ПГУ. Так обеспечивался режим секретности, которым был пронизан проект. То, что личные инициативы таких переговоров возбранялись, показывает другой эпизод, произошедший с Б.Г. Музруковым, в 1948 г. с поста директора Уралмашзавода назначенным руководителем первого советского комбината по наработке плутония (г. Озерск⁶⁰). По своей инициативе, без согласования с ПГУ и без предварительной проверки МГБ он повел переговоры с одним из своих бывших сотрудников о переводе его на плутониевый комбинат. Спецкомитетом это было расценено как рассекречивание информации об «атомном» объекте. Директор получил строгий выговор и предупреждение о привлечении к уголовной ответственности за нарушение правил секретности в дальнейшем⁶¹. А остальные – понятный урок, как не следует поступать.

⁵⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10208. Оп. 2. Д. 771. Л. 104, 175.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1221. Л. 42; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОСО). Ф. 5673. Оп. 1. Д. 118. Л. 9.

⁵⁷ Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 3466. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1500. Л. 1–11.

⁵⁹ Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 5. Саров – М., 2005. С. 504; Т. III. Кн. 1. Саров – М., 2008. С. 477, 661.

⁶⁰ Поскольку закрытые атомные города имели открытые (условные) и секретные наименования, которые не единожды менялись, здесь и далее приведены современные названия.

⁶¹ Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 1. С. 266, 368–369.

В первую очередь кадры набирались из родственных ПГУ по характеру и квалификации геологоразведочной, горнорудной, металлургической отраслей промышленности, Академии наук СССР, ведомственных НИИ, МВС, МГБ и МВД⁶². Поскольку нужны были не только специалисты, занятые разработкой и производством ядерного оружия и средств его доставки, но и те, кто будет обеспечивать им условия жизни, кадровыми «донорами» становились и «непрофильные» для проекта министерства – легкой и пищевой промышленности, здравоохранения, образования, культуры, торговли и т. п.

Для отбора работников согласно заказам «атомных» объектов составлялись «разверстки» специалистов по различным областям и республикам СССР (по большей части, России, Украины и Белоруссии)⁶³. С учетом требований к квалификации (лучшие в своих сферах деятельности) и личности кандидатов («чистота» биографии, здоровье) было не просто соблюдать установку Спецкомитета «по возможности сократить количество областей, по которым предполагается производить набор кадров»⁶⁴. Как отмечали работники отдела кадров ПГУ, «чтобы отобрать десятки специалистов, нужно “просеивать” многие тысячи»⁶⁵. Поэтому полигоном отбора становилась вся страна, за исключением приграничных территорий и территорий, находившихся в годы войны в зоне оккупации. Проживавшие там априори считались неблагонадежными.

В соответствии с «развертками» по стране распределялись представители Управления кадров ЦК ВКП(б), отдела кадров ПГУ и кадровых служб «атомных» объектов, имевшие право действовать только через первых секретарей обкомов партии. Те получали постановления, обязывавшие обком отобрать и отдать ПГУ определенное количество работников обозначенных специальностей с подведомственных им промышленных предприятий. О масштабах работы на местах может свидетельствовать тот факт, что 80 % сотрудников отдела кадров ПГУ в конце 1940-х гг. постоянно находились в командировках по подбору персонала⁶⁶.

Списки потенциальных претендентов, сформированные для одного «атомного» объекта, не были монополией только этого предприятия, а становились общим источником комплектования кадрами, которые могли быть распределены и на другие объекты⁶⁷. Отбракованные кандидаты заносятся в отдельную картотеку, к которой в случае необходимости обращались повторно, отбирая лучших из имеющихся в ней⁶⁸. Формировались также резервные списки кандидатов на руководящие инженерно-технические должности, составляемые аппаратом ЦК. В них входили имеющие большой опыт (10–15 лет и выше) специалисты – директора крупных промышленных предприятий, главные инженеры/энергетики/механики и проч. Если руководитель какой-либо службы «атомного» объекта не справлялся со своими обязанностями, для каждой отдельной должности можно было быстро подобрать 5–8 «запасных вариантов»⁶⁹.

В первой половине 1950-х гг. «атомное» кадровое комплектование посредством мобилизации через обкомы партии и предприятия постепенно сворачивалось, уступая в следующее пятилетие место другой разновидности мобилизации – общественным (комсомольским, молодежным) призывам. Они оказали заметное влияние на комплектование рабочей силой строителей закрытых городов Сибири [Реут, 2014, с. 208–210, 213, 215].

Молодые специалисты на востребованные в высокотехнологичном проекте инженерно-технические должности поступали из вузов и техникумов. В вузах для ПГУ организовывались специальные (секретные) кафедры, факультеты и отделения с отбором и переводом туда наиболее успевающих учащихся. В общей сложности было задействовано

⁶² Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 4. Саров – М., 2003. С. 522.

⁶³ ЦГАМ. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 72. Л. 118–119.

⁶⁴ Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 1. С. 320.

⁶⁵ ЦГАМ. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 72. Л. 58.

⁶⁶ Там же. Л. 112.

⁶⁷ Там же. Л. 26.

⁶⁸ Там же. Д. 132. Л. 28–30.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 775. Л. 17.

19 вузов – в основном московские и ленинградские высшие учебные заведения (исключение составляли госуниверситеты Горького, Киева, Тбилиси, Харькова и политехнические институты Свердловска и Томска)⁷⁰. Профильным вузом стал Московский механический институт (с 1953 г. – инженерно-физический)⁷¹. С 1952 г. его филиалы открывались в закрытых атомных городах. В центральных вузах «атомные» кадровики, минуя комиссии по распределению, принимали решение, кто будет направлен на «атомный» объект. Отбор проводили и «атомные» ученые, посещавшие учебные заведения. Выпускники филиалов в закрытых городах «поглощались» градообразующим «атомным» предприятием.

Своеобразным источником пополнения высококлассных специалистов были немецкие ученые, инженеры и мастера, вывезенные из Германии или обнаруженные в лагерях для военнопленных. Одни были «приглашены» и «изъявили согласие работать в Советском Союзе» (как М. фон Арденне, Р. Дёпель)⁷². Другие (как М. Штеенбек) считали себя принудительно отправленными в страну и оценивали это как жизнь в плену⁷³. В публицистической литературе можно встретить утверждения, что «по атомному проекту в СССР работало 7 тысяч немецких специалистов» [Лесков, 2011]. Опираясь на доступные на сегодняшний день документы, можно сказать, что наибольшее число немецких специалистов, участвовавших в научных разработках, насчитывалось в советском атомном проекте летом 1948 г. – 324 человека⁷⁴. Де-юре они не находились ни в статусе военнопленных, ни гражданских заключенных, но, хотя их положение было несравнимо лучше упомянутых категорий, труд был столь же несвободным [Колеров, 2003].

Еще одну подобную группу составляли советские специалисты-заключенные, выявленные в лагерях ГУЛАГа. Вероятно, наибольшее их количество было сосредоточено в Лаборатории «Б» (п. Сунгуль, Челябинская область) – 12 человек, среди которых находились известные ученые Н.В. Тимофеев-Ресовский и С.А. Вознесенский⁷⁵. Несмотря на досрочное освобождение и снятие судимостей, произошедшее почти у всех в период работы в Лаборатории, существовавшей до 1955 г., они оставались прикрепленными к месту работы, по сути, являясь спецпоселенцами (одни – имея этот статус официально, другие – даже без соответствующих документов).

Рабочие для основных производств и «атомных» строителей массово поступали благодаря системе оргнаборов. Широко используемая в стране в первое послевоенное десятилетие, она базировалась на вербовке сельских жителей [Клинова, 2019, с. 18]. В атомном проекте малоквалифицированные рабочие, завербованные напрямую из сельского населения, чаще поступали на предприятия «смежников», в то время как на объекты Первого главного управления, как правило, направлялись молодые рабочие, прошедшие обучение в школах ФЗО, ремесленных, профессионально-технических училищах⁷⁶.

Для подготовки квалифицированных рабочих, младшего и среднего технического персонала в системе ПГУ появлялись «свои техникумы и прикрепленные ремесленные училища»⁷⁷. За 1945–1959 гг. атомное ведомство получило путем передачи ему два училища, организовало пять; создало 11 техникумов и политехникумов, размещенных не только на территории СССР (прежде всего, в закрытых городах), но и в Германии – для обучения горняков при расположенном там советском горнодобывающем предприятии «Висмут». Таким образом, среднее профессиональное образование для атомного проекта было представлено механической, технологической, химико-технологической, химико-аналитической, электромеханической, геологической, строительной и медицинской специальностями.

⁷⁰ Там же. Д. 1632. Л. 48–49.

⁷¹ Там же. Л. 46–48.

⁷² Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 2. Саров, 2000. С. 375.

⁷³ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 830. Л. 183.

⁷⁴ Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 4. С. 657, 465; Кн. 5. С. 734.

⁷⁵ Там же. Т. II. Кн. 4. С. 465–466.

⁷⁶ Там же. Т. II. Кн. 2. С. 67, 184; Т. II. Кн. 3. Саров – М., 2002. С. 68, 289, 421.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 303. Л. 94.

В целом в конце 1940-х гг. на первые региональные атомные предприятия, расположенные на Урале (заводы № 817 и 813), до 40 % работников попадали путем отбора через областные комитеты ВКП(б) (как правило, это были высококвалифицированные ИТР, служащие и рабочие); до 29,5 % – путем передачи МВД СССР из солдат военностроительных батальонов, которые формировали кадры строек; 23,5 % – из Министерства трудовых резервов (молодые рабочие, поступающие через оргнаборы) и 7 % – молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы⁷⁸. В структуре работающих в Первом главном управлении в год испытания первого советского атомного заряда (1949 г.) большинство (170 тыс.) составляли рабочие основных производств; научные и инженерно-технические работники насчитывали 19 тыс. человек, служащие и младший обслуживающий персонал – 15 тыс. человек⁷⁹.

В указанной численности рабочей силы не учитывались направляемые на «атомные» рудники и стройки спецконтингенты НКВД/МВД, состоявшие из заключенных (в том числе бывших), а также «указников», спецпоселенцев и находившихся в плену. Достигнув в 1948 г. более 154 тыс. человек, численность спецконтингента на стройках ПГУ в дальнейшем снижалась⁸⁰. Вопрос об их замене поднимался на заседании Спецкомитета уже в 1946 г.⁸¹ Причинами были низкий уровень производственной дисциплины среди них и высокий – преступности, а также экономическая неэффективность: невысокая квалификация большинства заключенных и удорожание их содержания по мере увеличения объема работ. Однако требуемое количество строителей было столь велико, что признавалась практическая невозможность их подбора в порядке вербовки⁸². Проблему решали постепенно, выводя с объектов спецконтингенты, место которых занимали военные строители. К середине 1950-х гг. в Министерстве среднего машиностроения СССР (приемнике ПГУ) трудилось больше 233 тыс. военных строителей⁸³.

В то время как в других отраслях советской промышленности в конце 1940-х – начале 1950-х гг. возрастала доля принятых по вольному найму [Соколов, 2004, с. 92], в атомном проекте эта тенденция не наблюдается. Здесь следует оговориться, что во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг. под вольным наймом понималось трудоустройство формально свободных граждан. Поэтому к категории вольнонаемных причислялись и мобилизованные через обкомы, министерства и предприятия, демобилизованные солдаты, бывшие «указники» и спецпоселенцы, освободившиеся заключенные. Следуя такой трактовке, можно выделить довольно большую группу нанятых по вольному найму на атомное предприятие – до 15–20 % [Жарков, 2012, с. 81]. Однако по факту о соблюдении принципа добровольности в отношении указанных социальных групп во многих случаях можно говорить лишь условно. Особенно в отношении бывших военнослужащих и спецконтингентов, которых следовало, как гласили инструкции, «оставлять на строительствах в обязательном порядке для работы по вольному найму»⁸⁴. Данные категории работников в разряде «вольнонаемных» строителей в большей степени были востребованы во второй половине 1940-х гг., когда на «атомных» строительствах было оправдано применение неквалифицированного, массового труда. В течение первой половины 1950-х гг. масштабы их приема уменьшались.

Если понимать вольный найм как индивидуальное (неорганизованное) трудоустройство, основанное на личном желании, то можно сказать, что его возможности были очень ограничены. Он применялся главным образом в отношении жителей близлежащих к закрытым атомным городам населенных пунктов. На основании личного заявления наби-

⁷⁸ Там же. Д. 467. Л. 31.

⁷⁹ Атомный проект СССР. Т. II. Кн. 4. С. 719.

⁸⁰ Там же. С. 538, 736.

⁸¹ Там же. Т. II. Кн. 1. С. 99.

⁸² Там же. Т. II. Кн. 4. С. 509.

⁸³ Записка Г.К. Жукова и В.Д. Соколовского в ЦК КПСС о сокращении численности военностроительных частей // Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1002862> (дата обращения: 26.03.2021).

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 881. Л. 77.

рали в основном рабочих и младший обслуживающий персонал. Например, за 1949–1950 гг. на объект № 550 (г. Саров) было принято на месте 4,7 % ИТР от общего количества новых работников, 53 % служащих и 86 % рабочих и младшего обслуживающего персонала⁸⁵. При этом отмечалось, что резервы соседних с объектом районов в качестве источника рабочей силы исчерпаны. Из отдаленных районов или областей по собственной инициативе устроиться на «атомный» объект было неисполнимо. Случалось, что, прознав о новом строительстве, целые семьи отправлялись наудачу из других областей к «атомным» поселениям. Однако они даже не добирались до конечного места назначения – заворачивались на ближайших железнодорожных станциях, когда проверкой документов выявлялось отсутствие направления на объект⁸⁶.

С начала реализации проекта активно использовались возможности внутренних резервов – перевод работников с одного «атомного» объекта на другой. Первоначально такие внутренние перемещения затрагивали вакансии на руководящие должности – номенклатурных работников. Уже к 1949–1950 гг. потребность в руководящих кадрах системы ПГУ на 35 % перекрывалась внутренними перемещениями⁸⁷. С 1951 г. был взят курс на комплектование центрального аппарата ПГУ за счет «атомных» объектов⁸⁸.

Позже внутренние перемещения как вид кадрового пополнения распространился и на другие категории работников. Примером массового единовременного внутреннего кадрового перемещения (не считая строителей из числа военнослужащих и заключенных) может служить создание НИИ-1011 (г. Снежинск). Его штатная численность на 1955 г. определялась в 870 человек, в том числе 600 научных и инженерно-технических работников. Больше половины от числа последних составили специалисты, переводимые из основанного в 1946 г. КБ-11 (г. Саров)⁸⁹. Внутренние переводы были распространены и при строительстве «атомных» предприятий Сибири, куда направлялись квалифицированные и опытные работники с уральских объектов. С середины 1950-х гг. уже широко применялись переводы с одного «атомного» объекта на другой не только квалифицированных специалистов, но и молодежи, не имеющей опыта работы⁹⁰.

В то время как до середины 1950-х гг. кадры для атомных предприятий и учреждений широко набирались по всей стране, после в Министерстве среднего машиностроения появляется установка больше использовать региональные возможности для пополнения закрытых поселений⁹¹. Это стало возможно благодаря складыванию системы «атомного» образования, в том числе на местах, и свидетельствует о переходе «атомного» Главка от чрезвычайной стадии развития к штатной (а шире – об ограничении централизованного начала советской экономики в результате ее трансформации от «командной» к «согласовывающей»). Примерно с этого же времени комплектование кадров закрытых атомных городов стало осуществимо за счет «самовоспроизводства» жителей. Хотя оно не могло полностью исключить или заменить приток рабочей силы извне, который все больше сосредотачивался на «поставках» молодых специалистов и молодых рабочих.

Зарождающееся «атомное» ведомство стремилось к стабильности кадрового состава и не любило выпускать из системы «своих». Привлеченные в атомный проект освобождались от мобилизации на любые работы «по линии партийных и общественных организаций»⁹².

⁸⁵ Подсчитано по: Докладная записка о состоянии работы с кадрами на объекте тов. Зернова П.М. // История создания ядерного оружия в СССР 1946–1953 годы (в документах) / Сост. В.В. Конюк, П.П. Максименко, А.Д. Пелипенко и др. В 8 т. Т. 2. Кн. 1. Саров (Арзамас-16), 1999. С. 31.

⁸⁶ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 87.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 868.

⁸⁸ ЦГАМ. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 226. Л. 32–33.

⁸⁹ Атомный проект СССР. Т. III. Кн. 2. Саров – М., 2009. С. 343.

⁹⁰ ЦДООСО. Ф. 5973. Оп. 1. Д. 149. Л. 64.

⁹¹ Там же. Д. 148. Л. 4, 7.

⁹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 227. Л. 53.

Режимность вела к тому, что на протяжении второй половины 1940-х – в начале 1950-х гг. просто уволиться было сложно, уехать только по своему желанию из закрытого «атомного» поселения – невозможно. Такие заявления рассматривались в каждом отдельном случае, и тенденция была такова, чтобы при любой открывающейся возможности оставлять работника на секретном объекте. При освобождении от одного поста работника номенклатуры «атомного» Главка необходимо было «вносить предложения о его дальнейшем использовании» на другой «атомной» должности⁹³.

Однако полная герметичность проекта была недостижима по различным основаниям. Спецконтингенты, отбывшие срок, выводились из «атомных» объектов; от использования и ввоза новых постепенно отказывались. На некоторых «атомных» объектах заключенные не использовались с середины 1950-х гг. (например, на строительстве НИИ-1011 и г. Снежинска), на других спецконтингент ограниченно применялся до 1960-х гг. [Новоселов, 1999, с. 94; Реут, 2014, с. 183–184]. Демобилизованные военные строители отправлялись домой: только часть из них удавалось завербовать в качестве вольнонаемных строителей.

Во второй половине 1950-х гг., отмеченной ослаблением «атомного» режима, расширились возможности увольнения, а также выезда из закрытых поселений, которые по собственному желанию начали покидать некоторые призванные по обкомовским путевкам «возрастные» москвичи, ленинградцы, жители крупных областных городов, не прижившиеся на Урале и в Сибири. Произошел отток и научных кадров. Региональные «атомные» объекты еще в начале 1950-х гг. покинули подолгу жившие там ранее научные руководители градообразующих предприятий – И.В. Курчатов, Л.А. Арцимович, И.К. Кикоин. К концу 1950-х гг. проект оставили такие крупные ученые, как И.Е. Тамм, Н.Н. Боголюбов, М.А. Лаврентьев, Л.Д. Ландау и др. [Артемов и др., 2008, с. 51]. В определенной степени это было закономерно: к этому времени успешно был решен ряд научных проблем атомной техники, в основных чертах сформировалась атомная промышленность.

Несмотря на то, что в масштабах страны заключительный этап репатриации немецких военнопленных на родину проходил в 1950–1952 гг. [Бугай, 1996, с. 54], немецкие специалисты, участвовавшие в советском атомном проекте, дольше задержались в СССР. Основная их часть покинула страну к 1955 г. Однако некоторые еще продолжали работать, как, например, Р. Позе в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне (до 1959 г.).

Заключение

Таким образом, по мере воплощения проекта изменялись источники его комплектования, сужалась географическая база, отъем кадров у «донорских» министерств заменялся внутренними перемещениями, подготовкой собственного персонала и наборами молодежи, проект покидали социальные группы, представленные «чистыми» учеными, иностранцами и военнопленными, заключенными и спецпоселенцами. Методы «атомного» комплектования, несмотря на постепенную демократизацию, заставляют определять характер «атомного» труда основной массы юридически свободных участников как «гибридного режимного» (термин С.А. Красильникова [Красильников, 2017, с. 1044]), содержащего черты свободного и принудительного труда. Мобилизационные механизмы (как применение разных степеней принуждения к труду), ослабление действия которых в конце 1940-х гг. фиксируют исследователи [Клинова, 2019, с. 51, 368], в атомном проекте были более сильны, их элементы прослеживаются до конца его реализации.

Чрезвычайный статус органов управления проектом (и их соответствующие полномочия), межведомственность, неформальные ресурсы как прием привлечения «несе-

⁹³ Выписка из Приказа министра среднего машиностроения «Об утверждении номенклатуры должностей руководящих работников, назначаемых и освобождаемых Министром» // Грани истории в документах и фотографиях. Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина [Электронный ресурс] / Науч. ред. Аврорин Е.Н., Литвинов Б.В., Рыкованов Г.Н., Волошин Н.П., Ананийчук В.Н. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.

рийных» профессионалов и мобилизационные методы эффективно обеспечили скорейшее формирование «атомного» персонала требуемой квалификации. Тем самым был преодолен основной ограничивающий фактор, т. е. выиграно время, что позволило в кратчайшие возможные сроки создать отечественное ядерное и термоядерное оружие, ставшее основой военной мощи государства.

Список источников

1. Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Москва – Саров, 1998–2010.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Грани истории в документах и фотографиях. Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики им. акад. Е.И. Забабахина [Электронный ресурс]. Науч. ред. Аврорин Е.Н., Литвинов Б.В., Рыкованов Г.Н., Волошин Н.П., Ананийчук В.Н. Снежинск, 2009. 1 CD-ROM.
4. Записка Г.К. Жукова и В.Д. Соколовского в ЦК КПСС о сокращении численности военно-строительных частей. Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1002862> (дата обращения: 26.03.2021).
5. История создания ядерного оружия в СССР 1946–1953 годы (в документах). Сост. В.В. Конюк, П.П. Максименко, А.Д. Пелипенко и др. В 8 т. Т. 2. Кн. 1. Саров (Арзамас-16), 1999.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
7. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).
8. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ).

Список литературы

1. Артемов Е.Т., Волошин Н.П., Литвинов Б.В., Никитин В.И. 2008. В целях усиления работ. Уральский исторический вестник, 3: 38–58.
2. Бугай Н. 1996. Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40–50-е годы. Обзореватель, 3: 50–54.
3. Ершов М.Е. 2019. По специальному заданию правительства (из воспоминаний). Москва, б. м., 41. Электронная библиотека «История Росатома». URL: http://elib.biblioatom.ru/text/eroshov_vospominaniya_2019 (дата обращения: 26.03.2021).
4. Жарков О.Ю. 2012. Система управления производством плутония на химическом комбинате «Маяк» в 1945–1990 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 218.
5. Клинова М.А. 2019. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, УМЦ УПИ, 428.
6. Колеров М. 2003. Военнопленные в системе принудительного труда в СССР (1945–1950). Отечественные записки, 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_41.html (дата обращения: 26.03.2021).
7. Красильников С. 2017. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе. Quaestio Rossica, 4: 1027–1046.
8. Лесков С. 2011. Умные парни. Москва, Время. URL: https://ebook.tips/knigi_online/r/?bid=41434a4b5267474736734f764571506666717272467843632b50595a5054586e506a71676f7a38666b74733d (дата обращения: 26.03.2021).
9. Мельникова Н.В., Бедель А.Э. 2016. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники. Экономическая история. Ежегодник. Т. 2014–15. М., Институт российской истории РАН: 492–513.
10. Новоселов В.Н. 1999. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, УралГАФК, 278.
11. Реут Г.А. 2014. Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 600.
12. Седов В.В. 2003. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, Челябин. гос. ун-т, 177.
13. Соколов А.К. 2004. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.). Экономическая история. Ежегодник. 2003. Москва, РОССПЭН: 74–99.

14. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). 2013. Отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск, НГУ, 418.

References

1. Artemov E.T., Voloshin N.P., Litvinov B.V., Nikitin V.I. 2008. V celjah usilenija rabot [To strengthen the work]. Ural'skij istoricheskij vestnik, 3: 38–58 (in Russian).
2. Bugaj N. 1996. Repatriacija voennoplennyh nemcev iz SSSR v 40–50-e gody [Repatriation of German prisoners of war from the USSR in the 40–50s]. Obozrevatel', 3: 50–54 (in Russian).
3. Ershov M.E. 2019. Po special'nomu zadaniju pravitel'stva (iz vospominanij) [On a special government task (from memoirs)]. Moskva, b. m., 41. Jelektronnaja biblioteka «Istorija Rosatoma». URL: http://elib.biblioatom.ru/text/eroshov_vospominaniya_2019 (accessed 26.03.2021) (in Russian).
4. Zharkov O.Ju. 2012. Sistema upravlenija proizvodstvom plutonija na himicheskom kombinata «Majak» v 1945–1990 gg. [Management of the plutonium production at the Mayak chemical plant in 1945–1990]: diss. ... kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 218 (in Russian).
5. Klinova M.A. 2019. Gosudarstvennoe regulirovanie jekonomicheskikh strategij gorodskogo naselenija RSFSR v pervoe poslevoennoe desjatiletie [State regulation of economic strategies of the RSFSR urban population in the first post-war decade]. Ekaterinburg, UMC UPI, 428 (in Russian).
6. Kolerov M. 2003. Voennoplennye v sisteme prinuditel'nogo truda v SSSR (1945–1950) [Prisoners of war in the system of forced labor in the USSR (1945–1950)]. Otechestvennye zapiski, 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_41.html (accessed 26.03.2021).
7. Krasil'nikov C. 2017. Mezhdju pravom i nakazaniem: trud v rannosovetskom obshhestve [Between rights and punishment: labour in the early years of Soviet Society]. Quaestio Rossica, 4: 1027–1046 (in Russian).
8. Leskov S. 2011. Umnye parni [Smart guys]. Moscow, Vremja. URL: https://ebook.tips/knigi_online/r/?bid=41434a4b5267474736734f764571506666717272467843632b50595a5054586e506a71676f7a38666b74733d (accessed 26.03.2021) (in Russian).
9. Mel'nikova N.V., Bedel' A.E. 2016. Atomnyy proekt SSSR: sovremennaya otechestvennaya istoriografiya i istochniki [Nuclear project of the USSR: modern russian historiography and sources]. Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. Vol. 2014–15. M., Institut rossiyskoy istorii RAN: 492–513 (in Russian).
10. Novoselov V.N. 1999. Sozdanie atomnoj promyshlennosti na Urale [Creation of the nuclear industry in the Urals]. Cheljabinsk, UralGAFK, 278 (in Russian).
11. Reut G.A. 2014. Vedomstvennye naselennye punkty Ministerstva srednego mashinostroenija SSSR v Sibiri (1949–1991 gg.) [Departmental settlements of the USSR Ministry of Medium Machine Building in Siberia (1949–1991)]: dis. ... dokt. ist. nauk. Irkutsk, 600 (in Russian).
12. Sedov V.V. 2003. Mobilizacionnaja jekonomika: sovetskaja model' [Mobilization economy: Soviet model]. Cheljabinsk, Cheljab. gos. un-t, 177 (in Russian).
13. Sokolov A.K. 2004. Prinuzhdenie k trudu v sovetskoj promyshlennosti i ego krizis (konec 1930-h – seredina 1950-h gg.) [Forced labor in Soviet industry and its crisis (late 1930s – mid 1950s)]. Jekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik. 2003. Moscow, ROSSPJEn: 74–99 (in Russian).
14. Social'naja mobilizacija v stalinskom obshhestve (konec 1920-h – 1930-e gg.) [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s – 1930s)]. 2013. Отв. ред. S.A. Krasil'nikov. Novosibirsk, NGU, 418 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельникова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Melnikova, candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for Social History, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323.22/.28

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-467-476

К вопросу о подходах к анализу и типологизации российских региональных аналитических структур (на примере ЦФО)

Аванесов А.Ю., Травин Р.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: avanesov_artur99@mail.ru; romantravin@mail.ru

Аннотация. В статье предложен авторский подход к анализу и типологизации аналитических структур, который будет особенно полезен при изучении таких структур в регионах. Сформулированы критерии трехуровневого подхода к их дифференциации, при этом «фабрики мысли» рассматриваются как высшая ступень развития аналитических структур. Также в рамках исследования был осуществлен масштабный поиск аналитических структур во всех регионах ЦФО (за исключением Москвы) с использованием различных методов мониторинга открытых данных. Приведен ряд примеров найденных организаций, проведена их типологизация. Обозначены некоторые факторы, обуславливающие ограничения в развитии аналитических структур в регионах России, аргументирована теоретическая и прикладная ценность дальнейших научных разработок по данному направлению.

Ключевые слова: аналитические структуры, аналитические центры, фабрики мысли, экспертное сообщество, ЦФО, региональные аналитические структуры.

Для цитирования: Аванесов А.Ю., Травин Р.А. 2021. К вопросу о подходах к анализу и типологизации российских региональных аналитических структур (на примере ЦФО). *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 467–476. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-467-476.

On the issue of approaches to the analysis and typology of Russian regional analytical structures (on the example of the Central Federal District)

Artur Yu. Avanesov, Roman A. Travin

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: avanesov_artur99@mail.ru; romantravin@mail.ru

Abstract. The article proposes the author's approach to the analysis and typology of analytical structures (analysis organizations). It will be especially useful in the study of such organizations in the regions. Criteria for a three-level approach to their differentiation are formulated, while think tanks are considered as the highest stage in the development of analytical structures. The authors propose to use the term «analysis organizations with some signs of “think tanks”». This is due to the fact that in the Russian regions today there are very few organizations which would fully meet all the criteria that apply to «think tanks». At the same time, a number of organizations meet several criteria of «think tanks». The analysis of such organizations makes the study more relevant. Also, as part of the study, a large-scale search for analytical structures in all regions of the Central Federal District (with the exception of Moscow) was carried out using various methods of monitoring open data. A number of examples of found organizations are given, their typology is carried out.

Some reasons of limitations in the development of analytical structures in the regions of Russia are identified. The high level of theoretical and applied value of further scientific studies in this area is argued.

Keywords: analytical structures, analysis organizations, think tanks, expert community, Central Federal District, regional analysis organizations.

For citation: Avanesov A.Yu., Travin R.A. 2020. On the issue of approaches to the analysis and typology of Russian regional analytical structures (on the example of the Central Federal District). *Via in tempore. History and political science*, 47 (4): 467–476 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-467-476.

В современных условиях лица, принимающие решения, сталкиваются с проблемами не столько связанными с нехваткой информации, сколько с неспособностью справиться с ее лавинообразным поступлением из разных источников. В связи с чем становится все более актуальным вопрос о совершенствовании методов анализа и фильтрации информации, а также генерирования политических идей для того, чтобы более эффективно отвечать на поступающие вызовы. Содействовать решению этих вопросов призваны разного рода аналитические структуры.

Несмотря на то, что в России, по данным, опубликованным в 2020 *Global Go To Think Tank Index Report*, более 140 аналитических центров [McGann, 2021, p. 44] (в рейтинге, изданном годом ранее, было указано, что в России функционируют 215 «фабрик мысли» [McGann, 2020, p. 42]), подавляющее большинство из них находится в Москве или Санкт-Петербурге. Неудивительно, что и исследований, посвященных столичным структурам, больше, чем региональным. Поэтому необходимым является более глубокое изучение региональных аналитических структур (на сегодня они имеются далеко не по всем субъектам РФ, равно как и нет обобщений по федеральным округам) и шире – аналитической среды в регионах и неинституционализованных объединений экспертов, на базе которых могут такие структуры возникнуть. А в практической плоскости очень актуальным, на наш взгляд, является вопрос реализации аналитического потенциала регионов.

Работ по развитию и функционированию аналитических центров достаточно много и у зарубежных авторов, особенно американских, среди которых Д. Абельсон, У. Геллнер, Ф. Каплан, Дж. Макгэн, и у российских. В частности, исследования по данной проблематике проводили Г.А. Сатаров, А.П. Ситников, В.А. Филиппов, Д.Ю. Иванов, А.С. Войнов и др.

Отечественные региональные аналитические структуры изучаются гораздо реже, основные разработки в этом направлении связаны с изучением отдельных регионов России и отдельных аспектов аналитической деятельности в них. Среди авторов таких исследований необходимо выделить Н.Ю. Беляеву и Д.Г. Зайцева [Беляева и др., 2013; Zaytsev, 2012; Zaytsev, Belyaeva, 2017], а также А.Ю. Сунгурова – автора серии публикаций по изучению аналитической и экспертной среды в отдельных регионах [Сунгуров, 2012, 2014, 2015, 2017, 2019; Балаян, Сунгуров, 2016]. Данная тема затронута и в некоторых статьях А.В. Атаева [2013], В.Н. Ефремовой [2015], В.А. Иноземцевой и Е.И. Черненковой [Иноземцева, 2015; Иноземцева, Черненкова, 2015а, б]. Однако в целом можно констатировать, что региональные аналитические структуры России комплексно не изучены, а работ по отдельным регионам недостаточно. Это увеличивает ценность новых научных разработок по данному направлению.

Объектом исследования выступают российские региональные аналитические структуры. В рамках исследования были использованы такие общелогические методы, как анализ, синтез и типологизация. Также были применены неинституциональный подход, который позволил выявить набор основных практик, характеризующих деятельность аналитических структур в регионах, и структурно-функциональный подход, с помощью которого можно было уточнить роль и функции различных аналитических структур в системе публичной политики, что было необходимо для формулирования критериев, позволяющих типологизировать такие структуры.

Кроме того, на основе авторской методологии был осуществлен поиск региональных аналитических структур по всем субъектам Центрального федерального округа, за исключением Москвы. Основа методологии – мониторинг различных открытых баз данных, в том числе баз юридических лиц, баз социологических, аналитических центров, НКО, а также тематических справочников и некоторых других открытых источников. Часть данных была получена из уже опубликованных научных статей, а также материалов СМИ с упоминанием аналитических структур в некоторых регионах. Были использованы и поисковые системы «Яндекс» и «Google» с запросами по ряду ключевых слов и привязкой к каждому региону. Кроме того, на сайтах найденных структур проводился поиск партнеров и других связанных с ними организаций, которые могли представлять интерес в контексте темы исследования. Отдельно был проведен анализ сайтов вузов и органов власти субъектов ЦФО на предмет наличия аффилированных аналитических структур. При этом параметры поиска были адаптированы для каждого конкретного региона, а для более точных результатов местоположение пользователя в поисковых системах дополнительно изменялось на тот регион, который изучался.

Также при мониторинге учитывалась аналитическая активность, даты последних обновлений сайтов и упоминаний в медиа, так как предметом исследования были именно действующие аналитические структуры ЦФО. Для полноценных «фабрик мысли», поставленная планка предполагала наличие активности не позднее шести месяцев с начала исследования в марте 2021 г., для аналитических структур с некоторыми признаками «фабрик мысли» (подробнее содержание этого, предложенного авторами термина, раскрыто ниже) – не позднее года до начала исследования, для остальных аналитических структур – до двух лет.

В рамках изучения аналитических структур исследователи часто фокусируются на «фабриках мысли» (аналитических центрах). Приведем одно из универсальных определений аналитических центров (think tank's), данное известным американским политологом Дж. Макгэном. Он определяет их как «организации, производящие политико-ориентированные исследования, аналитику и консультации по внутренним и международным вопросам, которые позволяют политикам и общественности принимать обоснованные решения в сфере публичной политики» [McGann, 2016, p. 7]. Такой подход более релевантен для определения реально функционирующих «фабрик мысли», особенно за пределами США, чем трактовки этого феномена, ориентированные на американский тип think tank's, которые определяют их как «независимые, не основанные на чьих-либо интересах, неприбыльные организации, которые производят экспертные оценки и идеи и используют их для того, чтобы получить поддержку и оказывать влияние на процесс выработки политических решений» [Rich, 2004, p. 11]. В то же время, на наш взгляд, при изучении аналитических структур в российских регионах нецелесообразно ограничиваться исследованием только полноценных «фабрик мысли».

Авторы одной из широко известных работ по изучению региональных аналитических структур отмечают, что «региональные аналитики» в России являются «рыхлым и слабо между собой связанным слоем интеллектуалов из самых разных сообществ» [Беляева и др., 2013, с. 5–6]. Что наряду с другими факторами, такими как дефицит ресурсов, отсутствие традиций и опыта продвижения своего интеллектуального продукта в публичном пространстве, является одной из важнейших причин, обуславливающих специфику институционализации и функционирования аналитических структур в субъектах РФ. Таким образом, их изучение на основе традиционных критериев, предъявляемых к «фабрикам мысли», может оказаться не вполне релевантным, так как будет выносить за рамки такого исследования большое количество структур, что значительно обеднит его результаты. Этот тезис подтверждает проведенный нами мониторинг аналитических структур во всех регионах ЦФО, за исключением Москвы, по итогам которого выяснилось, что среди множества организаций, так или иначе производящих аналитику, лишь единицы соответствуют критериям полноценных «аналитических центров» или «фабрик мысли». Поэтому в данной работе мы используем более широкое понятие «аналити-

ческие структуры», которые и стали основным объектом исследования. Оно включает в себя как полноценные «фабрики мысли», так и региональные структуры, которые не по всем параметрам могут быть отнесены к организациям, которые на Западе называют think tank's.

Можно согласиться с точкой зрения, согласно которой проведение прикладных исследований является основополагающим признаком аналитических центров [Беляева и др., 2013, с. 15]. Более того, в контексте данного исследования любая структура, ориентированная на создание практико-ориентированного аналитического продукта в регионах России, может представлять потенциальный интерес. А сам этот критерий – служить основанием для определения аналитических структур. Таким образом, в широком смысле под аналитическими структурами можно понимать организации и объединения экспертов, одно из направлений деятельности которых – производство на регулярной основе аналитического продукта, имеющего в том числе и прикладное значение. А «фабрики мысли» рассматривать как высшую ступень развития аналитических структур.

Приведем некоторые критерии, которые могут предъявляться к аналитическим структурам для того, чтобы их можно было считать полноценными «фабриками мысли»:

- наличие, а также определенная периодичность публикаций прикладных исследований и аналитических материалов, ориентированных на обеспечение политико-управленческого процесса;
- наличие упоминаний об аналитической деятельности структуры в СМИ, в том числе экспертные комментарии ее представителей, а также их регулярность;
- наличие собственного сайта, на котором отражены результаты аналитической деятельности;
- самопозиционирование структуры, закрепление аналитической составляющей в миссии, целях, задачах, направлениях деятельности, декларируемых организацией и ее отдельными представителями;
- стремление к участию в том или ином качестве в публичной политике, а также конвертация научного знания в практические рекомендации, ориентированные в значительной степени на политиков, представителей органов государственной и муниципальной власти, представителей гражданского общества;
- привлечение к работе экспертов в соответствующих областях, что подразумевает наличие профильного образования, ученой степени, опыта работы и известности в профессиональных кругах, а также иные показатели, позволяющие оценить степень их компетентности;
- наличие организационной структуры и степень ее развитости, предполагающая институционализацию в каком-то виде, наличие сотрудников, для которых участие в работе данной структуры является основным видом профессиональной деятельности.

Представленный список может быть уточнен. Например, в него могут быть включены пункты о наличии внешнего финансирования аналитической структуры или ее влиянии на политический процесс, а также некоторые другие. Тем не менее мы учли все наиболее значимые, на наш взгляд, критерии с учетом имеющихся наработок российских и зарубежных авторов по теме.

Как уже было отмечено, в российских регионах сегодня практически нет структур, которые бы полностью соответствовали всем этим критериям, в то же время ряд организаций может обладать несколькими из них. Для определения таких организаций предлагаем использовать термин «аналитические структуры с некоторыми признаками «фабрик мысли».

Таким образом, эмпирически прослеживается трехуровневая дифференциация аналитических структур по степени их развития, где каждый более высокий уровень характеризуется соответствием большему количеству критериев. Критерии базового уровня, т. е. предъявляемые ко всем аналитическим структурам, а также к «фабрикам мысли» как наиболее высокому уровню, были сформулированы выше. Ниже обозначим минимально необходимый набор требований, для того чтобы та или иная организация могла быть отнесена к аналитическим структурам с некоторыми признаками «фабрик мысли»:

– наличие, а также определенная периодичность публикации прикладных исследований и аналитических материалов, ориентированных на обеспечение политико-управленческого процесса;

– наличие упоминаний об аналитической деятельности структуры в СМИ, в том числе экспертные комментарии ее представителей, а также их регулярность;

– наличие собственного сайта и/или страниц в социальных сетях, на которых отражены результаты аналитической деятельности.

Понятно, что некоторые такие структуры могут иметь и больше признаков, характерных для полноценных «фабрик мысли», однако это минимальный перечень, соответствие которому делает целесообразным их выделение в отдельную группу.

Существующие исследования, посвященные российским региональным аналитическим структурам, как правило, построены на качественных методах и позволяют провести глубокий анализ тех организаций и сообществ, которые являются ведущими в своих регионах и известны местным экспертам. Мы же на первом этапе своего исследования посчитали целесообразным сконцентрироваться на количественных методах, чтобы выявить как можно больше региональных аналитических структур.

В рамках этой логики нами был проведен поиск региональных аналитических структур по всем субъектам Центрального федерального округа, за исключением Москвы. Методология, на основе которой осуществлялся мониторинг, описана в предыдущей части данной статьи.

В ходе мониторинга нами была обнаружена 71 аналитическая структура. Они включают в себя как самостоятельные аналитические единицы, общественные организации, социологические центры, так и научно-образовательные и исследовательские институты, управления, отделы, центры и лаборатории при вузах и органах власти, а также различного рода объединения, ассоциации, проекты и площадки, в том числе виртуальные. Также есть примеры аналитической деятельности, осуществляемой коммерческими структурами, в первую очередь консалтинговыми и маркетинговыми агентствами, а также некоторыми средствами массовой информации.

К полноценным «фабрикам мысли», даже при лояльном применении критериев, с учетом дефицита ресурсов в регионах и объективно меньшем масштабе организаций мы отнесли всего четыре структуры. Причем среди них три зарегистрированы в Московской области. Это «Союзный нарратив – 2050»⁹⁴, Центр стратегической конъюнктуры⁹⁵ и Московская школа управления «Сколково»⁹⁶. Деятельность первой из этих организаций, насколько можно судить из открытых данных, носит в большей степени сетевой характер, а главным направлением исследований являются перспективы развития интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь. Школа «Сколково» по своей сути является скорее столичной аналитической структурой или организацией глобального масштаба, хотя территориально вынесена в Подмоскowie. Так, школа на регулярной основе принимает участие в организации мероприятий в Москве, с ней тесно взаимодействуют федеральные органы власти, часть сотрудников и партнеров параллельно работают в столичных учреждениях или другим образом связаны с Москвой. Кроме того, в работе школы принимает участие и целый ряд зарубежных преподавателей и экспертов⁹⁷. Таким образом, ее регистрация за пределами столицы носит во многом формальный характер. Близость во всех смыслах к столице прослеживается и в деятельности Центра стратегической конъюнктуры. В частности, на официальном сайте центра отмечено, что он был создан в Москве коллективом из МГУ и Института Африки РАН. Деятельность этой организации ориентирована на консалтинг и издательскую сферу.

⁹⁴ Союзный нарратив – 2050. URL: <https://www.sonar2050.org/> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).

⁹⁵ Центр стратегической конъюнктуры. URL: <http://conjuncture.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

⁹⁶ Московская школа управления «Сколково». URL: <https://www.skolkovo.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

⁹⁷ Штатные профессора и преподаватели Московской школы управления СКОЛКОВО. Московская школа управления СКОЛКОВО. URL: <https://www.skolkovo.ru/academic/academic-faculty/> (дата обращения: 10 апреля 2021 года).

Из собственно региональных «фабрик мысли» можно назвать лишь Агентство интеграционных инициатив в Смоленске⁹⁸. Решение об учреждении этой некоммерческой организации было принято представителями органов власти, академического сообщества, общественного сектора и бизнеса. Среди приоритетов агентства – «содействие развитию интеграционного взаимодействия стран-членов СНГ», а также вопросы приграничного сотрудничества⁹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что другие исследователи, особенно западные, часто склонны предъявлять более жесткие требования к аналитическим организациям, чтобы их можно было считать «фабриками мысли», чем те критерии, которые были использованы в данном исследовании.

К аналитическим структурам с некоторыми признаками «фабрик мысли» были отнесены 23 организации. Приведем некоторые, наиболее показательные примеры таких структур.

В регионах функционирует достаточное количество структур при органах власти. И хотя часто они продуцируют в основном закрытую аналитику и мало взаимодействуют со СМИ, существует и ряд исключений. Среди них Институт муниципального развития и социальных технологий, созданный Советом депутатов г. Белгорода¹⁰⁰, и Институт развития стратегических инициатив, аффилированный с муниципальными органами власти г. Ярославля¹⁰¹. На их сайтах публикуются результаты социологических и других исследований, а также статистические данные. В качестве примера можно привести исследование, посвященное вопросам, связанным с развитием спорта в городе Белгороде¹⁰².

Центр женской истории и гендерных исследований при Тверском государственном университете стал одним из немногих медийных примеров работы подобных центров при вузах¹⁰³. В большинстве случаев информация о них сводится к упоминанию на сайте вуза либо редкими аналитическими разработками без информационного продвижения.

Также в регионах ЦФО существует ряд консалтинговых, маркетинговых и социологических структур с некоторыми признаками «фабрик мысли», которые проводят исследования преимущественно на коммерческих основаниях «под заказ». Среди них можно отметить Консалтинговое агентство социального мониторинга и массовых коммуникаций (Белгород)¹⁰⁴, Институт общественного мнения «Квалитас» (Воронеж)¹⁰⁵, аналитическое агентство «Имидж-Фактор» (Иваново)¹⁰⁶, Смоленский центр права и социологии¹⁰⁷.

На наш взгляд, в отдельных случаях в качестве аналитических структур можно рассматривать и некоторые средства массовой информации. Наиболее показательным примером такой структуры с некоторыми признаками «фабрик мысли» является воронежское агентство

⁹⁸ Агентство интеграционных инициатив. URL: <http://np-aaii.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

⁹⁹ Об агентстве. Агентство интеграционных инициатив. 2018. URL: <https://np-aaii.ru/item.php?id=106> (дата обращения: 10 апреля 2021 года).

¹⁰⁰ Институт муниципального развития и социальных технологий. URL: <https://mauimrst.ru/> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).

¹⁰¹ Институт развития стратегических инициатив. URL: <https://indsi.ru/> (дата обращения: 7 апреля 2021 г.).

¹⁰² Наиболее популярные виды спорта и обеспеченность спортивными площадками в городе Белгороде. Институт муниципального развития и социальных технологий. 2020. URL: <https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2020/08/sport-otchet-ob-issledovanii.docx> (дата обращения: 10 апреля 2021 года).

¹⁰³ Тверской центр гендерных исследований. Страница «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/tvergentcenter> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹⁰⁴ Консалтинговое агентство социального мониторинга и массовых коммуникаций. URL: <http://belconsulting.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹⁰⁵ Институт общественного мнения «Квалитас». URL: <http://www.qualitas.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹⁰⁶ Аналитическое агентство «Имидж-Фактор». URL: <http://image-factor.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹⁰⁷ Смоленский центр права и социологии. URL: <http://smolenskpcps.ru/> (дата обращения: 11 апреля 2021 г.).

«Абирег»¹⁰⁸. Этот информационный ресурс регулярно публикует рейтинги наиболее влиятельных людей Воронежской, Липецкой, Белгородской, Курской и Тамбовской областей¹⁰⁹.

Отдельно выделим два онлайн-проекта: ярославский Клуб социологов (руководитель – Евгений Голубев)¹¹⁰ и белгородский проект «Открытая аналитика»¹¹¹, который представляют оба автора данной статьи. Виртуальная составляющая позволяет сэкономить ресурсы и сделать более доступной коммуникацию между экспертами, что особенно актуально для регионов. Эти площадки интересны также тем, что соответствуют почти всем критериям, применяемым нами при определении «фабрик мысли», за исключением того, что работа в их рамках не является для представителей этих площадок основным видом профессиональной деятельности.

Тем не менее эти структуры вместе с еще одной белгородской организацией – Институтом приграничного сотрудничества и интеграции¹¹², а также воронежским Агентством региональных социально-экономических проектов¹¹³ – среди наиболее близких к «фабрикам мысли» из всех найденных аналитических структур с некоторыми признаками «фабрик мысли».

В целом важной общей чертой аналитических структур с некоторыми признаками «фабрик мысли» является то, что они не только производят различные аналитические продукты, но и считают необходимым так или иначе продвигать их в публичном пространстве.

Приведем некоторые примеры аналитических структур, которые нельзя отнести ни к «фабрикам мысли», ни к аналитическим структурам с некоторыми признаками «фабрик мысли». Таких оказалось большинство – 44 организации.

Среди них центры при вузах, например, Центр изучения ЕС при Воронежском государственном университете¹¹⁴, который практически не продвигает свой аналитический продукт в медиа; центр изучения США при Курском государственном университете, комментарии экспертов которого при этом представлены в СМИ, в том числе федеральных; лаборатория социально-политических исследований и прогнозирования при кафедре социологии и политологии Тульского государственного университета.

Из аналитических структур при органах власти можно выделить аналитическое управление Администрации Губернатора и Правительства Орловской области.

Среди прочих аналитических структур можно назвать смоленскую организацию «Содействие развитию гражданского общества», Центр мониторинга СМИ (Сергиев Посад), агрегатор материалов, посвященных политическим элитам «ЭЛИТИС»¹¹⁵ и другие.

Также отметим, что в последние годы многие организации с аналитическим потенциалом ликвидируются или снижают свою активность. Приведем несколько примеров структур, на сайтах которых аналитика не публиковалась более года: Смоленский центр социологических и маркетинговых исследований «Novalenso»¹¹⁶, Центр исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Дер-

¹⁰⁸ Региональное информационно-аналитическое агентство бизнес-информации «Абирег». URL: <https://abireg.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹⁰⁹ Рейтинг влиятельности Воронежской области. Абирег. 2021. URL: https://abireg.ru/rating/ifiles/2021/rating_vo_2021.pdf (дата обращения: 15 мая 2021 года).

¹¹⁰ Клуб социологов. URL: <https://sociologyclub.ru/> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).

¹¹¹ Проект «Открытая аналитика». URL: <http://open-analytics.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹¹² Институт приграничного сотрудничества и интеграции (ИПСИ). URL: <https://icbci.info/> (дата обращения: 9 апреля 2021 г.).

¹¹³ Агентство региональных социально-экономических проектов. URL: <http://www.arsep.su/> (дата обращения: 8 апреля 2021 г.).

¹¹⁴ Центр изучения ЕС ВГУ. URL: <http://eui-center.vsu.ru/ru/home/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹¹⁵ ЭЛИТИС. URL: <http://элитис.рф> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹¹⁶ Центр «Novalenso». URL: <http://novalenso.com/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

жавина¹¹⁷, Центр социально-политических инициатив (Рязань)¹¹⁸, воронежская социологическая служба «Ваше мнение!»¹¹⁹.

Это говорит об определенных проблемах, с которыми сталкиваются региональные аналитические структуры и которые требуют отдельного исследования. Вместе с тем есть и примеры их успешного функционирования. Такие кейсы необходимо изучать и при возможности использовать их опыт для развития региональных аналитических структур.

Резюмируя, отметим, что на данном этапе мы, с одной стороны, вряд ли смогли выявить и учесть все существующие аналитические структуры в ЦФО, однако проведенный мониторинг позволил расширить их перечень, что будет полезно для дальнейших научных исследований по данной теме. С другой стороны, в каких-то случаях решение причислить конкретную структуру к аналитическим, вероятно, было достаточно дискуссионным. Тем не менее подобные исследования являются перспективными не только с научной, но и прикладной точки зрения, так как региональные аналитические структуры имеют значительный и пока не в полной мере реализованный потенциал. И речь не только о продуцировании аналитического продукта по региональной проблематике, но и по вопросам федеральной и международной повестки. При этом в большинстве случаев они требуют меньших ресурсов, а по отдельным направлениям могут быть не менее или более эффективными, чем столичные аналитические центры.

Предложенная трехуровневая дифференциация аналитических структур – аналитические структуры с некоторыми признаками «фабрик мысли» – «фабрики мысли» может быть использована в рамках фундаментальных исследований, посвященных аналитическим структурам, причем особенно полезна она будет для изучения региональных структур. У нее может быть и прикладное применение. В частности, она поможет выявлять и поддерживать структуры, обладающие аналитическим потенциалом, готовые к продвижению в публичном пространстве общественно значимой аналитики и развитию до уровня «фабрик мысли». Кроме того, осмысление собственной деятельности некоторыми региональными аналитическими структурами в таком контексте может способствовать коррекции их самопозиционирования и целей развития с прицелом на вхождение в число полноценных «фабрик мысли» с опорой на собственные силы и ресурсы.

Отдельно подчеркнем, что сильные аналитические структуры, даже несмотря на относительно небольшое число задействованных в их работе специалистов, могут стать дополнительными точками роста для региона и способствовать принятию более эффективных решений в сфере публичной политики, что говорит о важности развития и поддержки таких структур.

Список литературы

1. Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики. 2013. Ред. Н.Ю. Беляева (отв. ред.), Ш.Ш. Какабадзе, Д.Г. Зайцев. М., Российская ассоциация политической науки (РАПН), 253 с.
2. Атаев А.В. 2013. Об информационно-аналитическом центре российского института стратегических исследований в Ростове-на-Дону. Гуманитарий Юга России, 1: 159–166.
3. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. 2016. Фабрики мысли и экспертные сообщества. Санкт-Петербург, Алетейя, 240 с.
4. Ефремова В.Н. 2015. Экспертные рейтинги как инструменты оценки деятельности глав регионов (на примере рейтингов эффективности губернаторов). Политическая наука, 3: 112–124.

¹¹⁷ Центр исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. URL: <http://centrtsu.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹¹⁸ Центр социально-политических инициатив. URL: <https://cspi-rzn.ucoz.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

¹¹⁹ Социологическая служба «Ваше мнение!». URL: <https://your-opinion.ru/> (дата обращения: 10 апреля 2021 г.).

5. Иноземцева В.А. 2015. Политологи в региональном экспертном сообществе (случай Республики Карелия). Наука XXI века: теория, практика и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции (Уфа, 8 июня 2015 г.). Уфа, Омега Сайнс: 291–295.
6. Иноземцева В.А., Черненко В.И. 2015. О практиках взаимодействия муниципальной власти и экспертно-аналитических сообществ в Республике Карелия. Самоуправление, 5: 29–31.
7. Иноземцева В.А., Черненко В.И. 2015. Экспертное сообщество Республики Карелия: опыт участия в публичной политике. Политическая наука, 3: 175–183.
8. Сунгуров А.Ю. 2012. Институты-медиаторы в современной России: случай Саратовской области. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 8 (4): 142–162.
9. Сунгуров А.Ю. 2014. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов. Полис. Политические исследования, 2: 72–87.
10. Сунгуров А.Ю. 2015. Власть и экспертное сообщество: институты и практика взаимодействия в российских регионах. Власть и элиты, 2: 190–208.
11. Сунгуров А.Ю. 2017. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе. Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований, 2: 115–137.
12. Сунгуров А.Ю. 2019. Взаимодействие власти, экспертного сообщества и гражданских организаций: российский опыт и крымская специфика. Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы III Международной научной конференции (Севастополь, 06–08 июня 2019 г.). Севастополь, Изд-во Пробел-2000: 252–255.
13. McGann J.G. 2016. Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy and Governance. Washington D. C., Publ. Brookings Institution Press, 240 p.
14. McGann J.G. 2020. 2019 Global Go To Think Tank Index Report. Publ. University of Pennsylvania, 270 p.
15. McGann J.G. 2021. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. Publ. University of Pennsylvania, 372 p.
16. Rich A. 2004. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. New York, Publ. Cambridge University Press, 270 p.
17. Zaytsev D.G. 2012. Analytical Communities in the Local Policy Process: Creating Self-identity. International Journal of Business and Social Science, 3 (5): 208–221.
18. Zaytsev D.G., Belyaeva N.Y. 2017. Determinants of the policy impact of analytical communities in Russian regions: cases of Karelia, Tatarstan and Saratov. Central European Journal of Public Policy, 11 (2): 23–42.

References

1. Analiticheskie soobshhestva v publichnoy politike: global'ny`j fenomen i rossijskie praktiki [Analytical communities in public policy: a Global phenomenon and Russian practices]. 2013. Ed. N. Belyaeva. Moscow, Publ. Russian Political Science Association, 253 p.
2. Ataev A.V. 2013. Ob informacionno-analiticheskom centre rossijskogo instituta strategicheskikh issledovanij v Rostove-na-Donu [About the information and analytical center of Russian Institute of Strategic Research in Rostov-on-Don]. Humanitarians of the South of Russia, 1: 159–166 (in Russian).
3. Balayan A.A., Sungurov A.Yu. 2016. Fabriki my`сли i e`kspertny`e soobshhestva [Think tanks and expert communities]. St. Petersburg, Publ. Aletejya, 240 p.
4. Efremova V.N. 2015. Ekspertnye rejtingi kak instrumenty ocenki deyatel'nosti glav regionov (na primere rejtingov effektivnosti gubernatorov) [Expert ratings as tools of evaluation region's governors (the case of the efficiency rating of regional leaders)]. Political Science, 3: 112–124 (in Russian).
5. Inozemceva V.A. 2015. Politologi v regional'nom e`kspertnom soobshhestve (sluchaj Respubliki Kareliya) [Political scientists in the regional expert community (the case of the Republic of Karelia)]. Nauka XXI veka: teoriya, praktika i perspektivy` [Science of the XXI century: theory, practice and perspectives]. Materials of the international scientific and practical conference, Ufa, June 8, 2015. Ufa, Publ. Omega Science: 291–295.
6. Inozemceva V.A., Chernenkova V.I. 2015. O praktikah vzaimodejstviya municipal'noj vlasti i ekspertno-analiticheskikh soobshchestv v Respublike Kareliya [About practices of interaction between municipal governance and expert-analytical communities in Republic of Karelia]. Samoupravlenie [Self-governing], 5: 29–31 (in Russian).

7. Inozemceva V.A., Chernenkova V.I. 2015. Ekspertnoe soobshchestvo Respubliki Kareliya: opyt uchastiya v publichnoy politike [Interaction between the expert-analytical communities and municipal administration (Petrozavodsk urban district experience)]. *Political Science*, 3: 175–183 (in Russian).
8. Sungurov A.Yu. 2012. Instituty-mediatory v sovremennoj Rossii: sluchaj Saratovskoj oblasti [Institutes-mediators in contemporary Russia: case of Saratovskaya oblast]. *Political expertise: POLITEX*, 8 (4): 142–162 (in Russian).
9. Sungurov A.Yu. 2014. Ekspertnoe soobshchestvo, fabriki mysli i vlast': opyt trekh regionov [Expert community, think tanks and power: experience of three regions]. *Polis. Political studies*, 2: 72–87 (in Russian).
10. Sungurov A.Yu. 2015. Vlast' i ekspertnoe soobshchestvo: instituty i praktika vzaimodejstviya v rossijskikh regionah [Authorities and expert community: the institutions and practices of cooperation in the Russian regions]. *Power and Elites*, 2: 190–208 (in Russian).
11. Sungurov A.Yu. 2017. Fabriki mysli i ekspertnoe soobshchestvo v Moskve, Sankt-Peterburge, Nizhnem Novgorode i na Severnom Kavkaze [Think Tanks and expert community in Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, and the North Caucasus]. *The political conceptology: journal of metadisciplinary research*, 2: 115–137 (in Russian).
12. Sungurov A.Yu. 2019. Vzaimodejstvie vlasti, ekspertnogo soobshchestva i grazhdanskih organizacij: rossijskij opyt i krymskaya specifika. Istoricheskie, kul'turnye, mezhnacional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka [Interaction of government, expert community and civic organizations: Russian experience and Crimea specificity. Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East]. *Materials of the III International Scientific Conference, Sevastopol, June 06–08, 2019. Sevastopol, Publ. Probel-2000: 252–255 (in Russian).*
13. McGann J.G. 2016. *Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy and Governance*. Washington D. C., Publ. Brookings Institution Press, 240 p.
14. McGann J.G. 2020. *2019 Global Go To Think Tank Index Report*. Publ. University of Pennsylvania, 270 p.
15. McGann J.G. 2021. *2020 Global Go To Think Tank Index Report*. Publ. University of Pennsylvania, 372 p.
16. Rich A. 2004. *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise*. New York, Publ. Cambridge University Press, 270 p.
17. Zaytsev D.G. 2012. Analytical Communities in the Local Policy Process: Creating Self-identity. *International Journal of Business and Social Science*, 3 (5): 208–221.
18. Zaytsev D.G., Belyaeva N.Y. 2017. Determinants of the policy impact of analytical communities in Russian regions: cases of Karelia, Tatarstan and Saratov. *Central European Journal of Public Policy*, 11 (2): 23–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аванесов Артур Юрьевич, студент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета; участник проекта «Открытая аналитика», г. Белгород, Россия

Artur Yu. Avanesov, student of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; member of the Open Analytics Project, Belgorod, Russia

Травин Роман Андреевич, старший преподаватель кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета; руководитель проекта «Открытая аналитика», г. Белгород, Россия

Roman A. Travin, senior lecturer of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; head of the Open Analytics Project, Belgorod, Russia

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-477-485

Внешняя политика Российской Федерации начала XXI вв. в контексте теории «Вызова и Ответа» А.Дж. Тойнби

Вафин М.О.

Дальневосточный юридический институт МВД России,
Россия, 680020, Хабаровский край, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15
E-mail: vafin_1992@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен анализ современного геополитического положения Российской Федерации через призму теории «Вызова и Ответа» А.Дж. Тойнби. Раскрыто содержание таких категорий, как «вызов», «ответ», «творческое меньшинство» с приведением конкретных исторических примеров. Ключевыми «вызовами» России в настоящее время являются внешнеполитические, детерминированные геополитическими амбициями и гегемонистическими взглядами стран Запада во главе с США. В статье освещены основные направления формирования внешнеполитических «вызовов», а также «ответы», которые дает на них Россия. По мнению автора, «ответы», формируемые Российской Федерацией, в настоящее время являются верными, достойными, демонстрирующими свою состоятельность, коррелируемые с теорией А.Дж. Тойнби, способные обеспечить дальнейшее существование русской цивилизации.

Ключевые слова: «вызов», «ответ», «творческое меньшинство», геополитика, США, Российская Федерация, русская цивилизация.

Для цитирования: Вафин М.О. 2021. Внешняя политика Российской Федерации начала XXI вв. в контексте теории «Вызова и Ответа» А.Дж. Тойнби. *Via in tempore. История. Политология*, 48 (2): 477–485. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-477-485.

Foreign policy of the Russian Federation beginning XXI century in the context of the theory of «Challenge-and-Response» by A.J. Toynbee

Maxim O. Vafin

Far Eastern Home Ministry Law Institute of Russia,
Russia, 680020, Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15
E-mail: vafin_1992@mail.ru

Abstract. Abstract. This article presents an analysis of the current geopolitical situation of the Russian Federation through the prism of the theory of «Challenge-and-Response» by A.J. Toynbee. This theory is one of the key ones in the philosophy of history, since it is aimed at substantiating the civilizational approach to the historical process. The article reveals the content of the categories «challenge», «response» and «creative minority». Specific historical examples are provided to detail these definitions. Currently, the key «challenge» for Russia is such situations that are determined by foreign policy conditions, due to the geopolitical ambitions and hegemonic views of Western countries, led by the United States. The USA is trying to take a leading position in world politics, and therefore it is trying to promote its interests anywhere in the world where it sees an opportunity to achieve them. The article highlights the main directions in which foreign policy «challenge» are formed, as well as the «response» to them that Russia gives. According to the author, the «response» formed by the Russian Federation are currently correct, worthy, demonstrating right to exist, correlated with the theory of A.J. Toynbee and able to ensure the continued existence of Russian civilization.

Keywords: «challenge», «response», «creative minority», geopolitics, USA, Russian Federation, Russian civilization.

For citation: Vafin M.O. 2021. Foreign policy of the Russian Federation beginning XXI century in the context of the theory of «Challenge-and-Response» by A.J. Toynbee. *Via in tempore. History and political science*, 48 (2): 477–485 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-477-485.

В настоящее время с геометрической прогрессией вновь происходит накал международной обстановки. Одними из самых значимых субъектов такого противостояния являются Россия и США. Политическое руководство последних еще с середины XX века сформировало внешнеполитическую доктрину, направленную на получение гегемонии и установление однополярного мира в планетарных масштабах. Ключевым препятствием и главным противником реализации данных целей в XX веке являлся СССР.

Наступление XXI века не изменило приоритеты внешней политики США – в настоящее время они по-прежнему всевозможными методами и способами пытаются вмешиваться в политические процессы, происходящие в любой точке планеты. Однако достигнуть мирового господства США не может, поскольку им препятствует полноправный наследник СССР – Российская Федерация. Обозначенную тенденцию мы можем увидеть в концепции «Вызова и Ответа», сформулированной А.Дж. Тойнби во второй половине XX века.

А.Дж. Тойнби является одной из ключевых фигур в философии истории, который окончательно сформулировал цивилизационный подход к историческому процессу. Важное место в теории британского профессора занимает вопрос о механизме возникновения цивилизаций. Английские ученые утверждают, что цивилизации самостоятельно возникнуть не могут, для этого необходимы определенные условия, получившие у него название ситуации «Вызова и Ответа». При этом данная ситуация у А.Дж. Тойнби обличена в форму теории, действие которой было описано в книге «Постижение истории» [Тойнби, 2004]. Так, трансформация общества из примитивного состояния в цивилизацию начинается с того момента, когда возникают определенные обстоятельства («вызов»), ставящие под угрозу само существование данного общества. Однако процессы роста цивилизации будут запущены в том случае, если общество сможет дать адекватный и верный «ответ» на возникший «вызов». Помимо этого, для одних обществ определенные «вызовы» будут выступать толчком для становления и развития цивилизации, тогда как в других обществах аналогичные «вызовы» не приведут к наступлению подобных результатов. Например, не все народы древности, которые проживали в Иорданской долине, долине Нила, в районе Рио-Гранде и междуречья Тигра и Евфрата, находясь в сходных климатических условиях, при наличии полноводных рек со среднегодовой плюсовой температурой 21 градус, пришли к одинаковым результатам. Из перечисленных географических ареалов расселения народов древности цивилизации возникли лишь в долине Нила (Египетская) и в междуречье Тигра и Евфрата (Шумерская) [Тойнби, 2003, с. 271]. Другим примером является возникновение цивилизации в высокогорном плато в Андах и не наступление аналогичных результатов в высокогорье Кении. Возникает закономерный вопрос о причинах кардинально различных результатов.

Для ответа на поставленный вопрос А.Дж. Тойнби приводил следующий аргумент. Ключевое условие возникновения цивилизаций базируется на способности общества выйти за пределы рамок обычаев, традиций, преодолеть социальную инерцию и дать адекватный «ответ». При этом важная роль в формировании такого «ответа» отводится не всему обществу в целом, поскольку оно не способно самостоятельно сформировать достойный «ответ», а определенной его части – конкретным индивидам, группам лиц, творцам-одиночкам или «творческому меньшинству» [Чепиков, 2013, с. 59], обладающему способностью к творчеству, созданию чего-то нового. Подобная категория людей способна отреагировать на «вызов», преодолевая закостенелую консервативность общества. По мнению А. Тойнби, такими творцами истории могут стать личности духовно одаренные, достигшие высшего уровня индивидуальности, способные дать отпор внешнему давлению, гото-

вые к трансформированию окружающей их действительности, обладающие характеристиками, способствующими распространению своего влияния на других. Стоит подчеркнуть, что наличие инновационных воззрений, стремлений, способностей у людей британский философ рассматривает в качестве творческой мутации. Наличие подобных мутаций во внутреннем мире человека приводит к изменению во всем обществе, что выступает одним из ключевых факторов становления и развития цивилизации.

Однако сам факт наличия творческого меньшинства не детерминирует возникновение цивилизации. Они способны сформулировать «ответ», но не способны реализовать его самостоятельно. Для формирования достойного «ответа» данная категория людей должна увлечь за собой пассивное большинство. Большим значением здесь обладает социальное подражание, в результате которого решения, сформированные «творческим меньшинством», становятся достоянием «нетворческого большинства». Поскольку «ответ» будет адекватным в том случае, если на него реагирует все общество. Однако, как утверждает А.Дж. Тойнби, процесс этот крайне болезненный [Тойнби, 1991, с. 261], поскольку может затронуть отрыв общества от фундаментальных традиций, установок и ценностей. Например, формируя адекватный «ответ», вызванный внешнеполитическим «вызовом» технологического и военного отставания России от европейских стран, а также назревавшей на горизонте войной со Швецией, Пётр I, как представитель «творческого меньшинства», пришел к необходимости внедрения инноваций, которые силой насаждались во всех сферах жизни общества и для всех слоев населения, за что будущий император получил от старообрядцев прозвище «Антихрист». Но если творцы-одиночки достигают успеха в преодолении инерции традиций, враждебности окружения и провоцируют социальное подражание, то это приводит к установлению в данном обществе нового порядка, становлению и развитию цивилизации.

На наш взгляд, несмотря на критику теоретических положений А.Дж. Тойнби, его работа внесла вклад в формирование подхода к историческому процессу, сформулировав историческую закономерность, примеры проявления которой демонстрируются в современном геополитическом положении России. В настоящей работе важно отметить то, насколько применяемые способы решения возникших проблем являются адекватными и верными, подпадающими под категорию «ответа».

Объем работы не позволяет раскрыть все современные «вызовы», стоящие перед Российской Федерацией. В связи с чем рассмотрим наиболее актуальный «вызов», детерминированный внешнеполитической обстановкой и геополитическим положением России.

Исторически сложилось, что перед русской цивилизацией всегда были «вызовы», которые в одном случае могли привести к упадку государства, потери его независимости, в другом – к трансформации в категорию «недоразвившейся» цивилизации (как утверждал А.Дж. Тойнби). Россия на всем своем историческом пути развития часто демонстрировала правильные «ответы» на возникающие «вызовы». Так, исходя из анализа Отечественной истории, можно обозначить следующие события, выступающие примером реализации концепции «Вызов и Ответ»: вторжение ливонских рыцарей на территории русских княжеств было остановлено войсками князя Александра Невского 5 апреля 1242 г. в битве на Чудском озере; Смутное время начала XVII века, в условиях которого русское государство было на грани уничтожения, было спасено собственным народом, сплотившимся вокруг лидеров Второго народного ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского в 1612 г. Второе народное ополчение выбило польские войска из Москвы, в результате чего Русская цивилизация была спасена от катастрофы; угроза потери независимости Российской империи в ходе Наполеоновского нашествия 1812 г. была устранена стратегически продуманными действиями русской армии под командованием М.И. Кутузова. Как видим, на протяжении всего исторического развития Российское государство не раз демонстрировало достойные, адекватные «ответы» на внешнеполитические «вызовы». В схожих условиях находится и современная Россия. Так, А.Дж. Тойнби считал, что российское

государство стоит на распутье между вступлением и получением достойного места в западном мире и сохранением текущих позиций обособленно от запада, с перспективой построения собственного «антизападного контрмира» [Иванова, 2015, с. 25].

Проблема выбора для Российской Федерации действительно является внешнеполитической и в тоже время экзистенциальной проблемой. Однако наряду с этим продолжает сохранять свою актуальность проблема противостояния востока и запада, России и США, что находит свое отражение в том числе в обострении геополитической обстановки на территориях приграничных к первой стране. Так, из-за недавних событий на Украине Россия была подвергнута частичной политической и экономической блокаде.

Некоторые исследователи даже отмечают возобновление новых витков «холодной войны» или наступление «второй холодной войны» между Россией и США с их союзниками [Иванова, 2015, с. 25]. Совокупность фактов подтверждает данное утверждение. Так, основные базы НАТО (магистральные направления деятельности которого, её характер и интенсивность определяют США), базы самих Соединенных Штатов расположены в странах Европы, в том числе Восточной. Это обеспечивает полный контроль со стороны США над данными государствами. Важно подчеркнуть, что в орбиту влияния Североатлантического альянса попадает все большее количество стран. Так, в 1999 году в рамках четвертого расширения в НАТО вступили бывшие страны социалистического блока – Польша, Венгрия и Чехия [НАТО, 2020]. В 2004 году НАТО приблизилось вплотную к границам России за счет вступления в данную организацию в рамках пятого расширения стран Прибалтики – Латвия, Литва, Эстония. Кроме того, в НАТО в 2004 году вошли и другие страны Восточной Европы – Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Черногория [Тойнби, 1991, с. 261]. В марте 2020 года прошло «восьмое расширение НАТО» – в состав альянса вступила Северная Македония¹²⁰.

Другим примером управления социально-политическими процессами со стороны США в Восточной Европе является организованный и проведенный при их пособничестве государственный переворот на Украине – Евромайдан 2013–2014 года. В его результате к власти пришла прозападная националистически настроенная политическая элита [Глазьев, 2016].

Страны Запада по распространению своего влияния не ограничиваются европейским направлением. США и их союзниками была нанесена серия «ударов» в период «Арабской весны» 2011 года по ближневосточным государствам в форме организации и поддержки «цветных революций». Соединенные Штаты Америки также являются инициаторами гражданской войны в Сирии, которая началась в 2011 году¹²¹. Деятельность США в данном государстве сводилась к попытке установить марионеточное правительство при прямой поддержке вооруженной, «демократической» оппозиции террористического толка [Блиндер Е., 2020].

В Средней Азии США пытаются получить контроль над Афганистаном, что вызвано не только возможностью ведения государственного наркобизнеса и параллельной травли населения стран – геополитических конкурентов США. Афганистан рассматривается Соединенными Штатами Америки как плацдарм для дальнейшей деятельности террористических ячеек, действовавших в Сирии, откуда они были выбиты в ходе военного вмешательства России. Цель экспансии террористов будет лежать на севере, и это – территория Российской Федерации. По мнению экспертов, Афганистан выгоден для потенциального продвижения экстремистов к границам России через Туркменистан, богатый запасами газа [Делягин, 2016].

¹²⁰ North Macedonia joins NATO as 30th Ally. 2020. Official website of the North Atlantic Treaty Organization. URL: www.nato.int/cps/en/natohq/news_174589.htm?selectedLocale=en (accessed: 08 April 2021).

¹²¹ США готовили гражданскую войну в Сирии задолго до ее начала. 2017. Сетевое издание «Военное обозрение». URL: <https://topwar.ru/23563-ssha-gotovili-grazhdanskuyu-voynu-v-sirii-zadolgo-do-ee-nachala.html> (дата обращения: 05.04.2021).

В Азиатско-Тихоокеанском регионе для обеспечения контроля над береговой зоной Евразии, противодействия в первую очередь России, США разместили свои военные базы в Японии, Южной Корее. Кроме того, Соединенные Штаты Америки планируют разместить на территории данной страны и свои стратегические силы ¹²².

Помимо этого, США стремятся к установлению контроля над Арктикой и Северным Ледовитым океаном. Арктика представляет собой политический интерес для всего мирового сообщества не только с точки зрения экономики (присутствуют запасы нефти, газа), но и с точки зрения территориальных притязаний и реализации геополитических амбиций в данном регионе. Так, в Арктике Соединенные Штаты Америки намерены вернуть системы ПРО, а также свои военно-морские силы. По заявлениям руководителей НАТО, данные процессы будут ускоряться по мере таянья льдов Северного Ледовитого океана ¹²³.

Добавим, что США – одна из стран в мире, флот которой дислоцируется за пределами береговых границ морской акватории ¹²⁴. Военно-морские силы, расположенные за пределами береговых линий США, свидетельствует о преобладании «хищнической» парадигмы ведения внешней политики, что также создает ситуацию «вызова». Российская Федерация в своем распоряжении имеет четыре оперативно-стратегических и одно оперативное объединение Военно-Морских сил: Северный флот, Балтийский флот, Черноморский флот, Тихоокеанский флот, Каспийская морская флотилия соответственно. При этом дислокации флотов сформированы таким образом, чтобы непосредственно обеспечивать безопасность береговых границ Российского государства. Однако и у России есть военно-морские соединения, расположенные за пределами береговых границ морской акватории – в Сирии, что является гораздо меньшим масштабом, чем у США.

Примерами внешнеполитических «вызовов» правового характера, исходящих со стороны западного мира, являются следующие события. Конгрессом США 4 декабря 2014 г. была принята резолюция № 758, содержание которой носило критический и осуждающий характер относительно действий Российской Федерации ¹²⁵.

Выше обозначенные положения, связанные с внешнеполитической деятельностью США и их союзников, справедливо можно рассматривать как реальные «вызовы», стоящие перед Российской Федерацией, полностью укладываемые в теорию «Вызов и Ответ» А.Дж. Тойнби.

Перед рассмотрением «ответов», которые дает русская цивилизация на «вызовы» Запада, важно отметить, что внешняя политика России направлена на выстраивание отношений сотрудничества, диалога и гармоничного многополярного мироустройства. Однако посягательства извне, направленные на конституционные основы государства, в рамках самозащиты подлежат ликвидации посредством применения силы. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что для устойчивого и долгосрочного развития общества необходима мирная политическая обстановка. Помимо этого, глава государства отметил: «...вся работа по повышению обороноспособности имеет только одну цель, она направлена на обеспечение безопасности страны и наших граждан, чтобы никто

¹²² Зачем США хотят разместить стратегические силы в Южной Корее. 2017. Новостной интернет портал «РТ на русском». URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https://russian.rt.com/world/article/444026-strategicheskoe-orugie-ssha&fallback=1> (дата обращения: 02.04.2021).

¹²³ Геостратегия «Анаконда» и Евразия. 2016. Информационно-аналитический портал «Геополитика». URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geostrategiya-anakonda-i-evraziya> (дата обращения: 08.04.2021).

¹²⁴ ВМФ США: история, структура и состав. 2019. Сетевое издание «Военный обзор». URL: https://militaryarms.ru/armii-mira/vmf-usa/#h2_2 (дата обращения: 01.05.2021).

¹²⁵ H. Res.758 – Strongly condemning the actions of the Russian Federation, under President Vladimir Putin, which has carried out a policy of aggression against neighboring countries aimed at political and economic domination. 2014. Congress.gov is the official website for U.S. federal legislative information. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-resolution/758/text> (accessed: 28 March 2021).

не только не мог помыслить об агрессии против России, но даже о том, чтобы попытаться использовать методы силового давления в отношении нашей страны». В завершении В.В. Путин заявил следующее: «Перед нами стоят масштабные задачи. Мы идём к их решению системно и последовательно, выстраивая такую модель социального, экономического развития, которая позволит обеспечить наилучшие условия для самореализации человека, а значит, дать достойные ответы на вызовы стремительно меняющегося мира, сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности, на многовековых традициях, на культуре наших народов, ценностях и наших традициях»¹²⁶.

На возникшие «вызовы», детерминированные внешнеполитической обстановкой, русская цивилизация даёт следующие «ответы». 25 декабря 2014 г. Президентом России была утверждена новая Военная доктрина Российской Федерации¹²⁷ (далее – Доктрина), в пункте 27 которой закреплено следующее положение: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Данным актом акцентируется внимание на новых внешнеполитических угрозах, детерминируемых в том числе дестабилизированной обстановкой на юго-востоке Украины. Доктриной впервые в российском военном законодательстве признается в качестве одного из видов внешних угроз информационный подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в сфере государственной защиты.

Помимо формирования «ответов» на законодательном уровне, Россия ведет активную внешнюю политику, направленную на выстраивание отношений равноправного партнерства и мирного конструктивного сосуществования со странами ближнего и дальнего зарубежья. Например, в рамках международной организации БРИКС с такими государствами, как Бразилия, Индия, Китай, ЮАР, выстраивание сотрудничества в рамках ШОС, Таможенного союза ЕАЭС с Беларусью, Казахстаном, Арменией и Киргизией.

Помимо этого, Россия усиливает сотрудничество с Турцией, которая во внешней политике переориентировалась со стран запада на восток. Так, в 2020 г. Россия и Турция заключили уже второй контракт на поставку последним второго полка систем ПВО С-400¹²⁸. Наряду с этим Россия активно развивает военно-технический потенциал, совершенствуя сухопутные, морские и воздушные силы¹²⁹. По утверждениям западных СМИ, Россия активно развивает те отрасли военной промышленности и техники, в которых до сих пор лидером считалась США и с которыми последним будет сложно конкурировать¹³⁰.

На территориях Ближнего Востока Россия также укрепляет свои позиции. Так, с началом военной поддержки легального Сирийского правительства российскими войсками первые одержали победу над оппозиционными силами. Данное событие в конечном итоге привело к окончанию крупномасштабных боевых действий в Сирии. Так, министр иностранных дел С.В. Лавров отметил: «Военное противостояние между правительством страны и оппозицией закончилось. Есть только две горячие точки. Первая – Идлиб, территория которого контролируется группировкой «Хайат Тахрир аш-Шам» (запрещена в РФ),

¹²⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019. Российская газета, 21.02.2019, 38.

¹²⁷ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ от 25.12.2014 № Пр-2976. Российская газета, 30.12.2014, 298.

¹²⁸ Россия и Турция заключили контракт на поставку второго полка С-400. 2020. Сетевое издание РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200823/s400-1576196578.html> (дата обращения: 10.04.2021).

¹²⁹ РМ: военно-технический потенциал России выше, чем у США. 2020. Сетевое издание РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150604/1068164303.html> (дата обращения: 09.04.2021).

¹³⁰ How Russian and American Weapons Would Match Up in a New Cold War. 2015. Website «Popular Mechanics». URL: <https://www.britannica.com/topic/North-Atlantic-Treaty-Organization/NATO-in-the-post-Cold-War-era> (accessed: 08 April 2021).

однако сейчас сужается»¹³¹. Это, в свою очередь, детерминирует значительное укрепление геополитического положения России на Ближнем Востоке и получении надежного союзника в лице Сирии, которая предоставила России возможность дислокации своих вооруженных сил на авиационной военной базе Хмеймим (на бессрочной основе) и военно-морской базе в Тартусе¹³².

Усиливается влияние России на африканском континенте. Так, в 2018 году в Центральноафриканскую республику с российской стороны были направлены вооружение и военные инструкторы по просьбе президента Фостен-Арканжа Туадеры [Чаплыгин, 2018]. В 2018 году Россией заключены соглашения с Зимбабве о возможности дозаправки российских военных кораблей в портах данной африканской страны. Также подписаны договоры, позволяющие вести российским предприятиям добычу полезных ископаемых на территории Зимбабве. Отдельным направлением африканской политики России в настоящее время является Ливия. Уже сегодня наша страна активно поддерживает наиболее влиятельного ливийского политика – генерала Хафтара, и в период гражданской войны в Ливии Россия обеспечивала поддержку Ливийской национальной армии путем предоставления специалистов, военной техники, вооружения¹³³.

Точкой соприкосновения России и США и их союзников, требующей от первой формировать «ответы» на «вызовы» последнего, является Ледовитый океан и Арктика. Россия продолжает развивать программы по освоению Арктического пространства посредством улучшения имеющихся атомных ледоколов, занимается разработкой новых способов по добыче полезных ископаемых в трудных условиях Севера и приоритетно развивать военную базу «Арктический Трилистник» с параллельным наращиванием строительства новых опорных пунктов в данном регионе [Делягин, 2015]. Помимо этого, в октябре 2020 г. была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»¹³⁴, где признается, что Арктика является зоной роста конфликтного потенциала, где в настоящее время располагаются объекты стратегических сил сдерживания в целях недопущения агрессии против Российской Федерации и ее союзников.

Стоит отметить, что еще до возникновения «вызова» со стороны стран Запада, необходимость развивать собственную экономику, торговые связи, исследовать внутренние территории для поиска природных ресурсов и патриотическое воспитание молодого поколения назревала достаточно давно в процессе развития России. Решение обозначенных проблем, конечно, осуществлялось, однако «вызовы», выдвигаемые США, стали катализатором, который обострил концентрацию внимания на формировании необходимых «ответов» в связи с сложившимися обстоятельствами. Так, по мнению А. Тойнби, русская цивилизация смогла сохранить свою жизнеспособность благодаря тому, что она отвечала на вызовы внешних условий. На наш взгляд, данная позиция является верной, что подтверждалось историческим развитием и подтверждается современным геополитическим положением Российской Федерации.

Таким образом, из теории «Вызова и Ответа» А.Дж. Тойнби следует, что для становления цивилизации помимо «вызова» важными компонентами являются наличие твор-

¹³¹ Лавров заявил об окончании противостояния правительства Сирии и оппозиции. 2020. Сетевое издание РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200921/siriya-1577570771.html> (дата обращения: 13.03.2021).

¹³² Судьба авиабазы Хмеймим и базы ВМФ в Тартусе. 2019. Сетевое издание «Военное обозрение». URL: <https://topwar.ru/162989-kakova-sudba-aviabazy-hmejnim-i-bazy-vmf-tartus.html> (дата обращения: 08.04.2021).

¹³³ Путин ввел войска в Ливию. Сможет ли Кремль нанести «удар беженцами» по Европе. 2018. Сайт «Dsnews». URL: <http://www.dsnews.ua/world/putin-vvel-voyska-v-liviyu-smozhet-li-kreml-nanesti-udar-09102018201500> (дата обращения: 08.01.2021).

¹³⁴ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. Собр. законодательства РФ, 02.11.2020, № 44, ст. 6970.

ческого порыва меньшинства и готовности общества последовать за этим меньшинством и его порывом, что в совокупности приводит к формированию адекватного «ответа», который консолидирует общество, делая его суверенным от внешнего природного и социального окружения. Так происходит процесс выработки новых способов выживания, что по своей сущности является развитием. Положения, сформулированные А.Дж. Тойнби, находят свое отражение в настоящей действительности. Перед Россией стоит множество «вызовов», наиболее актуальными являются внешнеполитические, которые детерминированы геополитическими амбициями стран Запада во главе с США. «Ответы», которые Российская Федерация пытается дать на возникающие «вызовы», на наш взгляд, являются адекватными, верными и достаточными, укладываемыми в закон британского профессора, являющиеся залогом дальнейшего существования Русской цивилизации.

Список литературы

1. Блиндер Е. 2020. США поддерживают террористов в Сирии, чтобы сохранить доступ к нефтересурсам. Сетевое издание USA. URL: <https://yandex.ru/turbo/usa.one/s/2020/05/ssha-podderzhivayut-terroristov-v-sirii-chtoby-soxranit-dostup-k-nefteresursam/> (дата обращения: 06.04.2021).
2. Глазьев С. 2016. Зачем Америке Майдан. Сетевое издание «Аргументы недели». URL: <https://argumenti.ru/toptheme/n441/344574> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Делягин М.Г. 2015. Арктика становится полигоном для передовых технологий и амбициозных проектов. Сайт «delyagin.ru». URL: <https://delyagin.ru/articles/192-deljagina-tsitirujut/43196-arktika-stanovitsja-poligonom-dlja-peredovykh-tekhnologij-i-ambitsioznykh-proektov> (дата обращения: 25.04.2021).
4. Делягин М.Г. 2016. Они пойдут на Север, если мы не развернем их на Юг. Интернет-блок М.Г. Делягина. URL: <https://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/43379-oni-po-dut-na-sever-esli-my-ne-razvernem-ikh-na-jug> (дата обращения: 02.04.2021).
5. Иванова И.С. 2015. Вопросы современного развития России в условиях новых вызовов. Научные труды Московского гуманитарного университета, 3: 24–29. DOI: 10.17805/trudy.2015.3.3.
6. Тойнби А.Дж. 1991. Постигание истории / пер. с англ.; сост. А.П. Огурцов. М., Прогресс, 736 с.
7. Тойнби А.Дж. 2003. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. 2-е изд. М., Айрис-пресс, 592 с.
8. Тойнби А.Дж. 2004. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., Айрис-пресс, 640 с.
9. Чаплыгин А. 2018. Грандиозное возвращение России в Африку. Интернет-проект «ИноСМИ». URL: <https://inosmi.ru/politic/20180228/241579862.html> (дата обращения: 13.04.2021).
10. Чепиков Е.В. 2013. Методология исследования исторического процесса А. Тойнби. Трансформация цивилизационного учения: монография. Хабаровск, РИО ДВЮИ МВД РФ, 132 с.
11. NATO in the post-Cold War era. 2020. Website «Britannica Group». URL: <https://pamm-trade.com/strany-nato-kratkaya-istoriya-sozdaniya-alyansa-spisok-stran-nato-5-stadij-rasshireniya-alyansa/12120/> (accessed: 01 February 2021).

References

1. Blinder E. 2020. SShA podderzhivayut terroristov v Sirii, chtoby sokhranit' dostup k nefteresursam [The United States supports terrorists in Syria to maintain access to oil resources]. Online publication USA. Available at: <https://yandex.ru/turbo/usa.one/s/2020/05/ssha-podderzhivayut-terroristov-v-sirii-chtoby-soxranit-dostup-k-nefteresursam/> (accessed: 06.04.2021).
2. Glaz'ev S. 2016. Zachem Amerike Maydan [Why America needs Maidan]. Online publication «Argumenty nedeli». Available at: <https://argumenti.ru/toptheme/n441/344574> (accessed: 02.04.2021).
3. Delyagin M.G. 2015. Arktika stanovitsya poligonom dlya peredovykh tekhnologiy i ambitioznykh proektov [The Arctic is becoming a testing ground for advanced technologies and ambitious projects]. Website «delyagin.ru». Available at: <https://delyagin.ru/articles/192-deljagina-tsitirujut/43196-arktika-stanovitsja-poligonom-dlja-peredovykh-tekhnologij-i-ambitsioznykh-proektov>

tsitirujut/43196-arktika-stanovitsja-poligonom-dlja-peredovykh-tehnologi-i-ambitsioznykh-proektov (accessed: 25.04.2021).

4. Delyagin M.G. 2016. Oni poydut na Sever, esli my ne razvernem ikh na Yug [They will go to the North, if we do not turn them to the South]. Internet block of M.G. Delyagin. Available at: <https://delyagin.ru/articles/187-pozitsija/43379-oni-po-dut-na-sever-esli-my-ne-razvernem-ikh-na-jug> (accessed: 02.04.2021).

5. Ivanova I.S. 2015. Voprosy sovremennogo razvitiya Rossii v usloviyakh novykh vyzovov [Issues of modern development of Russia in the context of new challenges]. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 3: 24–29. DOI: 10.17805/trudy.2015.3.3.

6. Toynbi A.Dzh. 1991. Postizhenie istorii [Comprehension of history] / trans. from english; comp. A.P. Ogurtsov. Moscow, Publ. Progress, 736 p.

7. Toynbi A.Dzh. 2003. Tsvivilizatsiya pered sudom istorii: sb. [Civilization before the court of history: collection] / trans. from english 2nd ed., Moscow, Publ. Ayris-press, 592 p.

8. Toynbi A.Dzh. 2004. Postizhenie istorii [Postizhenie istorii] / trans. from english E.D. Zharkova. Moscow, Publ. Ayris-press, 640 p.

9. Chaplygin A. 2018. Grandioznoe vozvrashchenie Rossii v Afriku [Russia's grand return to Africa]. Internet project «InoSMI». Available at: <https://inosmi.ru/politic/20180228/241579862.html> (accessed: 13.04.2021).

10. Chepikov E.V. 2013. Metodologiya issledovaniya istoricheskogo protsessa A. Toynbi. Transformatsiya tsvivilizatsionnogo ucheniya: monografiya [Methodology of the study of the historical process A. Toynbee. Transformation of civilizational teaching: a monograph]. Khabarovsk, Publ. RIO DVUI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 132 p.

11. NATO in the post-Cold War era. 2020. Website «Britannica Group». URL: <https://pamm-trade.com/strany-nato-kratkaya-istoriya-sozdaniya-alyansa-spisok-stran-nato-5-stadij-rasshireniya-alyansa/12120/> (accessed: 01 February 2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вафин Максим Олегович, адъюнкт Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Хабаровск, Россия

Maxim O. Vafin, postgraduate student of the Far Eastern Home Ministry Law Institute of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia

УДК 32.019.5
DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-2-486-496

Интеллектуалы и власть: еще один взгляд, или Аналитики и политики¹³⁵

Швырков А.И.

Брянский государственный технический университет,
Россия, 241035, Брянск, Бульвар 50 лет Октября, 7
E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения интеллектуалов и власти. Во многом она, эта проблема, сводится к тому, что политики не слушают советов интеллектуалов. Почему же их не слушают? Возможно, это обусловлено существенной разницей в типе мышления тех и других. То, как мыслят интеллектуалы, преимущественно определяется политической теорией. Теория же характеризуется приматом системности, завершенности, подчиненности абстрактным, часто «идеальным» в моральном отношении принципам и целям. Последнее, очевидно, характерно для многих политических теорий. Что касается действий политиков, то они – по разным причинам – часто существенно отклоняются от тех параметров, которые задает теория. В свою очередь, интеллектуалы, как правило, не вовлечены в политическое действие в качестве акторов, то есть они не могут оценивать действия политиков иначе как с точки зрения теории. Например, на основании собственного опыта политической деятельности. В результате всего этого действия политиков часто приводят к неудовлетворительным как с точки зрения интеллектуалов (то есть с точки зрения теории и тех абстрактных принципов, на которых они основаны), так и самих политиков результатам. Выход из этой ситуации автор видит в том, что интеллектуалы должны в своих коммуникациях с политиками пожертвовать частью абстрактных принципов, на которых основаны теории, или не настаивать на их жестком соблюдении политиками. Им также следует попытаться уменьшить свои требования в отношении системности и последовательности действий политиков. Речь идет не о том, чтобы искусственно примитивизировать свое мышление или «опускаться» в моральном отношении, речь идет о том, чтобы не ожидать и, главное, не требовать от общества в целом и политиков в частности большей строгости мышления и в следовании теории, чем та, на которую они в принципе способны.

Ключевые слова: интеллектуалы, политики, власть, теория, абстрактные принципы.

Для цитирования: Швырков А.И. 2021. Интеллектуалы и власть: еще один взгляд или Аналитики и политики. 48 (2): 486–496. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-486-496.

Intellectuals and Power: Another Look or Analysts and Politicians

Aleksandr I. Shvyrkov

Bryansk State Technical University,
7 50 let Oktyabrya Boulevard, Bryansk, 241035, Russia
E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problem of the relationship between intellectuals and authority. In many ways this problem comes down to the fact that politicians do not listen to the intellectuals' advice. But why don't they do? Perhaps it happens due to a significant difference in the mindset of politicians and intellectuals. The way intellectuals think is primarily determined by political theory. The theory is characterized by the primacy of consistency, completeness, subordination to abstract,

¹³⁵ Некоторые идеи этой статьи были изложены в [Швырков, 2016].

often «ideal» (in moral terms), principles and goals. As for the actions of politicians for various reasons they often deviate significantly from the parameters set by the theory in their behavior. In turn, intellectuals usually are not involved in political action as actors, that is, they cannot evaluate the actions of politicians except from the point of view of the theory. As a result, actions of politicians often lead to unsatisfactory results, both from the point of view of intellectuals (that is, from the point of view of theory and abstract principles on which it is based) and of politicians themselves. The author sees a way out in that the intellectuals, at least in their communications with politicians, must sacrifice part of the abstract principles on which theories are based or at least not to insist on their strict compliance by politicians. They should also try to reduce their demands concerning the consistency of political activity. This, of course, does not mean that they have to artificially primitivize their thinking or «morally fall». It's about not to expect and, most importantly, not to demand more rigorous thinking from society as a whole and politicians in particular than that they are capable of.

Keywords: intellectuals, politicians, power, theory, abstract principles.

For citation: Shvyrkov A.I. 2021. Intellectuals and Power: Another Look or Analysts and Politicians. 48 (2): 486–496 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-486-496.

Интеллектуалы не хотят власти.
Интеллектуалы хотят, чтобы власть
делала то, что они говорят.

В настоящее время стало почти общим местом констатировать сущностный кризис современной *мир-системы* [Туроу, 1999; Валлерстайн, 2003; Валлерстайн, 2005; Розов, 2019; Greenspan, 2008]. При этом большинство исследователей сходятся во мнении, что предсказать, как именно будут развиваться события, практически невозможно. Можно предположить, что это во многом обусловлено тем, что мы не имеем в своем распоряжении достаточного количества развитых теорий, которые могли бы использовать для того, чтобы делать уверенные социологические, экономические и прочие прогнозы.

Проблема, однако, не только в том, что теории «не хватает». Проблема также в том, что даже та теория, которая имеется, очень часто не используется в полном объеме (а то и не используется вовсе).

Одно из возможных объяснений этого может состоять в том, что те, кто принимают политические решения, просто не знакомы с необходимой (причем уже существующей) теорией. Они также часто не слушают тех, кто с теорией знаком. То есть не слушают *интеллектуалов*. Но почему же интеллектуалов не слушают? И, главное, *как с этим быть?*

В данной статье, таким образом, речь пойдет о взаимоотношениях власти или, точнее, политиков и интеллектуалов, о том, каким образом вторые могут воздействовать на первых. Поскольку тема эта, похоже, не собирается терять свою актуальность [Дьяков, 2019; Drake, 2003; Giesen, 2011; Elshtain, 2014; Vossen, 2015], надеюсь, мой скромный вклад не пропадет втуне.

По моему мнению, для того чтобы ответить на сформулированные выше вопросы, важно прояснить следующий момент.

Помимо прочего, все люди различаются тем, на какое «интеллектуальное расстояние» они «видят», на какую глубину способны анализировать ту или иную проблему. В количественном отношении это может выражаться в том, сколько теорий знает тот или иной человек и сколько фактов он может под них подвести (*предсказания* в результате подведения фактов под теории должны таким образом получаться автоматически).

Важно понимать, что речь в данном случае не идет о пресловутой интуиции. Речь идет о тех прогнозах, которые всегда можно исчерпывающе объяснить, опираясь на соответствующую теорию.

Реакция на те или иные события того или иного человека непосредственно зависит от глубины анализа, на который этот человек способен, от того, насколько шагов он может просчитывать. Тот, кто «видит дальше», то есть тот, кто способен просчитывать на большую глубину, соответственно и реагирует на более отдаленные события.

Что значит «реагировать»? Это значит, по крайней мере, *говорить* о грядущих (предсказываемых) событиях, их последствиях. Причем говорить публично, апеллируя как к элитам, так и к широкой публике. Речь о призывах принять те или иные меры (например, принять тот или иной закон).

Однако, реагируя на эти на самом деле еще *не наступившие* события, тот, кто «видит дальше», как бы действует в совершенно ином временном масштабе, он как бы *ускоряет время*, или, точнее, пропускает, выбрасывает тот промежуток времени, через который эти события должны (или могли бы) произойти. То есть события эти становятся для него *настоящим*.

Поскольку другие люди не могут видеть так же далеко, поведение такого «дальнозоркого», его реакция, его иногда *паника* оказываются им непонятны. Вследствие этого они просто не видят смысла действовать так, как им предлагают действовать «дальнозоркие».

Фразу о глубине анализа следует понимать, так сказать, в ограниченном смысле: результат анализа здесь во внимание не принимается. Главное, что человек способен на такой анализ. Почему глубина анализа понимается именно таким образом, станет понятно из дальнейшего.

Описанный выше механизм ответственен за многие недоразумения, возникающие в отношениях между аналитиками и политиками, между учеными и «профанами», теоретиками и практиками. Суть его в том, что, образно выражаясь, аналитики и политики *живут по разным часам*. Те события, которые для первых – чуть ли не настоящее, для вторых – очень отдаленное, может быть, даже нереальное будущее. Однако проблема в том, что ресурсы, рычаги управления обществом, экономикой, государством, как правило, находятся в руках практиков. Почему именно так – тема для отдельного разговора. Хочу лишь добавить, что, как правило, «критическая масса» «дальнозорких» теоретиков, которая была бы достаточна для того, чтобы влиять на «близоруких» практиков, накапливается не часто. Нередко ученые (эксперты, аналитики и прочие) вынуждены буквально *навязывать* себя и свои услуги.

Итак, дальнозоркие интеллектуалы либо создают теории, либо активно ими пользуются. Любая теория – просто в силу особенностей ее создания, в силу *бытия теорией* – обладает свойствами законченности, системности, последовательности и т. п. Любая теория также базируется на тех или иных принципах, которые связывают все части теории воедино. Если речь идет о политических теориях, то для многих из них характерно подчинение всех ее положений какому-то одному абстрактному, часто «идеальному» (в моральном отношении) принципу. Например, справедливости, общего блага, гармонии, прогресса и проч. В качестве объединительного, системообразующего начала в них также может выступать образ некоего желаемого состояния общества, государства, «системы». В стремлении к осуществлению этого образа им видится смысл политики и существования человеческого общества.

Поскольку теории (*такие* теории) важны для интеллектуалов, поскольку созданию и распространению теорий посвящена значительная часть их жизни, мышление в

терминах теории становится для них чуть ли не основным типом мышления. По крайней мере, тогда, когда речь идет о тех предметах, которые толкуют теории. Можно сказать, что они, интеллектуалы, не могут – *уже* не могут – мыслить о реальности каким-либо иным образом, считают, что мыслить о реальности по-другому – это значит мыслить *неправильно*. Более того, действия других людей – в том числе тех, кто не знаком с теорией (и поэтому ею не руководствуется) – они также оценивают почти исключительно с точки зрения теории. И эти действия, естественно, тоже часто представляются им неправильными (опять же с точки зрения теории).

Поскольку интеллектуалы чаще всего уверены в верности своих теорий (по крайней мере, в том, что если есть теория, то лучше действовать в соответствии с нею), они часто бывают возмущены, раздосадованы, сбиты с толку действиями политиков, теории не соответствующими.

Пожалуй, еще большую досаду у них вызывает то, что политики отказываются руководствоваться абстрактными, «идеальными» принципами, идеями, которые положены в основу многих политических теорий (например, идеей общего блага).

Важно понимать, что, попади интеллектуалы в «политическую ситуацию», они, вполне возможно, и сами бы не стали такими идеями руководствоваться (а если бы и стали, то, скорее всего, быстро бы «прогорели»). Однако поскольку они, как правило, в подобные ситуации не попадают (потому что избегают активной вовлеченности в политический процесс – говорю это, кстати, без всякого осуждения), им остается только оценивать действия политиков со стороны. Но оценивать такие действия они могут только (или преимущественно) с точки зрения теории, часто – «идеальных» принципов, потому что, повторюсь, они не могут мыслить иначе, чем с точки зрения теории. В их мышлении и, пожалуй, что еще важнее, в их *суждениях* (в том числе публичных) «идеалы» оказываются имеющими вес гораздо больший, чем тот, который эти идеалы, возможно, имеют для политиков (о весе этих идеалов для политиков интеллектуалы, очевидно, могут судить по их, политиков, *делам* – другой вопрос, насколько точно судить).

Что важно учитывать, в том числе и в связи со сказанным выше? Во-первых, то, что интеллектуалы действительно часто оказываются *правы* в своих оценках, прогнозах и т. п. То есть их «паника» оказывается вполне оправданной. Часто в отношении подобных случаев мы также можем констатировать, что меры, которые принимались (если вообще принимались) политиками в ответ на предупреждения интеллектуалов, оказывались запоздалыми.

Во-вторых, учесть следует и то, что интеллектуалы нередко ошибаются. Во многом это связано с несовершенством теории. Поэтому, когда политики не следуют их, интеллектуалов, советам, это не значит, что их ждет «неудача».

Термин «неудача» в последней фразе можно понимать двояко (поэтому соответствующее слово и взято в кавычки).

В первом случае тот или иной результат действий политиков будет неудачей в том смысле, что он не будет удовлетворять интеллектуалов, оценивающих этот результат с точки зрения теории (например, с точки зрения достижения «общего блага», причем общее благо понимается так, как оно понимается в теории). При этом самих политиков полученный результат может вполне устраивать. Во втором случае данный термин необходимо понимать так, что неследование советам интеллектуалов может приводить к успеху и с точки зрения теории. Этот последний момент, очевидно, можно отнести как раз на счет слабости, несовершенства теории.

Рассмотренное выше позволяет нарисовать следующую типичную ситуацию.

В политической сфере те или иные решения, как правило, принимаются людьми, «зрение» которых далеко от «единицы» (в вышеприведенном смысле). Они обладают далеко не самыми систематизированными представлениями об устройстве государства

и общества. Эти их представления также далеко не всегда структурированы сообразно некому абстрактному принципу. По крайней мере, если судить по их, этих людей, действиям. Решения этих людей приводят к определенным последствиям. Последствия формируют объективные тенденции. Эти тенденции в свою очередь улавливают аналитики, ученые, философы и т. п. (то есть «дальнозоркие»). Последние пытаются проанализировать данные тенденции, определить, к чему они могут привести, сформулировать рекомендации, следование которым, как им кажется, должно помочь в будущем избежать тех негативных последствий, к которым, по мнению «дальнозорких», ведут действия политиков.

Однако эти рекомендации (как и оценка решений политиков, последствий этих решений), основаны на представлениях, которые во многих отношениях чужды «близоруким» политикам (если, повторяю, судить по их делам). Чужд им и тот способ, которым эти представления систематизируются, структурируются. Им чужд тот «верховный принцип», которым они подчинены.

Следствием этих моментов является то, что политики могут, во-первых, по-другому (т. е. не так, как аналитики, интеллектуалы) оценивать последствия тех или иных своих решений, во-вторых, неправильно воспринимать степень временной близости этих последствий и, в-третьих, соответственно, не видеть смысла следовать советам интеллектуалов.

Необходимо отметить, что я отнюдь не считаю, будто ученые, философы, аналитики, вообще, интеллектуалы («дальнозоркие») в том или ином смысле «правильнее» политиков («близоруких»). Хотя мои симпатии, пожалуй, в большинстве случаев будут находиться на стороне первых (отчасти потому, что в своих прогнозах они действительно нередко оказываются правы, отчасти потому, что именно к «дальнозорким» я отношу себя). Также хочу подчеркнуть, что я не отрицаю возможности существования индивидов, в которых способность к действию и научному прогнозу развиты в равной степени.

Однако есть еще один важный момент, касающийся прогнозов и их результативности, на который следует обратить внимание. С одной стороны, он еще больше «запутает» ситуацию, а с другой, возможно, сделает наше отношение к *неследованию* рекомендациям аналитиков не таким алармистским.

Итак, предположим, что аналитики выдали некоторый прогноз, касающийся развития той или иной политической ситуации. Причем прогноз при сохранении актуальных на его момент тенденций негативный. И пусть аналитиков не послушали (по разным причинам – например, по одной из тех, что были описаны выше).

Предположим также, что прогноз является достаточно обоснованным, то есть основанным не на «интуиции», «опыте», «чутье», а на вполне серьезной, качественной теории (то есть аналитик может свой прогноз в достаточной мере объяснить, апеллируя к этой теории).

Наконец, пусть этот прогноз касается достаточно отдаленных событий (отстоящих от момента, когда был дан прогноз, хотя бы на 1–2 года).

Описанная ситуация является для аналитика почти *идеальной* (если, конечно, не считать того, что его не послушали). Идеальной в том смысле, что у аналитика есть все основания надеяться, что прогноз сбудется. Однако есть несколько обстоятельств, которые несколько меняют нарисованную картину.

Дело в том, что в случае, если предсказываемые события достаточно серьезны, глобальны (например, если речь идет о революции или просто смене режима), касаются значительных масс населения, причем, по прогнозам, должны произойти «не завтра», то, как правило, никакой аналитик никогда *не может* учесть того, что:

1) обязательно произойдут некие важные и принципиально непредсказуемые события, как благоприятствующие реализации прогноза, так и неблагоприятствующие

(например, может измениться экономическая или политическая конъюнктура, произойдет стихийное бедствие и т. п.); подчеркну, что подобные события произойдут обязательно – просто в силу того, что любая политическая система находится в очень сложной, «обширной» и потому принципиально непредсказуемой среде;

2) люди, которых касается прогноз (например, ассоциируемые с правящим режимом), способны менять свое поведение, если и не делая наступление предсказанного события невозможным, то хотя бы существенно оттягивая момент его наступления (например, авторитарный режим может ослабить свое давление на общество, тем самым отдаляя момент начала протестов).

Комбинированное действие этих двух факторов, очевидно, способно «уничтожить» любой, даже самый обоснованный прогноз.

Хочу подчеркнуть, что описанный гипотетический случай не является «только» случаем. На самом деле он является иллюстрацией важной *закономерности*: когда речь заходит о глобальных политических прогнозах, следует всегда помнить, что непредсказуемые, «случайные» обстоятельства (любой природы) появляются *закономерным образом*, то есть *всегда* (хотя мы можем и не знать, какими именно они будут). Причем эта непредсказуемость связана не со «слабостью» теории (или аналитиков), а со сложностью мира. Пользуясь термином Н. Талеба, эту мысль можно выразить так: черные (или белые) лебеди прилетают *всегда* [Талеб, 2019].

Это обстоятельство с одной стороны, очевидно, снижает роль прогноза, а с другой – дает нам основания не слишком переживать по этому поводу, дает надежду на то, что *не слушать* аналитика – это не всегда *зло*. Будущее далеко не всегда оказывается настолько печальным, как предсказывают аналитики, причем даже в том случае, когда их не слушают. Хотя, повторюсь, лучше их все-таки слушать.

Какими же должны (могут) быть условия, при которых интеллектуалов станут слушать?

Прежде всего, «класс» интеллектуалов-аналитиков должен обладать *субъектностью*. Интеллектуалы-аналитики должны осознавать себя как группу со своими особыми интересами, осознавать «свое право» и ценность. Не бояться отстаивать свои интересы. Например, с помощью организации в профсоюзы. Однако это лишь «рамочные условия», условие необходимое, но не достаточное: это же условие должно выполняться в случае любой социальной группы для того, чтобы с ней считались, чтобы ее услышали. В случае «класса аналитиков» ситуация, очевидно, сложнее, поскольку этот «класс» хочет не только отстоять свои узкоклассовые интересы, но и претендует на определенный вид руководства обществом в целом (причудливую форму такого руководства или претензии на него я попытался отразить в эпиграфе к этой статье). То есть перед ними стоит гораздо более серьезная задача, чем та, которая стоит, например, перед шахтерами, водителями троллейбусов или даже полицейскими (у которых тоже, как известно, есть профсоюзы). Это делает «класс аналитиков» схожим с «классом политиков». Однако на этом сходство, пожалуй, и заканчивается.

Аналитики хотят (чаще всего) влиять на жизнь общества, *советуя* власть имущим (при этом часто не желая брать ответственность за рекомендуемые решения), то есть опосредованно, а не напрямую. Они избегают обращаться к «толпе», предпочитая более спокойную обстановку и более «адекватных» слушателей.

У них есть некий идеал политика, с которым им хотелось бы иметь дело. С одной стороны, он должен быть «всемогущим», способным совладать с «толпой», а с другой – восприимчивым к «голосу разума», олицетворяемому, по мнению аналитиков (кстати, не без оснований), ими самими. И уважительным, признающим за аналитиками право на собственное достоинство, уважающим это мнение и самих аналитиков.

Чаще всего аналитики оказываются разочарованы и политиками как таковыми, и отношением к ним со стороны политиков. Не сумев обрести субъектность, не сумев заставить с собой считаться, они либо «идут в услужение», становятся трансляторами, оформителями воли «политического класса», либо вообще устраняются от участия в политике. Пример первого случая дает СССР, где интеллектуалы, «сотрудничавшие» с властью, работали на оформление и продвижение коммунистической идеологии (но не создавали ее!), пример второго – сегодняшняя Россия, где к подобной деятельности (а также технологической реализации политических решений) «допущены» лишь единицы.

Отсутствие налаженных коммуникаций между властью и классом аналитиков-интеллектуалов, как правило, довольно быстро приводит к тому, что я называю «синдромом бедного дискурса». Суть этого синдрома состоит в следующем.

Если интеллектуалы лишены возможности достаточно плотно общаться с политиками, если интеллектуал не может *стать* политиком (принеся в политику свой «интеллектуалистский» взгляд на мир), действующие политики часто оказываются неосведомлены в достаточной степени о новых политических теориях, – теориях, релевантных современной им политической реальности, теориях, предлагающих решения актуальных политических проблем, обеспечивающих политиков адекватным *словарем*. В результате дискурс, продуцируемый политиками, оказывается несовременным, неадекватным реальности, базирующимся на очень ограниченном количестве устаревших (как правило) теорий, то есть *бедным*. Политики утрачивают «контакт» с «массами», мировым политическим сообществом, становятся в лучшем случае способными лишь имитировать современный политический дискурс.

Однако предположим, что некоторую степень «уважения» аналитическому сообществу все же удалось добиться, то есть что его *начали слушать*. Значит ли это, что его начнут *слушаться*? Как следует из сказанного в первой половине данной статьи, автоматически этого не случится. Нужны дополнительные меры (со стороны аналитического сообщества).

Можно предположить, что насилие – это не в духе интеллектуалов. Да у них, как правило, и нет средств заставить кого-то (тем более – политиков) делать то, что они, интеллектуалы, считают нужным. Их оружие – слово. Они должны – раз уж им удалось добиться того (как мы предположили), чтобы их выслушали – *убедить* в своей правоте. Однако, как также уже было сказано, мышление и язык их таковы, что сделать это у них вряд ли получится: их просто не поймут. Что же делать? Очевидно, им следует как-то модифицировать свой дискурс. Но как?

Исходить, вероятно, следует из приведенного выше описания особенностей мышления политиков (коль скоро именно политиков нужно убеждать, на политиков нужно влиять). Напомню, что речь шла в частности о том, что политики, если судить по их действиям, не слишком склонны руководствоваться абстрактными принципами (добра, справедливости и т. п.). Их действия скорее больше соответствуют представлениям *политического реализма* [Walzer, 1972; Bellamy, 2010; Galston, 2010]. Поэтому и обращаться к ним, апеллируя к этим абстрактным принципам, смысла нет.

Следует заметить, что такая особенность мышления, шире – менталитета – политиков – это не плохо и не хорошо. Реальность – политическая реальность – слишком сложна для того, чтобы «добрые намерения» всегда приводили к аналогичным результатам. Не зря же говорят, что такими, то есть добрыми, намерениями выложена дорога в ад. Думаю, это высказывание по отношению к политике справедливо как ни к какой другой сфере. Возможно, что следование политической конъюнктуре, «оппортунизм» и т. п. довольно часто являются самой здоровой стратегией (это следует, в частности, из приведенных выше рассуждений о черных и белых лебедях).

Также должен заметить, что, когда я говорю об обращении к политикам, я имею в виду не только прямые обращения. Речь идет и об обращениях косвенных – например, через политические теории, которые, таким образом, также хорошо бы модифицировать. Думаю, это только пойдет им на пользу. Как кажется, наши сегодняшние политические теории слишком отягощены наследием этических теорий, созданных сотни, а то и тысячи лет назад. Мы часто склонны обвинять политиков в аморальности, однако, возможно, проблема здесь не только в собственно их, политиков, аморальности [Швырков, 2013]), но и в том, что наши взгляды на природу морали требуют пересмотра.

Еще одна модификация, которой хорошо бы подвергнуть дискурс аналитиков, связана со *степенью его структуризации*: ее следует по возможности ослабить, точнее, ей не стоит придавать слишком большого значения. В частности, это может выражаться в том, чтобы не особенно беспокоиться по поводу строгой логической согласованности разных «месседжей», обращенных к политикам. Главное, чтобы сами эти месседжи были достаточно эффективными и обоснованными. Что касается «глубинных» связей между ними, то рассмотрение их следует оставить для научных конференций.

Кто-то мог бы заметить, что, следуя подобным принципам, интеллектуалам придется «наступать себе на горло», «ломать себя через колено» и т. п. С одной стороны, это замечание не лишено оснований, с другой – следовало бы напомнить, что интеллектуал, который хочет в чем-то убедить политика, действует не только как ученый, эксперт и т. п., но и как *гражданин*. И как гражданин он должен действовать, сообразуясь не только со своими личными предпочтениями, но и *общественным благом*. Общественное же благо предполагает некоторые жертвы.

Однако можно взглянуть на эту проблему и под другим углом.

Эта проблема (убеждения политиков) сходна с той проблемой, с которой сталкиваются начинающие *копирайтеры*, когда им нужно написать убедительный *продающий текст*.

Будучи людьми сравнительно образованными, они часто пишут тексты слишком сложные (и длинные) для большей части их потенциальной аудитории (кстати, сложные и длинные не только из-за низкого интеллекта этой аудитории, но и из-за тех условий, в которых эти тексты воспринимаются, условий, которые не позволяют «вникнуть» и т. п.). Естественно, эти тексты оказываются неспособны что-либо «продать». И только когда копирайтер начинает принимать во внимание особенности менталитета своей потенциальной аудитории, условия, в которых воспринимаются его тексты, у него появляется шанс на успех. Благо, современный маркетинг неплохо изучил этот менталитет и предложил некоторое количество простых правил, которые, если им следовать, способны буквально творить чудеса. Хорошо бы разработать такие правила для текстов, обращенных к политикам.

И последнее. Чтобы не создалось впечатление, будто я лишь ограничиваюсь благими пожеланиями, сам оставаясь в стороне от реализации предложенных принципов, замечу, что я уже довольно давно предпринял ряд попыток их применения на практике – собственно, еще до того, как изложенные выше идеи сложились в подобие концепции [Швырков, 2012]).

Итак, в своей статье я обратился к проблеме отношения интеллектуалов и политиков. Во многом эта проблема сводится к тому, что политики *не слушают* советов интеллектуалов. Однако почему же они их не слушают?

Отчасти это связано с тем, что политикам это просто не выгодно. А также с тем, что последствия тех или иных политических решений, которые интеллектуалы рассматривают как негативные и для избежания которых предлагают меры, политики негативным не считают (и, соответственно, не видят смысла принимать меры для недопущения этих последствий). Однако эти причины не единственные. Не менее важной мне видится следующая.

Возможно, частая «глухота» политиков в отношении предостережений интеллектуалов обусловлена существенной разницей в типе мышления тех и других. То, как мыслят интеллектуалы, преимущественно определяется *политической теорией*. Теория же характеризуется приматом системности, завершенности, подчиненности абстрактным, часто «идеальным» в моральном отношении принципам и целям. Последнее, очевидно, характерно для многих политических теорий. Что касается действий политиков, то они – по разным причинам – часто существенно отклоняются от тех параметров, которые задает теория. В свою очередь, интеллектуалы, как правило, не вовлечены в политическое действие в качестве акторов, то есть они не могут оценивать действия политиков иначе, чем с точки зрения теории. Например, на основании собственного опыта политической деятельности. В результате всего этого действия политиков часто приводят к неудовлетворительным как с точки зрения интеллектуалов (то есть с точки зрения теории и тех абстрактных принципов, на которых они основаны), так и самих политиков результатам.

Выход их данной ситуации я вижу в том, что интеллектуалы должны, по крайней мере, в своих коммуникациях с политиками пожертвовать частью тех абстрактных принципов, на которых основаны теории, или хотя бы не настаивать на их жестком соблюдении политиками. Им также следует попытаться уменьшить свои требования в отношении системности и последовательности действий политиков. Речь, разумеется, идет не о том, чтобы искусственно примитивизировать свое мышление или «опускаться» в моральном отношении, речь идет о том, чтобы не ожидать и, главное, не требовать от общества в целом и политиков в частности большей строгости мышления и в следовании теории, чем та, на которую они в принципе способны.

Список литературы

1. Валлерстайн И. 2005. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., Логос, 368 с.
2. Валлерстайн И. 2003. После либерализма. М., Едиториал УРСС, 256 с.
3. Дьяков А.В. 2019. Политическая функция интеллектуала: история и современность. Полис. Политические исследования, 1: 21–32.
4. Леви-Строс К. 2001. Структурная антропология. М., Изд-во ЭКСМО-Пресс, 512 с.
5. Мангейм К. 2000. Проблема интеллигенции. Исследования ее роли в прошлом и настоящем. В кн.: Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга: 94–233.
6. Поппер К. 1992. Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс, Культурная инициатива.
7. Розов Н.С. 2019. Эпохи турбулентности и их преодоление. Политика. 1: 81–96.
8. Талеб Н. 2019. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., КоЛибри, 736 с.
9. Туроу Л. 1999. Будущее капитализма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 432 с.
10. Хилсмэн Р. 1957. Стратегическая разведка и политические решения. М., Иностранная литература, 192 с.
11. Швырков А.И. 2013. Почему обществом управляют аморальные люди. Политика, 3: 119–130.
12. Швырков А.И. 2016. Теория, дискурс и политическая реальность. Часть 2. Политическая концептология, 2: 23–103.
13. Швырков О.И. 2012. Партія ФПГ та громадянське суспільство. Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 1007: 136–139.
14. Bellamy R. 2010. Dirty hands and clean gloves: Liberal ideals and real politics. European Journal of Political Theory, 9 (4): 412–430.
15. Drake D. 2003. Sartre: Intellectual of the Twentieth Century. In: Sartre Studies International. An Interdisciplinary Journal of Existentialism and Contemporary Culture, 2: 29–39.
16. Elshaint J.B. 2014. Why Public Intellectuals? The Wilson Quarterly, 1: 76–88.

17. Galston W.A. 2010. Realism in political theory. *European Journal of Political Theory*, 9 (4): 385–411.
18. Giesen B. 2011. Intellectuals and Politics. *Nations and Nationalism*, 2: 291–301.
19. Greenspan A. 2008. *The Age of Turbulence: Adventures in a New World*. New York: Penguin Press, 608 p.
20. Vossen B. van der. 2015. In Defence of the Ivory Tower: Why Philosophers should stay out of Politics. *Philosophical Psychology*, 7: 1045–1063.
21. Walzer M. 1972. Political Action: The Problem of Dirty Hands, *Philosophy and Public Affairs* 1: 35–47.

References

1. Wallerstein I. 2003. Posle liberalizma [After liberalism]. Moscow, URSS editorial, 256 p. (in Russian).
2. Wallerstein I. 2005. Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka [The End of a Familiar World: Sociology of the 21st Century]. Moscow, Logos, 368 p. (in Russian).
3. D'yakov A.V. 2019. The political function of the intellectual: history and modernity. *Policy. Political research*. 1: 21–32 (in Russian).
4. Levy-Stros K. 2001. *Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]*. Moscow: Izd-vo EKSMO-Press, 512 p. (in Russian).
5. Mannheim K. 2000. Problema intelligentsii. Issledovaniya yeye roli v proshlom i nastoyashchem [The Problem of Intelligentsia. Studies of its Role in the Past and the Present]. In: Mannheim K. *Izbrannoye: Sotsiologiya kul'tury [Selected works: Sociology of Culture]*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga: 94–233 (in Russian).
6. Popper K. 1992. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi: v 2 t. [Open Society and its Enemies: in 2 vols]*. Moscow: Feniks, Kul'turnaya initsiativa (in Russian).
7. Rozov N.S. 2019. Epohi turbulentnosti i ih preodolenie [Epochs of turbulence and their overcoming]. *Polity*, 1: 81–96 (in Russian).
8. Turrow L. 1999. *Budushcheye kapitalizma [The future of capitalism]*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 432 p. (in Russian).
9. Taleb N. 2019. Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuyemosti [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow: KoLibri, 736 p. (in Russian).
10. Hillsman R. 1957. *Strategicheskaya razvedka i politicheskiye resheniya [Strategic Intelligence and Political Decisions]*. Moscow: «Inostrannaya literatura», 192 p. (in Russian).
11. Shvyrvkov A.I. 2013. Pochemu obshchestvom upravlyayut amoral'nye lyudi [Why Immoral People Rule Society]. *Politia*, 3: 119–130 (in Russian).
12. Shvyrvkov A.I. 2016. Teoriya, diskurs i politicheskaya real'nost' [Theory, discourse and political reality]. Part 2. *Political Conceptology*, 2: 23–103 (in Russian).
13. Shvyrvkov O.I. 2012. Partiya FPG ta gromadyans'ke suspil'stvo [FIG Party and Civil Society]. *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V.N. Karazina*, 1007: 136–139 (in Ukrainian).
14. Bellamy R. 2010. Dirty hands and clean gloves: Liberal ideals and real politics. *European Journal of Political Theory*, 9 (4): 412–430.
15. Drake D. 2003. Sartre: Intellectual of the Twentieth Century. In: *Sartre Studies International. An Interdisciplinary Journal of Existentialism and Contemporary Culture*. 2: 29–39.
16. Elshtain J.B. 2014. Why Public Intellectuals? *The Wilson Quarterly*. 1: 76–88.
17. Galston W.A. 2010. Realism in political theory. *European Journal of Political Theory*, 9 (4): 385–411.
18. Giesen B. 2011. Intellectuals and Politics. *Nations and Nationalism*, 2: 291–301.
19. Greenspan A. 2008. *The Age of Turbulence: Adventures in a New World*. New York: Penguin Press, 608 p.
20. Vossen B. van der. 2015. In Defence of the Ivory Tower: Why Philosophers should stay out of Politics. *Philosophical Psychology*, 7: 1045–1063.
21. Walzer M. 1972. Political Action: The Problem of Dirty Hands, *Philosophy and Public Affairs* 1: 35–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Швырков Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Брянского государственного технического университета, г. Брянск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shvyrkov Alexander Ivanovich, Phd in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia